МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

ИГНАТЬЕВА ЕВГЕНИЯ АНДРЕЕВНА

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И СОЦИУМА В СИБИРИ В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1929 – 1930-Й ГГ.)

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель

Доктор исторических наук, профессор

Красильников Сергей Александрович

Новосибирск – 2026

Оглавление

Оглавление 2

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава 1 ПРОЕКТ РАДИКАЛЬНОЙ ЭТАТИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО СОЦИУМА В КОНЦЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ. КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА 59

1.1. Цель, средства, институциональные механизмы радикальной этатизации социума 60

1.2. Реализация «революции сверху»: архаическое исполнение модернистского проекта 84

1.3. Социальное измерение этатизации: эскалация напряженности и радикализация общественных отношений 102

Глава 2 ИНСТИТУТЫ И АКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РАДИКАЛЬНОЙ ЭТАТИЗАЦИИ 117

2.1. Трансформации институтов власти: новые роли, функции и практики 117

2.2. Агенты власти на местах: стратегии адаптации 137

Глава 3 ГОРОДСКОЙ СОЦИУМ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1929–1930 ГГ. 164

3.1. Динамика населения сибирского города во второй половине 1920-х гг. 164

3.2. Рабочие: условия труда и повседневности, поведенческие практики 180

3.3. Средние и переходные городские слои в кризисных условиях 209

Глава 4 СЕЛЬСКИЙ СОЦИУМ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1929–1930 ГГ. 237

4.1. Социально-демографическая характеристика сибирской деревни во второй половине 1920-х гг. 237

4.2. Повседневность и стратегии выживания сибирского крестьянства в условиях «Великого перелома» 253

4.3. Формы и динамика открытого протеста в сибирской деревне в условиях «Великого перелома» 271

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 290

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 296

Список использованных источников и литературы 299

Приложения 319

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы. На рубеже 1920–1930-х годов в СССР большевистское руководство приступило к форсированной реализации масштабного проекта «социалистических» преобразований. Последний предусматривал радикальное реконструирование всех сфер жизни советского социума, став одним из самых неоднозначных по своим целям, результатам и последствиям преобразований «сверху» в российской истории.

Масштабные и форсированные трансформации российского социума в различные переломные эпохи вызывают устойчивый исследовательский интерес не только у историков, но и являются объектом изучения для таких социально-гуманитарных наук, как социология, экономика, политология. Центральное место занимают именно применяемые при этом подходы и ключевые понятия, то есть подходы и инструментарий, благодаря которым указанные трансформации изучаются. В то же время применительно к исследуемому феномену событий, прежде всего в деревне, в современном научном дискурсе по-прежнему нередко используется словосочетание «революция сверху». Следует подчеркнуть, что, будучи закрепленным в «Кратком курсе» истории ВКП(б)[1], оно являет собой образец типичного эвфемизма большевистского руководства. Данная формулировка призвана была транслировать масштабность и прогрессивный характер осуществлявшихся властью преобразований прежде всего в деревне при поддержке масс «снизу».

Благодаря осуществленным коллективами историков и архивистов современным фундаментальным документальным публикациям очевидно, что ни продекларированной «революции», ни «единства в верхах» не существовало, а об отсутствии массовой поддержки «снизу» говорят многочисленные свидетельства в закрытом партийно-государственном делопроизводстве о протестах в деревне[2], а в

[1] История ВКП(б). Краткий курс. М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1946. С. 290.

[2] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. П. Данилова, Р. Мэннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. 927 с.; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 2. 1923–1929 гг. / под ред. А. Береловича, В. П. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. 1168 с.; Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 3: 1930–1934 гг. Кн. 1 / под ред. А. Береловича, В. П. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. 864 с.

публичном информационном поле содержались многочисленные декларации о развернувшейся «классовой борьбе» и «бешеном кулацком сопротивлении» и т. д. Реальная же политика большевиков в своем целеполагании являлась распространением на сельский социум и упрочнением в деревне ранее слабых и неустойчивых институтов партийной государственности. Спорной и далеко не безусловной является оценка необходимости и неизбежности подобных преобразований с точки зрения модернизационной парадигмы, являющейся популярной в современных исторических и обществоведческих исследованиях[3].

Актуальность исследования лежит в нескольких плоскостях. С академической точки зрения она обусловлена необходимостью переосмысления с позиций современного научного знания ключевой идеологемы сталинской эпохи о характере событий в стране изучаемого периода как «революции сверху»: предлагаемый в диссертации подход с применением концепции радикальной этатизации позволяет по-новому проанализировать трансформацию взаимоотношений власти и социума на сибирском материале. Общественная актуальность связана с устойчивым присутствием в современном публичном пространстве образов и практик сталинской эпохи, где последним даются крайне неоднозначные трактовки, включая их апологетику.

Характеризуя сущность преобразований конца 1920-х – начала 1930-х гг., современные исследователи нередко используют либо понятийные категории самой эпохи («Великий перелом», «социалистическая реконструкция», «культурная революция»), либо обращаются к категориям модернизационной парадигмы. При этом отдельные характеристики последней могут восходить к трактовкам, характерным для советской историографии сталинского времени (индустриальный рывок, форсированный и мобилизационный характер преобразований и т. д.). Подобная терминологическая неопределенность порождает длительные дискуссии и актуализирует дальнейший научный поиск в отмеченной предметной области.

[3] *Дудник С. И.* Сталинская модернизация как исторический опыт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 3. С. 394–405; *Сенявский А. С.* Социальная динамика России в XX веке // Этот противоречивый XX век: К 80-летию со дня рождения акад. Ю. А. Полякова / отв. ред. Г. Н. Севостьянов; РАН, Отделение истории, Ин-т рос. истории. М.: РОССПЭН, 2001. С. 283–297; *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация от начала до Великой Победы. М.: Эксмо; Алгоритм, 2004. 637 с.

В данной диссертации предлагается иной подход: изучаемые процессы рассматриваются как форсированная этатизация основных сфер жизни раннесоветского социума чрезвычайными средствами. Такого рода исследовательский ракурс позволяет выявить возможности и ограничения политики партийно-государственного аппарата, обусловленные реакцией на нее основных групп сибирского социума, и получить новое знание о радикальной трансформации взаимоотношений «власть – общество» в изучаемый период.

Историография. Изучаемые в работе проблемы начали анализироваться в отечественной историографии уже современниками. Продолжался этот первый этап изучения опыта «социалистических» преобразований вплоть до середины 50-х гг. Рефлексия происходивших событий оставалась прерогативой партийно-государственного руководства страны. В работах указанного периода давалась положительная оценка опыта радикальных преобразований, отражающая официальную идеологию партийного государства. Императивно объяснялась оправданность и необходимость («Иначе нас сомнут!») преобразований, утверждалась исключительная роль Сталина в них. Опыт «революции сверху» оценивался как проект успешной «социалистической реконструкции», проведенной за счет внутренних ресурсов (в отличие от модернизаций капиталистических – «эксплуататорских»). Обосновывалась необходимость репрессий как следствие «классовой борьбы» с «контрреволюционными элементами и внутренними врагами». Ошибки и провалы большевистской политики в рамках радикальных трансформаций умалчивались. Помимо действовавших доктринальных границ, существовала ограниченность для изучения исторических источников. Доступными являлись официальные документы и партийные публикации, информационный потенциал которых изначально был индоктринирован, соответствовал транслируемой «линии партии»[4].

Применительно к Сибирскому краю утверждалась цивилизующая роль советской власти. Прошлое этой территории оценивалось как колониальное (сырьевой придаток

[4] *Хатаевич М. М.* Вперед к новым победам: Доклад т. Хатаевича на собрании Самарского партактива о решениях ЦК ВКП(б). М.: Гос. изд-во, 1931. 61 с.; *Лаговиер Н. О.* Советская прокуратура и ее значение для крестьянства. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. 32 с.; *Сиротнин П. Н.* Борьба за хлеб – борьба за социализм. Л.: Ленпартиздат, 1933. 32 с.; *Молотов В. М.* О колхозном движении: Настоящая брошюра представляет собой речь на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) с некоторыми сокращениями. М.: Гос. изд-во, 1930. 32 с.

по отношению к европейской части империи). Индустриализация Сибири (как составляющая часть «социалистических» преобразований) должна была «совершенно видоизменить хозяйственный облик Сибири, превратив ее из промышленно отсталой окраины СССР в крупнейший индустриальный центр страны»[5]. С 1930-х гг. все четче обозначалась историческая заслуга лично Сталина в процессе индустриализации регионов и страны в целом. Утверждались мифологемы об успешном выполнении пятилетки, ликвидации «вековой отсталости», «единства партии и народа» в процессе индустриальных преобразований. Ошибки списывались на многочисленных «вредителей», действовавших в рамках «классовой борьбы». В деревне утверждалось «массовое колхозное движение» (причем еще до начала «сплошной коллективизации») и «успехи колхозного строительства»[6]. Отметим, впрочем, что и современная исследуемому периоду литература все же фиксирует симптомы гражданской войны в деревне, описывая весь спектр крестьянского сопротивления[7].

Противостояние власти и различных групп социума, социальная напряженность и конфликты в рамках «социалистической реконструкции», за исключением объявляемых «контрреволюционными» слоев, отрицались. Авторы делали выводы, что сопротивление мероприятиям власти в деревне оказывали лишь «враги советской власти», в то время как «рабоче-крестьянские массы полностью поддерживали мероприятия партии». Советская историография отказывала в возможности проявления какого бы то ни было недовольства проводимыми «преобразованиями» со стороны социума. Несогласие с политикой партии каралось стигматизацией. Игнорировались особенности политики по отношению к разным группам населения (трагедия крестьян, гонения интеллигенции, эксплуатация рабочих). Авторы не только утверждали необходимость и правильность конкретных мероприятий партии, но и подчеркивали общественную инициативу в проведении последней: «В колхозы масса валит[8]».

С точки зрения историографии работы этих авторов имеют невысокую академическую ценность, однако они могут быть рассмотрены как источники по

[5] *Минеев М.* при участии Н. Колосовского. Индустриализация // Сибирская советская энциклопедия. Том второй: З–К. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1931. С. 262.
[6] *Колеснев С. Г., Лопатто К. К., Минеев М. А*. и др. Коллективное хозяйство // Сибирская советская энциклопедия. Том второй: З–К. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1931. С. 822.
[7] Там же. С. 824–825.
[8] *Молотов В. И.* О колхозном движении. М.-Л.: Госиздат, 1930. С. 32.

изучению идеолого-пропагандистского потенциала большевиков и саморепрезентации действующего политического режима. Эти тексты транслируют позицию власти, фиксируют желаемую картину.

1920–1930-е гг. становятся временем рефлексии многих бывших революционеров, по-разному воспринимавших последствия событий октября 1917 г. Одним из примеров такой рефлексии являются работы Л. Д. Троцкого «Преданная революция»[9] и «Сталин» – двухтомная биография И. В. Сталина[10]. В его работах осуществлен анализ советского политического режима: последний определяется как «деформированное рабочее государство» и «бюрократический абсолютизм», прогнозируется его дальнейшее развитие. Отметим, что Троцкий, анализируя трансформацию советского режима, проводил некоторые параллели между сталинским СССР и нацистской Германией (хотя и не отождествлял их). Троцкий рефлексировал о причинах трансформации политического режима в СССР, рассуждал о перспективах последнего, о возможности «капиталистической реставрации». По понятным причинам тексты тенденциозны, ограничены в своей рефлексии (процессы трансформации сводятся в основном к влиянию на них фигуры Сталина), однако Троцкому удалось зафиксировать важные моменты в анализе советской системы рубежа 1920-х – начала 1930-х гг.: бюрократизацию режима, важность монополии на средства производства и землю как источник власти нового режима (для бюрократии – «вопрос жизни и смерти»), реализуемую под видом «непримиримой борьбы за социалистическую промышленность»[11].

Социально-экономические и политические преобразования в СССР конца 1920-х – начала 1930-х годов стали предметом пристального анализа российской социалистической эмиграции, в частности авторов журнала «Социалистический вестник» – центрального печатного органа заграничной делегации РСДРП (1921–1965). Меньшевистские авторы характеризовали сталинскую «модернизацию» как систему «социалистического самоистязания»[12], подчеркивая ее оторванность от экономических

[9] *Троцкий Л. Д.* Преданная революция. М.: АСТ, 2024. 350 с.
[10] *Троцкий Л. Д.* Сталин: в 2 т. / под ред. Ю. Г. Фельштинского. М.: Терра; Политиздат, 1990. Т. 1. 323 с.; *Троцкий Л. Д.* Сталин: в 2 т. / под ред. Ю. Г. Фельштинского. М.: Терра; Политиздат, 1990. Т. 2. 285 с.
[11] *Троцкий Л. Д.* Сталин: в 2 т. / под ред. Ю. Г. Фельштинского. Т. 2. С. 223–224, 242.
[12] *Югов А.* Вредители и пятилетка // Социалистический вестник. Берлин, 1930. № 24. С. 3–5.

реалий. Основными объектами критики стали: принудительная коллективизация, сопровождавшаяся разрушением традиционных аграрных структур; завышенные темпы индустриализации, приводившие к дисбалансам в экономике; рост социальной напряженности, выражавшийся в радикализации отношений между властью и обществом; формирование образа «осажденной крепости» – идеологии, основанной на конфронтации и страхе как инструментах управления.

Корреспонденты фиксировали ключевые проявления кризиса: падение уровня жизни и рост апатии среди населения; институционализацию насилия как метода контроля. Несмотря на точную диагностику системных проблем (перекладывание ответственности на местные органы, цикличность «перегибов»), меньшевики ошибочно полагали, что внутренние противоречия приведут к ослаблению диктатуры. В действительности репрессивная политика стала механизмом ее консолидации. Публикации «Социалистического вестника» представляют ценный материал для изучения анализа советской «модернизации» ее современниками-оппонентами, сочетающий качественную критику с недооценкой устойчивости репрессивного режима[13].

Изучение социально-экономических процессов в СССР на рубеже 1920–1930-х годов привлекало внимание не только левоориентированной эмиграции, но и представителей более правых взглядов. Среди них особое место занимает известный экономист, один из высланных из страны в 1922 г. Борис Бруцкус. Он определяет политику большевиков в деревне, начатую осенью 1929 года, как «войну на уничтожение»[14] и вторую аграрную революцию. Он подчеркивает ее принудительный характер и радикальный разрыв с предшествующими экономическими практиками. По его мнению, вместо форсированной коллективизации государству следовало минимизировать вмешательство в развитие частных хозяйств.

В своих работах Бруцкус выделяет несколько ключевых проблем, обусловивших провал аграрных преобразований. Во-первых, отсутствие добровольности – трансформация изначально декларируемого добровольного объединения крестьян

[13] *Игнатьева Е. А., Шматов М. Ю.* Образы социально-политических преобразований в СССР в зарубежной эмигрантской прессе (1929 – конец 1930-х гг.) // Интеллигенция и мир. 2021. № 1. С. 103–122.
[14] *Бруцкус Б.* Голод и коллективизация // Современные записки. Париж, 1933. № 1–2. С. 415.

вокруг машинно-тракторных станций (МТС) в принудительную систему. Во-вторых, дисбаланс механизации – отставание технического оснащения сельского хозяйства от темпов коллективизации. В-третьих, централизованное планирование – игнорирование локальных особенностей и условий, что вело к неадекватному распределению нагрузки на крестьянские хозяйства, неадекватному изъятию зерна, что подрывало экономическую устойчивость крестьянских хозяйств. В-четвертых, существовала проблема управления – отсутствие эффективных механизмов реализации решений центра на местах (в нашем исследовании далее – проявления кризиса легитимности власти большевиков). В-пятых, Бруцкус отмечал отсутствие мотивации – принудительный характер труда в коллективных хозяйствах исключал заинтересованность крестьян в результатах производства. И, наконец, автор отмечал наличие социального неравенства членов коллективных хозяйств – разделение внутри коллективов на «середняков» (фактически маргинализированных) и беднейший «актив», что создавало систему «отрицательного отбора».

Особую критику автором вызывает механизм распределения ответственности: партийное государство, сохраняя за собой право принимать ключевые решения, возлагало риски их реализации на самих крестьян. Бруцкус приходит к выводу, что главной целью большевистской политики было не повышение эффективности сельского хозяйства, а укрепление власти над крестьянством[15]. Он оценивает коллективизацию как «величайшее бедствие для России»[16], предсказывая неизбежный крах системы и возвращение к индивидуальному хозяйству, однако осложненное разрушением его традиционных структур[17]. Государство, как ключевой актор данных преобразований, он определяет как «всеобъемлющее» партийное, которое не допускает реально самостоятельных общественных организаций. В других работах Бруцкус указывает на фундаментальную проблему, с которой столкнулись большевики после прихода к власти – отсутствие разработанной теории социалистического хозяйства[18]. Отмена рыночных механизмов привела к дефициту инструментов, обеспечивающих устойчивое экономическое производство.

[15] *Бруцкус Б.* Голод и коллективизация // Современные записки. Париж, 1933. № 1–2. С. 426.
[16] Там же. С. 432.
[17] Там же. С. 430.
[18] *Бруцкус Б.* Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. 1922. № 1–3. С. 50. URL: https://archive.org/details/brutskus_1 (дата обращения: 01.06.2025).

Критика Бруцкуса, основанная на профессиональном экономическом и сельскохозяйственном опыте, отличается глубиной и сбалансированностью. Его анализ представляет собой системное исследование аграрной политики СССР в контексте ее экономических и социальных последствий. Его работы остаются важным источником для понимания причин кризиса коллективизации и ее долгосрочных последствий для советской экономики.

Таким образом, теоретическое осмысление трансформации советского социума на рубеже 1920–1930-х гг. началось еще современниками, прежде всего из числа политических противников сталинского курса. В них намечались проблемы и темы, которые в дальнейшем, при доступности эмпирической базы, уже будут разрабатываться профессиональными историками. В фокусе внимания современников оказывались причины трансформации политической сферы, характер и последствия социально-экономических изменений.

Первые попытки формирования нового взгляда на реализацию «социалистических» преобразований проявились в 1960-е – нач. 1980-х гг. Процессы эти во многом были запущены еще «оттепельной» эпохой. Так, роль Иосифа Сталина в истории переосмысливалась и подвергалась критическому анализу, что стало частью более широкой политики десталинизации, начавшейся после XX съезда КПСС в 1956 году. Несмотря на положительную оценку индустриализации и коллективизации, в официальной риторике начала звучать критика «издержек» прошлых кампаний, особенно массовых репрессий и излишней жесткости сталинской политики. Делался акцент на том, что социалистические преобразования идут «по правильному пути», что страна движется к построению коммунистического общества.

Авторы обращались как к исследованию аграрной политики СССР, так и к анализу процесса индустриализации. Появляются первые обобщающие труды по истории коллективизации Западной и Восточной Сибири[19]. В годы «оттепели» В. П. Даниловым была подготовлена работа по истории социалистической

[19] *Степичев И. С.* Победа ленинского кооперативного плана в восточносибирской деревне. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 742 с.; *Гущин Н. Я.* Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. 517 с.

коллективизации[20], в которой автор поднял вопрос о состоянии технической базы сельского хозяйства накануне коллективизации. В то же время автор утверждает закономерность и необходимость «перехода советской власти в начале 1930 г. к экспроприации кулачества[21]». Н. А. Ивницкий сделал акцент на административной и силовой стороне данной политики, однако он подчеркивал тот факт, что партия сделала все возможное во избежание «стихийности и самоуправства в деле ликвидации кулачества как класса»[22]. Большой вклад в исследование региональных аспектов аграрной политики большевиков сделал Н. Я. Гущин[23]. В его работе «Сибирская деревня на пути к социализму» собрано множество эмпирического материала, необходимого для изучения политики «сплошной коллективизации». Автор аккуратен в оценках, присутствуют необходимые для того времени штампы об «успехах колхозного строительства», «массовом движении в коллективные хозяйства», в то время как эмпирика, представленная автором, не всегда подтверждает канонические оценки. Автор указывает и на масштабы «кулацкого сопротивления», проблемы с животноводством и запасами зерна новых коллективных хозяйств. Политика репрессивного раскрестьянивания представляется в его исследовании необходимой для «социалистического строительства» в деревне. Впрочем, в работе обозначены «некоторые проблемы» при реализации «сплошной коллективизации» – так называемые «перегибы» и прочие «ошибки». Отметим, что автор даже указывал и на «ошибки центра»[24].

Аналогичным образом оценивалась индустриализация страны. Данный процесс рассматривался авторами как часть ленинского плана построения социализма в СССР[25]. Характер социально-экономических последствий индустриализации оценивался исключительно с положительной точки зрения: результат преобразований рассматривался с точки зрения последующих военных достижений, транслировалась

[20] *Данилов В. П.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М.: АН СССР, 1957. 451 с.
[21] *Данилов В. П.* Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках: сб. ст. М.: Госполитиздат, 1963. С. 181.
[22] *Ивницкий Н. А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. (1929–1932 гг.). М.: Наука, 1972. С. 181.
[23] *Гущин Н. Я*. Сибирская деревня на пути к социализму… 517 с.
[24] Там же. С. 287.
[25] *Алексеев В. В.* Электрификация Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. Ч. 1: 1885–1950 гг. 1973; Ч. 2: 1951–1970 гг. 1976. 272 с.

идея о «превращении страны из ввозящей машины и оборудование в страну, производящую их»[26]. Исследователи обращались к социально-демографическим аспектам трансформации регионального социума[27]. Анализируя ход кампании форсированной индустриализации, авторы акцентировали внимание на борьбе трудящихся за технико-экономическую независимость Советского Союза, руководящую роль Коммунистической партии[28]. В указанный период происходила работа по подготовке и изданию фундаментального труда по истории Сибири исследуемого периода, в 4-м томе которого период «Великого перелома» освещался в традиционной для советской историографии парадигме[29].

По вполне понятным причинам отечественная историография советского периода обходила вниманием вопросы, освещающие роль импорта в процессе индустриализации, или, по крайней мере, отводила им второстепенное место. Не уделялось внимание исследованию природы трудовых конфликтов, трансформации роли профсоюза, ресурсозатратности преобразований, тяжелых условий труда, нужды и голода рабочих.

«Оттепельные» веяния, к сожалению, продлились недолго. Частичная ресталинизация 1970-х гг. отчасти реабилитировала сталинскую историографию. В этом контексте интерес представляет двухтомный труд Д. Л. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР»[30], являющийся каноническим образцом официальной советской историографии периода позднего социализма. Данное исследование, опубликованное в 1978 году, представляет собой систематизированное изложение партийной позиции по вопросу борьбы с оппозиционными движениями в 1917–1929 гг. Методологическая основа работы базируется на принципах марксистско-ленинской исторической школы с характерным для нее классовым подходом и

[26] XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 997, 999.
[27] *Московский А. С., Исупов В. А.* Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984. 167 с.
[28] *Лельчук В. С.* Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М.: Наука, 1975. 312 с.
[29] История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968–1969. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма / авт. И. М. Разгон, В. С. Познанский, Д. М. Зольников и др. 1968. 501 с.
[30] *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. 4-е изд. М.: Политиздат, 1986. Кн. 1. 332 с.; *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. 4-е изд. М.: Политиздат, 1986. Кн. 2. 396 с.

партийностью научного знания. Голинков опирается на архивы ВЧК–ОГПУ–НКВД, материалы судебных процессов (например, дела эсеров, меньшевиков, «Промпартии»), а также на советскую прессу. Автор сознательно ограничивается исключительно официальными источниками, не подвергая их критическому анализу и игнорируя альтернативные документальные свидетельства. Такой избирательный подход к источникам позволяет исследователю конструировать историческую картину, полностью соответствующую идеологическим установкам сталинской историографической традиции.

Автор в своей работе транслирует официальную позицию, в которой «социалистическое строительство» представлялось «единственно возможным путем дальнейшего развития Советской страны[31]», декларировалась трансляция массовой поддержки («на борьбу за осуществление намеченного курса подымались миллионы трудящихся городов и деревень[32]»), повторялись тезисы о наличии внешней (экзистенциональной для СССР) угрозы. Экономические коллапсы объяснялись следствием действий «контрреволюционных сил». «Кулаки» и «срывы заготовок» последними представлялись угрозой «срыва индустриализации и всего социалистического строительства в стране». Ценность работы лежит в области понимания официальной советской трактовки репрессий и изучения пропагандистских клише 1960–1970-х гг.

Перечисленные выше труды отражали переходное состояние историографии. С одной стороны, их авторами являлись профессиональные историки, воссоздающие процессы социально-экономических и политических трансформаций рубежа 1920–1930-х гг. с большой степенью конкретности. С другой – сохранялись схематизм построений, воспроизводство идеологических штампов, отсутствие альтернативных позиций, необходимость «вписывания» выводов исследований в идеологическую канву. Уже в меньшей степени, чем по отношению к предыдущему периоду, но все еще играла роль ограниченности эмпирических данных. По понятным причинам сохранялся пласт конъюнктурных работ, но уже появлялись первые попытки критического анализа

[31] *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. С. 266.
[32] Там же. С. 267.

декларируемых институтами власти оценок. Однако такого рода критика, как правило, касалась отдельных мероприятий большевистского руководства.

Интерес представляют работы зарубежных авторов, как правило, имевших российское (Алек Ноув) или советское (Михаил Восленский, Абдурахман Авторханов) происхождение, а также тех, кто был выходцем из стран «социалистического блока» (Милован Джилас). Эти люди, как правило, оказывались приближены к работе системы или работали в ней, но публиковали свои исследования, уже находясь на Западе. Следует отметить известность этих работ в СССР. Например, работа Алека Ноува «Communist economic strategy: soviet growth and capabilities», вышедшая в 1959 г. в США, уже через год была переведена в СССР[33] для рассылки «по специальному списку». Работы Восленского, Авторханова, Джиласа распространялись через самиздат.

Анализируя экономическую политику СССР, А. Ноув отмечает, что одним из существенных «стимулов» советского динамизма был страх. Страх перед превосходящей экономической мощью потенциальных «врагов» служил одним из импульсов экономической гонки. Такая напряженность давала партии повод сохранять дисциплину. Алек Ноув, анализируя роль террора и принудительных механизмов, применяемых властными акторами по отношению к социуму с целью форсирования «преобразований», справедливо отмечает их низкую эффективность в долгосрочной перспективе с экономической точки зрения и деструктивную роль с социальной («Факт, что тот сектор экономики – коллективное сельское хозяйство, в котором принуждение играло самую большую роль, оказался наиболее отсталым – не случайность»[34]). Автор приходит к выводу, что индустриализация СССР стимулировала милитаризацию страны и установление партийной диктатуры.

Милован Джилас в своих работах «Новый класс» (1957 г.) и «Несовершенное общество» (1969 г.), опубликованных в России в 1992 г. в одном издании «Лицо тоталитаризма», анализируя сталинскую систему и роль «социалистических» преобразований конца 1920–1930-х гг., приходит к выводу о том, что после победы социалистической революции аппарат компартии превращается в новый правящий

[33] *Ноув А*. Экономическая стратегия коммунизма. Рост и возможности Советского Союза. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 116 с.
[34] Там же. С. 21.

класс. Этот класс партийной бюрократии монополизирует власть в государстве. Важно то, как происходит этот процесс. По Джиласу, проведя национализацию, новый класс присваивает право распоряжения государственной собственностью. Ключевую роль в этом сыграли процессы индустриализации и коллективизации: «Новый класс зародился в революционной буре, в недрах коммунистической партии, но таким, как есть, он становился уже при революции индустриальной: без нее и без индустрии его положение не обрело бы прочности, а сила – полноты. Осуществление общенациональной задачи – промышленного переустройства – означало одновременно и победу нового класса как такового»[35]. В результате как фактический хозяин всех орудий и средств производства новый класс становится классом эксплуататоров, поддерживает свою диктатуру методами террора и тотального идеологического контроля.

Идеи Джиласа получили продолжение в работе Михаила Восленского «Номенклатура» (1970 г.)[36]. Он описывает правящий класс в СССР, формируемый партией, и его привилегии. Восленский, сам бывший номенклатурный работник, анализирует механизм назначения на ключевые должности и систему власти в Советском Союзе. Автор отмечает, что диктатура номенклатуры – это реакция феодальных структур, расшатанных капитализмом, но пытающихся спастись методом тотального огосударствления[37].

Особого внимания заслуживает работа А. Авторханова «Технология власти»[38]. Для нашего исследования важен вывод автора о генезисе колхозного строя, который, по его мнению, «родился не в Политбюро, не в Москве, а в Сибири[39]». Данное утверждение подчеркивает ключевую роль сибирской поездки И. В. Сталина (1928 г.) в формировании аграрной политики, что подтверждается архивными данными о резком ужесточении хлебозаготовок после этого события[40].

---

[35] *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. С. 208–209.

[36] *Восленский М. С.* Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М.: Октябрь; Советская Россия, 1991. 624 с.

[37] Там же. С. 608.

[38] *Авторханов А.* Технология власти. Frankfurt: Посев, 1976. 809 с.

[39] Там же. С. 82.

[40] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / под ред. В. П. Данилова, Р. Мэннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 1999. С. 152–154; *Ильиных В. А.* Хроники хлебного фронта. Заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М.: Российская политическая

Автор обращает внимание на социальный аспект проведения коллективизации, выделяя ее как процесс искусственной поляризации (т. е. социальной инженерии путем стимулирования социальной напряженности и конфронтации) сельского населения (у автора – «раскачка» крестьянства). Согласно его классификации, деревня была сегментирована на шесть групп: 1) батраки; 2) беднота; 3) маломощные середняки; 4) середняки; 5) зажиточные; 6) «кулаки». Каждой из этих групп было отведено свое место в процессе «социалистической реконструкции» деревни, что, по мнению исследователя, привело к намеренной дестабилизации традиционной сельской структуры. Искусственный раскол крестьянства стал одним из ключевых факторов, позволивших провести коллективизацию насильственными и чрезвычайными методами, несмотря на массовое сопротивление (к аналогичным выводам впоследствии приходили в том числе Л. Виола[41], И. С. Кузнецов[42]).

Анализируя причины трансформации режима и экономической политики, автор отмечает неспособность большевистской теории быть реализованной на практике (о чем, кстати, говорил еще Б. Бруцкус). В политико-социологическом аспекте Авторханов рассматривает институциональную природу власти в СССР. Он определяет КПСС не просто как правящую партию, а как самодовлеющую корпорацию, функционирующую по принципу «ордена». Партия, по мнению автора, подменяет собой государство, превращаясь в самодовлеющую силу, а номенклатура (как привилегированная корпорация) становится главным инструментом контроля.

В начале 1980-х гг. вышла в свет работа М. Геллера и А. Некрича «Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней[43]», первоначально опубликованная на английском языке. Две главы данного исследования посвящены анализу трансформации политического режима на рубеже 1920–1930-х гг. Авторы приходят к выводу, что коллективизация, особенно ее интенсивная фаза («65 дней [с 27

энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 343 с.; *Шишкин В. И.* Поездка И. В. Сталина в Сибирь // Проблемы истории аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: материалы Всероссийской научной конференции. Новосибирск, 2009. С. 41–46.

[41] *Viola L.* Peasant rebels under Stalin: collectivization and the culture of peasant resistance. New York: Oxford University Press, 1996. 312 p.

[42] *Кузнецов И. С.* На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психоисторические очерки). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. 233 с.

[43] *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти = Utopiia u vlasti: История Советского Союза с 1917 г. до наших дней. Vol. 1. London: Overseas Publications, 1982. 382 с.

декабря 1929 г.]») превосходила по масштабам и последствиям события октября 1917 г. Они обоснованно утверждают, что в этот период был изменен не просто экономический уклад отдельной социальной группы, «были сломлены основы жизни более 130 миллионов крестьян Советского Союза, был изменен – окончательно сломан – характер экономики государства, *был изменен характер самого государства*[44]*»* (курсив наш. – *Е. И.*).

Геллер и Некрич характеризуют коллективизацию как чрезвычайную и ресурсозатратную меру, а крестьянство определяют как «жертву решительного наступления»[45] со стороны государства. Отношения большевиков с крестьянством оцениваются как «безжалостная эксплуатация населения[46]», а последствия коллективизации – «слом крестьянства как политической силы»[47], «социологический шок», который «ликвидировал крестьянство[48]».

В своем исследовании авторы активно привлекают произведения художественной литературы (А. Платонова, В. Тендрякова, Б. Пастернака, А. Солженицына), в которых нашли отражение события изучаемого периода. Художественные тексты, по их мнению, служат важным источником для понимания специфики общественной рефлексии на рубеже 1920–1930-х гг. Геллер и Некрич предпринимают попытку академической интерпретации этих литературных свидетельств, вводя такие концепты, как «Большая Ложь[49]» (под которой понимается информационная монополия большевиков, идеологическая индоктринация и противоречие между официальной риторикой и реальной политикой). Они также фиксируют рост толерантности общества к насилию, которое постепенно воспринималось как норма (что и способствовало укреплению режима).

Авторы рассматривают экономические преобразования как ключевой инструмент установления единоличной власти Сталина («Она [единоличная власти Сталина] возможна только на базе охватывающего всю без исключения экономическую жизнь

[44] Там же. С. 247.
[45] Там же. С. 246.
[46] Там же. С. 244.
[47] Там же. С. 252.
[48] Там же. С. 257.
[49] Там же. С. 253.

страны монополистического государственного капитализма[50]»). Хотя их классификация советской экономической системы как «государственного капитализма» остается дискуссионной, важным представляется тезис о неразрывной связи экономического монополизма и политической централизации власти.

Таким образом, в историографии, созданной выходцами из России/СССР и стран соцблока (независимо от их формального статуса – эмигранты, диссиденты, перебежчики), при анализе сталинизма в целом, «социалистических» преобразований в частности, авторы отмечают процессы этатизации, усиления партийного государства, «закрытие» корпорации управленцев. Ценным представляется внимание авторов на масштабном процессе этатизации – с одной стороны, с другой – сосредоточением в руках партийного государства всей собственности этого государства.

В перестроечный период (конец 1980-х – 1991 г.) официальные оценки сталинской эпохи подверглись критическому пересмотру. Активно шел процесс реабилитации «правых» и «левых» оппозиционных лидеров – от Бухарина до отчасти Троцкого, переиздание их работ, дискуссии о причинах слома НЭПа, о «чрезвычайщине» и т. д. Происходит расширение источниковедческой базы, становится возможным идейный и методологический плюрализм. Стала возможна публикация ранее запрещенных изданий. В то же время для исследований перестроечного периода характерно появление историко-публицистических работ с присущей им тенденциозностью.

Работа Р. А. Медведева «О Сталине и сталинизме»[51] является важной вехой в советской историографии, представляет собой критический анализ политической деятельности Иосифа Сталина, а также феномена сталинизма как системы власти. Медведев использовал доступные на тот момент архивные материалы, свидетельства очевидцев и партийные документы. Автор осуждает Сталина за «искажение социализма», но не ставит под сомнение саму систему. Критика часто сводится к личности Сталина (у автора – «преступления Сталина»), тогда как роль партии, бюрократии и институтов рассмотрена слабее. Книга написана доступно, но местами слишком публицистично, что снижает ее академическую ценность.

[50] Там же. С. 258.
[51] *Медведев Р. А.* О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. 484 с.

Большой популярностью и влиянием пользовались журналы «Огонёк» (главный редактор –В. А. Коротич), «Новый мир» (главный редактор –С. П. Залыгин), «Знамя» (главный редактор – Г. Я. Бакланов (Фридман)). Эти журналы являлись главными площадками для дискуссий и публикации запрещенных ранее текстов. Новые площадки и веяния действительно стимулировали развитие дискуссии и накопление научного знания, это выводило полемику на новый уровень, расширяя базу ее потенциальных участников, стимулируя постановку новых проблем и решений, а также использование новых методов работы. С другой стороны, этот процесс становился причиной низкого профессионального уровня публикаций, их тенденциозности и апологетики (уже с антикоммунистических позиций) и даже конъюнктурности. Например, публикации В. А. Коротича перестроечного периода нередко были прямо противоположны тому, что он писал за несколько лет перед этим и публиковал в журнале те самые материалы, которые раньше клеймил как «антисоветские» и «клеветнические».

В 1989–1991 гг. выходили «Известия ЦК КПСС» – информационный ежемесячный журнал, издание ЦК КПСС. В издании публиковались материалы о работе ЦК и других органов партии, документы из партийных архивов. В «Известиях» публиковалось то, что ранее скрывалось большевиками и естественным образом оказалось существенным ударом по имиджу партии и легитимности советской власти в целом. В 1991 году была издана книга «Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов»[52], составленная из публикаций в журнале «Известия ЦК КПСС».

В этот период происходит расширение источниковедческой базы, становится возможным идейный и методологический плюрализм, появляются новые площадки для дискуссий (в том числе публицистического характера). «Перестройка» дала немало возможностей для исследователей, использованы которые во многом будут уже в постперестроечный период. Для региональной историографии были характерны те же тенденции[53].

С началом 90-х гг., «архивной революцией», ликвидацией идеологических догм, введением в научный оборот новых методологий, историография вопроса обогатилась

[52] Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов: сборник / сост. И. В. Курилов и др. М.: Политиздат, 1991. 462 с.
[53] См.: «Великий перелом» в деревне (дискуссия по проблемам коллективизации) // Известия СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. Новосибирск, 1989. Вып. 1. С. 3–36.

новыми исследованиями. Ученые обратились к методам осуществления коллективизации, сделали акцент на ее административной и силовой сторонах[54], а индустриализация стала рассматриваться не только через призму трудовых достижений и результатов. Фокус исследований оказался сосредоточен на социальной стороне, проблемах повседневности. Постсоветский период дал возможность отечественным историкам работать совместно с зарубежными коллегами. Результатом такого труда стала, например, пятитомная документальная серия о коллективизации и ее последствиях (1927–1938 гг.), изданная международным коллективом, который возглавили Виктор Данилов (Россия), а также Линн Виола (Торонто, Канада) и Роберта Мэннинг (США, Бостон)[55].

Продолжают исследования авторы, начавшие разрабатывать тематику еще в советское время. Выходит работа И. Е. Зеленина о концепции «революции сверху»[56], которая представляет собой важный вклад в исследуемую проблематику. Автор обращает внимание на отсутствие реальной поддержки «снизу» форсируемых преобразований в деревне, катастрофичность «рекордов» «сплошной коллективизации» («именно в результате этого “рекорда”, сталинской “революции сверху” произошло катастрофическое падение производства, разорение и гибель миллионов крестьян»[57]).

Значительный вклад в историографию вопроса внес М. А. Фельдман. Исследователь доказывает, что потенциал экономики НЭПа мог стать основой индустриального проекта СССР. Он убедительно показывает, что отказ от НЭПа и переход к форсированной индустриализации и коллективизации был не единственно возможным, а во многом политически мотивированным и волюнтаристским решением, приведшим к колоссальным потерям и деформациям[58]. Помимо этого, для диссертационного исследования были актуальны исследования автором рабочего класса СССР. М. А. Фельдман детально исследует материально-бытовые условия, культурный

[54] *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М.: Интерпракс, 1994. 267 с.
[55] Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание: документы и материалы, 1927–1937 гг.: в 5 т. / под ред. В. П. Данилова, Р. Мэннинг, Л. Виолы. М., 1999–2006.
[56] *Зеленин И. Е*. Сталинская «революция сверху» в свете новейших публикаций и документов // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 4. С. 150–170; *Зеленин И. Е*. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты / отв. ред. А. С. Сенявский; Ин-т рос. истории РАН. М.: Наука, 2006. 315 с.
[57] *Зеленин И. Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома»… С. 274.
[58] *Фельдман М. А*. Могла ли экономика нэпа стать основой Индустриального проекта // ЭКО. 2021. № 3 (561). С. 59–80.

потенциал и реальные повседневные практики рабочих, что, в том числе, определяло и практику реализации Индустриального проекта[59].

Сегодня указанные события анализируются все чаще через призму концепции модернизации. Наиболее характерна книга известного специалиста по исторической демографии А. Г. Вишневского «Серп и рубль»[60]. Согласно этой версии, большевизм и сталинизм не сводятся к террору: вслед за Петром I Сталин самыми жестокими методами вел страну по пути догоняющей модернизации. Однако эта модернизация была дисгармоничной – подняв тяжелую промышленность, она вместе с тем создала непреодолимые препятствия для инновационного развития (бюрократический режим), что и привело СССР к 1980-м гг. в тупик. Сами преобразования рубежа 1920–1930-х гг. стали временем глубочайшего социального, демографического и культурного перелома, где технологический рывок был оплачен колоссальной социальной ценой и консервацией архаичных структур управления.

Советскую модернизацию российские историки оценивают по-разному. Так, в статьях, опубликованных в сборнике к 80-летию академика Ю. А. Полякова, В. П. Данилов, анализируя опыт трансформаций исследуемого периода, подвергает сомнению тезис о достижениях советского общества как следствия сталинской политики («после этого – значит вследствие этого»), а также ставит вопрос о цене последних. Данилов очень четко отмечает «вырождение левой идеологии», сторонники которой превозносят «вождя народов» за его фактический «отказ от завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции». По мнению автора, минимальная социальная защита населения, развитие науки и культуры стали реальностью «не благодаря сталинизму, а несмотря на препятствия и огромные потери, прямо и однозначно связанные со сталинизмом», эти тенденции были заложены «мощным социалистическим импульсом, данным великой социальной революцией 1917 г.». «Сталинская “революция сверху” сопровождалась и фактической гражданской войной

[59] *Фельдман М. А*. Власть, ученые, хозяйственники, рабочие СССР в годы Первой пятилетки: проблема взаимоотношений. Екатеринбург: Уральский ин-т управления, 2022. 314 с.; *Фельдман М. А.* Феномен ударничества в промышленности СССР как составная часть «Великого перелома» // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 87–98. DOI: 10.15372/HSS20230410.

[60] *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 429 с.

против крестьянства, и голодом, унесшим миллионы жизней». Для исследователя методы проведения сталинской «модернизации» страны – это преступление[61].

А. С. Сенявский, опубликовавший статью в том же сборнике, что и В. П. Данилов, придерживается иных взглядов. Он считает достоинством проведение советской модернизации на традиционалистской российской основе, благодаря которой крестьянская масса, привыкшая к общинному землепользованию, приняла колхозы. Сопротивление им оказало «лишь кулачество», подчеркивает он[62]. Следуя такой логике, в России индустриальная модернизация возможна была только в рамках государственной собственности, а власть являлась главной «цивилизующей» силой. Автор отрицает возможности в этом направлении демократических преобразований, частной собственности, конкурентоспособности предприятий и т. д., объясняя свои утверждения «особенностями России», катастрофичностью для страны реформ 1990-х гг. Этот же автор уже позднее выступал с концепцией мобилизационного развития как инструмента индустриальной модернизации[63]. Сенявский транслирует установки советской историографии, облеченные в современную терминологию, утверждает детерминированность мобилизационного развития, наличие внутренней и внешней угрозы, «исторический цейтнот», тупиковость НЭПа, который «ставил под угрозу» «смычку города и деревни», адекватность и эквивалентность замены рыночных институтов институтом планирования. По мнению автора, только мобилизационный путь мог обеспечить «устойчивый рост советской экономики», «экономическое чудо» первых пятилеток, победу в Великой Отечественной войне.

Таким образом, сложился широкий спектр оценок – от резко критических до апологетических, с множеством промежуточных и смешанных позиций. Можно выделить несколько основных тенденций, которые редко встречаются в чистом виде, но задают смысловые координаты дискуссии.

---

[61] *Данилов В. П.* К проблеме альтернатив 20-х годов // Этот противоречивый XX век: К 80-летию со дня рождения акад. Ю. А. Полякова / отв. ред. Г. Н. Севостьянов; РАН, Отделение истории, Ин-т рос. истории. М.: РОССПЭН, 2001. С. 218–219.

[62] *Сенявский А. С.* Социальная динамика России в XX веке // Этот противоречивый XX век… С. 284.

[63] *Сенявский А. С.* Советская мобилизационная модель развития как инструмент индустриальной модернизации и экономического роста: институциональный аспект // Исторические вызовы и экономическое развитие России. материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург, 2019. С. 90–93.

В рамках одной из влиятельных тенденций исследователями[64] делается акцент на трагических последствиях коллективизации и форсированной индустриализации: насильственный характер преобразований, демографические потери (включая голод и репрессии против крестьянства, прежде всего зажиточной его части), неэффективность системы коллективного сельского хозяйства, тяжелейшие условия труда, множественные кризисы (промышленный, продовольственный, финансовый) начала 1930-х, непосильные хлебозаготовки при низком урожае 1931 года и высоком экспорте зерна.

Представители[65] другой тенденции не отрицают огромных издержек, рассматривают сталинскую модернизацию как своеобразную (хотя и крайне жесткую) форму индустриального рывка. Здесь на первый план выходит результат: превращение СССР из аграрной страны в индустриальную. Сама модернизация трактуется как благо или историческая необходимость, а цена в человеческом измерении признается, но оценивается по-разному – от оправданных жертв до трагической, но неизбежной платы.

Представители[66] третьей тенденции связывают сталинскую «революцию сверху» с национально-цивилизационной спецификой России. Советский строй здесь видится как исторически закономерный, а преобразования в его рамках – как прогрессивные и органично вытекающие из коллективистско-общинных традиций, особенностей российской модернизации. В таком ключе акцент смещается с насилия и потерь на культурную и институциональную преемственность.

При этом важно подчеркнуть: между этими позициями существует множество переходных и смешанных вариантов. Исследователи могут сочетать элементы разных тенденций – например, признавать катастрофические демографические последствия, но при этом говорить о долгосрочных структурных сдвигах; или принимать цивилизационную аргументацию, но не снимать вопроса о тоталитарном насилии. Спектр мнений не сводится к двум-трем лагерям – он гораздо богаче: различаются не только итоговые оценки, но и сам набор признаваемых фактов, методы их интерпретации и этические рамки.

---

[64] Работы В. П. Данилова Н. А. Ивницкого, С. А Красильникова, В. А. Ильиных, В. А. Исупова, В. И. Исаева и др.
[65] *Сенявский А. С.* Социальная динамика России в XX веке // Этот противоречивый XX век… С. 283–297; *Вишневский А. Г.* Серп и рубль… 429 с.
[66] *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация от начала до Великой Победы… 637 с.

В рамках обозначенного спектра выделяется несколько более конкретных исследовательских линий, каждая из которых предлагает свой угол зрения на характер, границы и последствия сталинской модернизации. Одни авторы фокусируются на ее внутренних противоречиях, другие – на ее качественном своеобразии (вплоть до определения как «контрмодернизации»), третьи – на социально-психологических и экономических механизмах, формировавших поведение советского работника и общества в целом.

С. И. Дудник, обращаясь к опыту сталинской модернизации, указывает на ограниченность реализации последней. Автор отмечает, что в приоритете преобразований являлось достижение государственного суверенитета, выход за рамки которого (что и требовала комплексная модернизация) воспринимался «как неизбежное погружение в социальный и экономический хаос». Незавершенность, однобокость и противоречивость сталинского варианта модернизации, по Дуднику, является одной из ключевых причин гибели СССР как проекта[67].

М. А. Чешков предлагает собственную оценку модернизационного процесса в СССР. Так, по его мнению, она приобрела характер контрмодернизации (это не «азиатчина», не капитализм и не их симбиоз, а уникальная социальная организация) – это отрицание органической модернизации и российской традиционности. Продуктом такой контрмодернизации стал советский социализм, создавший технологическую базу индустриального общества, но исключивший социетальные признаки модернизации[68].

Для диссертационного исследования важны экономические труды российского социолога, экономиста Т. И. Заславской[69], историка, политического социолога В. Л. Заславского[70] для анализа социальной психологии советского работника через призму

[67] *Дудник С. И.* Сталинская модернизация как исторический опыт… С. 394–405.
[68] *Чешков М. А*. Развивающийся мир и посттоталитарная Россия. М., Наука, 1994. С. 115–120.
[69] *Заславская Т. И.* «Новосибирский манифест» (1983 г.): О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии // Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. С. 17–40.
[70] *Заславский В. Л.* Россия на пути к рынку: государственно-зависимые работники и популизм // Полис. 1991. № 5. С. 65.

экономических отношений, социологов и экономистов О. И. Шкаратана[71] и С. Г. Кордонского[72].

Для исследования также важны результаты трудов историков, работающих непосредственно с сибирским эмпирическим материалом. И. С. Кузнецов сосредоточился на социально-психологических аспектах истории российского крестьянства 1920-х гг. Ему удалось реконструировать взгляды крестьян на труд и собственность, их религиозные и политические воззрения, другие аспекты мировоззрения. Автор выявил обусловленность и детерминированность «Великого перелома», пришел к выводу о том, что идеологическое и культурное воздействие, которое оказывалось на сибирскую деревню с установлением советской власти, и новые общественно-политические условия в целом повлияли на компоненты крестьянской психологии[73].

В. А. Ильиных исследовал региональную специфику реализации аграрных преобразований. Автор детально проанализировал формирование и развитие «урало-сибирского» метода хлебозаготовок (одного из ярких примеров радикализации политики большевиков в Сибири до начала коллективизации)[74], исследовал социально-экономические и демографические процессы внутри единоличного крестьянства. По мнению Ильиных, хлебозаготовки стали центральным звеном противостояния крестьянства и государства с середины 1920-х гг. Автор рассматривает коллективизацию не только как огосударствление сельского хозяйства, но как глубокий процесс разрушения традиционного крестьянского уклада, его социальных, экономических, культурных характеристик. Ильиных, анализируя аграрную политику большевиков, отмечает не только отчуждение экономическое (от средств производства и продукта труда), но отчуждение политическое (от власти, от низового управления) и даже культурное (гонения на религию и традиции крестьян)[75].

---

[71] *Шкаратан О. И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 526 с.

[72] *Кордонский С. Г.* Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006. 240 с.; *Он же*. Ресурсное государство: сборник статей. М.: REGNUM, 2007. 108 с.

[73] *Кузнецов И. С.* На пути к «великому перелому»… С. 226–232.

[74] *Ильиных В. А.* Урало-сибирский метод хлебозаготовок: поиски оптимального варианта // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2. С. 20–26.

[75] На аграрном фронте Сибири. Кампания 1932–1933 гг.: документально-монографическое издание / отв. ред. В. А. Ильиных. Новосибирск: Сибпринт, 2016. 224 с.; *Ильиных В. А.* Поездка Л. М. Кагановича в Сибирь в апреле 1930

Утвердившийся в 1930-е гг. аграрный строй, по мнению автора, отличался внеэкономическим принуждением, применяемым в качестве основного способа изъятия земельной ренты, и рефеодализацией системы налогообложения деревни, заключавшейся в возврате к сословности обложения, натуральным и отработочным его формам. Коллективизация превратила крестьянина-хозяина в паупера-крепостного со всеми вытекающими отсюда социально-психологическими последствиями. Автор приходит к выводу о том, что сверхнормативное отчуждение приводило к снижению трудовой мотивации, хищению зерна, бесхозяйственности и перманентному голоду в деревне[76].

В современной историографии активно исследуется деятельность органов ВЧК–ОГПУ–НКВД, механизмы репрессивной политики. Значительный вклад в исследование персонального состава, структуры и деятельности органов ОГПУ–НКВД (в том числе на сибирском материале), истории повседневности чекистов внес А. Г. Тепляков[77]. В его работах для нас большой интерес представляет анализ судеб чекистов («отработанный материал»), подтверждающий наш тезис о «чрезвычайщине» существования системы и крайней ресурсозатратности реализуемых мероприятий. Автор посвятил часть своих работ исследованию социально-психологического портрета сотрудников этого ведомства, что позволяет глубже понять мотивацию и поведенческие модели чекистов, а также выявить внутренние противоречия и кризисы репрессивного аппарата.

Разработка тематики советской репрессивной политики, формирования и особенностей советских методов управления на региональном уровне принадлежит С.

г.: санация «головокружения» // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2 С. 52–56; *Ильиных В. А.* Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. 2012. № 1. С. 130–141.

[76] *Ильиных В. А.* Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период… С. 130–141; *Ильиных В. А.* Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х гг.): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 47–58.

[77] *Тепляков А. Г.* Деятельность органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты. Новосибирск: НГУЭУ, 2018. 434 с.; *Он же*. Инфернальная карнавализация: «черный юмор» партизан и чекистов 1920–1930-х гг. // Идеи и идеалы. 2013. Т. 1, № 3 (17). С. 105–116; *Он же*. «Отработанный материал»: массовая ликвидация секретной агентуры советских спецслужб в 1920–1930-е годы // Российская история. 2013. № 4. С. 101–115; *Он же*. Органы ОГПУ–НКВД–НКГБ в Сибири: структура и кадры (1929–1941 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 2011. 27 с.

А. Папкову[78], который в своих исследованиях подробно анализировал механизмы реализации репрессивных мер, роль партийных и государственных структур в управлении регионами, а также особенности применения репрессий в Сибирском крае.

Начавшийся в 1990-е гг. и активно продолжившийся уже в 2000-е гг. процесс публикации материалов делопроизводства ВЧК–ОГПУ–НКВД 1920–1930-х гг. актуализировал вопрос о процедуре работы с таким видом исторического источника, ранее практически не использовавшегося исследователями. А. Берелович и В. П. Данилов, инициаторы документального проекта о событиях в деревне за два десятилетия (1918–1939), выстроенного на документации спецслужб, подчеркивают высокую точность, скорость и информативность оперативных сводок ОГПУ, которые, к тому же, сообщали о событиях, плохо отраженных в других сохранившихся источниках[79].

Л. П. Колодникова в своем исследовании также отмечает высокую информативность сводок и обзоров политического и политико-экономического состояния РСФСР–СССР, сравнивая эти документы с зеркалом, отражавшем события в стране. Информационные документы политического управления, по мнению исследователя, полностью зависели от политического и экономического состояния страны и в целом адекватно отражали происходившие события[80].

Однако в фокус внимания исследователей не попадает роль руководства и сотрудников ОГПУ как своего рода особых акторов радикализации социальных отношений в советском социуме. Работники этого ведомства выполняли не только функцию надзора, осведомления и реализации репрессий, но косвенно, посредством информационных манипуляций, оказывали определенное влияние на внутри- и внешнеполитическую повестку руководства страны.

Проблема мобилизационных практик советского режима также нашла свое отражение историографии. Включение в методологический инструментарий основ политологии и социологии существенным образом обогатило исследования. Одно из

[78] *Папков С. А*. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.; *Он же*. Сталинский террор в Сибири. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 1997. 273 с.
[79] Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 1. 1918–1922 гг. / под ред. А. Береловича, В. П. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. С. 9.
[80] *Колодникова Л. П*. Советское общество 20-х годов XX в. По документам ВЧК–ОГПУ. М.: Наука, 2009. С. 19.

первых упоминаний термина «мобилизация» применительно к советской истории в современной отечественной историографии относится к началу 90-х гг. прошлого столетия и принадлежит авторству известного отечественного историка и политолога А. А. Галкина[81]. Мобилизационный тип развития не уникален в условиях острого дефицита ресурсов и времени, является признаком догоняющей модернизации. Экономист А. Г. Фонотов[82] считает, что склонность России к мобилизационному типу развития начала формироваться с момента возникновения государства. Социолог Лев Гудков, исследуя модернизационные процессы, связывает негативную мобилизацию, актуализирующую образ «врага» и деление общества на «мы – они», с разрушением традиционного общества и началом модернизации, сопровождающимися атомизацией общества[83].

Складыванию мобилизационного способа управления способствовал фактор (значительным образом гипертрофированный пропагандистским механизмом) военной угрозы. Такой синдром «осажденной крепости» и его значение для складывания системы сталинского образца подробно изучены рядом авторов. Хотя этот фактор напрямую не касается нашего исследования (мы сосредоточены на внутриполитическом аспекте), значение его все же стоит «держать в уме». Здесь интересен вывод Б. Ф. Поршнева[84] о намеренном создании группы «они», цель которой заключалась в консолидации (пусть и негативного характера) противоположной группы – «мы». Характеристики реальных «они» зачастую не только гипертрофированы, но даже вымышлены. Аналогичные процессы социального конкурирования и инженерии были распространены и внутри страны.

Л. Гудков подчеркивает, что значение образа «врага» актуализирует нормы и ценности, характерные для общества, и устанавливает связи между этими ценностями и характером отдельного человека, входящего в целое. Выдвижение на первый план риторики «врага» уже может служить симптомом важнейших социальных процессов –

[81] *Галкин А. А.* Общественный прогресс и мобилизационная модель развития // Коммунист. 1990. № 18. С. 22–23.
[82] *Фонотов А. Г.* Россия от мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993. 271 с.
[83] *Гудков Л.* Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 7–79. (Л. Д. Гудков 14.02.2025 г. внесен в реестр иноагентов. Далее текст обозначается *)
[84] *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. С. 111.

массовой консолидации определенного мобилизационного типа, блокировки инноваций, консервации архаических представлений и ритуалов[85].

А. В. Голубев утверждал, что главной характеристикой массового сознания была его мифологичность, «склонность к одноцветному восприятию мира и нетерпимость к любому инакомыслию»[86], с чем мы не совсем можем согласиться. Бесспорно, мифы воспринимались малограмотным массовым сознанием, однако утверждать «одноцветность» последнего значило бы сильно упрощать многообразную палитру общественных настроений.

Н. Б. Арнаутов в одной из своих работ формулирует следующий тезис: «Идеология во многом формировала реальность для радикального революционного большевистского сознания, влияя на исторические события, наполняя идеологические категории конкретным содержанием. Создавшаяся “диктатура теории” определяла действия большевистской партии не в меньшей степени, чем реальная политическая ситуация и экономические потребности страны»[87]. Хотя данная оценка содержит элементы гиперболизации, основной тезис исследователя представляется обоснованным: в период «революции сверху» подгонка реальности под идеологические конструкции стала распространенной практикой, служившей инструментом легитимации политики большевиков.

Становятся актуальными проблемы восприятия большевистской пропаганды, исследования степени индоктринации. Такие работы позволяют выявить механизмы взаимодействия идеологического дискурса и массового сознания. С. Н. Ушакова в своей монографии «Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники»[88], анализируя причины коллективизации форсированными темпами, указывает на стремление власти к огосударствлению различных сфер общественной жизни, «ликвидации крестьянства как класса самостоятельных товаропроизводителей», а также оказание влияния на

[85] *Гудков Л.* Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции… С. 9. *
[86] *Голубев А. В.* Тоталитаризм как феномен российской истории XX века // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.). М., 1999. С. 7–33.
[87] *Арнаутов Н. Б.* Образ врага народа в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 – ноябрь 1938 г.). Новосибирск: НГУ, 2012. С. 59.
[88] *Ушакова С. Н.* Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2009. 242 с.

трансформацию социально-психологических характеристик крестьянства посредством мощной «антикулацкой» идеолого-пропагандистской кампании.

Изучение механизмов восприятия пропаганды в работах современных исследователей сосредотачивается на определенных образах: власти, «врага», «кулака» и пр. Однако такой подход не исчерпывает полноты механизма действия пропагандистского дискурса на общества. Не исследуются полученные данные в комплексе с альтернативной источниковой базой, которые могут свидетельствовать о степени идеологического воздействия и его результатах. Примером такой работы является исследование Великановой, которое посвящено изучению массовых настроений в СССР в первое десятилетие его существование. Ольга Великанова[89] на базе обширной документальной базы (информационные сводки ОГПУ, партийные документы, частные письма, дневники, доклады зарубежных дипломатов, подслушанные разговоры) прослеживает, как население реагировало на советские мобилизационные кампании. Она приходит к выводу, что массовое разочарование в провозглашаемые идеалы, политические, экономические, социальные проблемы в стране, неудачи на международной арене стали причиной перехода большевиков к репрессивным и диктаторским методам правления[90]. Продолжают эту тему работы, посвященные поведенческим стратегиям и практикам адаптации различных слоев и групп в экстремальных условиях, вопросам настроений и эмоций[91].

Большой вклад в историографию имеют труды В. В. Кондрашина – одного из ведущих российских историков, специализирующихся на аграрной истории СССР, коллективизации и голоде 1932–1933 годов. Автор признает катастрофичность и жестокие меры реализации коллективизации и доказывает, что путь российской деревни к своей трагедии не был предопределен как неизбежный[92]. Автор отмечает, что коллективизация проходила стихийно, а у подавляющего большинства крестьян не

[89] *Великанова О. В*. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х годов. М.: РОССПЭН, 2017. 295 с.
[90] Там же. С. 224.
[91] *Смирнова Т. М.* «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М.: Мир истории, 2003. 296 с.
[92] *Кондрашин В. В.* Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. М.: Политическая энциклопедия, 2024. С. 662.

было ни опыта общественного труда в коллективных хозяйствах, ни материальной заинтересованности кардинально менять свою жизнь[93].

Что касается социальной опоры большевиков в деревне, Кондрашин фиксирует ее наличие и важность в процессе коллективизации деревни, но оценивает ее все же как ограниченную. Такую опору составляли деревенская беднота (получавшая 25 % конфискованного у зажиточных крестьян хлеба и имущества), сельские активисты, значительная часть бедняцкой молодежи, для которой коллективизация открывала карьерный рост и освобождение от тяжелого крестьянского труда (отказывались от сохи ради «портфеля»). Однако, как указывает автор, эта поддержка не была массовой и добровольной: основная масса середняков занимала скорее выжидательную позицию. Решающими факторами победы коллективизации стали не симпатии крестьян, а мощь репрессивно-бюрократического аппарата, безоружность и разобщенность деревни, а также умелое манипулирование социальной базой большевиков в деревне.

Кондрашин связывает форсированную коллективизацию с острой потребностью режима в товарном хлебе (хлеб в обмен на валюту, валюта в обмен на станки). Кроме того, перед государством стояла задача повысить товарность индивидуальных крестьянских хозяйств[94] (впрочем, насколько успешно коллективные хозяйства решали эту задачу – вопрос дискуссионный). Вместе с тем в работе Кондрашина, на наш взгляд, не вполне прояснен один важный момент: чем именно была вызвана столь резкая необходимость в товарном хлебе именно на рубеже 1929–1930 гг. Предложенный тезис (нужды индустриализации) не до конца объясняет и те административные, налоговые и даже репрессивные меры давления на зажиточную часть деревни, которые стали применяться уже с 1928 года. Автор оставляет открытым вопрос о соотношении роли личности и объективных обстоятельств («Сталин события или события Сталина»). В то же время следует отметить важное наблюдение Кондрашина: аграрная политика Сталина не являлась прямым продолжением ленинской линии. Кондрашин предлагает содержательный анализ экономических мотивов режима, подчеркивает разрыв между сталинским и ленинским подходами к аграрной политике, справедливо указывает на наличие социальной базы режима в деревне, репрессивные методы реализации

[93] Там же. С. 533.
[94] Там же. С. 536–537.

коллективизации, однако его концепция остается изолированной от политического контекста и широких общественных процессов.

Общение с зарубежными коллегами, институциализация социологии в российской науке, доступность зарубежных исследований существенным образом обогатили методологический аппарат исследования общества раннесоветской эпохи. Исследования социальной напряженности как одного из ключевых характеристик состояния социума исследуемого периода предприняли О. Л. Лейбович и С. А. Красильников. О. Л. Лейбович[95] качественно внедрил данную исследовательскую парадигму в историческое исследование при анализе позднесталинской эпохи, найдя удачное применение конфликтной модели, разработанной американским социологом Л. Козером[96]. С. А. Красильников, применяя данный подход к раннесоветскому периоду, констатировал, что в условиях 1920-х гг. напряженность и конфликты носили в значительной мере открытый характер. Далее открытые прямые формы социального недовольства, достигнув пика в 1930 г., после исчерпания своих легальных возможностей (преимущественно путем подавления) переходят в стадию подавленного скрытого недовольства[97]. В целом исследователю, активно использующему методологический инструментарий социологии, таким образом удалось значительно обогатить исследование природы сталинизма и раннесоветского социума. Красильников рассматривает раннесоветский социум как сложную, динамичную и конфликтную систему взаимодействий между властью и обществом, изучает конфликтность и динамику социальной напряженности как ключевые характеристики социума. Социальные процессы и трансформации автор рассматривает как процесс масштабной социальной инженерии (прежде всего через исключение и насилие), ключевым актором которого является партийное государство. Также в своих исследованиях Красильников уделял огромное внимание «социально-чуждым»

[95] *Лейбович О. Л.* Социальные напряженности в позднюю сталинскую эпоху // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: мат-лы VII Международной научной конференции (Тверь, 4–6 декабря 2014 г.). М.: РОССПЭН, 2015. С. 25–35.

[96] *Козер Л.* Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 205 с.

[97] *Красильников С. А.* Социальная напряженность и конфликтная динамика в раннесоветском обществе // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: материалы X Международной научной конференции (Москва, 5–7 декабря 2017 г.). М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2018. С. 782–796.

элементам – спецпереселенцам, интеллигенции, что существенным образом обогатило отечественную историографию[98].

Большое значение в разработку темы имеет вклад Г. А. Бордюгова и В. А. Козлова с концепцией «чрезвычайщины». Ценность этих теоретических поисков во введении и апробации важных для исследования данной проблемы понятий «чрезвычайное» и «чрезвычайность». В своем исследовании авторы обозначили ключевую проблему – неуправляемость «чрезвычайщины». «Чрезвычайщина» не могла надолго переступать через определенный предел, не могла не откатываться периодически назад, создавая ощущение нормализации общественной жизни.[99] Г. А. Бордюгов идентифицировал проявления чрезвычайных мер и «чрезвычайщины», четко разграничивая отличия и критерии перехода между ними, показал, как в ходе реализации «революции сверху» происходит процесс перехода чрезвычайных мер в «чрезвычайщину». По Бордюгову, состояние «чрезвычайщины» вызывается стремлением того или иного режима любой ценой удержать власть. В этом процессе режим возвел чрезвычайные меры в постоянную систему управления[100].

Большое внимание в современных исследованиях уделяется изучению механизмов принятия и реализации решений, институциональному анализу становления сталинского режима. Важен вклад И. В. Павловой в эту проблематику. Она отказывается от упрощенных моделей «тоталитаризма» и предлагает рассматривать сталинскую систему власти как сложный многоуровневый «механизм», переосмысляет роль Сталина (как «инженера» системы), указывает на внешнюю «иррациональность» рациональных (в плане удержания власти) решений[101]. О. В. Хлевнюк – классик

[98] *Красильников С. А.* Сталинская модель социальной мобилизации: некоторые проблемы изучения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, № 10. С. 40–46; *Он же*. Серп и Молох: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. 285 с.; *Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н.* Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930 – начало 1950-х гг.). Новосибирск: Сова, 2008. 392 с.; На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе. 1917 – конец 1930-х гг.: учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1998. 90 с.; Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): колл. моногр. / отв. ред. С. А. Красильников. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2013. 419 с. и др.

[99] *Бордюгов Г. А., Козлов В. А*. История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 182.

[100] *Бордюгов Г. А.* Политика чрезвычайных мер в решениях Политбюро ЦК ВКП(б) между «революцией сверху» и большим террором. 1930–1936 гг. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2011. № 2. С. 62–72.

[101] *Павлова И. В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 459 с.

современной отечественной советологии. В своих работах[102] автор досконально изучает систему власти, смещая фокус с громких событий на рутинные бюрократические процедуры, показывая, как именно принимались решения, как работал аппарат, как функционировала «вертикаль власти» на практике. Его концепция «диктатуры», основанная на контроле над карательными органами и аппаратом, стала классической.

В современной историографии предпринимаются попытки осмысления советского этатистского проекта конца 1920-х – начала 1930-х годов через призму теории общественного договора. Ж. Т. Тощенко в одной из своих работ[103] рассматривает историю России и СССР XX–XXI веков в рамках данной концепции общественного договора. Применительно к изучаемому периоду Тощенко приходит к выводу о формировании негласного общественного договора между большевистской партией и советским обществом. В качестве аргументов приводится результат социально-экономических преобразований на момент 1941 г., массовое участие граждан в социалистическом соревновании, вовлеченность последних в обсуждение государственных инициатив, рост уровня жизни и благосостояния граждан.

Однако интерпретация автора вызывает ряд вопросов с точки зрения методологии. Так, в работе активно используются данные советского периода, характеризующие индустриальный рост, без должного критического анализа их достоверности и идеологической ангажированности. Тощенко акцентирует внимание на «позитивной энергии» первых пятилеток и добровольном участии граждан в мобилизационных кампаниях, но при этом не рассматривает альтернативные точки зрения, основанные на изучении локальных практик реализации этих программ. Хотя автор упоминает о трагических событиях эпохи (голод 1932–1933 гг., депортации крестьянства, внесудебные репрессии), их причины и последствия остаются за рамками исследования. Вместо анализа структурных факторов, обусловивших эти явления, они представлены как своего рода исторические случайности. Критика существующих интерпретаций советского периода в работе Тощенко также вызывает вопросы. Альтернативные оценки автором либо приписываются абстрактным «некоторым исследователям»,

[102] *Хлевнюк О. В.* Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 295 с.; *Он же*. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М.: АСТ; Corpus, 2015. 464 с.
[103] *Тощенко Ж. Т.* Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 844 с.

которые, по его мнению, излишне драматизируют события, либо связываются с современными «либеральными деятелями», якобы недооценивающими трудовые достижения того времени. Подобный подход, при котором акцент смещается с содержательной полемики на политизированные обвинения в адрес оппонентов, не способствует продуктивной научной дискуссии.

Историческая наука неизбежно существует в рамках политического контекста, что детерминирует как постановку исследовательских проблем, так и их интерпретацию. Современные тенденции, связанные с ресталинизацией и переосмыслением советского опыта – в частности, этатистского проекта конца 1920-х – начала 1930-х годов, оказывают значительное влияние на историографию данного периода. Данный фактор лишь подчеркивает научную актуальность настоящего исследования.

Зарубежная историография начинает формироваться уже современниками исследуемых событий. Опыт СССР рубежа 1920–1930-х гг. был особенно интересен в контексте «Великой депрессии», когда капитализм как экономическая система подвергся серьезным испытаниям. «Социалистический» эксперимент начали осмыслять представители австрийской экономической школы[104]. По мнению авторов, исключение экономических механизмов (стоимость продукции, рынок, частная собственность, конкуренция и пр.) вели к деградации экономики, кризисам, дефицитам, использованию принудительных механизмов. Авторы выносят вердикт плановой экономике как нерациональной и неэффективной системе, приводящей к неизбежной централизации экономики. Последнее же ведет к неизбежной политической диктатуре. Репрессии, по мнению Ф. Хайека, не случайность, а необходимость для поддержания системы, в которой отсутствуют элементы связи между социумом и властью. Отметим, что авторы сосредоточены на экономическом анализе, игнорируя внешнеполитический аспект, идеологические аспекты. К тому же тексты авторов тенденциозны, их выводы детерминирует крайний рыночный фундаментализм.

Историческая зарубежная историография сталинизма долгое время развивалась под влиянием дихотомии тоталитаризм/ревизионизм. Ключевыми работами, задающими «тон» зарубежных исследований в середине прошлого столетия, являлись

[104] *Мизес Л.* Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993. 230 с.; *Хайек Ф.* Дорога к рабству. М.: АСТ, 2012. 317 с.

труды Х. Арендт[105], К. Фридриха и З. Бжезинского[106], Р. Конквеста[107]. Анализ опыта СССР в целом и преобразований рубежа 1920–1930-х гг. проводился в контексте мирового опыта недемократических политических систем. Авторы фиксировали стремление тоталитарных режимов к доминированию во всех аспектах жизни каждого человека. Большую роль исследователи отводили террору как системообразующему элементу. Представителей этого направления вскоре будут относить к «тоталитарной» школе. Авторы представляли советский социум как пассивный объект давления «сверху». Однако исследователи не обращались к проблеме поддержки «снизу», анализа социальной базы режима. Отчасти это объяснялось и контекстом времени работы – отсутствие источниковой базы, наличие «железного занавеса», пик «холодной войны».

С 1970-х гг. в зарубежной историографии формируется направление, которое впоследствии будут называть ревизионистским. Сторонники тоталитарной модели предпочитали рассматривать сталинский период с позиции господства государства и политической элиты над обществом, т. е. сверху; ревизионисты, напротив, преимущественно рассматривали советское общество и его интеракции с властью, т. е. снизу. Исследователи стали обращаться к вопросам участия в мобилизационных кампаниях низовых агентов власти, механизм репрессий стал анализироваться в контексте действия бюрократической системы.

Перестроечный и постсоветский периоды существенным образом расширили возможности исторических исследований раннесоветской эпохи и для зарубежных коллег, что существенным образом повлияло на методологические трансформации. Тоталитарная и ревизионистская концепции в «чистом» своем виде сегодня не являются актуальными. Сторонники первой вскоре стали обращать исследовательский интерес к изучению специфики массового сознания, а второй (социальные историки) – сосредотачивают анализ, помимо прочих факторов, формирующих массовое сознание, на воздействие властных структур, предпочитая говорить о его косвенных, в той или иной степени пронизывающих всю повседневную жизнь общества формах.

[105] *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. New York: Schocken, 1951. 477 pp.
[106] *Friedrich C. J., Brzezinski Z. K.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956. XIV, 346 pp.
[107] *Conquest R.* The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. New York: Macmillan, 1968. XIV, 633 pp.

Сегодня в зарубежной историографии исследуемого периода стоят те же проблемы, что и в отечественной – степень восприятия и принятия индоктринируемых ценностей, поведенческие практики, вопросы повседневности[108]. По-прежнему актуальны исследования экономической составляющей «революции сверху», проблемы политического управления, мобилизационных практик. Значительное внимание исследователей привлекает проблема коллективизации и ее следствий (как в экономическом, так и социальном отношении)[109].

Линн Виола, ныне одна из ведущих зарубежных специалистов по исследуемому периоду, изучая жизнь раннесоветской деревни, отмечает противоречие идеологических догм и действительности. Автор доказывает, что характер расслоения внутри деревенской общины в годы до коллективизации был неоднозначен, различия в ней нередко объяснялись полом или поколением, а отнюдь не наличием собственности или использованием наемного труда. Кроме того, она обращает особое внимание на изучение способов противодействия политике большевиков крестьянами[110]. Л. Виола квалифицирует коллективизацию как своего рода «гражданскую войну» между государством и крестьянством, оценивая данный процесс как конфликт культур, в котором политическая власть стремилась установить свое господство над деревней радикальными средствами[111].

Дискуссии вызывает проблема идентичности, которая оказалась чрезвычайно актуальной в условиях форсированных и стремительных преобразований, ломки привычного мировоззрения и разрушения социальной структуры. Так, в отношении рабочих современная западная историография обращается к вопросам индивидуальной и коллективной идентичности. Д. Кип и А. Литвин в своей работе, посвященной современной историографии сталинизма, описывая такой методологический подход, отмечают: «Сегодня стало не важно, сколько красных флагов развевалось на

[108] *Rolf M.* Soviet mass festivals, 1917–1991. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2013. 324 p.; *Brandenberger D.* Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination and Terror Under Stalin, 1928–1941. New Haven: Yale University Press, 2011 357 p.; *Davies S.* Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 236 p.

[109] *Merl S.* Collectivization and socialist agriculture (1917–1992): Revised comparison of the Soviet and East-European experience. Part I. Soviet collectivization under Stalin (1925–1953) // The Russian Peasant Studies. 2025. Vol. 10, № 2. P. 6–36.

[110] *Viola L.* Peasant rebels under Stalin... 312 p.

[111] Ibid. P. VIII.

демонстрации; скорее вопрос звучал так: о чем думали люди с красными флагами в руках?»[112].

По мнению ведущих исследователей в этой сфере – Ш. Фицпатрик, Г. Риттерспорн и С. Коткин, пролетариат был «мнимой общностью». Г. Риттерспорн доказывал, что сталинизм «деклассировал» рабочую силу, превратив ее в «массу», которая с трудом выносила приток необученных крестьян и таким образом «окрестьянивалась». С. Коткин, анализируя опыт магнитогорских рабочих, приходил к выводу, что политическое давление порождало конформизм[113].

Шейла Фицпатрик, изучая повседневные аспекты жизни советских граждан (как в городе, так и в деревне[114]), указывает, что последние постоянно рисковали, но это «не значило, что люди не боялись режима». Нормальной позицией советского гражданина был пассивный конформизм и внешнее послушание, считает автор. Фицпатрик отмечала поддержку режима частью населения.

Проблемы восприятия и идентичности современные зарубежные историки также анализируют через призму делопроизводственных источников органов ВЧК–ОГПУ–НКВД. Оценивая информационный потенциал делопроизводства данного ведомства, Андреа Грациози указывает, что обзоры спецслужбами общественного мнения были ошибочны. Составлены были такие источники согласно заранее поставленной формуле, где «хорошие» и «плохие» новости были записаны в определенных дозах, так что «высшее советское руководство... закончило тем, что питалось собственной пропагандой»[115].

П. Холквист отмечал, что смысл надзора советских спецслужб заключался не «ради простого описания состояния умов населения, а в целях управления этим

---

[112] *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М.: РОССПЭН, 2009. С. 74.
[113] Там же. С. 74. Со ссылкой на Making Workers Soviet: Power, Class and Identity / ed. L. H. Siegelbaum. R. G. Suny. Ithaca NY; L.: Cornell University Press, 1994. 399 p.
[114] *Fitzpatrick Sh.* Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York: Oxford University Press, 1994. 386 p.; *Fitzpatrick Sh.* Everyday Stalinism: ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s. New York: Oxford University Press, 1999. 288 p.
[115] *Грациози А.* Новые архивные документы советской эпохи: источниковедческая критика // Отечественные записки. 2008. № 5. С. 204–224.

состоянием и придания ему определенной формы»[116]. Таким образом, сам механизм надзора становится одним из способов социальной мобилизации. Важным выводом Холквиста заключается тезис о том, что «надзор за настроениями населения нельзя считать присущим исключительно социализму или большевистской идеологии», так же как нельзя считать его типично русским явлением.

Западная историография рассматривает советский опыт, в том числе мобилизационный тип взаимоотношений власти и общества, как вполне характерный для массового общества. К такому выводу приходит, например, П. Кинез[117]: автор отмечает характерную черту массовых обществ – использование мобилизационных методов. Спецификой же советского варианта, по его мнению, являлась система «внедрения взглядов».

Для нашего исследования важное концептуальное значение имеет вклад Дж. Скотта в разработку данной тематики. На значительном массиве материалов компаративного характера он проанализировал опыт реализации «благих намерений» (преобразований «сверху») тем или иным государством по отношению к обществу при его переходе от традиционного к современному. Отечественная деревня, будучи одним из главных объектов большевистских преобразований «сверху», оказалась вовлечена в своего рода войну с государством (такая «война» и стала методом «преобразования»). Коллективизация советского сельского хозяйства характеризуется автором как чрезвычайный, но показательный пример деструктивного по своим целям и результатам авторитарного высокомодернистского планирования[118]. В оригинальном издании монография Скотта имеет название «Seeing Like a State», что более адекватно отражает замысел автора и смысл его исследований. Именно государство и его институты оказываются актором преобразований и основными его бенефициарами.

Продолжая актуальную в отечественной историографии полемику о модернизационном потенциале исследуемых преобразований, стоит отметить и более

---

[116] *Холквист П.* «Осведомление – это Альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистка: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С. 48.

[117] *Kenez P.* The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929, Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 308 p.

[118] *Скотт Дж.* Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005. С. 318.

гибкие в своем объяснении модернизационных процессов построения, вводящие понятие множественной модерности, т. е. вариативности процессов в зависимости от специфики ее реализации в разных странах. Сторонники данной концепции оперируют более удачным понятием – «модерность», а не «модернизация», и предлагают альтернативный путь в рассмотрении дихотомии модерн/архаика применительно к оценке советского опыта в ходе трансформации от традиционного к индустриальному типу общества. Так, М. Дэвид-Фокс в дискуссии о наличии/отсутствии модерности в советском проекте предлагает «третий путь», рассматривая советский коммунизм как «альтернативный» капитализму, но провалившийся проект («несостоявшаяся модерность»)[119]. Опыт преобразований в СССР он определяет как *интеллигентско-этатистскую модерность*[120].

Историографический обзор свидетельствует о довольно глубокой и комплексной проработке исследуемого периода. Однако, несмотря на большое внимание исследователей к событиям рубежа 1920-х – начала 1930-х гг. годов, до сих пор отсутствует теоретическая модель, объясняющая цель, смысл, характер и последствия форсированных преобразований, их влияние на социум. Проведенное нами исследование опирается на указанные выше исторические и социологические подходы и оценки, соединение потенциала которых позволяет осуществить более глубокое (в том числе ***методологически***) понимание процессов радикальной трансформации взаимосвязей власти и социума на рубеже конца 1920-х – начала 1930-х гг.

Нами предложена следующая ***рабочая гипотеза***: модернизация (или «ленинская триада» – индустриализация, коллективизация, культурная революция) служила интересам укрепления формировавшегося персоналистского режима посредством осуществления радикальной этатизации/огосударствления основ жизнедеятельности раннесоветского социума. Процесс этатизации носил не только масштабный и форсированный характер, но и в ходе реализации отличался избыточностью, чрезмерностью как самих действий институтов власти, так и ее последствий. В исследовании феномена радикальной этатизации нами проводится различие между

[119] *Дэвид-Фокс М.* Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М.: НЛО, 2020. 456 с.
[120] Там же. С. 27.

объективным процессом огосударствления как одной из базовых функций государства и радикализацией как политическим инструментом обострения социальных отношений в СССР в исследуемый период.

Объектом исследования выступает комплекс взаимоотношений институтов власти и управления с социальными группами сибирского социума на рубеже 1920–1930-х гг.

Предметом исследования является радикальная трансформация взаимоотношений партийно-государственных институтов с группами сибирского социума в интересах установления максимально достижимого управления и контроля над основными сферами жизнедеятельности социума и реакция последнего на действия властных структур.

Цель: выявить факторы и модели трансформации взаимоотношений власти и социума в Сибири в условиях радикальной трансформации (вторая половина 1929–1930 г.).

Задачи исследования:

- *установить* цель, задачи, специфику «социалистических» преобразований в стране и регионе на рубеже 1920–1930-х гг.;
- *обосновать* применимость концепции радикальной этатизации основ жизнедеятельности раннесоветского социума к исследуемому периоду;
- *определить* направления трансформации региональных институтов власти и управления в ходе обеспечения ими «социалистических» преобразований;
- *проследить* стратегии и специфику социального поведения различных слоев и групп регионального социума в ответ на «вызовы» радикальных преобразований «сверху»;
- *охарактеризовать* кратковременные последствия радикальной трансформации взаимоотношений властных институтов и сибирского социума в исследуемый период.

Хронологические рамки исследования – полтора года (вторая половина 1929 г. – конец 1930 г.). Нижняя граница – переход отношений власти и крестьянства в

радикальную фазу вокруг борьбы за ресурсы сельскохозяйственного производства («борьба за хлеб»), тогда как ускоренное создание колхозной системы тогда еще не было ключевой задачей власти. Летом–осенью 1929 г. власть форсировала применение внеэкономических методов в отношениях с крестьянством: разверстку планов госзаданий до каждого селения и дворов в нем, кратные штрафы за их невыполнение с конфискацией имущества и высылкой глав хозяйств, значительное расширение функций ОГПУ по осуществлению внесудебных репрессий вплоть до расстрела, наращивание интенсивности партийных мобилизаций (от командировок в регионы членов ЦК партии до участия в кампании десятков тысяч уполномоченных разного уровня). Это вызвало как поддержку низов деревни, так и ответный рост форм и масштабов крестьянского протеста. Верхняя граница обусловлена корректировкой первоначально жесткой стратегии преобразований, значительным снижением интенсивности как карательной политики в деревне, так и крестьянского активного и пассивного сопротивления форсированному огосударствлению аграрного производства. В городах ликвидированы институциональные основы частнохозяйственной деятельности (биржи, коммерческие банки, другие рыночные механизмы). Для понимания генезиса и последствий данных процессов в работе рассмотрены также события второй половины 1920-х гг. и в 1931 г.

Территориальные рамки работы: Сибирский край (до июня 1930 г.), затем – Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края. Выбор Сибирского края (и его последующих административных преобразований) в качестве ключевого территориального объекта данного исследования обусловлен рядом фундаментальных причин, которые выводят Сибирь из положения периферии в эпицентр процесса радикальной этатизации и сплошной коллективизации. Это позволяет рассматривать регион не как пассивный объект политики центра, но как систему со своими акторами, действия которых оформляли политику партии в наиболее жесткую и законченную форму. Сибирь в юго-западной ее части, наравне с Украиной, Северным Кавказом и Поволжьем, являлась одной из важнейших житниц страны с относительной зажиточностью крестьянства. Обширные ненаселенные и труднодоступные территории Сибири стали местом для дислокации крупных спецпоселений. Удаленность, масштаб, социально-экономическое разнообразие региона, роль и место последнего в общем

контексте социально-экономических преобразований потребовали применение радикальных методов для установления контроля над территорией и ее населением. Территория Сибирского края и его население представляют собой уникальную исследовательскую модель, в рамках которой процесс радикальной этатизации раннесоветского социума проявился в концентрированном и репрезентативном виде.

Методологически исследование построено на междисциплинарной интеграции подходов истории, социологии и политологии, общим **методологическим фундаментом** является структурный функционализм в его операционализации применительно к цели и задачам данной работы.

Макроуровень исследования основан прежде всего на концепции социального действия М. Вебера, позволяющей рассматривать радикальную этатизацию как большое социальное действие. Социальное действие – это преднамеренные комплексы поступков, связанные с выбором средств и направленные на достижение определенной цели. Социальное действие соотносится с действием индивидов и социальных групп и ориентируется на него[121]. Действия Сталина и большевистского руководства были ориентированы на других. Но не в смысле учета их интересов, а в смысле стратегического предвидения и управления их реакцией. Действия руководства действительно были ориентированы на «других», но эти «другие» выступали не как равноправные субъекты взаимодействия, а прежде всего как объект преобразования, потенциальный враг или ресурс для мобилизации. Вебер выделяет типы социального действия, что позволяет рассматривать данную типологию для понимания механизмов и динамики взаимодействий субъектов радикализации (а также конфликт государства и сельского социума). Масштабное социальное действие, предпринятое властью, имело множество непредвиденных последствий именно потому, что реальная реакция «других» отличалась от той, на которую была ориентирована власть. Концепция дисциплинарной власти французского исследователя М. Фуко[122] важна для исследования власти как технологии, цель которой – достичь подчинения и управления обществом (социальная инженерия). Дисциплинарная власть по Фуко – это непрерывное и неизбежное (всеохватное) властное воздействие на индивида, меняющее

[121] *Вебер М.* Основные социологические понятия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 603.
[122] *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.

в итоге его социальное поведение. Это масштабная система надзора (деятельность органов ОГПУ по сбору информации о настроениях населения, стимулирование практики доносительства, контроль за передвижением населения), нормализации и классификации (деление населения на категории, создание образцов желаемого и нежелаемого поведения, кампании «борьбы с перегибами» как способ коррекции дисциплинарных эксцессов), организации пространства (коммунальные квартиры и общежития, коллективные хозяйства, система спецпоселений).

Проявление и реализация социального действия в форме радикализации взаимодействий ее участников рассматриваются нами на примере концепции современного американского исследователя Алекса Шмида[123], в которой он дает определение процесса радикализации, предлагает способы измерения последнего, указывает причины и следствия данного процесса для социума, вводит деление акторов на действующих как «снизу», так и «сверху», фиксирует различные уровни проявления изучаемого феномена. Концепция Шмида позволяет перевести анализ из плоскости констатации насилия в плоскость изучения процесса взаимной радикализации. Последняя рассматривается как динамика нарастания готовности сторон (партийное государство / группы сибирского социума) к санкционированию и применению крайних форм действия (чрезвычайные меры, внесудебные репрессии – с одной стороны; открытый протест, «бабьи бунты», саботаж – с другой) для достижения своих целей. Дихотомия акторов («сверху» и «снизу») позволяет рассматривать взаимодействие двух сторон радикализации. Измерение радикализации проявляется в анализе качественного изменения практик: переход власти от экономического и административного давления к прямым репрессиям, конфискациям и депортациям; переход крестьянства от скрытого саботажа к массовым открытым выступлениям. Концепция Шмида позволяет реконструировать логику эскалации насилия в Сибири, где радикализм становился формой взаимодействия в рамках форсированной этатизации между партийным государством и сибирским социумом.

[123] *Schmid A. P.* "Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review", The International Centre for Counter-Terrorism – The Hague 4, no. 2 (2013). DOI: 10.19165/2013.1.02.

Мезоуровень исследования также представлен несколькими теоретическими построениями. В исследовании нашел применение исторический институционализм[124], который позволяет анализировать не только отдельные действия и конфликты, но и устойчивые институциональные структуры, формировавшие логику взаимодействия власти и социума в Сибирском крае. Этот подход акцентирует внимание на траекториях зависимости и объясняет, почему сложившиеся институты могут сохранять свою конфигурацию даже при утрате исходной функциональности. Ключевым для данного исследования является понятие критических точек – периодов институциональных сдвигов (коллективизация, «чрезвычайные» кампании начала 1930-х гг.), в которых принимались решения, задавшие долгосрочную траекторию отношений между партийным государством и сибирским социумом. Исторический институционализм также позволяет объяснить устойчивость неэффективных институтов (слабость низовых органов управления, несогласованность властных вертикалей между собой) не как функциональную недостаточность, а как результат распределительных эффектов: существующая институциональная матрица обеспечивала интересы региональной номенклатуры и позволяла купировать протестный потенциал ценой консервации административной неэффективности. Также данный подход акцентирует взаимодействие формальных и неформальных институтов: наряду с официальными структурами важную роль играли неформальные практики (патрон-клиентские сети, доносительство как институционализированная форма контроля и пр.), что позволяет более полно реконструировать механизмы радикализации и ответных стратегий населения Сибири.

В продолжение логики концепции социального действия здесь находит место модель изучения непреднамеренных результатов преднамеренного социального действия Р. К. Мертона[125], в рамках которой объясняются причины появления непредвиденных акторами последствий реализуемых программ социальных преобразований «сверху» (знание/незнание; ошибки оценки ситуации; «императивность ближайшего интереса» («здесь и сейчас»); выход за пределы той области/сферы, для

[124] *Thelen K., Steinmo S.* Historical Institutionalism in Comparative Politics // Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis / ed. by S. Steinmo, K. Thelen, F. Longstreth. Cambridge, 1992. P. 1–32.
[125] *Мертон Р. К.* Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

которой оно предназначалось). Данная концепция становится инструментом для объяснения, почему радикальный этатистский проект, реализуемый «сверху», привел в Сибири не только к запланированному установлению контроля, но и к масштабным деструктивным (в том числе и для системы) результатам: кризису легитимности власти и подрыву экономического потенциала аграрного сектора.

Радикальная этатизация советского социума на рубеже 1920–30-х гг. являлась сложным процессом, где социальные конфликты были инструментированы и перенаправлены государством для укрепления своей власти и уничтожения альтернативных центров влияния. Инструментальность конфликта как способа формирования новой общественной системы позволяет зафиксировать концепция социального конфликта Л. Козера. Для исследования также важна классификация автора конфликтов с делением их на нереалистичные и реалистические[126]. Другой ракурс феномена радикальной этатизации позволяет увидеть модель социальной мобилизации в ее интерпретации отечественными историками. Огосударствление в таком случае рассматривается через процесс тотальной социальной мобилизации, в котором институты власти целенаправленно переструктурировали и подчиняли себе основные социальные группы, используя для этого широкий комплекс средств – от идеологического стимулирования до принуждения и террора[127].

На микроуровне анализ изучаемых событий через призму аномии[128] позволяет зафиксировать, что этатизация была не только политическим или экономическим процессом, но и сопровождалась глубинным антропологическим сдвигом. Аномия рассматривается как распад нормативной системы (по Э. Дюркгейму), как разрыв между целями и средствами (по Р. К. Мертону), что позволяет увидеть разные адаптационные стратегии индивидов в условиях, где ранее легальные средства достижения декларируемых целей оказывались недоступны. Аномия определяется как состояние социума при дезорганизации социальных норм и институтов, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не

[126] *Козер Л.* Функции социального конфликта… С. 97.
[127] См. обзор теории и историографии проблемы: Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.)… С. 9–22, 34–41.
[128] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.; *Мертон Р. К.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.

утвердились, при расхождении между провозглашаемыми обществом целями и доступностью для массы людей законных средств их достижения. В аномичном социуме разрушены горизонтальные социальные связи, высок уровень недоверия друг к другу, традиционные нормы и институты ликвидированы. Аномия являлась не просто «фоном» этатизации, а необходимым условием ее реализации.

Важным для микроуровня анализа является понимание политического отчуждения, ключевые аспекты которого раскрывает Н. В. Шихардин, анализируя наследие Анри Лефевра[129]. Его анализ позволяет интерпретировать этатизацию как процесс, в котором индивид, превращаясь в пассивный объект управления, внутренне принимает свою фрагментарную роль, что закрепляет его отчуждение от государства и собственной политической субъектности. В сочетании с концепцией аномии это позволяет увидеть, как распад традиционных норм (аномия) сочетался с формированием нового типа «раздвоенного сознания»: внешнего конформизма и внутренней пассивности, что стало основой для устойчивости этатизированной системы.

Применяемые в исследовании методы: общенаучные (классификации, типологизации, системный, анализ, аналогия и пр.), специально-исторические, междисциплинарные. Специально-исторические методы: историко-сравнительный метод, позволяющий раскрывать сущность исследуемых форм взаимодействий власти и социума, их особенные и общие характеристики, установить происходившие изменения на протяжении изучаемого периода. Историко-генетический, который заключается в обнаружении свойств, функций изменений социально-политического взаимодействия, установлении причинно-следственных связей и закономерностей. Типологический метод позволяет сформировать паттерн социального поведения. Структурный метод позволяет установить субъектно-объектные связи внутри мобилизационных кампаний.

Из междисциплинарных методов в данной работе применяется метод дискурс-анализа. Для анализа поведения групп и слоев населения, оценки взаимодействия институтов власти и социума используются методы социальной конфликтологии –

[129] *Шихардин Н. В.* Концепция этатизации: А. Лефевр и Л. Альтюссер // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2008. Т. 6, № 3. С. 166–171.

структурно-функциональный, процессуально-динамический, типологизация. Для анализа мира повседневности используется метод конкретных ситуаций (case study).

В работе используются следующие основные ***понятия (базовые термины).***

«*Сибирский социум*» – совокупность социальных групп, проживавших на территории Сибирского края в исследуемый период и обладавших специфическими демографическими, хозяйственными и культурными характеристиками. В демографической структуре преобладало сельское население, представляющее собой многочисленный слой единоличников с высокой долей зажиточных и середняцких крестьянских хозяйств. Наряду с этим существовали значительные городские центры (краевые и окружные города, рабочие поселки), как унаследованные от дореволюционного времени, так и возникшие после установления советской власти. Городской социум отличался пестрым составом: предприниматели разного уровня, служащие, квалифицированные рабочие, учащаяся молодежь, безработные, деклассированные элементы. В сельской местности основную массу составляли крестьяне-единоличники и колхозники, среди которых выделялась категория «лишенцев» (лиц, лишенных избирательных прав). Кроме того, в деревне проживали представители сельской интеллигенции, а также значительный контингент спецпереселенцев и уголовных ссыльных. Повседневная жизнь социума была отмечена продовольственными трудностями, жилищным кризисом, а также чрезвычайно стремительной урбанизацией конца 1920-х – начала 1930-х гг., деформировавшей привычные уклады. Важными параметрами выступали дисперсность расселения и миграционная подвижность (переселенческий поток, депортации, беженство). Социум отличался особой культурной идентичностью, формирование которой определялось историческим опытом: Гражданской войной, местом массовой ссылки, восприятием региона как «внутренней колонии». Это самовосприятие, подкрепленное практиками хозяйственной автономии и традиционным недоверием к государственным институтам, предопределило острую конфликтогенность взаимодействия с властью в период радикальной этатизации.

«*Радикализация*» – индивидуальный или коллективный/групповой процесс, при котором, как правило, в ситуации политической поляризации становится невозможна нормальная практика диалога, компромисса и терпимости между политическими

субъектами и группами с расходящимися интересами. Одной или обеими сторонами в конфликтной диаде отбрасываются возможности конструктивного взаимодействия в пользу растущей приверженности конфронтационной тактике ведения конфликта.

«*Этатизация*» – это процесс расширения государственного контроля над обществом, включающий: институциональное вмешательство в экономическую, социальную, политическую и духовную сферы; идеологическое доминирование – утверждение примата государственных ценностей над индивидуальными; монополизацию власти, ведущую к ограничению гражданских свобод и усилению политического отчуждения.

«*Революция сверху*» – эвфемизм, призванный идеологически обосновать радикальную трансформацию прежде всего сельского социума в конце 1920-х – нач. 1930-х гг. В данном контексте под «революцией» подразумевалась не смена формы политической власти, а кампания «сплошной коллективизации», интерпретировавшаяся официальной пропагандой как глубочайший социально-экономический переворот. Этот процесс представлялся как скачок из старого «буржуазно-индивидуалистического» качественного состояния общества в новое, что, по утверждению властей, по своим историческим последствиям было равнозначно Октябрьской революции 1917 года. В нашем исследовании под «революцией сверху» мы понимаем процесс масштабной радикальной и насильственной этатизации прежде всего сельского социума.

«*Великий перелом*» – еще один эвфемизм исследуемого периода. В ноябре 1929 г. Сталин декларирует «Великий перелом» в деревне, ознаменовавший якобы начало массового перехода середняков в коллективизированный сектор аграрного производства. Однако, как свидетельствуют данные исторических исследований, реального массового движения середняков в коллективы не наблюдалось. «Великий перелом» существовал прежде всего как идеологический конструкт, на основе которого позднее был провозглашен лозунг перехода от политики «ограничения эксплуататорских тенденций кулачества» к политике «ликвидации кулачества как класса» на «основе сплошной коллективизации» – т. е. массовой насильственной этатизации деревни. В нашем исследовании это начало радикального наступления со стороны партийного государства в процессе этатизации сельского социума.

«*Чрезвычайщина*» – рутинизация чрезвычайных мер, вызванная стремлением того или иного режима любой ценой удержать власть / реализовать преобразования, не отвечающие интересам основных групп социума.

«*Социальное поведение*» – это совокупность человеческих поведенческих процессов, связанных с удовлетворением физических и социальных потребностей и возникающих как реакция на окружающую социальную среду. Субъектом социального поведения может быть как индивид, так и социальная группа.

«*Социальный конфликт*» – борьба за ценности и притязания на статус, власть и ресурсы, в ходе которой оппоненты нейтрализуют, наносят ущерб или устраняют своих соперников. Конфликт способствует сохранению, урегулированию норм к новым условиям, в этом смысле социальный конфликт является механизмом приспособления либо адаптации социальных отношений и социальных структур[130].

«*Социальная напряженность*» (СН) – состояние социума (или его отдельных социальных групп), для которого характерны рост фрустрации, недоверия к институтам власти, стойкое ощущение социальной несправедливости, конфликтность. Это специфический «барометр» состояния социума, когда высокий и устойчивый уровень напряженности сигнализирует о кризисе легитимности власти и угрозе социального взрыва.

«*Аномия*» – социальная дезорганизация, распад в культурной структуре, происходящий в особенности тогда, когда существует острое расхождение между культурными нормами и целями и социально структурированными возможностями членов групп действовать в соответствии с данными нормами культуры.

«*Конформность*»[131] – изменение в поведении, мнениях или стратегиях адаптации индивида, происходящее под непосредственным влиянием реального или воображаемого давления со стороны внешнего социального актора (человека, социальной группы или конкретного представителя институтов власти).

---

[130] *Козер Л.* Функции социального конфликта… С. 32, 59, 182.

[131] Социально-психологический уровень, термин употреблен в соответствии с концепций Э. Аронсона // *Аронсон Э.* Общественное животное: введение в социальную психологию. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. 416 с.

«*Конформизм*»[132] – нормативный тип индивидуальной адаптации в условиях ценностно-нормативного кризиса (аномии), при котором субъект полностью принимает как радикально трансформированные государством макросоциальные цели, так и новые институциональные (легальные) средства их достижения.

Автор считает необходимым сделать терминологическое уточнение относительно понятийного аппарата исследования. Несмотря на то, что в официальном русскоязычном переводе фундаментального труда Р. Мертона «Социальная теория и социальная структура» первый тип индивидуальной адаптации (ориг. *Conformity*) переведен как «конформность»,[133] в рамках данной работы представляется методологически оправданным разводить понятия «конформность» и «конформизм». Подобный подход продиктован необходимостью разграничения исследовательских уровней. Термин «конформность» используется нами на микроуровне для фиксации социально-психологических реакций индивидов на прямое давление внешних акторов (по Э. Аронсону). В то же время заимствованный у Р. Мертона концепт макросоциальной адаптации к условиям аномии традиционно интерпретируется в отечественной историко-социологической литературе как «конформизм», что позволяет наиболее адекватно описать мезо- и макроуровни интеграции советского социума в радикально изменившуюся государственную систему.

«*Мобилизация*» – партийно-государственная политика, направленная на достижение индивидами и группами социума такого состояния, когда последние находятся в состоянии готовности к нужным власти действиям. Мобилизация противопоставляется самостоятельному участию или выбору. Выделяют мобилизацию соревновательную и авторитарную. Соревновательная не подменяет полностью автономной активности граждан и включает два взаимосвязанных и взаимодействующих института: институт общественного мнения, мнения индивидуумов и групп, с одной стороны, и институт интересов власти, политических лидеров и организаций, с другой[134]. Авторитарная мобилизация сводится к воздействию

[132] Социологический уровень, термин употреблен в соответствии с концепций Р. К. Мертона // *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура М.: АСТ: Хранитель, 2006. 873 с.
[133] *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура ... С. 256.
[134] *Гончаров Д. В*. Политическая мобилизация // ПОЛИС. 1995. № 6. С. 130.

на общественное сознание, в ней аккумуляция общественных интересов подменяется работой по «политическому просвещению масс».

«*Восприятие*» – комплекс представлений и отражений в сознании представителей советского социума большевистских доктрин и конкретных пропагандистских кампаний.

«*Индоктринация*» – целенаправленное распространение какой-либо политической идеи для формирования определенного общественного сознания[135].

Обзор источников. Основной корпус источников сформирован путем выявления и отбора последних в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), научной библиотеки ГАРФ (НБ ГАРФ), Государственного архива Новосибирской области (ГАНО), Государственного архива Томской области (ГАТО), Центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО), Российской государственной библиотеки (РГБ), Государственного архива Иркутской области (ГАИО), Центра документации новейшей истории Иркутской области (ЦДНИ ИО). Источниковую базу диссертационного исследования составили различные виды письменных источников[136].

Законодательно-нормативные источники. Обращение к законодательным источникам обусловлено отражением в них нормативных рамок радикальной этатизации раннесоветского социума. Проанализированы относящиеся к проблеме исследования статьи Конституции СССР (1924), РСФСР (1925), Гражданского, Уголовного, Трудового кодексов РСФСР, законодательные акты ЦИК СССР и ВЦИК, постановления СНК СССР, СНК РСФСР и Сибирского краевого исполнительного комитета (СКИКа). Законодательные источники данного периода формальны, они политически ангажированы. Функционально их назначение заключалось в идеолого-

[135] Политическая наука: Словарь-справочник / сост. И. И. Санжаревский. 2010. URL: http://niv.ru/doc/dictionary/political-science/fc/slovar-200-1.htm#zag-899 (дата обращения: 01.06.2025).
[136] *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 281 с.

мировоззренческом «конструировании», а не в фиксации реально существующих или планируемых форм общественных отношений[137].

К особому типу отнесены постановления и распоряжения ЦК ВКП(б) и его Политбюро, а также постановления Краевого комитета партии. Партийные решения, включая резолюции партийных съездов, конференций и пленумов ЦК, обладали характером обязательности к исполнению всеми институтами власти, поскольку принимаемые решения высших партийных органов лежали в основе практической деятельности государства. В. В. Кабанов отмечает, что партийные оценки и директивы, запечатленные в обширной партийной документации, страшны и опасны тем, что в теоретических конструкциях и практической деятельности опирались на ложные мертворожденные схемы[138].

Наиболее массовой группой источников выступала *делопроизводственная документация* партийных, государственных, общественных органов и учреждений, где находила свое отражение реализация директивных актов на практике. В работе выявлен и проанализирован разнообразный корпус делопроизводственных документов: стенограммы партийных и советских съездов и региональных конференций; инструкции; информационные сводки/отчеты партийных и советских учреждений; информационные отчеты и специальные сводки органов ОГПУ – как центрального аппарата, так и его полномочного представительства Сибирского края; протоколы заседаний, стенограммы совещаний краевых, окружных и районных органов Сибирского края; делопроизводство прокуратуры, суда и других административных органов, прежде всего краевого уровня; протоколы заседаний низовых организаций (сельсоветов, женотделов и пр.).

Делопроизводственные источники также требуют критического подхода к содержащихся в них информации и оценок. Региональные функционеры, стремившиеся подчеркнуть эффективность работы, как правило, корректировали поток сведений, направляемый «в центр». В частности, информационные и оперативные сводки сибирского полпредства ОГПУ, несмотря на их непубличность, также обладали

[137] *Медушевский А. Н.* Сталинизм как модель социального конструирования // Российская история. 2010. № 6. С. 3–29.
[138] *Кабанов В. В.* Источниковедение истории советского общества: курс лекций. М., 1997. С. 53.

тенденциозностью в подаче материалов, хотя руководство органов безопасности и специалисты Информационного отдела ОГПУ осуществляли перепроверку и согласование собственных данных с другими ведомствами[139].

В работе также были использованы *статистические* источники. Нужно учитывать, что со второй половины 1920-х годов обозначилась тенденция к подчинению статистики задачам разработки государственного плана и наблюдения за его выполнением. В 1930 г. было упразднено ЦСУ СССР, а вся статистическая работа возложена на экономико-статистический сектор Госплана. Для последнего статистические исследования являлись задачей скорее вторичного характера по сравнению с деятельностью по созданию форм хозяйственной отчетности и обобщению ее результатов. В качестве статистических источников общесоюзного уровня нами были использованы материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г.[140] и опубликованный статсборник о населении СССР[141], на региональном – издание Статсправочник статсектора Крайплана[142]. Эти данные использованы для анализа численности и состава населения региона, социального состава сибирской парторганизации, а также советских учреждений всех (начиная с краевого и ниже) уровней, сравнения данных на советском уровне, уровне РСФСР и Сибирского края.

В исследовании использованы публикации *периодической печати* (материалы «Советской Сибири» – ежедневной газеты Сибкрайкома и Сибкрайисполкома, выпуски за 1929–1930 гг. «Социалистического вестника» – центрального печатного органа заграничной делегации РСДРП (1921–1965)).

Для проведенного исследования важное значение имеет особый комплекс, включавший в себя документальные и нарративные источники, отложившийся в делопроизводстве полпредства ОГПУ по Сибкраю в качестве приложений в перепечатанном виде к информационным сводкам: анонимные послания/воззвания/листовки и иные направленные к различным адресатам обращения

[139] *Колодникова Л. П.* Советское общество 20-х годов XX в. … С. 20.
[140] Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М., 1927–1929. В 10 т. Вып. 3: Население СССР. 1927. 63 с.; Вып. 10. Население Союза ССР по положению в занятии и отраслям народного хозяйства. 1929. 250 с.; Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929. 179 с.; Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926–1927. Таблицы смертности. М.–Л.: Планхозгиз, 1930. 139 с.
[141] Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973: стат. сборник. М., 1975. 207 с.
[142] Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана. 1930. 804 с.

– как «во власть», так и своим согражданам. Эта категория источников неоднородна, в ней зафиксированы настроения и позиции практически всех групп регионального социума – от крестьянства до представителей интеллигенции. Отличительными чертами народного творчества, обнаруживаемого в таких источниках, являлись образность, экспрессивность, присутствие нецензурной лексики, языка арго, просторечий. Часть из них была подвержены самоцензуре, ритуалам (если это были «письма во власть»). Нередко их авторы сознательно искажали лексику, подражая необразованному «мужику», использовали «эзопов язык», заимствовали и/или искажали официальный так называемый «деревянный язык» власти[143]. Кроме того, в делопроизводстве ОГПУ были зафиксированы частушки, стихи (изначально устные исторические источники, дошедшие до исследователя как часть делопроизводства), в которых находила свое отражение окружавшая их создателей реальность. Фольклор – результат стремления сохранить, запечатлеть ее в привычных когнитивных категориях.

Данная группа источников отражает мировосприятие и мироощущение рядовых крестьян (чаще всего авторство принадлежало именно им). Для этого источника характерна высокая степень субъективности, искажения, иносказательность. Однако именно указанная специфика и представляет возможность зафиксировать «низовое» восприятие событий, что является ценным для поставленных в исследовании задач. Таким образом, сформированная в ходе нашего исследования источниковая база является репрезентативной, позволяющей решать в необходимом объеме поставленные цель и задачи.

Положения, выносимые на защиту:

1. Применительно к определению сущности преобразований на рубеже 1920–1930-х гг., названных в «Кратком курсе» «революцией сверху» в советской деревне, представляется обоснованным говорить о процессе форсированного огосударствления, который не ограничивался аграрной экономикой и крестьянством, но затронул также городское население, приняв широкомасштабный и радикальный характер.

[143] *Шульц В. Л., Любимова Т. М.* «Деревянный язык» как зеркало революции // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 136–145.

2. Процесс ускоренного огосударствления реализовывался через политико-управленческие действия комплексно. В политической сфере – через ликвидацию оппозиции и создание жесткой вертикали власти, исключавшей местный плюрализм. В экономической сфере – через монополию госсобственности, что ставило население в полную зависимость от государства, превращая экономику в инструмент унификации, подчинения и социальной инженерии (перераспределение ресурсов, иерархия по уровню лояльности). В социоструктурной сфере – через уничтожение одних групп и насильственную трансформацию основ жизнедеятельности других. В социально-психологической сфере – через манипуляцию общественным сознанием, разрушение горизонтальных социальных связей, культивирование образа партийного государства как единственного гаранта жизни и существования каждого индивида.

3. Насилие, принуждение, социальные мобилизации из ситуативного способа решения и преодоления возникших кризисных ситуаций превращались в необходимую сущностную характеристику системы власти, находившую выражение в устойчивом воспроизводстве «чрезвычайщины». Это было актуально и для Сибирского края с его специфической социальной структурой и слабостью низовых органов управления. Здесь партийно-государственные структуры столкнулись с острыми формами протестного поведения прежде всего значительных групп крестьянства (зажиточная и середняцкая части деревни).

4. В Сибирском регионе этатизация основ городской жизнедеятельности протекала не столь форсированно, чем в деревне, осуществляясь на протяжении второй половины 1920-х гг. прежде всего через поэтапное вытеснение и ликвидацию частнохозяйственных укладов и монополизацию торговли. Город находился на более высоком уровне государственного управления и контроля над поведением его жителей. Это обусловило необходимую для власти степень подчинения и атомизации социума и исключало какие-либо возможности противодействия ужесточению форм государственного регулирования социальной повседневности горожан.

5. Радикальную этатизацию деревни ряд исследователей оценивает как «гражданскую войну» власти с крестьянством. В Сибири конфликт принял острые формы из-за зажиточности крестьянства, слабости местной власти и игнорирования

региональной специфики центром. Раскрестьянивание в этот период включало кардинальные изменения экономических, социальных, демографических, культурных и психологических характеристик крестьянства; его основой стала ликвидация единоличного (семейного) хозяйства. Этот процесс выражался не только в трансформации социальной структуры и психологического облика (утрата связи с землей, деформация института семьи), но и принимал экстремальные формы (репрессии, массовое беженство, самоликвидация хозяйств).

6. Насилие со стороны власти вызывало реакцию – крестьянское сопротивление в различных формах. Низовой протест сибирского крестьянства в рассматриваемый период демонстрировал массу способов открытого и скрытого противодействия как агентам власти, так и сельским активистам, имел своих разнообразных акторов, однако проявление общекрестьянской солидарности носило ситуативный и неустойчивый характер.

7. Радикализм как практика осуществленного в стране крупномасштабного конфликтного социального действия содержал в себе чрезвычайно деструктивный и саморазрушительный для всех сторон конфликтов характер. В долгосрочной перспективе он привел к формированию диспропорций в структуре национального хозяйства страны, углублению разрыва между городом и деревней, деформации трудовой мотивации. Изъятие активного экономического слоя сибирского крестьянства и формирование колхозной системы подорвало потенциал развития аграрного сектора на десятилетия вперед.

Новизна исследования – в переосмыслении феномена «Великого перелома» на сибирском материале в логике радикальной трансформации взаимодействия «власть – социум». Выполнен комплексный анализ возможностей и ограничений политики партийного государства, взаимовлияния государственного насилия, низовых протестов и адаптационных практик населения. Операционализирован понятийный аппарат ряда социологических и политологических концепций. Впервые на региональном материале изучены функции и деятельность различных категорий уполномоченных власти в деревне, феномен женского протестного активизма («бабьи бунты»), характер и

масштабы кампании «борьбы с перегибами» в Сибири весной 1930 г., восприятие радикальной этатизации на низовом уровне группами сибирского социума.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении концептуального аппарата исторической науки: на основе интеграции методов истории, социологии и политологии предложена авторская трактовка концепции радикальной этатизации основ жизнедеятельности раннесоветского социума. Практическая значимость состоит в возможности применения выводов исследования в учебных курсах по отечественной истории, а также в экспертно-аналитической работе при репрезентации исторических событий исследуемого периода в архивной и музейной практике.

Достоверность результатов обеспечивается репрезентативностью и разнообразием источников, методами обработки и анализа извлеченной из них информации, корректным применением теоретико-методологических подходов и концепций, а также соотнесением полученных выводов с результатами предшествующих исследований. Полученные результаты прошли **апробацию** в публикациях. Опубликованы 16 научных работ, цитируемых в РИНЦ (тезисы, статьи), 6 статей из которых опубликованы в журналах из перечня ВАК (из них 5 – по специальности «Отечественная история», в том числе 1 статья – Scopus) и в выступлениях с докладами на Всероссийских и региональных конференциях (9).

Структура диссертации обусловлена задачами исследования и включает в себя: вводную часть, четыре главы (глава 1: Проект радикальной этатизации советского социума в конце 1920-х – начале 1930-х гг. как исследовательская проблема; глава 2: Институты и акторы региональной власти в условиях осуществления радикальной этатизации; глава 3: Городской социум Сибири в условиях социально-политического кризиса 1929–1930 гг.; глава 4: Сельский социум Сибири в условиях социально-политического кризиса 1929–1930 гг.), заключение, список использованных источников и литературы, приложения.

Глава 1

ПРОЕКТ РАДИКАЛЬНОЙ ЭТАТИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО СОЦИУМА В КОНЦЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ. КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

Первая глава диссертации носит преимущественно концептуальный характер. В первом параграфе реконструирована историческая «канва» радикальной этатизации советского социума. Проанализированы конкретные решения центральных и региональных органов власти, кризисные явления в системе, причины форсирования «преобразований», реакции регионального и окружного руководства на проводимую политику.

Во втором параграфе критически анализируется модернизационная парадигма применительно к преобразованиям конца 1920-х – начала 1930-х гг. Показано, что «революция сверху» не сводится к форсированной экономической модернизации, а представляет собой идеологический проект, основанный на отказе от развития негосударственных хозяйственных укладов, политико-экономической автаркии и жестком централизованном руководстве страной. Процесс этатизации представлял собой выстраивание новой общественной системы, в которой огосударствление имело политическую, экономическую, социальную (и социально-психологическую), культурную основы.

В третьем параграфе введены и инструментализированы понятия «социальная напряженность», «радикализация» (рассматриваемая как целенаправленная политика, как процесс трансформации социальных отношений). Установлена связь между этими явлениями и процессом этатизации, который приобрел радикальный характер. Зафиксированы первые текущие ее последствия радикальной этатизации социума: рост социальной напряженности, атомизация социума, усиление радикализации социальных отношений. Данные социальные процессы только усиливали огосударствление и способствовали ему.

1.1. Цель, средства, институциональные механизмы радикальной этатизации социума

После прихода к власти большевистское руководство стремилось осуществлять свою программу будущего, изначально идейное основание которой лежало в западной политической философии, а воплощение приобрело уникальный характер в специфических российских реалиях. Большевики выглядели радикальными реформаторами, ориентированными на модернизацию страны в широком смысле слова. Однако проводившийся в первые годы новой власти эксперимент по «скачку» в коммунизм поставил под угрозу само существование режима. Практика оказалась важнее теории, и волюнтаристские эксперименты с «военным коммунизмом» с завершением Гражданской войны прекратились. В жизни социума наступил недолгий период нормализации.

Новая экономическая политика, с введением которой в практику вернулись некоторые институты рыночной экономики при сохранении большевистским государством за собой «командных высот», несла в себе очевидное рассогласование на языке марксизма между «базисом» и «надстройкой». Относительная нормализация социально-экономического положения в стране действительно оказывалась своего рода передышкой, после чего перед партийным руководством возникла альтернатива: либо продолжать движение в направлении дальнейшей либерализации экономической сферы, сопровождая ее реформированием политических и социальных институтов, либо расширять экспансию государства в экономическую и социальную сферы и, прежде всего, в политическом пространстве.

Начало новой, отличной от НЭПа политики следует отсчитывать от зимы 1927/28 года. XV съезд ВКП(б) (2–19 декабря 1927 г.) сопровождался дискуссией по ключевому вопросу – политике партии в деревне. Ранее Л. Д. Троцкий и ряд его сторонников выступали за максимальные вложения в тяжелую промышленность за счет деревни («перекачку» бюджета), а также за форсированное наступление на «кулачество». Если ранее Сталин и ближайшее его окружение выступали защитниками принципов НЭПа от «троцкистов и зиновьевцев», то ликвидация «левой» оппозиции дала возможность

Сталину приступить к радикальному решению всего узла социальных и экономических проблем во взаимоотношениях с деревней командно-репрессивными методами. Хотя и здесь он предпринял политический маневр, объявив данные чрезвычайные методы временными на период выхода из хлебозаготовительного кризиса. За трактовкой кризиса хлебозаготовок как «кулацкой хлебной стачки» стояла задача преодоления социально-экономической самостоятельности и независимости от государства крестьянской экономики как таковой, выстроенной на предпочтениях рыночных взаимодействий с властью. Национальный доход страны в своем формировании в 1920-е гг. действительно зависел от аграрного производства, и перед большевистским руководством стояла дилемма – либо сохранить сложившуюся структуру и пропорции в экономике, но постепенно модернизировать главные ее сектора, либо осуществить форсированную «перекачку» средств из аграрного производства в индустриальные сектора даже путем создания очевидных диспропорций между ними. Индустриализация требовала значительных финансовых и людских ресурсов, которые на тот момент давало прежде всего крестьянство. И зависимость от этих ресурсов власти большевиков, ставшая очевидной в 1927 г. («военная тревога») и в 1928 г. (кризис хлебозаготовок), создавала угрозу последней.

Для данного исследования важна развернувшаяся в верхнем эшелоне партии дискуссия о противоречиях относительно выбора перспектив дальнейшего развития страны в конце 1920-х гг. Опираясь на тексты выступлений партийных лидеров, прежде всего Сталина и Бухарина, следует отметить, что альтернативные подходы касались не целей развития экономики, политики и социальных вопросов (априорно главная цель определялась большевистской программой партии как строительство социализма), а переместились в сторону путей и методов их достижения. В то же время в ходе скорее непубличной полемики, не допуская официальных публичных оценок, Бухарин фактически указывал на стремление Сталина к достижению и удерживанию своей персональной власти над партией в качестве истинных намерений последнего. Расхождения двух лидеров, казалось бы, формально касались выбора методов дальнейшего развития страны, однако именно они в конечном счете привели к трагедии, коснувшейся не только деревни, крестьянства, но и города (рабочего класса, интеллигенции, служащих и других средних слоев).

Сталин в своих выступлениях на апрельском и на июльском пленумах ЦК 1928 г. акцентировал внимание на том, что основная причина кризисов состояла в наличии «внутренней контрреволюционной угрозы» в лице «кулачества» («кулацкая хлебная стачка») и «спецов-вредителей» («Шахтинское дело»). Позиция Н. И. Бухарина весной–летом 1928 г. состояла в приоритетном рассмотрении и акцентировании причин указанных кризисов и поиске выхода из них в рассмотрении социально-политических аспектов: об отношении между рабочим классом и крестьянством и политикой партии по отношению к различным слоям крестьянства, в том числе к зажиточному слою как к более частному вопросу по сравнению с угрозой «размычки» с крестьянством в первом случае и об отношении рабочего класса к технической интеллигенции и более широко о проблематике взаимоотношений партии с беспартийными массами во втором. Отвечая на критику оппозиции о том, что в хлебозаготовительном кризисе «кулак “регульнул” наше хозяйство» (которую фактически поддержал Сталин), Бухарин указывал в качестве первопричины, что «главное дело в наших ошибках и просчетах <…> Скорее мы сами себя регульнули»[144]. Применительно к причинам шахтинских событий, в отличие от Сталина, считавшего «вредительство» производным от «буржуазной» природы «старых» специалистов, Бухарин делал акцент на нарушении системы так называемых приводных ремней, соединяющей партию, профсоюзы, хозяйственников в их взаимодействии с рабочей массой и технической интеллигенцией[145].

Мысль о том, что кризисные явления порождаются прежде всего не происками враждебных новой власти социальных сил, а собственными ошибками и просчетами большевистского руководства, Бухарин развивал и в последующих своих публичных выступлениях первой половины 1928 г. В частности, фрагмент своей речи на VIII Съезде комсомола 9 мая 1928 г. он посвятил проблематике врагов «внутри нас самих», в отличие от прямых «классовых врагов», подразумевая под этим явления и признаки элементов разложения внутри самой партии (бюрократические извращения, преступления, алкоголизм и т. д.): «Мы постоянно должны смотреть и на свой

[144] *Бухарин Н. И.* Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии. К итогам апрельского пленума ЦК и ЦКК. Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП (б) 13 апреля 1928 г. // Бухарин Н. И. Путь к социализму. Избранные произведения. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. С. 273.
[145] Там же. С. 289.

собственный класс, и на самих себя для того, чтобы не упустить тех огромных язв, которые сидят непосредственно в теле нашего организма»[146].

Бухарин в приватном разговоре с Каменевым точно сформулировал две принципиальные установки Сталина, имевшие доктринальную природу: ресурсы непролетарских слоев и групп становятся объектом подчинения и эксплуатации партийным государством; императивом в дальнейшем взаимоотношении с ними должна стать непримиримая классовая борьба[147]. По Бухарину, обе сталинские установки являлись угрозой для самого существования государства («они [чрезвычайные меры] дают чрезвычайно резкий, большой, но – к сожалению – отрицательный эффект, ссоря нас со все более широким кругом крестьянства[148]»), поскольку неизбежно влекли за собой разрыв с крестьянством и фактически развязывание в деревне гражданской войны под видом осуществления «третьей революции».

В противовес сталинскому видению того, что политика определяет экономические и социальные отношения партийного государства с преимущественно непролетарскими, крестьянскими слоями населения, Бухарин считал ключевым принципом развития страны взаимодействие большевиков с ними на основах максимального учета социально-экономических интересов и потребностей последних. Бухарин настаивал на длительном сохранении товарно-денежных, рыночных отношений как основы «смычки» города и деревни, считая необходимым не противопоставление коллективных хозяйств индивидуальным, а их взаимодействие в целях развития аграрной экономики, считал недопустимым применение чрезвычайных внеэкономических мер в отношении крестьянства. Бухарин критиковал игнорирование экономических законов[149] («Закон цен умирает, но остается закон пропорциональных трудовых затрат»[150]), неадекватного планирования («руководство хозяйственной политикой опиралось на совершенно странные показания наших статистических

[146] *Бухарин Н. И.* Текущие задачи комсомола. Доклад на VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ 6 мая 1928 г. // Бухарин Н. И. Путь к социализму. Избранные произведения. С. 306–310.
[147] Речь Сталина И. В. на пленуме ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. // Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5-ти томах. Том 2. Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. Редколлегия тома: В. П. Данилов, О. В. Хлевнюк, А. Ю. Ватлин (отв. ред.), Е. Е. Кириллова, Л. Н. Малашенко. М.: МФД, 2000. С. 513–514.
[148] Речь Бухарина Н. И. на пленуме ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. // Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5-ти томах. Т. 2. С. 379.
[149] Во многом перекликаясь в этом отношении с критикой аграрной политики большевиков Б. Бруцкуса.
[150] Речь Бухарина Н. И. на пленуме ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. // Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5-ти томах. Т. 2. С. 377.

ведомств[151]»), обозначил проблему дезинформации и приоритета идеологии над информационным обеспечением («в верхушке боевое спокойное настроение, а всякая точная информация о том, что делается на местах, считается паникой[152]»). Уже в 1928 г. публично Бухарин вынес довольно суровый вердикт начавшемуся процессу трансформации экономики («Экономика стоит дыбом[153]») и преобразованиям в политическом пространстве («мы гиперцентрализовали все дело, получился такой гиперцентрализованный бюрократический аппарат[154]»).

Из отмеченных выше позиций Бухарина и Сталина весной 1928 г. вытекали причины последовавших летом–осенью 1928 г. радикальных расхождений в определении ключевых целей на перспективу. Летом на июльском пленуме ЦК Сталин окончательно сформулировал перспективное видение движения через директиву о неизбежном обострении форм классовой борьбы по мере построения социализма, определив также и функцию крестьянства в деле внутренних накоплений для нужд индустриального развития (перекачка ресурсов, в том числе финансовых, из деревни в государственные сектора экономики, охарактеризовав это как «нечто вроде дани»). Бухарин в частном разговоре с Каменевым 11 июля 1928 г. не только резко отозвался о сталинском понимании характера и динамики классовой борьбы, но и позднее, в январе 1929 г., квалифицировал сталинскую перспективу по отношению политики в деревне как «военно-феодальную эксплуатацию крестьянства»[155].

В статье «Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года»[156], опубликованной в газете «Правда» 30 сентября 1928 г., Бухарин доказывал, что курс на сверхиндустриализацию народного хозяйства грозит разрушить баланс не только экономический, но и социальный, что чревато возможными политическими потрясениями и для власти и общества. Он считал, что «опасность разрыва между

---

[151] Там же. С. 377.
[152] Речь Бухарина Н. И. на пленуме ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. // Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5-ти томах. Т. 2. С. 381.
[153] Там же. С. 389.
[154] Там же.
[155] В своем заявлении в Политбюро от 30 января 1929 г. он прямо охарактеризовал данное сталинское высказывание как аналог военно-феодальной эксплуатации крестьянства, отметив, что «дань есть категория, ничего общего не имеющая с социалистическим строительством». Цит. по: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 1: май 1927 – ноябрь 1929 / под ред. В. П. Данилова, Р. Мэннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 1999. С. 525.
[156] *Бухарин Н. И.* Заметки экономиста: к началу нового хозяйственного года. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 55 с.

городом и деревней есть ведь главнейшая внутренняя опасность в нашей стране»[157], доказывал нерациональность с экономической точки зрения принудительных мер по отношению к крестьянству, опровергал тезис о «зажиточности деревни».

Однако разгром Сталиным объявленной «правым уклоном» группы (Бухарин – Рыков – Томский) за несколько месяцев в конце 1928 – начале 1929 г. открыл путь к радикальному решению «крестьянского вопроса», перейдя к форсированной и осуществляемой внеэкономическими методами этатизации аграрного сектора экономики под лозунгами «массовой коллективизации».

Обсуждение векторов экономического развития страны было прочно связано с политической борьбой и трансформацией режима. М. А. Фельдман отмечает, что в ходе этих дискуссий и политической борьбы пострадал Индустриальный проект, который был практически лишен всестороннего обсуждения и проработанной экономической основы[158]. Автор показывает, как первоначально разработанный Госпланом «отправной» вариант первой пятилетки (рост промпроизводства на 134,9 %) и тем более «оптимальный» (на 179 %) были результатом политической конъюнктуры, а не экономических расчетов. В дальнейшем, после принятия в апреле 1929 г. только «оптимального» варианта, Сталин и его окружение продолжили форсирование: в июле–августе 1929 г. последовали новые постановления о дополнительном росте отраслей, а к ноябрю был представлен «уточняющий» вариант с заведомо нереалистичными показателями, который автор называет «типичным примером волевого планирования без научного обоснования». Отметим чрезвычайные потери реализации форсированного плана, о которых говорит М. А. Фельдман. Так, по данным автора, потери в сельском хозяйстве (животноводстве) составили не менее 3 млрд рублей, что сопоставимо с объемами инвестиций в промышленность, потери от брака в промышленности достигли 3 млрд руб. Такие потери фактически обнуляли результат форсированного роста. Помимо прочего, М. А. Фельдман справедливо отмечает утрату приоритета социальных задач Индустриального проекта (сокращение продолжительности рабочего дня, роста реальной заработной платы и пр.).

[157] *Бухарин Н. И.* Текущий момент и задачи партии. Доклад и заключительное слово на IV совещании рабселькоров. 28, 30 ноября 1928 г. // Бухарин Н. И. Путь к социализму. Избранные произведения… С. 378.
[158] *Фельдман М. А.* Могла ли экономика нэпа стать основой Индустриального проекта // ЭКО. 2021. № 3 (561). С. 59–80.

Исследователь указывает на реальные возможности экономики НЭПа стать основой индустриального проекта и справедливо отмечает, что причины деформации пятилетнего плана лежали во внеэкономической плоскости.

Такого рода преобразования, определившие целеполаганием советского руководства достижение и укрепление экономической и геополитической независимости страны в краткие по историческим меркам сроки (за десять лет), подразумевали осуществление радикальных изменений всех сфер жизни общества. Этот всеохватный процесс получил первоначально данное ему Сталиным наименование «революция сверху» при поддержке снизу применительно к событиям начала коллективизации[159], однако впоследствии в советской исторической науке данная дефиниция стала соотноситься с радикальными преобразованиями, инициированными сталинским руководством в целом с конца 1920-х гг. (проведение политики форсированной индустриализации промышленности, транспортной реконструкции, огосударствление аграрного сектора (коллективизации), программа переструктурирования (социальная инженерия) общества).

Раннесоветское общество представляло собой еще далеко не «освоенное» большевиками поле для столь масштабного эксперимента, что неизбежно потребовало направить потенциал и ресурсы всего социума прежде всего в мобилизационном формате, то есть перевести не только саму экономику в мобилизационный режим функционирования, но и добиться максимально осуществимой социальной мобилизации для включения всех групп и слоев общества в реализацию этатистских амбиций Сталина и его ближайшего окружения.

Первый пятилетний план (1928–1932 гг.) в нескольких его трансформациях разрабатывался на основе директив XV съезд ВКП(б). Главная задача 1-й пятилетки формулировалась в терминах «построения фундамента социалистической экономики» и укреплении обороноспособности страны. Сибирь к началу реализации плана «социалистических» преобразований являлась преимущественно сельскохозяйственным по своей экономической структуре регионом.

[159] История ВКП (б). Краткий курс. М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1946. С. 291–292.

Именно на примере Сибири – аграрно-индустриального региона с мощным крестьянским потенциалом и одновременно ключевой геостратегической ролью – особенно наглядно проявляются механизмы и последствия радикальной этатизации. Регион, удаленный от центра, но включенный в общесоюзные планы, становится «лабораторией» сталинской политики: здесь форсированная индустриализация накладывалась на насильственную коллективизацию, а сопротивление крестьянства и местных элит – на директивный нажим из Москвы. Анализ сибирских материалов позволяет конкретизировать общие выводы о «революции сверху», увидеть последнюю в зеркале региональной повседневности и управленческих кризисов.

«Сибирские вопросы» в сфере приоритетов большевистского руководства связывались прежде всего с необходимостью освоения природных богатств восточной части страны. Эта проблема приобретала общесоюзное значение – в случае потенциальной войны с «капиталистическим окружением» имеющийся у СССР в западных районах страны военно-промышленный потенциал оказывался под угрозой. Основными задачами пятилетнего плана для Сибири являлись: создание мощных производств в сферах не только добывающей, но и обрабатывающей индустрии, реорганизация сельского хозяйства в направлении быстрейшего наращивания коллективного земледелия и животноводства, ликвидация хозяйственной и культурной отсталости национальных окраин.

За годы первых пятилеток в Сибирском регионе планировалось создание двух крупных индустриальных районов: Кузнецко-Минусинского на юге Западной Сибири и Восточно-Сибирского, включавшего в себя Приангарье и Прибайкалье и частично северо-запад нынешней Читинской области. Эти индустриальные районы планировались как гигантские комбинаты промышленных предприятий, призванные обеспечивать как социально-экономическое развитие Сибири, так и решение главных задач индустриализации СССР. Индустриализация в Сибири – это форсированное развитие промышленности, производящей средства производства, создание и развитие металлургической, каменноугольной, лесной и деревообрабатывающей промышленности, производство строительных материалов.

Процесс индустриализации в Сибири имел ряд специфических особенностей и проблем. Фактически тяжелая промышленность создавалась на пустом месте. Отсутствовала инфраструктура – строительная база, дороги, жилищно-бытовые учреждения. В дефиците были квалифицированные кадры (отсутствовала система подготовки). Медленно налаживалось производство строительных материалов, создание транспортных коммуникаций, объектов энергетического хозяйства, отсутствие жилья сдерживало набор рабочей силы. Бесконечные неувязки, межведомственные споры и несогласованности, острая политическая борьба в руководстве страны между сторонниками умеренных и быстрых темпов индустриализации вносили хаос в планирование. Еще одной проблемой являлось недостаточное и порой несвоевременное финансирование и материально-техническое снабжение.

Форсированная индустриализация детерминировала стремительную урбанизацию. Города столкнулись с индустриальным бумом, в то время как их инфраструктура к этому не была готова. Рост городского населения и возросшие потребности трудящихся Сибири требовали значительного развития в крае отраслей легкой и пищевой промышленности. Еще накануне первой пятилетки подавляющая часть потребительских товаров ввозилась из западных районов страны. Планы индустриализации оставляли развитие этих отраслей промышленности на периферии, что вскоре стало причиной значительных трудностей жизни рабочих, специалистов и служащих.

Обращаясь к аграрной политике большевистских/сталинских преобразований, отметим, что переход к радикальным мерам аграрной политики во многом был спровоцирован неверными и весьма завышенными данными о количестве хлебных запасов в крестьянских хозяйствах (как традиция самострахования для своей устойчивой хозяйственной деятельности). Так, сведения хлебофуражного баланса 1926/27 г. почти вдвое увеличивали «невидимые запасы» хлеба (с 473–529 млн до 896 млн. пудов)[160]. Однако, как показал в своих исследованиях В. П. Данилов и ряд других историков, суть кризиса хлебозаготовок зиждилась не только в позициях руководства

[160] *Данилов В. П.* К проблеме альтернатив 20-х годов // Этот противоречивый XX век: К 80-летию со дня рождения акад. Ю. А. Полякова / отв. ред. Г. Н. Севостьянов; РАН, Отделение истории, Ин-т рос. истории. М.: РОССПЭН, 2001. С. 221.

страны, видевших в этом «кулацкие происки», но и в не меньшей степени поведенческими практиками самого крестьянства в отстаивании своих социально-экономических интересов и в реакции на те или иные действия власти (скажем, одним из следствий «военной тревоги» стала дезорганизация потребительского рынка, когда естественной реакцией крестьянства явилось увеличение собственных запасов хлеба). Конфликт базовых интересов крестьянства с политико-экономическими интересами власти (конфликт рациональностей по М. Веберу), ранее находивший снятие этой остроты путем маневров и компромиссов со стороны государства, уже с лета 1927 г. начал переходить в кризисную фазу, индикатором которой стала «борьба за хлеб»[161].

Со своей стороны зимой 1927/28 года формируется законодательная и делопроизводственная база для начала «наступления на деревню»: циркуляр Наркомторга об усилении хлебозаготовок от 23 декабря 1927 г.[162]; постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках» 24 декабря 1927 г.[163]; директива Политбюро ЦК местным парторганизациям от 24 декабря 1927 г.[164]; постановление Политбюро ЦК о посылке ответственных уполномоченных в республики и регионы на хлебозаготовки от 24 декабря 1927 г.[165]; телеграмма ОГПУ полномочным представительствам и губотделам ОГПУ об участии в хлебозаготовках от 29 декабря 1927 г.[166] и пр. В перечисленных документах очевидно усиление «нажима» на деревню: политика должна проводиться «твердо» и «жестко», усиливалась ответственность уполномоченных за невыполнение задания, хлебозаготовки становились «фронтом» борьбы с «кулаком» (на практике – с деревней в целом).

Таким образом, к январю 1928 г. существенным образом меняется дискурс партийных директив: «Темп работы местных организаций недопустимо медленный, спячка еще продолжается, низовой аппарат еще не раскачался, кооперация не выполняет своих элементарных обязанностей, рычаги власти и партии не приведены в

[161] *Данилов В. П.* Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 1. С. 13–67.
[162] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 1. С. 111.
[163] Там же. С. 111–113.
[164] Там же. С. 113–114.
[165] Там же. С. 114.
[166] Там же. С. 118.

движение, промтоварная масса не поставлена на службу хлебозаготовкам»[167]. В этой директиве по хлебозаготовкам фактически излагалась программа принципиально нового отношения к крестьянству, слома нэпа и широкого применения репрессий в деревне[168]. Так становятся новой «нормой» повседневности жизни деревни статьи 60, 61, 105, 107 УК РСФСР 1926 г. Все они касались вопросов «спекуляции», «пособничества спекуляции», недоимок. С этого времени так называемые правоохранительные структуры (ОГПУ, прокуратура, народный суд, милиция) становятся полноценными участниками в реализации объявленной «социалистической реконструкции» в деревне.

Знаковым событием в ходе подготовки к масштабной «социалистической реконструкции» деревни стала поездка Сталина в Сибирь в январе–феврале 1928 г. Командировка не афишировалась в публичном поле. По утверждению А. Авторханова, Сталин ехал с ревизией хлебных запасов сибирского крестьянства, в ходе которой пришел к выводу о высоком хлебном потенциале Сибири и достаточном количестве зерновых излишек у крестьян. Подробно этот вопрос исследован в статье И. П. Иконниковой и А. П. Угроватова[169]. По мнению авторов, Сталин стремился не только форсировать изъятие хлеба («нажать здесь нужно отчаянно»), но и проверить сибирскую партийную организацию (преимущественно крестьянскую по составу) на готовность к чрезвычайным мерам, а также заручиться ее поддержкой в обход Политбюро (Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, М. П. Томского). Исследователи отмечают, что Сталин инициировал привлечение прокуратуры и судов для судопроизводства по ст. 107 УК РСФСР (первоначально сибирское руководство предлагало действовать через ОГПУ). Такой шаг придавал репрессиям видимость «революционной законности». Авторы отмечают, что на деле процессы проходили с грубейшими нарушениям УПК РСФСР. Под личным давлением Сталина были приняты заведомо невыполнимые планы (60 млн пудов к вывозу), созданы внесудебные «тройки» на всех

[167] Директива ЦК ВКП(б) парторганизациям о хлебозаготовках от 5 января 1928 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 1. С. 136–138.
[168] *Данилов В. П.* Введение. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: Исторический источник в контексте эпохи // Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5-ти томах. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. / редколлегия тома: В. П. Данилов, О. В. Хлевнюк (отв. ред.), Н. В. Муравьева, Н. А. Сидоров. М.: МФД, 2000. С. 10.
[169] *Иконникова И. П., Угроватов А. П.* Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 68–82.

уровнях, развернуты массовые репрессии. Перегибы (повальные обыски, конфискация скота и инвентаря, административные аресты председателей сельсоветов) приняли характер «продразверстки». Очень важно, что авторы указывают на привлечение к партийной ответственности коммунистов, не согласных с политикой Сталина (с января по май 1928 – 1434 человек). Исследователи резюмируют, что сталинская «репетиция» наступления на крестьянство заложила практику административного произвола, подмены законности партийной целесообразностью, что в 1929–1930 гг. трансформировалось в «урало-сибирский метод» и сплошную коллективизацию. Попытки прокуратуры и части сибирских руководителей (Сырцов, Певзнер, Стриковский) исправить перегибы после отъезда Сталина были лишь частичными и не меняли сути курса.

Детальный анализ архивных материалов, предпринятый В. А. Ильиных[170], позволяет существенно дополнить картину сталинского «сибирского вояжа». Исследователь вводит в оборот «записи Сергеева» и делопроизводство совещаний, реконструируя не только публичную риторику, но и закулисные механизмы принятия решений. Установлено, что на расширенном заседании бюро Сибкрайкома 18 января 1928 г. Сталин не просто поддержал репрессивный курс, но и принципиально скорректировал предложение сибирского руководства: настояв на привлечении прокуратуры и судов (вместо прямых действий ОГПУ), он стремился придать репрессиям видимость «революционной законности». Важно, что позиция Сталина вызвала и отторжение в краевом аппарате — открыто высказали свое мнение председатель правления крайсоюза потребительской кооперацией Л. С. Стриковский и председатель правления Сибкрайсельхозбанка С. И. Загуменный. Последний в письме Сталину предупреждал, что наказание за «невыпуск» хлеба будет воспринято крестьянами как возврат к продразверстке, и предлагал ограничить репрессии только скупщиками, сделав упор на экономические рычаги. Ильиных показывает, как Сталин требовал демонстрации лояльности руководителей округов, рассылая последним телеграммы с вопросом «не сдрейфит ли округ». Автор отмечает, что генсек требовал не столько резкого увеличения плана (он был повышен лишь для четырех округов в

[170] *Ильиных В. А*. Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М.: РОССПЭН, 2010. С. 129–143. *

пределах 6–12 %), сколько *безусловного выполнения любой ценой.* Показательно, что руководители Минусинска, Канска, Красноярска, Иркутска и Тулуна осмелились ответить отказом на повышение заданий, что свидетельствует о сохранявшемся сопротивлении даже на уровне окружной номенклатуры. Ильиных вводит в оборот принятую по итогам красноярского совещания 31 января резолюцию, которая закрепила программу чрезвычайных мер: безусловное выполнение плана, удар по «кулаку-спекулянту» «на основе советской законности», передачу 25 % конфискованного хлеба бедноте (на семенные и потребительские нужды), мобилизацию «партийной верхушки» в районы. Таким образом, В. А. Ильиных документально подтверждает, что сталинская поездка стала не просто инспекцией, а целенаправленным насаждением модели внеэкономического принуждения, где видимость законности сочетались с внесудебными «тройками» и оргвыводами, а любые альтернативные предложения (Загуменного) безжалостно отметались.

В. И. Шишкин считает, что главной целью поездки было укрепление личной власти Сталина и решение задач внутрипартийной борьбы в его пользу[171]. Поездка, по его мнению, являлась проверкой Сталиным своей реальной власти и способность единолично диктовать курс в обход недавних решений съезда. Шишкин подчеркивает, что Сталин, формально нарушив решения XV съезда, не встретил реального сопротивления со стороны сибирской парторганизации.

На заседании бюро Сибкрайкома ВКП(б) совместно со Сталиным и представителями заготовительных и других организаций 18 января 1928 г. были приняты высокие цифры хлебозаготовок для региона для поставки в Центр – не менее 60 млн пудов хлеба. Решение это с самого начала вызывало опасение краевых органов Сибири. Осенью 1927 г. при обсуждении плановых заданий руководство Сибирского края учитывало следующие обстоятельства. В течение трех предшествующих лет государственные заготовки на сибирском хлебном рынке возросли почти вдвое – с 48 до 80 млн пудов. Соответственно возрос – с 9 до 12% – и удельный вес сибирского хлеба в общесоюзных заготовках. При утверждении плана заготовок на 1927/28 г.

[171] *Шишкин В. И*. Поездка И. В. Сталина в Сибирь // Проблемы истории аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. В. А. Ильиных. Новосибирск, 2009. С. 42.

Крайком исходил из необходимости обеспечить заготовки на уровне предыдущего года, однако было ясно, что урожай 1927 г. в Сибири окажется ниже. Руководитель Сибкрайторга Злобин считал, что для внутрисибирского потребления необходимо не менее 24 млн пудов, и предлагал установить реальную цифру хлебозаготовок в крае – 74 млн пудов (50 млн на вывоз и 24 млн на внутрикраевое потребление), а 6 млн считать «страховкой» в случае успешного хода кампании. События показали правоту Злобина. Установленный директивно план хлебозаготовок в Сибири (82 млн пудов, из которых 60 млн предназначались Центру) был выполнен на 96 %[172].

Для понимания наступающего нового времени и новых форм деятельности особое значение имеет следующий принцип, сформулированный в одном из главных решений, принятых во время сталинского пребывания в Сибири: «Организацию нажима на хлебозаготовительном фронте считать ударной задачей партийных и советских организаций, а самый нажим продолжать вплоть до полного выполнения плана заготовки»[173]. Хлебозаготовки 1928 г. следует оценивать как фактическое начало политики раскрестьянивания деревни. Кампания этого года по хлебозаготовкам перешла в качественную фазу противостояния между экономическими интересами большинства крестьянства и намерениями большевистского руководства, которое для решения данного конфликта интересов прибегла к внеэкономическим методам «выкачки хлеба».

Согласно анализу Б. Бруцкуса[174], кризис хлебозаготовок 1927–1928 годов, выразившийся в так называемой «размычке» экономических связей города и деревни, являлся прямым следствием системного нарушения ключевых рыночных механизмов. Исследователь утверждает, что «провал хлебозаготовительной кампании был, очевидно, не следствием недостатка зерна, а выражением факта, что крестьяне не хотят его продавать». Первопричиной кризиса стала ликвидация частной торговли, функциональную нишу которой не могли заполнить ни государственная, ни кооперативная торговля. Параллельно проводимая политика сверхкапитализации индустриализации спровоцировала инфляцию и нарушила товарно-денежный оборот. В

[172] Там же. С. 107–108.
[173] *Данилов В. П.* Введение. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: Исторический источник в контексте эпохи // Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5-ти томах. Т. 1. С. 10.
[174] *Бруцкус. Б.* Советская Россия и социализм. Статьи. СПб.: АОЗТ «Журнал “Звезда”», 1995. С. 49–51.

условиях функционирующего рынка данные диспропорции были бы скорректированы автоматически. Однако в рамках курса на плановое строительство промышленности данные саморегулирующиеся процессы были искусственно исключены. Вместо этого рыночные механизмы были объявлены подлежащими ликвидации, а их функции подлежали передаче усиливающемуся государственному аппарату.

Возрастающее экономическое давление на деревню не обеспечило выполнения плановых показателей хлебозаготовок. К началу 1928 года партийное государство оказалось перед дилеммой: реабилитировать рыночные отношения или прибегнуть к принудительному изъятию хлеба. Однако, разрушив базовые рыночные институты, государство было вынуждено взять на себя их функции, с которыми, как показала практика, оно не могло справиться в силу их сложности и системности, что заложило основу для последующей радикализации аграрной политики.

Последствия ресурсной экспроприации оказались предсказуемыми – В. Г. Яковенко (председатель Земельной и Избирательной комиссий приемной М. И. Калинина) в своем письме И. В. Сталину о посещении им Канского округа Сибирского края писал осенью 1928 г.: «У крестьянина не осталось даже того минимального переходного запаса, без которого нельзя себе представить существование сколько-нибудь устойчивого крестьянского хозяйства»[175].

По мнению В. А. Ильиных[176], окончательное свертывание нэпа в деревне связано с возникшим в 1929 г. урало-сибирским методом (УСМ) хлебозаготовок. УСМ являлся инициативой, поступившей от имени Уральского обкома ВКП(б). Суть УСМ заключалась в том, большая часть плана бедняцко-середняцким активом распределялась на зажиточных крестьян («кулаков»). Оставшаяся часть плана распределялась между остальными селянами «в порядке самообязательства». На заседании Политбюро 21 марта 1929 года была принята директива «О мерах усиления хлебозаготовок»[177]. Пункт 28

[175] Письмо В. Г. Яковенко – председателя Земельной и Избирательной комиссий приемной М. И. Калинина И. В. Сталину о посещении им Канского округа Сибирского края // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 1. С. 398–401.
[176] *Ильиных В. А.* Урало-сибирский метод хлебозаготовок: поиски оптимального варианта // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2. С. 20–26.
[177] Протокол № 69 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 марта 1929 года // Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог: в 3-х т. Т. I. 1919–1929 / редкол.: Г. М Адибеков. (отв. ред.) и др. М.: РОССПЭН, 2000. С. 676–678.

решения утверждал данный метод хлебозаготовок и вводил его на территории Казахстана, Сибири, Урала.

На краевом сибирском уровне директива получила дополнение: в постановлении Сибкрайкома от 22 марта содержались два принципиально важных положения, отсутствующие в постановлениях Уральского обкома и Политбюро. Это прежде всего касалось увеличения ставок самообложения (досамообложение) на сумму, кратную (от двух до пятикратной) цене несданного хлеба, для кулацко-зажиточных хозяйств, не выполнивших в срок заготовительных заданий. Кроме того, Крайком предложил в случае отсутствия кворума на сельском сходе в тот же день назначать повторный сход, считая его решение правомочным «при любом числе присутствующих»[178].

Многочисленные жалобы от крестьян по поводу этой меры «усиления хлебозаготовок» доходили и до Калинина. Так, уже в апреле 1929 г. из секретариата последнего с уведомлением в копии лично Сталину и Сырцову на окружной (Омский округ) уровень была послана директива с требованием Калинина «объяснений по указанному вопросу»[179]. Окрисполком объяснял происходящее ссылкой на инициативу «снизу» («все эти мероприятия проводятся в результате инициативы и исключительно самой бедняцко-середняцкой общественностью»)[180].

Важным направлением радикализации государственной политики в городе явилось постановление Политбюро «О хлебозаготовках» от 15 августа 1929 г., согласно которому органы ОГПУ наделялись полномочиями о пресечении деятельности частников на городском хлебном рынке. Несколько ранее, 17 июня вышло постановление НКФина о запрещении кредитования государством хлебных и фуражных операций для частников. Возрастали и расширялись полномочия ОГПУ в осуществлении внесудебных репрессий. В конце сентября 1929 г. издан циркуляр ОГПУ, устанавливавший разграничение функций данного ведомства и судебных органов по рассмотрению «антисоветских выступлений в деревне», чекистам передавались на внесудебное рассмотрение дела о выявленных «контрреволюционных организациях». Одновременно с этим ведомство усиливало наблюдение над

[178] *Ильиных В. А.* Урало-сибирский метод хлебозаготовок: поиски оптимального варианта… С. 20–26.
[179] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 28. Л. 45.
[180] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 28. Л. 51.

деятельностью хлебозаготовительных органов в деревне, пресекая нарушения в их работе, надзор над производственной деятельностью в коллективных хозяйствах и т. д., сочетая в расширительном направлении свои осведомительные и контрольные функции в деревне с репрессивными (аресты).

Вторая половина 1929 г. характеризовалась проведением ЦК двух партийных мобилизаций «крупных ответработников» в счет «500» (июль) для партийной работы в наиболее важных хлебопроизводящих регионах, а также мобилизации в счет «2500» (июль) коммунистов для укрепления на постоянной работе низового кооперативного и хлебозаготовительного аппаратов. Тогда же Оргбюро ЦК обязывалось провести мобилизацию для временной работы на срок 3–4 месяца 150 аппаратных работников крупных округов для оказания помощи местным парторганизациям в хлебопроизводящих регионах. Примечательно, что приоритетом партмобилизаций летом–осенью 1929 г. выступала «борьба за хлеб», тогда как создание колхозной системы еще не выдвигалось в качестве ключевой задачи.

К 1 октября 1929 г. в Сибирском крае в колхозы вошло 6,7 %[181]. Этот уровень коллективизации на фоне возраставших трудностей с хлебозаготовками не мог удовлетворять руководителей партии и советского государства. В ноябре 1929 г. Сталин декларирует «Великий перелом»[182] в деревне, ознаменовавший якобы начало массового перехода середняков в коллективизированный сектор аграрного производства. 27 декабря 1929 г. на конференции аграрников-марксистов[183] он открыто провозгласил лозунг перехода от политики «ограничения эксплуататорских тенденций кулачества» к политике «ликвидации кулачества как класса» на «основе сплошной коллективизации». 5 января 1930 г. принято постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству»[184]. 30 января – секретное постановление Политбюро «О мероприятиях по ликвидации кулацких

[181] *Гущин Н. Я.* Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973. С. 281.
[182] *Сталин И. В.* Год великого перелома: К двенадцатой годовщине Октября. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 32 с.
[183] *Сталин И. В*. Соч. М.: ОГИЗ, Госполитиздат. Т. 12. С. 141–172.
[184] Постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. П. Данилова, Р. Мэннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. С. 85–86.

хозяйств в районах сплошной коллективизации»[185], легитимирующее массовые репрессии по отношению к наиболее зажиточной части деревни.

На ноябрьском (1–5 ноября 1929 г.) пленуме Сибкрайкома ВКП(б) при рассмотрении вопроса о «контрольных цифрах на 1929/30 г.» колхозного строительства были определены цифры о вовлечении к 1 октября 1930 г. в колхозы до 8,3 % населения при обобществлении 15,3 % всей посевной площади. Этот план определялся как «реальный при условии мобилизации всех сил и средств парторганизации в этом направлении»[186]. Однако на ноябрьском (10–17 ноября 1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б) был взят курс на форсирование колхозного строительства, что привело к ускорению на местах.

В начале декабря бюро Сибкрайкома ВКП(б) поставило задачу коллективизировать в 1929/30 г. 29,6 % всего сельского населения края (по юго-западным районам – 36, по северо-восточным – 19,4 %). Административные единицы Сибирского края были разделены на три группы. В первой (Новосибирский, Барнаульский, Рубцовский, Славгородский округа) предполагалось завершить коллективизацию к 1 октября 1931 г. Во второй (Омский, Барабинский, Бийский, Каменский, Кузнецкий, Красноярский, Канский, Иркусткий округа) – к 1 октября 1932 г. В третьей (Томский, Ачинский, Хакасский, Минусинский, Киренский округа, Ойротская область, Бурятия) – к 1 октября 1933 г.[187] В принятом 5 января 1930 г. постановлении ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» цифры по Сибири уже изменились – коллективизацию планировали завершить осенью 1931 – весной 1932 г.[188]

Форсирование центром темпов создания колхозного сектора подхватили регионы. Так, секретарь крайкома Р. И. Эйхе выдвинул задачу завершения коллективизации

[185] Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 126–130.
[186] *Гущин Н. Я.* Сибирская деревня на пути к социализму… С. 282.
[187] Там же. С. 284.
[188] Постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 85–86.

«весной текущего года»[189]. На 20 января 1930 г. в Сибирском крае в колхозах числилось 11 % крестьянских хозяйств, на 10 февраля – 32 %, на 10 марта – 53 % (отдельные округа еще выше: Ойротия – 86 %, Барабинск – 76 %). Форсировались не только темпы коллективизации, но и ее формы. Так, первые месяцы кампании отмечены гонкой за максимальной степенью обобществления – коммуной. К апрелю 1930 г. коммуны составляли 43 % коллективных хозяйств Сибирского края (Кузнецк – 80 %, Тюмень – 76 %)[190].

В материалах стенограммы совещания секретарей окружкомов и Ойротского обкома ВКП(б) при Сибкрайкоме по вопросам подготовки к весенней сельскохозяйственной кампании и коллективизации, состоявшегося в Новосибирске 30–31 января 1930 г.[191], очевидны проявления управленческого кризиса на окружных и районных уровнях: конкуренция между округами за выполнение планов и за распределение ресурсов между ними, (аккуратно выраженное) недовольство принимаемыми в центре решениями и ключевой конфликт между требованиями выполнения двух взаимоисключающих кампаний – посевной, с одной стороны, и проведением «сплошной коллективизации». Все это приводило к очевидному коллапсу в деревне, который приводил к «сутолоке и мешанине»[192], к дефициту семян, зерна, лошадей, свиней, кормов и даже топлива для тракторов.

Форсирование темпов «социалистической реконструкции» деревни стремительно накаляло социально-политическую обстановку в деревне. Так начались массовые бегства из деревни, стихийно вспыхивали «волынки», крестьяне торопились с убоем скота перед вхождением в колхоз, распространялся бандитизм, участились открытые

[189] Постановление бюро Сибкрайкома ВКП (б) «О мерах к выполнению решения ЦК ВКП (б) о темпах коллективизации и ликвидации кулака как класса» от 2 февраля 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г.: сборник документов / отв. ред.: В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. С. 201.

[190] *Гущин Н. Я.* Сибирская деревня на пути к социализму… С. 292.

[191] Стенограмма совещания секретарей окружкомов и обкомов ВКП(б) при Сибкрайкоме по вопросам подготовки к весенней сельскохозяйственной кампании и коллективизации, г. Новосибирск 30–31 января 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. С. 17–181.

[192] Стенограмма совещания секретарей окружкомов и обкомов ВКП(б) при Сибкрайкоме по вопросам подготовки к весенней сельскохозяйственной кампании и коллективизации, г. Новосибирск 30–31 января 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. С. 43.

крестьянские выступления, убийства и избиения местных активистов и представителей власти[193].

Рост социальной напряженности, массовое и масштабное сопротивление крестьянства, катастрофические последствия в сельском хозяйстве при реализации первого этапа «сплошной коллективизации» вынудили руководство страны скорректировать не столько свою политику, сколько средства ее осуществления по отношению к деревне и снизить темпы «социалистической реконструкции». Ставшая директивой сталинская статья «Головокружение от успехов» означала «откат» в натиске на крестьянство. Вина за «перегибы» первых месяцев осуществления «сплошной коллективизации» возлагалась исключительно на местных функционеров. Подобный «откат» спровоцировал массовые выходы крестьянских хозяйств из колхозов и стремительное падение труднодостижимых цифр коллективизации сельского хозяйства. В итоге процент коллективизации к лету 1930 г. снизился по Сибирскому краю до 20 %.

2 апреля 1930 г. ЦК ВКП(б) направил на места закрытое письмо с требованием «не на словах, а на деле» обеспечить проведение директив по борьбе с искривлениями в колхозном движении[194]. Представители местного аппарата власти, недоумевая от осуществлявшихся Центром политических зигзагов, попытались административными методами воспрепятствовать начавшемуся выходу крестьян из колхозов. Для контроля над ситуацией в регионах Политбюро отправило своих уполномоченных. В Сибирь в качестве такового был направлен секретарь ЦК ВКП(б) Л. М. Каганович[195]. Приезд Кагановича (как и приезд Сталина в 1928 г.) являлся приездом ревизора. Такие акции были важной частью политики централизации и укрепления партийного контроля в условиях проявления кризисов.

Роль Кагановича состояла в обеспечении дисциплины среди местных партийных и хозяйственных руководителей, которые были растеряны после форсированного

[193] Более подробно о протесте деревни см. в главе 4.
[194] Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии» от 2 апреля 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 365–370.
[195] Стенограмма заседания бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 21 апреля 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. С. 325–357; Выступление секретаря ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича на заседании бюро Сибкрайкома от 21 апреля 1930 г. // Там же. С. 358–380.

«наступления» на деревню, последовавшего за тем «отката» со смещением ответственности с центра на регионы. Отметим, что региональная элита впоследствии возлагала ответственность за невыполнение плановых заданий исключительно на колхозы[196], что игнорировало объективные трудности и просчеты централизованного управления. Представители краевого и окружного руководства пытались показать симптомы аграрного кризиса на конкретных примерах и добиться помощи центра. Однако мнение секретаря ЦК ВКП(б) существенно отличалось от мнения Сибкрайкома: «Сибирь, по-моему, семенами по колхозному сектору обеспечена, здесь плакаться нечего»; «Что же касается кормов <…> из положения вы выходите и очень недурно выходите»; «С тягловой силой я не считаю, что у вас кризис»[197]. Отвечая на риторическую критику снизу ([от лица абстрактного местного работника] «Мы работали, работали, а теперь бьют нас за то, что у нас перегибы. Ведь вы же сами говорили о том, чтобы это делать»), Каганович смещает не только ответственность на низовой уровень, но и последствия реализации директив партии на места: «Мы утверждаем, что подобные настроения есть не что иначе, как малодушие, с одной стороны, и капитулянство в период трудностей и боев за определенные цели, которые мы ставим перед собой»[198].

Его визит служил сигналом о необходимости строгого соблюдения партийной линии и дисциплины, ответственности краевых и окружных партийных и советских деятелей в деле борьбы за хлеб, семена и коллективизацию в целом, предупреждением о новом «наступлении» на деревню и напоминанием о важности участия Сибири в общем деле коллективизации: «От Сибири ведь зависит очень много», «Сибирь должна нам очень серьезно помочь в отношении сева и посевной кампании»[199].

Впрочем, если март и начало апреля 1930 г. сопровождаются некоторой степенью признания «ошибок» краевыми органами партии, то с конца месяца начинается новый этап радикальной этатизации в деревне. Так, в своей речи Эйхе на собрании

---

[196] *Эйхе Р. И.* За большевистскую организацию уборки и поставки зерна государству (доклад на V пленуме Запсибкрайкома ВКП(б) 22 июня 1933 г.). Новосибирск: Партиздат, 1933. С. 43–44.
[197] Выступление секретаря ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича на заседании бюро Сибкрайкома от 21 апреля 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. Там же. С. 358–380.
[198] Выступление секретаря ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича на заседании бюро Сибкрайкома от 21 апреля 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. Там же. С. 375.
[199] Там же. С. 358, 379.

новосибирского партийного актива 29 апреля, упорно опровергает тезис об «отступлении» советской власти в деревне и попытки сомнений в истинности «линии партии»[200].

К лету 1930 в деревне практически не осталось зажиточных хозяйств, однако большевики были уверены, что сельская «буржуазия» политически и экономически еще далеко не разгромлена – политика «ликвидации кулачества как класса» продолжалась. Уже в декабре 1930 г. пленум ЦК ВКП(б) поставил задачу возобновления массовой коллективизации. В Сибири и на Дальнем Востоке в течение 1931 г. надлежало вовлечь в колхозы не менее 50 % крестьянских хозяйств[201]. Задания Центра по темпам коллективизации были выполнены. В начале 1931 г. в колхозах состояло около 1/5 крестьянских хозяйств Сибири и Дальнего Востока, к маю – более 1/3, летом – более 1/2. К концу 1931 года уровень коллективизации в Западно-Сибирском крае составлял 61 %, в Восточно-Сибирском крае – 56[202].

В современной исследовательской литературе феномен «революции сверху» и ее последствий, причем не в последнюю очередь с экономической точки зрения, попадает под огонь критики. Однако, и необходимо это подчеркнуть, что в сталинской парадигме мышления (цель – средства – результаты) осуществлявшиеся радикальные преобразования, несмотря на катастрофы, которыми они сопровождались, оказывались в немалой степени достижимыми. У партийного государства для их реализации имелись все необходимые ресурсы – и институциональные, и идеологические, и человеческие. Но в перечисленной выше триаде имелось еще одно важнейшее звено – издержки, или затраты в ходе осуществления сталинских планов, со значением и важностью которых большевистское руководство фактически не считалось (абсолютный приоритет результатов над затратами).

Среди части исследователей сохраняется приверженность концепции о тоталитарном характере сталинской политической системы с опорой на классические

[200] О весенней с.-х. кампании и коллективизации на собрании новосибирского партийного актива 29 апреля 1930 года. Из речи тов. Р. И. Эйхе // Советская Сибирь. 1930. № 102. С. 2.
[201] Резолюции объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) 17–21 декабря 1930 гг. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Т. 5: 1929–1932 / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. М.: Изд-во политической литературы, 1984. С. 232.
[202] Историческая энциклопедия Сибири: в 3-х т. / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2. С. 101.

черты данной модели, среди которых особое место и значение в осуществлении «строительства социализма в одной стране» отводится охранительным институтам, массовым репрессиям, переходившим в государственный террор первый раз в начале 1930-х и затем в 1937–1938 гг. Однако, несмотря на мощь репрессивной машины сталинского режима, последний нуждался в массовой поддержке, в необходимости утверждения собственной легитимации. Режим существовал не только в силу действия карательных инструментов, но и в силу мощи социального конструирования советского проекта благодаря монополии на формирование информационного поля для его распространения, наличию достаточно результативно работавшего на эту цель идеолого-пропагандистского аппарата[203].

Официальный дискурс, закрепленный на многие десятилетия в «Кратком курсе», оценивал «революцию сверху» как «глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года». По мнению сталинского руководства, особенностью масштабных преобразований «сверху» являлось то, что последние производились «сверху, по инициативе государственной власти, при прямой поддержке снизу со стороны миллионных масс крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь»[204].

Деревенская повседневность второй половины 1920-х гг. оказывалась не столь однолинейной, как описанная в «Кратком курсе» массовая поддержка «снизу». Очевидно, что здесь делалась ставка на поддержку и активность не абстрактных масс крестьянства, а именно социальных низов в деревне. Наличие социальных противоречий в крестьянской среде действительно создавало тот потенциал соучастия деревенской бедноты в конфискационных действиях в отношении более зажиточных слоев во время кризиса хлебозаготовок зимы 1927 – весны 1928 гг. Тот же потенциал вымещения и своего рода возможности социального реванша бедности против зажиточности проявлялся и в ходе описанной выше кампании хлебозаготовок следующего года («урало-сибирский метод»), кратно увеличивавший нажим на

[203] *Медушевский А. Н.* Сталинизм как модель социального конструирования // Российская история. 2010. № 6. С. 3–29.
[204] История ВКП(б). Краткий курс. М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1946. С. 291–292.

состоятельные группы при одновременных льготах для деревенских низов при выполнении хлебозаготовительных заданий. Инициатива проведения «твердого планового задания по хлебозаготовкам по селам или деревням должна [была] <…> исходить от общественных организаций (группы бедноты, актив) и проводиться через общие собрания граждан»[205].

И, совершенно очевидно, социальный реванш брала беднота начиная с конца 1929 г. и в начале 1930 г., когда так называемое стихийное «раскулачивание» происходило, по признанию самих большевиков, не на основе «сплошной коллективизации», а повсеместно опережая ее на шаг вперед. Кроме того, уже с ноября 1929 г. в печати открыто публиковались сообщения с мест о расстрелах в отношении «контрреволюционных элементов» в деревне, сопровождаясь достаточно типовым примечанием: «Беднота и середняки приветствуют приговор и просят всегда применять беспощадную, суровую кару к кулакам-террористам»[206]. Насколько средние слои крестьянства соучаствовали вместе с деревенскими активистами в экспроприаторских и репрессивных кампаниях или составляли в них «послушное большинство», эмпирически установить почти невозможно. Однако весь предыдущий опыт взаимоотношения основных слоев крестьянского социума с институтами власти приводил их к трансформации первоначально «тихих» форм протестов при защите своих социальных и экономических интересов к более активным защитительным действиям, к чему подталкивала их сама власть своими действиями.

Таким образом, к концу 1929 г. сложились основные элементы радикальной этатизации: политическая монополия сталинской группы, внеэкономическое принуждение как норма, мобилизационная модель экономики и репрессивный аппарат, обеспечивавший проведение «революции сверху». Цели были сформулированы максимально широко (построение социализма, укрепление обороноспособности), средства жесточайшими, а институциональные механизмы – гиперцентрализованными. Следующий параграф будет посвящен анализу социальных последствий этого курса.

[205] Директива ЦК ВКП(б) парторганизациям о хлебозаготовках 5 января 1928 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1. С. 136–137.
[206] Кулаки-террористы приговорены к расстрелу // Советская Сибирь. 1930. № 252. С. 1.

1.2. Реализация «революции сверху»: архаическое исполнение модернистского проекта

В конце октября 1917 г. в России – аграрной стране с незавершенной индустриализацией – большевики провозгласили новую власть диктатурой пролетариата, а сама страна затем объявлена социалистической республикой. Социальный эксперимент по строительству социализма в краткие обозримые сроки оказался одной из основных причин кризиса легитимности их власти в период Гражданской войны.

Выходом из ставшего системным кризиса явилась провозглашенная ленинским руководством новая экономическая политика, позволившая найти почву для компромисса власти с очевидно имевшим свои многообразные и далеко не социалистические интересы и цели большинством населения страны. НЭП стал периодом относительно краткого сосуществования надстройки в форме «пролетарской диктатуры» с разноукладным хозяйственным базисом, регенерация которого и позволила достаточно результативно восстановить экономику страны. Однако идея о «скачке» из капитализма в социализм сохранялась в политической повестке большевистских лидеров. В то же время к новому «скачку» руководство страны подошло с иным уровнем подготовки и иными подходами, нежели в годы «военного коммунизма». К концу 1920-х годов сталинское руководство приступает к реализации своей программы преобразований, на первый взгляд достаточно «модерной». Выступая против традиционных укладов и архаики, занимавших значительное место в российской социально-экономической жизни, большевики выглядели радикальными реформаторами, ориентированными на модернизацию в широком смысле слова. Однако нельзя не заметить, что они при этом объявляли пережитками не только действительно архаические, докапиталистические социально-хозяйственные уклады, но и те, которые активно реализовывали свой экономический потенциал в целях общехозяйственного

роста страны (мелкотоварное производство, частный и концессионный капитал), то есть отнюдь не регрессивные[207] с позиций мирового экономического развития.

Безусловно, перед государством и обществом рубежа 1920–1930-х годов объективно стояла необходимость модернизационных процессов, суть которых выражалась в переходе от традиционного к индустриальному типу развития. В то же время модернизационный «рывок» приобрел ярко выраженную доктринальную, идеократическую окраску в виде плана построения автаркичной экономики – «социализма в отдельно взятой стране». Он предполагал осуществление форсированных социально-экономических преобразований, осуществляемых по некапиталистическому пути и в экстремальных внешних условиях враждебного окружения («СССР как осажденная крепость»). Такого рода программа как раз предусматривала для своей реализации единство трех базовых компонентов (идеократия, мобилизация, охранительность), «точкой сборки» которых выступило именно партийное государство, выстроенное как централизованная сила, способная не только к внутренней самомобилизации, но и осуществлению широкой массовой социальной мобилизации населения с применением охранительно-репрессивного сопровождения процесса «строительства социализма». В идеолого-пропагандистском обеспечении преобразовательная программа выстраивалась как «триада» «ленинского плана» построения социализма в виде осуществления индустриализации, коллективизации и культурной революции. Фактически же каждый из перечисленных выше элементов преобразований предусматривал в ходе своей реализации идеологическое, мобилизационное и охранительное сопровождение. Так, если рассматривать процессы форсированной индустриализации экономики, то в своем осуществлении в рамках первых пятилеток они содержали в себе формирование экономики мобилизационного типа, где мобилизация трудового потенциала страны обеспечивалась и подкреплялась идеологическими и охранительными механизмами. То же, хотя и в специфических формах, происходило в процессе этатизации, или огосударствления аграрного производства, подкреплявшегося, однако, не столько

[207] Хотя в рамках марксистской теории мелкотоварное производство считалось уступающим крупному социалистическому, в реальной экономике второй половины 1920-х годов оно оставалось основой хлебопроизводства.

пропагандой преимуществ коллективного производства перед индивидуальным крестьянским, сколько режимными методами закрепления крестьян в колхозах и обязательностью их труда с элементами принуждения (государственные повинности), прямыми репрессиями (аресты и депортации) или угрозой их применения, а впоследствии и юридическим «прикреплением» крестьян к земле (паспортизация населения).

В данном разделе попытаемся проанализировать начальный этап «социалистических» преобразований с позиций наличия или отсутствия в них модернизационного потенциала в рамках продолжающейся в историографии дискуссии о понимании природы сталинских преобразований «сверху» как отечественного модернизационного пути.

Для начала следует обратиться к первоисточнику понимания характера преобразований. Как следует из дискурса власти, а это «революция *сверху*», потребность в преобразованиях «сверху» возникает, когда становится очевидным отставание, угрожающее (или кажущееся угрозой) целостности политической системы. Тогда правящая элита берет на себя обязательства по ликвидации подобного отставания. Здесь находится *первая «ловушка»* «революции сверху» – определение приоритетности в целях преобразований и роли, отводимой в них группам и слоям социума. Соответственно, только сама элита определяет, *какие черты социума и тенденции его трансформации являются приемлемыми* для будущего развития, а какие – нет. Программа «революции сверху» предполагала реализацию социальных преобразований таким путем, который нарушал естественный процесс существования и воспроизводства унаследованного большевиками социума: инициативы правящей элиты в данной исторической ситуации, как правило, не являются ответом на потребности общества; наоборот, они направлены на своего рода сверхнормативное регулирование развития общества и его потребностей[208]. Между большинством социума и институтами власти в подобной ситуации нет конструктивной обратной связи, социум за исключением нескольких выделенных привилегированных общностей, связанных с властью, выступает *объектом преобразований*, может претендовать только

[208] *Дудник С. И.* Сталинская модернизация как исторический опыт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 3. С. 397.

на ограниченное проявление своей субъектности. В этом смысле большевики оказывались традиционалистами в подходе к принципам постреволюционного переструктурирования общества (формируя собственную социальную опору путем конфронтации с теми слоями и группами, которые считались властью угрозой для себя).

Такая архаичность на первый взгляд модернистских преобразований наблюдается на примере (зачастую инспирированной «сверху») политической эмансипации граждан, ранее не представленных в политическом пространстве, – женщин, беднейшей части деревни, низовых слоев этнических общностей. Так, уравнивание в правах женщин и мужчин нередко доводилось до крайних форм. В пропагандистском дискурсе образ женщины конструировался равным образу мужчины, а иногда даже во многом превосходящим его. Женщинам отводилась роль «авангарда» преобразований как в колхозе, так и в некоторых отраслях промышленности (легкая, пищевая и др.). Формально советская женщина получала самостоятельность в выборе жизненного пути, хотя реальных условий для этого у нее оставалось немного. Большевистские доктрины требовали максимального включения женщин в общественно-политическую жизнь: «Вопросы социалистического соревнования, пятилетка, развитие сельского хозяйства, единоначалие – должны все больше и больше занимать мозги женщин-работниц, особенно коммунисток»[209]. Неучастие женщин в общественно-политической жизни стигматизировалось в категориях «отсталости», а участие их в том числе в электоральных кампаниях предусматривалось только как контролируемое режимом и лояльное ему.

Аналогичным образом реализовывалась позитивная дискриминация[210] беднейших категорий граждан, ранее не представленных в политической жизни общества. Общепринятой практикой тех лет являлось их выдвижение на низовые руководящие должности, прежде всего уровня сельских советов или в первичных парторганизациях. Данным процессам восходящей мобильности до определенных пределов благоприятствовали как объективные условия высокой вертикальной и

[209] Размениваются на мелочи // Советская Сибирь. 1929. № 242. С. 2

[210] Меры по предоставлению преимущественных прав или привилегий для определенных групп населения, которые, как правило, ранее находились в неравном/дискриминируемом положении.

горизонтальной социальной мобильности 1920–1930-х годов, так и вполне субъективные (стремление сформировать слой лояльных советской власти управленцев, обязанных своим положением исключительно большевистскому режиму).

Однако некоторый доступ к исполнению «линии партии» не означал наделения реальной субъектностью тех, кто был их исполнителем. Так, после проведения наиболее одиозных мероприятий большевиков на местах проходили «чистки», используемые как «защитный клапан»[211] системы с целью делегирования ответственности за деструктивные следствия кампаний на места. Субъектность таких агентов власти была, как правило, весьма ограничена и даже утилитарна.

Ограниченная политико-правовая субъектность граждан, позитивная дискриминация (не всегда коррелирующая с реальными навыками и знаниями продвигаемых кандидатур – подробнее об этом в главе 2) эмансипированных граждан свидетельствуют прежде всего о наличии каналов и форм модерности (высокая социальная мобильность в раннесоветском обществе), однако не о качественном их наполнении.

Опыт такого рода инспирировавшихся «сверху» социальных трансформаций очевидно противоречит классической западной модели модернизации, когда тенденции нового этапа общественно-политического развития «вызревают» «снизу». «Снизу» («третьим сословием» / гражданским обществом) инициируются преобразования, а элиты в такой ситуации вынуждены либо их поддерживать, либо сопротивляться. Мы же рассматриваем ту ситуацию, когда преобразования «сверху» не отвечают тенденциям жизнедеятельности и интересам значительных групп сельского социума и отчасти групп городского социума (низкие показатели коллективизации сельского хозяйства до начала 1929/30 хоз. года[212]; медленные темпы «культурной революции» в деревне, «откаты» в политике «ликвидации неграмотности»[213]; неприятие основной

[211] *Козер Л.* Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 60–71.
[212] Подробнее см. в § 1.1.
[213] *Васеха М. В.* «Крестьянка грамотная»: ликбез в Западной Сибири и конструирование нового паттерна женского поведения в 1920-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 5. С. 150–160.

массой крестьянства политики обострения «классовой борьбы» в деревне («У нас кулаков нет![214]») и т. д.).

Планируемый большевистским руководством облаченный в формационный лозунг перехода к социализму «скачок» естественным образом требовал колоссального напряжения ресурсов – как человеческих, так и материальных. Остановимся на материальной, а именно – финансовой составляющей преобразований.

Внешние заимствования были для СССР практически недоступны, внутри страны накоплений капитала в достаточной мере для интенсивного экономического развития не было. Так мы обозначаем *вторую «ловушку»* «революции сверху» – отсутствие требуемых финансовых средств для радикальных преобразований. Нужды форсированной индустриализации обеспечивали ресурсные экспортные поставки. Деревня стала донором для модернизации промышленности в городе.

«Донорский» статус деревни по отношению к городу признавался публично на высшем уровне начиная с лета 1928 г.: «Наша страна <…> не может заниматься грабежом колоний и ограблением чужих стран <…> наша страна не имеет кабальных займов извне <…> Остается одно: развивать промышленность, индустриализировать страну за счет внутреннего накопления <…> оно [крестьянство] платит государству не только обычные налоги <…> но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности <…> недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты <…> Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии <…> Это есть нечто вроде “*дани*”, нечто вроде *сверхналога*… [курсив наш. – *Е. И.*]»[215].

Обозначенная большевиками модернизационная программа должна была быть реализована в краткие сроки («Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»[216]). Эта риторика отражалась не только в изменении правовой и правоприменительной практик, но и в дискурсе власти (как в публичном поле, так и в закрытом делопроизводстве). Из этой предпосылки естественным образом вытекает необходимость ускорения

[214] Подробнее см. в главе 4.
[215] *Сталин И. В.* Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 г. // Соч. М.: ОГИЗ, Госполитиздат. 1949. Т. 11. С. 157.
[216] *Сталин И. В*. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. Речь 4 февраля 1931 г. // Соч. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1951. Т. 13. С. 39.

преобразований и необходимости прибегать к экстраординарным мерам. Так, насилие, принуждение, социальные мобилизации *из текущего, ситуативного способа решения и преодоления возникших кризисных ситуаций превращаются в основную и необходимую сущностную характеристику системы*. Такая организация партийно-государственного управления оказывалась носителем и источником институционального кризиса[217], находившим выражение в постоянной «чрезвычайщине», состоявшей в переходе от одного преодоленного кризисного состояния к другому, что требовало непрерывности и расширения мобилизационных механизмов и ресурсов (как человеческих, так и материальных). Институциональный кризис выражался в конфликтах различных (порой конкурирующих и дублирующих друг друга) органов власти, в текучке кадров всех уровней, в неспособности органов управления успевать реализовывать ставящиеся перед ними задачи[218].

Для реализации преобразований «сверху», к тому же в исключительно короткий период, большевистские элиты использовали два основных инструмента – *чрезвычайность и мобилизацию.* Соответствующий опыт имелся – сама партийно-советская государственность формировалась как чрезвычайная (революционного типа) власть, поэтому для большевиков воспроизводство данного типа политического действия являлось наиболее привычным и практически апробированным.

Понятие социальной мобилизации используется для обозначения процесса, в ходе которого широкие слои населения объединяются политическим актором (государством, партиями, социальными движениями) для достижения определенных целей (модернизации экономики и общества, упрочения геополитической мощи и т. д.)[219]. Практика мобилизации, *изначально предназначенная для решения частной проблемы*, требующей дополнительных ресурсов, также *рутинизировалась*, превращаясь в один из ключевых методов строительства «социализма».

Мобилизация позволяла аккумулировать финансовые (многочисленные займы, подписки и прочие формы изъятия средств у населения) и человеческие (система

[217] *Данилов В. П.* Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. (Шестой) междунар. симпоз. (15–16 янв. 1999 г.). М.: Логос, 1999. С. 15.
[218] Подробнее об этом в главе 2.
[219] Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): коллективная монография / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013. С. 9.

коллективного сельского хозяйства, национализация промышленности, что приводило к экономической зависимости от государства работников различных сфер) ресурсы, стремилась подчинить когнитивный потенциал населения (на что работал весь пропагандистский аппарат). Ключевыми характеристиками социальной мобилизации сталинского образца являлись экстраординарность, чрезвычайность, ресурсозатратность, масштабность и массовость, а применительно к исследуемому периоду – высокая степень милитаризации и антагонизма.

Для исследуемого периода характерен процесс перехода чрезвычайных мер в «чрезвычайщину». Первое не всегда приводит ко второму, но второе не может случиться без первого. Политика чрезвычайных мер в определенных ситуациях действительно является единственно возможной, в то время как состояние «чрезвычайщины» вызывается стремлением того или иного режима *любой ценой удержать власть.* Главными критериями перехода этой границы, очевидно, являются: обращение к массовому террору как форме управления; подчинение регулярных органов управления чрезвычайным, карательно-репрессивным; внесудебный порядок рассмотрения дел; объявление части общества «врагами народа»[220].

Так, мы выходим на *третью «ловушку»* «революции сверху» – нормализация/рутинизация чрезвычайности. Важно подчеркнуть, что эта «ловушка» имеет еще одно последствие – неуправляемость, или потеря контроля над ходом действий в ходе «чрезвычайщины». Маховик «чрезвычайщины» раскручивается сильнее при движении вниз по «вертикали» власти и по мере удаления от центра к периферии. Первые попытки управлять неуправляемым предпринимаются уже в феврале–марте 1930 г., когда деревня оказывается вовлечена в «квазигражданскую войну». «Чрезвычайщина» не могла надолго переступать через определенный предел, не могла не откатываться периодически назад, создавая *ощущение нормализации* общественной жизни[221]. Наиболее известным примером мартовского «отступления»

[220] *Бордюгов Г. А.* Политика чрезвычайных мер в решениях Политбюро ЦК ВКП(б) между «революцией сверху» и большим террором. 1930–1936 гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2011. № 2. С. 62–72.
[221] *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 182.

1930 года в деревенской политике, основанной на «чрезвычайщине», является статья Сталина «Головокружение от успехов»[222].

«Чрезвычайность» как состояние и как политика выгодна государству тем, что она открывает для последнего ряд возможностей *при нормальном положении недоступных.* Так, по мнению К. Шмитта, чрезвычайность позволяет государству устранить ради поставленной цели правовые барьеры и препятствия, являющиеся помехой на пути к достижению цели[223]. Джорджо Агамбен, итальянский философ, полагает, что чрезвычайное положение – это зона аномии, в которой парализованы все юридические понятия. По Агамбену, такое положение не устраняет правовые барьеры и препятствия для достижения целей, при таком положении чрезвычайное вообще не может существовать в правовом поле[224].

В данном параграфе рассматривается такой этап развития «чрезвычайщины», который формирует правовую и правоприменительную основы для «новой реальности». Этот процесс мы наблюдаем в законодательных и институциональных изменениях (распространение института уполномоченных, формирование законодательной базы массовых мобилизаций, расширение полномочий ОГПУ), в идеологической сфере (милитаризация гражданских областей жизни, трансформация дискурса пропаганды в сторону конфронтации, жесткого антагонизма).

Масштабы сталинской «революции сверху», затронувшие не только режим функционирования самой власти, но и практически все сферы жизнедеятельности социума на протяжении 1930-х гг., действительно могут впечатлить как обывателя, так и профессионального исследователя. Однако, оценивая масштабы революционных преобразований, необходимо обратить внимание на последствия их реализации. «Революция сверху» имела не только потенциальные возможности, но и ограничения в достижении поставленных целей, и это ее *четвертая «ловушка».*

Выше мы отмечали, что именно элиты определяют, какие черты социума и тенденции его развития являются приемлемыми для будущего развития, а какие – нет.

---

[222] *Сталин И. В.* «Головокружение от успехов» // Советская Сибирь. № 52. 4 марта 1930 г. С. 1.
[223] *Шмитт К.* Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. С. 156.
[224] *Агамбен Д.* Homo sacer. Чрезвычайное положение. М., 2011. 146 с.

Те же элиты определяют и «границы» преобразований – такая *управляемая «революция» останавливается там, где сохранение господствующего положения элит оказывается под угрозой.* Именно поэтому мы не можем называть в полной мере «революцию сверху» революцией как таковой. Монополия на «реформирование» оказывается у элит, а в условиях ожидаемой войны со стороны «капиталистического окружения», в условиях переформатирования политической системы на тоталитарных началах, любое инакомыслие и инакодействие по отношению к большевистским планам представляется в качестве угрозы как по отношению к элитам, так и по отношению к социуму вообще.

Отмеченные нами ранее «ловушки» «революции сверху» приводят к *пятой – непредвиденным последствиям*. Исследование такого феномена, как непреднамеренный результат намеренного социального действия[225], проведенное известным американским социологом Р. К. Мертоном, применимо для объяснения очевидного несовпадения результатов сталинских преобразований провозглашенным целям. Так, Мертон выделяет четыре фактора, приводящих к непреднамеренному результату преднамеренного социального действия: «знание/незнание»; ошибки оценки ситуации; «императивность ближайшего интереса» («здесь и сейчас»); выход за пределы той области/сферы, для которой оно предназначалось. Для конкретных мероприятий и кампаний, являющихся частью «Большого социального действия» («революции сверху»), характерен в той или иной степени каждый из перечисленных выше факторов (а в итоге и их совокупность), значительным образом искажающих результаты «социалистических» преобразований.

Теория Р. К. Мертона о непреднамеренных последствиях намеренного социального действия объясняет причины появления непредвиденного результата (несоответствие результатов провозглашенным целям для большинства большевистских кампаний), что представляет адекватную научную альтернативу идеологическим штампам и мифам о «классовой борьбе», «вредительстве», «бешеном кулацком сопротивлении» и прочего в качестве объяснений нежелаемых последствий. При реализации планов и кампаний «социалистических» преобразований политические акторы зачастую сосредотачиваются на достижении конкретных целей, игнорируя

[225] *Мертон Р. К.* Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

возможные непредвиденные или негативные последствия своих действий. В результате возникают ситуации, когда задуманное не реализуется так, как планировалось, или возникают дополнительные проблемы – «провалы» кампаний.

Теория Мертона объясняет это тем, что инициаторы таких мероприятий пренебрегают «издержками» и рисками, связанными с их реализацией, поскольку их главной целью является выполнение поставленных планов и достижение запланированных результатов. Важным фактором здесь является «императив ближайшего интереса» – то есть настойчивое стремление к выполнению конкретных задач без должного учета возможных негативных последствий или сложностей. Это приводит к тому, что в погоне за результатом авторы игнорируют потенциальные издержки и риски, что в итоге может привести к нежелательным или даже катастрофическим результатам.

Таким образом, теория Мертона помогает понять причины неудач большевистских кампаний не через призму идеологических конфликтов или классовой борьбы, а через объективные социально-психологические механизмы – пренебрежение издержками и чрезмерную императивность целей в первую очередь. Это дает более научное и реалистичное объяснение сложностей и ошибок в реализации масштабных государственных программ.

Одним из объяснений непредвиденных последствий служит концепция высокого модернизма Дж. Скотта. По Скотту, рубеж XIX–XX вв. – это не просто эпоха модерна, это время «авторитарного высокого модернизма»[226]. Это тот уникальный период, когда *возможности вмешательства государства в жизнь общества стали потенциально бесконечны*. Общество стало объектом, которым государство могло управлять и которое оно могло совершенствовать[227]. Заманчивая идея «разумного» общественного устройства, сформированная еще эпохой Просвещения, к началу XX в. завоевывала все больше умов. А «свергнутая с трона» религия естественным образом освобождала место для подобных концепций. Помимо этого, сама система партийного государства, в котором все сферы экономики являются национализированы, духовная сфера

[226] *Скотт Дж.* Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005. С. 163.
[227] Там же. С. 155.

индоктринирована, а реально работающие институты влияния на «генеральную линию» просто отсутствовали, рождала условия, *максимально располагающие* к реализации масштабных экспериментов типа «революции сверху».

Сегодняшнее научное понимание и оценки сталинской «революции сверху» сталкиваются с двумя когнитивными затруднениями. Это мышление в категориях детерминированности и уникальности форсированной «модернизации», а также мышление в категориях «чрезвычайщины».

Как утверждает Г. А. Бордюгов, «мы вошли в 30-е годы с серьезнейшими деформациями в культуре политического руководства. Нетерпимость к инакомыслию, свертывание внутрипартийной демократии, снижение роли теоретического предвидения в политике, догматизация духовной жизни – все это было дополнено нагнетанием репрессивных функций административных органов и специальных новых образований, созданных для этих целей[228]».

Переход к «чрезвычайщине», произошедший в рамках «революции сверху», привел к деформации общественного сознания. Порой эта «чрезвычайщина» актуализируется и сегодня, когда в общественном дискурсе регулярно появляется не только запрос на так называемую «сильную» власть, но и на конкретную фигуру генерального секретаря. Оценка «революции сверху», таким образом, и сегодня нередко интерпретируется рядом историков в индоктринированных большевистской пропагандой понятийных рамках.

В силу специфики преобразований (действие так называемых «ловушек») последние имеют особенную реализацию: формируется уязвимая и полностью зависимая от партийного государства экономическая система, происходят катастрофические социальные последствия, трансформируется политический режим. Такой опыт «модернизации» имел лишь поверхностно прогрессивный характер, консервируя и архаизируя ряд тенденций развития социума. «Революция сверху» являлась действительно масштабным социальным экспериментом, но отнюдь не модернизационного характера, представляя собой проект масштабной и избыточной сверхэтатизации.

[228] *Бордюгов Г. А., Козлов В. А*. История и конъюнктура… С. 181.

Процесс этатизации (огосударствления) был органичным элементом общей логики перестраивания всех сфер социума с конца 1920-х до начала 1940-х годов. Это не просто усиление роли государства в различных сферах жизни социума, это выстраивание новой общественной системы, в которой огосударствление имело политическую, экономическую, социальную (и социально-психологическую), культурную основы.

В политической сфере этатизация реализовывалась через усиление централизированного принятия решений, ликвидацию фракционности и любой политической оппозиции, а также путем формирования жестко иерархической партийно-государственной структуры, в которой властные полномочия были сосредоточены на ее вершине.

Экономическое огосударствление выражалось в утверждении исключительной роли государственной собственности (ключевую роль в этом процессе имела как раз аграрная реформа – политика «сплошной коллективизации»). Государство становилось единственным собственником средств производства и монопольным работодателем, что неизбежно вело к абсолютной зависимости населения от власти. Этатизированная экономика стала инструментом тотального подчинения и унификации социума, что позволило формировать социальную иерархию в соответствии с близостью различных социальных групп к власти и в соответствии с их лояльностью власти.

Социально-психологическая основа этатизации социума выражалась в манипулировании общественным сознанием, которое включало в себя стимулирование нетерпимости к капитализму, рынку и социальному неравенству, стимулирование популистских лозунгов, заигрывание с идеями социальной справедливости через перераспределение ресурсов и пр. Также в социальном контексте этатизация коррелирует с процессом *атомизации* социума. Процесс усиления государства в жизни социума снижает значение / разрушает горизонтальные связи, что вкупе с соответствующей пропагандистской работой (конфронтационного характера, разделяющей «своих» и «чужих») приводило к снижению потенциала противостояния власти.

В такой системе координат единственным гарантом существования индивидов является государство. Само огосударствление началось с двух взаимосвязанных процессов: превращения государственно-политической власти в фактор, который определял выбор общественного развития, с одной стороны, с другой – возрастание доли государственной собственности. Все это приводило к неотделимости государственной власти и собственности к тому, что связка «государственная власть – государственная собственность» становится основой новой общественной системы[229]. Собственность отчуждается от народа (как и продукт его труда).

Отметим, что образ этатистского проекта развития советской государственности был заложен еще в работе В. И. Ленина «Государство и революция»[230]. Текст, по сути, является теоретической основой тоталитаризма. В нем отсутствует принцип разделения властей и права меньшинств, провозглашена «диктатура пролетариата» как «власти, опирающейся на насилие и не связанной никакими законами». Несмотря на провозглашаемый антиэтатизм, работа является *апологетикой этатизма*, так как предлагаемая Лениным диктатура пролетариата фактически предполагает наличие сверхцентрализованного государства, контролирующего все сферы жизни социума (экономику, право, идеологию). В этом государстве отсутствуют правовые ограничения, «отмирание государства» на самом деле представляет его усиление – уничтожение старых и трансформация новых институтов ведут к росту бюрократии, «рабочий контроль» заменяется тотальным огосударствлением. Все это соответствует этатистской модели, где государство доминирует над обществом.

Этатистская система имела совокупность внутренних противоречий. Прежде всего они возникали между государственно-политической властью и экономическими отношениями (так как руководством игнорировались фундаментальные основы экономики (стоимость, обмен, рынок и пр.), что приводило к упрощению и деформации экономической системы). Кроме того, они возникали между этатизированной экономикой и негосударственными областями отношений (теневая экономика, личные подсобные хозяйства и пр., которые частично замещали ликвидированные большевиками экономические институты). Помимо этого, они проявлялись в неравных

[229] Смешанное общество: Российский вариант / отв. ред. Л. В. Никифоров. М.: Наука, 1999. С. 26.
[230] *Ленин В. И.* Государство и революция. М.: Госполитиздат, 1953. 120 с.

отношениях между различными социальными группами (по критерию принадлежности к группе распорядителей собственности)[231].

Ключевые характеристики этатизированной системы, таким образом, заключались в диктате государственно-политической власти, соединенной с экономической властью («власть – собственность»), наличии узкого слоя распорядителей собственности, подчиненности различных сторон общественных отношений государственно-политической и политико-экономической составляющим, сведении экономических и других отношений к этатизированным; ликвидации (или стремлении к ликвидации) любых форм негосударственных отношений, использовании административно-принудительных механизмов, способствующих огосударствлению социума[232].

В политическом поле процесс этатизации мы понимаем, следуя неомарксистской концепции Анри Лефевра[233]. Лефевр рассматривает этатизацию как процесс, усиливающий отчуждение индивида в сфере политических отношений. Политическое отчуждение определяется Лефевром как «отчуждение в государстве и при помощи государства», суть которого заключается в разрушении целостности, фрагментации человека. В процессе такой этатизации *индивид перестает интересоваться делами государства, не обнаруживает стремления контролировать государственные институты, принимать участие в политическом процессе*. Должностные лица отождествляют себя с государством, стремятся использовать его в собственных интересах либо служат ему как некому безликому механизму, а вовсе не индивидам, образующим гражданское общество. Бюрократическая система «узурпирует идентичность», выдвигая национальную (по сути дела государственную, а в случае СССР – партийную) идею и добиваясь от граждан самоидентификации с ней.

Изложенную выше концепцию этатизации дополняет концепция «благих намерений» государства[234]. Понимание процессов реализации «благих намерений» отчетливо соотносится с пониманием государства как «машины» и К. Шмитта, и И. Г.

---

[231] Смешанное общество: Российский вариант… С. 27–28.
[232] Там же.
[233] Цит. по: *Шихардин Н. В*. Концепция этатизации: А. Лефевр и Л. Альтюссер // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2008. Т. 6. № 3. С. 166–171.
[234] *Скотт Дж*. Благими намерениями государства… 566 с.

Фихте (следующее во многом из гоббсовского «Левиафана») – утопической модели устройства государства, математически точно, безошибочно регламентирующим все сферы жизни общества[235]. По Дж. Скотту, для реализации авторитарного высокомодернистского планирования[236] государство пытается сделать социум «читаемым», «видимым» (механизация социума), упрощая сложную, во многом хаотичную социальную реальность. Это очевидно в ликвидации рыночных механизмов, частной собственности, политического плюрализма, независимых социальных структур (профсоюзов и прочих организаций), социальной инженерии. Концепция «высокого модернизма» является отражением во многом слепой веры в научно-технический прогресс, рациональное планирование и возможность устройства социума по единому плану. Советский проект «модернизации» рубежа 1920–1930-х гг. – квинтэссенция «высокого модернизма». С точки зрения большевиков, можно было спланировать не только ключевые стройки, но и повседневную жизнь социума, его потребности, рождаемость, смертность, поведенческие характеристики и т. д. Политика «сплошной коллективизации» – яркий пример стремления большевиков превратить самостоятельные сложные крестьянские хозяйства в легко подсчитываемые и управляемые «единицы» (колхозы) машиноподобной государственной системы. Дж. Скотт отмечает, что сталинские преобразования сопровождала особо губительная комбинация из трех элементов: административное рвение; безудержное использование власти современного государства как инструмента для реализации этих проектов; ослабленное, обессиленное гражданское общество, которое не имеет возможности сопротивляться претворению подобных планов в жизнь[237]. Описанные ранее противоречия системы – прямое следствие провала государственного плана преобразований, непредвиденные последствия социального действия по Р. Мертону[238].

Логическим завершением процесса этатизации является формирование этакратического типа государства. Этатизация как процесс вела к установлению

---

[235] *Зубков К. И.* Феномен мобилизационной экономики: историко-социологический анализ // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов Всероссийской научной конференции (Челябинск, 28–29 ноября 2009 г.) / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск: Энциклопедия, 2009. С. 67.

[236] *Скотт Дж.* Благими намерениями государства… С. 318.

[237] Там же. С. 151.

[238] *Мертон Р. К.* Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

тотального контроля государства над экономикой и обществом. Этакратизм как система стал новым социальным порядком, для которого характерны: доминирование отношений типа «власть – собственность»; преобладание государственной собственности; превращение большинства населения в государственно зависимых работников; государственно-монополистический способ производства и централизованное распределение; корпоративная система как доминирующая форма реализации властных отношений; милитаризация экономики; наличие теневой экономики; экономическая эффективность не является определяющим критерием оценки экономической деятельности; социальная мобильность как организуемая сверху система социальной инженерии; отсутствие гражданского общества и правового государства[239]. Хотя автор этой концепции применительно к советскому обществу О. И. Шкаратан интерпретирует этакратизм как самостоятельную ступень и в то же время параллельную ветвь исторического развития современного индустриального общества со своими собственными законами функционирования и развития, как форму модернизации (индустриализации) стран неевропейского культурного ареала[240]. Интересно, что у автора модернизация – синоним индустриализации, в то время как анализ этакратизма как системы выходит за рамки исключительно экономической плоскости.

Таким образом, модернизационная парадигма представляется ограниченно применимой к анализу преобразований конца 1920-х – нач. 1930-х годов, в то время как концепция этатизации предлагает более полный и комплексный анализ происходящих изменений. В первой делается акцент на создании «нового» (что во многом является наследием большевистского дискурса). В последней же акцент сфокусирован на механизмах подавления, подчинения и унификации социума. Концепция «революции сверху» / модернизации предлагает линейный взгляд на трансформацию социума – как переход от аграрного к индустриальному обществу, что не может объяснить наличие, сохранение, воспроизводство в последнем архаичных элементов. В то же время концепция этатизации четко указывает не только на сами противоречия (сохранение архаики в модерне), но и на существование этих противоречий. Концепции «революции

[239] *Шкаратан О. И.* Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012. С. 315–317.
[240] Там же. С. 315.

сверху» и модернизации предполагают реализованный сталинским режимом путь трансформации социума как единственно возможный в сложившихся исторических условиях. Такой подход обесценивает «издержки» (читай – реальные жертвы) высокомодернистского планирования. Концепция этатизации позволяет увидеть, что выбранный путь радикальных преобразований *был выбором большевиков, направленным в первую очередь на укрепление собственной власти.* Концепция «революции сверху» / модернизации предполагает, что большевистские преобразования рубежа 1920–1930-х гг. были направлены на «благо» общества, в то время как концепция этатизации отчетливо демонстрирует, что социум оказался в подчиненном положении по отношению к партийному государству, объектом преобразований, ресурсом последних. В концепции «революции сверху» / модернизации предполагается, прежде всего, фокус на экономических и технологических аспектах. Концепция этатизации позволяет видеть еще одну грань этого процесса – социально-психологические трансформации с целью подчинения когнитивного потенциала индивида, той или иной социальной общности интересам власти, формирование этатизированного массового сознания и поведения.

Таким образом, теоретический анализ «революции сверху» обнаруживает внутреннюю противоречивость: модернистские по целям преобразования реализуются архаическими средствами (внеэкономическое принуждение, трудовая повинность, прикрепление к месту жительства и производственной сфере, коллективная ответственность, патернализм, корпоративные привилегии, культ вождя, «чистки», бинарные оппозиции «свой – чужой», внесудебные практики и пр.[241]), попадают в систему «ловушек» и порождают непредвиденные последствия. Это показывает, что модернизационная парадигма не исчерпывает всей сложности сталинских преобразований и нуждается в дополнении концепцией этатизации, которая будет развернута в следующем параграфе

[241] Эмпирика будет дана в главах 2, 3 и 4.

1.3. Социальное измерение этатизации: эскалация напряженности и радикализация общественных отношений

В большевистском дискурсе при описании трансформации социума в раннесоветский период главенствует штамп «классовой борьбы» и ее «обострения». Соответственно, любые противоречия и конфликты в социуме в подобной трактовке рассматривались исключительно в марксистской интерпретации при игнорировании очевидной сложности как самой социальной структуры в переходном постреволюционном обществе с ее избыточными процессами мобильности, миграций, маргинальности, так и других «неклассовых» общностей, таких как этнические, конфессиональные, социокультурные и пр. Впрочем, нельзя не отметить, что в том же большевистском официальном дискурсе находили свое отражение конфронтационность и высокий уровень напряженности не только внутри социума, но и во взаимоотношениях слоев и групп общества с институтами власти.

Несмотря на то, что от исследуемых событий современных историков отделяет почти столетие, многие раннесоветские эвфемизмы, требующие адаптации в научном дискурсе, используются до сих пор («раскулачивание», «революция сверху», «Великий перелом» и пр.). Хотя известно, что терминологический аппарат выполняет важнейшую методологическую функцию в исследовании, способствует дальнейшему развитию и созданию новых теоретических положений и концепций. И более широко – лингвистические категории ограничивают и определяют когнитивные категории, что определенным образом влияет на исследователя. В сложившейся ситуации автор считает необходимым обратиться к терминологическому и концептуальному аппарату социологии, что уже успешно применяется коллегами для исследований социальных процессов.

Исследования социальных процессов в оптике социальной напряженности начали О. Л. Лейбович[242], С. А. Красильников[243]. Авторы удачно применили концепции социологии, апробировали для исторических исследований понятие социальной напряженности. С позиций социологии уровень социальной напряженности (СН)

[242] *Лейбович О. Л.* Социальные напряженности в позднюю сталинскую эпоху // Советское государство и общество в период позднего сталинизма.1945–1953 гг.: материалы VII Междунар. науч. конф. (Тверь, 4–6 декабря 2014 г.). М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 25–35. *

[243] *Красильников С. А.* Кризисы власти и трудовые конфликты в период нэпа // ЭКО. 2021. № 4 (562). С. 45–70.

является показателем уровня интеграции индивидов и групп в обществе, маркером, отражающим состояние социума в период трансформаций. СН является перманентной составляющей сложных социальных систем, однако ее рост является симптомом качественных изменений в социуме, свидетельством разрушения целостности основных социальных групп, утратой веры в устойчивые институционализированные образцы социального поведения, предсказуемости социальной жизни. Такие процессы выражаются в утрате адаптационных механизмов, усилении чувства бессилия, незащищенности, апатии, депрессии[244].

Существует порог СН, выше которого она преобразуется в новый феномен, который может быть как конструктивен (оптимальная интеграция социальных сегментов), либо деструктивен (дальнейшее разрушение, конфронтация, распад социальных сегментов). При исследовании СН важно обращать внимание на реакции индивидов и групп – субъектов напряженности. Реакции могут иметь активный (митинги, бунты) или пассивный характер (увеличение чувства бессилия, незащищенности, апатии, депрессии).

Рост дезорганизации в обществе приводит к возникновению и развитию деструктивной напряженности личности и сообщества, возникновению чувства гнева, страха и ужаса, которые имеют массовый характер, охватывают значительные группы людей. Психологическое напряжение, вызванное шокирующими изменениями среды, приводит к утрате «горизонта происходящего», в рамках которого должны интерпретироваться те или иные значимые для общества события, нарушает (а в некоторых случаях и упраздняет) связи внутри социальной структуры. Это вызывает дезориентацию и дезадаптацию населения.

Все это вызывает предельное нервное напряжение (стресс, шок), преодоление которого возможно за счет двух основных типов реакций: 1) активной реакции или борьбы; 2) пассивной реакции или бегства от трудности либо готовности терпеть. Если же обе эти реакции по тем или иным причинам невозможны либо оказываются неэффективны, перенапряжение влечет всплески деструктивных форм поведения – агрессию и панику либо апатию.

---

[244] *Витковская М. И.* Методические принципы изучения социальной напряженности (обоснование подбора методик) // Вестник РУДН. Серия: Социологияю 2010ю № 3. С. 42.

Адаптационные механизмы населения разворачиваются в двух основных направлениях: 1) адаптация различных социальных групп (и составляющих их индивидов) к изменяющимся социальным условиям жизни (в первую очередь материальным и экономическим), поддающаяся наблюдению и анализу; 2) трансформация ценностно-нормативного пространства, непосредственный анализ которого затруднен. Первое направление адаптационных механизмов предполагает ориентацию на удержание и развитие достигнутого уровня жизни, а второе – на освоение норм, адекватных новым социальным обстоятельствам. В ценностно-нормативной адаптации самым важным является интернализация ценностных приоритетов и общей системы мироотношения, которые должны обеспечивать индивиду эффективную реализацию собственных жизненных программ в изменившихся социальных обстоятельствах[245].

Среди основных признаков индикаторных форм социальной напряженности выделяются:

– объективные характеристики: снижение уровня доходов и качества жизни, сокращение продолжительности жизни, снижение уровня естественного прироста населения, рост заболеваемости, рост безработицы, рост числа разводов, сокращение числа браков, рост преступности и других форм девиации;

– субъективный уровень социального самочувствия и качества жизни социальных групп.

Для исследования социальных процессов в подобной оптике актуальна работа Н. Д. Ворониной[246] для анализа и инструментализации понятия социальной напряженности. Воронина представила качественный анализ данного явления, а также создала подробную классификацию симптомов СН[247], которая может быть актуальной и удобной для исторических исследований.

---

[245] *Кесельман Л. Е., Мацкевич М. Г.* Экономический оптимизм/пессимизм в трансформационном обществе // Социологический журнал. 1998. № 1/2. Цит. по: *Витковская М. И.* Методические принципы изучения социальной напряженности (обоснование подбора методик) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2010. № 3. С. 45.

[246] *Воронина Н. Д.* Социальная напряженность: концептуальная схема // Социологические методы в современной исследовательской практике: сборник статей, посвященный памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А. О. Крыштановского [Электронный ресурс]. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. С. 22–28.

[247] Там же. С. 26.

Социологи, анализируя факторы, детерминирующие СН, делят их на две группы: внутренние, присущие индивиду, и внешние – факторы микро- и макросреды. Внешние факторы влияют на вероятности проявления СН опосредованно, через внутренние факторы. В первую очередь сосредоточимся на внутренних факторах, связанных с формой и силой выраженности симптомов социальной напряженности: фрустрации, сформированном образе «виноватого», готовности действовать, пассионарности.

Фрустрация – это психическое состояние, возникающее по причине предполагаемой или реальной невозможности удовлетворения потребностей или при несоответствии желаний с имеющимися возможностями, а также отсутствием легальных и легитимных механизмов, способствующих достижению цели/целей. Практика этатизации создавала вполне реальные условия, в которых даже базовые/физиологические потребности не могли быть полностью удовлетворены[248].

Сформированный образ «виноватого». Для анализа данного фактора нами были исследованы многочисленные приложения к специальным и оперативным сводкам ПП ОГПУ, содержащие массу источников личного происхождения (анонимки, прокламации, лозунги и пр.). Несмотря на работу Агитпропа в реализации желания центра сместить фокус ответственности в восприятии «масс» с Центра на места, судя по анализу «низового» дискурса, эта политика не всегда оказывалась успешной. Образ власти в «низовом» нарративе оказывался противоположным образу в официальном дискурсе, что демонстрирует крайнюю степень разочарования в политике большевиков, отождествляющих себя с идеей построения первого в мире «социалистического» государства, а также отсутствие самоидентификации «трудящихся масс» с действующей властью[249].

Переходим к анализу третьего и четвертого (внутренних) факторов СН: внутренняя готовность индивидов и групп участвовать в протестных насильственных действиях и пассионарность. Высокая пассионарность, связанная с активной деятельностью по достижению цели, может быть связана с такими проявлениями СН, как протестные и деструктивные действия, участие в общественных движениях, а

[248] Подробнее об уровне жизни советского социума в главах 3 и 4.
[249] Подробнее о восприятии власти в следующих главах.

низкая пассионарность – с апатией, социальной дезинтеграцией, ростом разобщенности и т. п.

Здесь важно иметь ввиду, что отсутствие фактора готовности к протестным действиям повышает вероятность «психологических» симптомов социальной напряженности – депрессий, подавленного состояния, апатии, самоубийств. Готовность к действиям может выражаться в стремлении избежать, уйти от неблагоприятной ситуации (бегство крестьян в город). Еще одна форма – готовность к деликвентному, криминальному поведению. Последней формой готовности к действиям может служить гражданская активность, которая была исключена в условиях партийного государства (в нашем случае эта форма «квазигражданской» активности принимала формы ожесточенного протеста деревни).

Степень готовности к протестным насильственным действиям зависела от жизненных условий той или иной социальной группы, зависимости от государства, уровня образования индивидов, степени фрустрации и социальной эксклюзии[250]. Так, радикальная этатизация крестьянского социума вызвала волну деревенского протеста. Масштаб последнего оказался для большевиков неожиданным как с позиций географического (массовые волнения по всему Союзу), так и социального (представители разных социальных групп, поколений, национальностей) измерений. Подробнее о протестном потенциале сельского и городского населения – в третьей и четвертой главах.

К внешним факторам СН относят ключевые социальные институты, оказывающие влияние на индивида / социальные группы: организованная структура, которая может аккумулировать и направлять негативную реакцию людей на неблагоприятные события (политическая партия, общественное движение, правозащитные организации и т. п.); харизматический лидер, способный организовать проявления негативной реакции; СМИ (как источник информации, как транслятор идеологических установок); традиции; культура; идеология или ее отсутствие;

[250] Социальная эксклюзия – процесс системного вытеснения индивида / социальной группы на периферию общественной жизни, отстранение от полноценного участия в политической, экономической, социальной, культурной жизни социума вследствие наличия каких-либо стигматизирующих признаков. Это лишение индивида / социальной группы социальных связей, социальная изоляция, лишение доступа к механизмам интеграции в общество.

особенности политической и управленческой систем, выражающиеся в степени терпимости по отношению к проявлениям СН и в способности контролировать симптомы социальной напряженности; ближайшее социальное окружение индивида – семья, референтные группы и т. п.; ценностные ориентации индивида.

Рассмотрим подробнее внешние факторы СН. Организованная структура, которая может аккумулировать и направлять негативную реакцию людей на неблагоприятные события – в данном случае речь идет об акторах, в той или иной степени причастных к реализации этатизации социума. На высшем уровне речь идет, конечно, о Политбюро ЦК ВКП(б) как ключевом акторе, определяющем линию, цели, темпы и методы этатизации. Стимулирование СН по этой линии выражалось в создании заведомо высоких темпов промышленного и аграрного производства, что естественным образом предопределяло использование чрезвычайных методов на местах. Раскручивание «чрезвычайщины» и управление кризисом («откаты» «чрезвычайщины»). Ужесточение производственных требований, поиск «врагов», «чистки» на всех уровнях власти камуфлировали провалы большевиков, что усиливало атмосферу страха и подозрительности. Инструменты мобилизации и репрессий нужны были для слома сопротивления. Подавление инакомыслия, разрыв между декларируемым и реальным являлся причиной когнитивного диссонанса и роста скрытого недовольства. Руководители среднего (регионального) уровня должны были любой ценой выполнить спускаемый план. Чтобы обезопасить себя от обвинений в «саботаже» или «уклоне», региональное руководство зачастую завышало и ужесточало требования центра, форсировало «досрочное выполнение» и «перевыполнение» плана. К тому же играла роль конкуренция между руководством округами[251], что также нагнетало атмосферу и разрушало горизонтальные связи. Отметим, что региональное руководство находилось в двойственном положении (между «молотом и наковальней») – оно одновременно являлось и субъектом (угнетатели для нижестоящего руководства и населения) и объектом (для вышестоящих органов) этатизации.

[251] Стенограмма совещания секретарей окружкомов и обкомов ВКП(б) при Сибкрайкоме по вопросам подготовки к весенней сельскохозяйственной кампании и коллективизации, г. Новосибирск 30–31 января 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. С. 17–181.

На низовом уровне оказывались секретари партячеек, председатели сельсоветов и колхозов, многочисленные уполномоченные – непосредственные исполнители, акторы этатизации. Именно они являлись непосредственными исполнителями насилия на местах, что существенным образом стимулировало СН и снижало легитимность власти. Отметим, что, как правило (за исключением уполномоченных), они являлись выходцами из того социума, по отношению к которому проводили политику партии. Это разрушало традиционные устоявшиеся социальные связи и структуры на местах, стимулировало агрессию, подозрительность, вражду и недоверие *внутри базовых социальных ячеек* (семья, деревня и пр.). Акторы этатизации стимулировали социальную напряженность на всех уровнях, действуя в силу системной логики этатизированного режима.

Харизматический лидер, способный организовать проявления негативной реакции – здесь, конечно, речь идет о фигуре генерального секретаря партии И. В. Сталина. Диктатура выработала вполне действенные методы контроля, социального и аппаратного манипулирования и принуждения, позволявшие добиваться реализации ключевых решений. По мнению О. В. Хлевнюка, мы не знаем ни одного решения принципиального характера, принятого помимо Сталина. Мы не знаем ни одного даже короткого периода, когда Сталин терял бы свою власть диктатора[252].

Лидер партии умело использовал пропаганду, которая формировала образ врага (как внутреннего, так и внешнего), что позволяло использовать механизм «защитных клапанов», позволяло отвлекать внимание общества от внутренних проблем и неудач, создавая иллюзию единства перед лицом угрозы (консолидация на конфронтационных установках). Пропаганда подчеркивала достижения режима, что способствовало формированию позитивного имиджа власти (укреплению легитимности).

Отметим роль репрессий как средства устрашения и социального дисциплинирования. Массовые аресты, расстрелы и ссылки стали частью повседневной жизни. Сформированная таким образом атмосфера страха вынуждала граждан подавлять свои негативные чувства и выражать лояльность к режиму. «Чистки» аппарата также стали эффективным способом манипулирования негативными

[252] *Хлевнюк О. В.* Сталин. Жизнь одного вождя. М.: АСТ: Corpus, cop, 2015. С. 45.

реакциями. Сталин инициировал и проводил кадровые «чистки», устраняя потенциальных соперников и тех, кто мог бы представлять угрозу его власти, нередко возлагая на устраняемых ошибки проводимой им политики. Даже у партийной и советской элиты не могло быть уверенности в своем положении и собственной безопасности.

Роль идеологии и СМИ будут рассмотрены совместно. Коммунистическая идеология свидетельствовала об исторической миссии освобождения и завоевания мира, утверждала перестройку природы человека, создание нового общества. Это, в первую очередь, доктрина действия и безграничной веры в это действие. Большевик привержен «Большому Делу, Большому Проекту». Он – «исторический максималист, он мыслит категориями вековыми и тысячелетними…»[253].

Славой Жижек обозначил три аспекта идеологии: как совокупности идей, взглядов, теорий; как идеологические аппараты государства (т. е. весь технологический инструмент); как спонтанную идеологию, защищающую человека от столкновения с Реальным: «это не призрачная иллюзия, возводимая нами для укрытия от невыносимой действительности, это по самой своей сути фантазматическая конструкция, служащая опорой для нашей “действительности”: “иллюзия”, структурирующая наши конкретные, реальные общественные отношения»[254]. Идеология, таким образом, не предлагает ускользнуть от действительности, а представляет саму социальную действительность как укрытие от некой травматической реальной сущности.

Создание целостной картины мира большевистского образца происходило как противопоставление капиталистической идеологии. Отсюда преимущество конфронтационных мотивов, жесткий антагонизм, наступательность, нетерпимость к инакомыслию/инакодействию, милитаризм, экзистенциональное значение рядовых гражданских мероприятий. Пропаганда утверждала социалистические нормы общественной жизни: коллективизм и товарищество, высокое достоинство труда, интернационализм, сознательность, нравственное здоровье, социальный оптимизм.

[253] *Вахитов Р. Р.* Советская идеология. Опыт методологического марксизма [Электронный ресурс] // Красная Евразия: издание современных левых евразийцев. URL: http://redeurasia.narod.ru/biblioteka/vahitov11.html (дата обращения: 22.05.2019).
[254] *Жижек С.* Возвышенный Объект Идеологии. М.: Худож. журн., 1999. С. 40.

Публицистическая пропаганда в этой системе – не только манипулятивная технология, но и специфическое отражение реального общественного бытия[255]. Конструирование социальной реальности, «нового» советского человека, его мировоззрения и миропонимания осуществлялось через призму идеологии.

Пропаганда являлась распространителем научных знаний, именно она объясняла населению законы развития общества, имея на это монопольное право, делала его сознательным участником революционных преобразований, показывала, как надо строить социализм. Поэтому так высока доля в прессе мотивационного и императивного потенциала, усиленное внимание поощрительным и обличительным практикам, выстраивание моделей поведения по крайне полярной системе социальных координат.

«Революция» в «умах» населения реализовывалась посредством формирования новой информационной картины мира, унификации социальной структуры, подавления социальных и национальных противоречий, угрожающих системе. Звучавший «сверху» «голос пролетарской диктатуры» вторгался во все сферы жизни советского социума и, безусловно, претендовал на абсолютную истинность без права самостоятельной рефлексии современных событий своими адресатами.

Традиции и культура для целесообразности также будут рассмотрены совместно. В социуме, пережившим Первую мировую войну, две революции, Гражданскую войну, очевидна тенденция дегуманизации. Ценности, нормы и практики военного мира естественным образом привносились в гражданскую жизнь после окончания военных действий и возвращения мобилизованных. Нормы войны определяли не только политическую реальность, но и повседневное существование людей. Контекст послевоенной дегуманизации важен для понимания социально-психологических предпосылок политического экстремизма, происходящих «снизу».

На проявления подобных деструктивных практик на примере сибирской деревни обращает внимание И. С. Кузнецов в своей работе «На пути к “великому перелому”.

[255] *Федосов Е. А.* Советская визуальная пропаганда и геополитическая идентичность населения СССР в условиях холодной войны, 1946–1964 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 2018. С. 9.

Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг.»[256]. С одной стороны, автор справедливо отмечает, что стремления режима по усилению атмосферы вражды и ненависти находили соответствующую почву «снизу», опирались на определенные спонтанные социально-психологические механизмы. Большевики эффективно эксплуатировали неравенство деревни, использовали эгалитарную популистскую риторику, низкий уровень грамотности населения. С другой, по мнению Кузнецова, стоит отметить, что синдром жестокости, насилия и нетерпимости – следствие все же послереволюционной действительности, политики нового режима. Анализируя уровень насилия в деревне, автор приходит к выводу о том, что проводником тоталитарного насилия выступала меньшая часть сельского населения.[257] Подробнее аспект насилия в деревне мы рассмотрим в четвертой главе.

Особенности политической и управленческой систем, выражающиеся в степени терпимости по отношению к проявлениям СН и в способности контролировать симптомы социальной напряженности. Ранее мы уже отмечали, что консолидационные установки, транслируемые большевиками, были построены на конфронтационных началах. Консолидация была «против» – против капиталистического окружения, против внутренних врагов, против «вековой отсталости России», которую непременным образом нужно было ликвидировать. В институциональном смысле конфронтационная консолидация выражалась в действии «защитных клапанов», канализирующих социальное недовольство, в регулярных чистках, постоянных поисках «врагов».

Фактор ближайшего социального окружения индивида (семья, референтные группы и т. п.) также оказывал влияние на уровень СН. В соответствии с данными статистического справочника по Сибирскому краю, все население Сибирского края на 1 января 1930 г. составляло 9923,8 тыс. чел., в городах и поселениях городского типа 1472,9 тыс. чел. (14,8 %), в сельской местности – 8450,9 тыс. чел. (85,2 %)[258]. «Квазигражданская война» в деревне не могла не отразиться на жителях Сибирского края, даже если они и были жителями города – с бóльшей степенью вероятности у них имелись социальные связи с деревней или сами они были ее выходцами.

[256] *Кузнецов И. С.* На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психоисторические очерки). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. 233 с.
[257] Там же. С. 184.
[258] Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 2–3.

Ценностные ориентации индивида хотя и являются внутренними качествами индивида, однако рассматриваются отдельно, потому что оказывают влияние на все стороны его жизни, а не только на то, что связано с реакцией на неблагоприятные события внешней среды[259]. Вопрос о коллективизации в глазах крестьянского населения ставился весьма радикально – жизнь или смерть (причем для обеих сторон – как для крестьян, так и для местных функционеров)[260].

С точки зрения социальной структуры этатизация социума имела целью насильственное «перекраивание» существующей системы. Значительные группы населения физически и/или социально уничтожались (часть «старой» интеллигенции, духовенство, предприниматели и пр.), другие – претерпевали значительные социальные трансформации (крестьянство, рабочие), нередко в принудительно порядке.

Процесс маргинализации части населения, обозначенный очередным эвфемизмом как «лишение избирательных прав», на деле оказывался выражением социальной эксклюзии. В «первом в мире социалистическом государстве» такая форма дискриминация была зафиксирована в главном законе страны – Конституции[261]. Эвфемизм «лишение избирательных прав» скрывал за собой катастрофические последствия для тех индивидов и социальных групп, которые оказывались стигматизированы таким образом. Право избирать и быть избранным априори не могло реально функционировать в недемократическом режиме, поэтому в это смысле оно не имело никакой ценности. Институт лишенчества выполнял другую роль – роль «внутреннего врага» и потенциального объекта массовых репрессий. В первую очередь из «лишенцев» формировались списки на ссылку местными советами во время реализации кампании «ликвидации кулачества как класса»[262].

Совокупность внешних и внутренних факторов СН приводит к проявлению тех или иных симптомов СН. В приложении 1 представлена таблица симптомов социальной

---

[259] *Воронина Н. Д.* Социальная напряженность: концептуальная схема… С. 28.
[260] Подробнее об этом в § 4.2.
[261] Ст. 64, 65 Конституции РСФСР 1918 г.; ст. 68, 69 Конституции РСФСР 1925 г.
[262] Подробнее об институте лишенчества: *Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н.* Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930 – начало 1950-х гг.). Новосибирск: Сова, 2008. 392 с; *Валуев Д. В.* Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.): на материалах Западного региона РСФСР: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Брянск, 2003. 273 с.; *Саламатова М. С*. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х – 1936 гг.: На материалах Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2002. 292 с.

напряженности, они разделены по различным сферам жизни индивида и расположены в порядке возрастания по воображаемой оси у. Таким образом, понятие СН инструментально для данной работы и его использование предлагают новые возможности для исторического исследования, поскольку предложенный коллегами-социологами фокус исследований социальных процессов чрезвычайно интересен и дает понимание происходящих процессов «снизу» в рамках процесса этатизации социума.

В предыдущем параграфе мы инструментализировали понятие «этатизация» для нашего исследования. Для установления причин и методов реализации этатизации необходимо принимать во внимание одну из ключевых проблем власти большевиков в 1920-е гг., лежащую в плоскости легитимности. Противоречие/разрыв между самолегитимацией/легальностью власти и реальной ее легитимностью (формы восприятия власти основными социальными общностями) было стержнем процессов и событий 1920-х гг.[263] Кризис легитимности политической власти – одна из ключевых проблем политологии и социологии, которая связана с устойчивостью всей политической системы.

Авторы, исследующие данную тематику (О. В. Великанова, О. С. Березкина), формулируют следующие признаки кризиса легитимности власти: ограниченные возможности всеохватной индоктринации общественного сознания населения; состояние разрыва между пропагандой и социальной реальностью, между верхами и партийной массой, между ожиданиями преференций для пролетариата и реальным положением рабочих; кризисные явления в настроениях и поведении не только пролетарского «ядра власти», но и внутри самой партии[264].

К вышеизложенным признакам кризиса легитимности власти следует добавить: проявления институционального кризиса (противоречия и конфликты между различными политическими акторами на местах, кадровый кризис на местах); доминирование императива ближайшего интереса, который вкупе с санкцией на вседозволенность в реализации директив также снижал авторитет власти и приводил к проявлениям произвола со стороны агентов власти; неумение политической элитой признавать собственные ошибки и провалы. Кризис легитимности большевиков начал

[263] *Красильников С. А.* Кризисы власти и трудовые конфликты в период нэпа… С. 48.
[264] Там же.

проявлять себя в 1927/28 г. Реакцией на этот кризис стал выбор политическим руководством этатистского пути развития через форсированную индустриализацию и насильственную коллективизацию. Инструментализация и рутинизация государственного насилия в жизни социума являются рациональной реакцией недемократических режимов в подобных кризисах. Однако рост государственного насилия еще больше делегитимизирует политический режим, детерминируя новый виток политического насилия в социуме. Более предметно на конкретном эмпирическом материале эта проблема будет рассмотрена во второй главе. Однако отметим, что проблема легитимности власти и кризис этой легитимности представляют собой центральные вопросы политологии, рассмотрение которых здесь не является конкретной задачей исследования.

Ключевое для исследования понятие «радикализация» в современных социальных и политических науках относится к разряду спорных и часто используется либо излишне расплывчато и нечетко, либо упрощенно, редуцированно[265]. В большинстве исследований современных общественных наук радикализация рассматривается в рамках изучения крайних ее форм – экстремизма и терроризма. На наш взгляд, подобный подход к анализу указанного социального феномена чрезвычайно узок и не дает возможности экстраполировать его на другие социальные процессы. Иначе на это смотрит Алекс Шмид, посвятивший свое исследование феномену радикализации и отличию его от экстремизма и терроризма[266].

Сам процесс радикализации Шмид определяет как индивидуальный или коллективный/групповой процесс, при котором, как правило, в ситуации политической поляризации становится невозможна нормальная практика диалога, компромисса и терпимости между политическими субъектами и группами с расходящимися интересами. Одной или обеими сторонами в конфликтной диаде отбрасываются возможности конструктивного взаимодействия в пользу растущей приверженности конфронтационной тактике ведения конфликта. Существующая система в процессе радикализации больше не признается приемлемой или законной (для большевиков

[265] *Malthaner S*. Radicalization The Evolution of an Analytical Paradigm // European Journal of Sociology. 2017. Vol. 58, no. 3. P. 369–401.
[266] *Schmid A. P*. Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review // The International Centre for Counter-Terrorism – The Hague. 2013. Vol. 4 no. 2. DOI: 10.19165/2013.1.02.

неприемлема система единоличных хозяйств в деревне, для основной массы крестьян неприемлемы формы обобществленного хозяйства).

Отмечает Шмид и то, что радикализация происходит не только «снизу». Использование механизмов карательно-репрессивной системы, внесудебных решений приводит к тому, что актором радикализации становятся не только негосударственные, *но и государственные субъекты*[267].

Радикализм выступал ключевым инструментом реализации масштабного и форсированного процесса этатизации. Под радикализацией в данном исследовании мы пониманием два явления: процесс и политику.

- Радикализм как политика (как форма преобразования системы, форма разрешения социальных конфликтов).
- Радикализация как процесс обострения социальной напряженности, предшествовавшей и сопровождавшей возникший конфликт.

Радикализм (как политика) – это специфическая форма разрешения социальных конфликтов, форма трансформации социальной системы на качественно новый уровень создания новой социальной системы. Радикализм в политике выражался в следующем: «чрезвычайщина», конфронтация, дискриминация определенных социальных групп, социальный инжиниринг, форсирование преобразований, отречение от предшествующего исторического опыта, игнорирование текущих социальных и экономический реалий, императив ближайшего интереса в достижении поставленных целей, санкция на вседозволенность в процессе реализации партийных директив. Акторами радикализации социальных отношений являлись в первую очередь партийные и советские органы власти, а также органы ОГПУ.

Радикализм (как политика) – это не только и не просто идеи и действия, но и *форма разрешения социальных конфликтов*, форма перевода социальной системы на качественно новый уровень, способ создания (рождения) новой социальной системы,

[267] Ibid. P. 5.

обеспечения ее самосохранения, саморегуляции, реализуемый соответствующим режимом функционирования системы управления[268].

Радикализация социальных отношений – следствие радикализма в политике большевиков, следствие нереалистического конфликта[269]. Радикализацию социальных отношений мы понимаем в данном выше определении по А. Шмиду. Применительно к нашему исследованию радикализация социальных отношений приобрела размах «квазигражданской»[270] войны «классовой борьбы» – конфликта культур, в котором политические власти стремились установить свое господство над деревней. В условиях форсированной этатизации противоречия между институтами власти и социумом разворачивались по типу нереалистических конфликтов, что лишало возможности конструктивного развития такого вектора отношений. Схематично мы этот процесс можем представить следующим образом (*Приложение № 1*).

Политический радикализм большевиков становился причиной ответного радикализма (в основном со стороны деревни), что легитимизировало применение новой волны насилия по отношению к социуму. Радикальная этатизация советского социума на рубеже 1920–1930-х гг. стала неотъемлемой частью стратегии, инструментом укрепления сталинского режима, что в конечном итоге обусловило глубокие трансформации в структуре и культуре раннесоветского общества, а также подготовило почву для дальнейших репрессий и централизации власти. Разрешение нереалистичных конфликтов невозможно (проявление кризиса легитимности власти), что приводит к новому витку насилия – как со стороны властных акторов, так и со стороны социума, до тех пор пока та или иная сторона не сможет одержать верх в этом противостоянии.

---

[268] *Гусев Н. Н.* Радикализм в социологическом измерении // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 20.

[269] Различие между конфликтами по поводу общих базовых принципов и конфликтами при наличии общих базовых принципов (нереалистичные и реалистичные конфликты соответственно) // Козер Л. Функции социального конфликта. С. 97.

[270] *Viola L.* Peasant rebels under Stalin: collectivization and the culture of peasant resistance. New York: Oxford University Press, 1996. P. viii.

Глава 2
ИНСТИТУТЫ И АКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РАДИКАЛЬНОЙ ЭТАТИЗАЦИИ

В данной главе осуществлен институциональный анализ системы власти в Сибири в указанный период. Фокус исследования сосредоточен на трех ключевых сегментах системы: партийные институты, советские и хозяйственные органы, охранительные структуры.

В первом параграфе главы проанализирован процесс контроля и соперничества между тремя «вертикалями» (партийная, советская, охранительная) власти. Зафиксировано, что слабые позиции советских и партийных органов в сельской местности большевистское руководство рассчитывало компенсировать мобилизационными и репрессивными технологиями. Особая роль в осуществлении антикрестьянских репрессий отводилась органам ОГПУ.

Во втором параграфе главы исследован опыт кадровых мобилизаций из центра на краевой уровень и из краевого уровня на окружной, взаимодействие агентов власти с местным населением. Зафиксированы условия, детерминирующие девиантное поведение агентов власти на местах, установлены стратегии поведения агентов власти.

2.1. Трансформации институтов власти: новые роли, функции и практики

Реализация радикальной этатизации очевидным образом наносила серьезный удар по сложившемуся институциональному механизму партийного государства. Нарастающее со второй половины 1920-х гг. давление на негосударственные сектора экономики с позиций «командных высот» и монопольного положения в финансах и других ключевых сферах неизбежно влекло за собой значительные трансформации как институтов, так и практик в деятельности как партийной, советской, так и резко усилившейся охранительной ветвей власти.

1928 и 1929 гг. стали прологом для чрезвычайщины, когда сталинская идеологема «обострения классовой борьбы» обусловливала возврат к широким и

разнообразным мобилизационным практикам в подкреплении их охранительными действиями. Поскольку центральным и ключевым мобилизационным институтом являлись партийные структуры и организации, то естественно развивался процесс мобилизации потенциала самой партии и передача, адаптация данных принципов государственными и негосударственными, общественными организациями (профсоюзы, комсомол и др.).

Сибирская партийная организация в конце 1920-х гг. значительно выросла: с 52 398 чел. в 1925 г. до 93 207 чел. (членов партии и кандидатов) в нач. 1929 г. – на 78 % от уровня 1925 г. Анализ социального состава парторганизации демонстрирует следующие тенденции: увеличение доли рабочих (с 43,2 % в нач. 1925 г. до 47,9 % в нач. 1929 г.), снижение доли крестьян (с 43,4 до 36,8 % соответственно), незначительное увеличение доли служащих (с 13,4 до 15,3 %) соответственно)[271].

По числу и типу партийных ячеек в регионе на середину 1929 г. насчитывалось 689 рабочих и 2574 сельских первичных парторганизаций[272]. Партстаж членов бюро ячеек свидетельствовал о значительном расширении парторганизации за счет новых членов: на 1929 г. доля в руководящих звеньях коммунистов с партийным стажем с 1927 г. и позднее достигала в рабочих бюро почти 30 %, еще выше (34,2 %) она зафиксирована в сельских бюро[273].

Численность и состав парторганизаций региона отражали демографическую ситуацию в Сибири на начало 1930 г. – 10-миллионное население в основном проживало в сельской местности (8,5 млн чел.), где число населенных пунктов составляло 32 422 единицы. При этом городов и поселков городского типа насчитывалось всего 60, тогда как районов в крае было 233 и в них 5520 сельских советов[274]. В то же время очевидно, что если в городах партийные структуры обладали определенным потенциалом влияния, то он снижался в поселениях городского типа и оказывался совсем незначительным на местном сельском уровне.

[271] Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 87–88.
[272] Там же. С. 89.
[273] Там же. С. 95.
[274] Там же. С. 2–3.

Численность Сибирского краевого комитета ВКП(б) на момент четвертой Сибпартконференции (25 февраля – 5 марта 1929 г.) – 93 члена и 32 кандидата, пятой (2–10 июня 1930 г.) – 100 и 37 соответственно. Работники аппарата Сибкрайкома являлись представителями новой элиты, сформированной уже при советской власти. Такие молодые коммунисты видели в режиме возможность восходящей социальной мобильности (карьерного роста, привилегий и пр.), что обеспечивало групповую лояльность таких управленцев. В действительности на всем протяжении своего существования Сибкрайком состоял преимущественно из членов партии, не имевших собственной позиции или не способных ее отстаивать[275].

Очевидно, что ключевые решения, касавшиеся деятельности одной из крупнейших региональных парторганизаций РСФСР, решались не на партконференциях, а на заседаниях бюро Сибкрайкома. Несмотря на формально проводившиеся перевыборы, члены и кандидаты в члены бюро крайкома предварительно согласовывались или прямо рекомендовались Центральным комитетом. Такая практика позволяла ЦК при внешнем сохранении статуса выборности партийного руководства региона регулировать и контролировать его персональный состав. Принятие резолюций пленума происходило по той же схеме, что и на партийных конференциях. При этом если решения конференции предварительно обсуждались пленумом, то проекты резолюций самого пленума рассматривались и утверждались на заседаниях бюро крайкома[276].

Цель деятельности Сибкрайкома заключалась в реализации «генеральной линии» партии с учетом местных условий. Полномочия Сибкрайкома, по сути, не были ограничены ничем, за исключением полномочий вышестоящих органов в лице ЦК партии и ее Политбюро и требований соблюдения «партийной дисциплины» (понимаемой либо крайне абстрактно, либо крайне прагматично). Бюро краевого комитета прямо и косвенно определяло политическое, социально-экономическое и культурное развитие Сибири. Другими словами, полномочия Сибкрайкома на

[275] *Морозова Т. И.* Сибирский краевой комитет РКП(б) – ВКП(б): численность и кадровый состав // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, выпуск 1: История. С. 103–108.
[276] *Морозова Т. И.* Бюро Сибирского краевого комитета РКП(б) – ВКП(б): компетенция, состав, формы и методы деятельности (май 1924 – август 1930 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 45–48; *Она же*. Сибирский краевой комитет РКП(б) – ВКП(б): численность и кадровый состав… С. 103–108.

территории Сибири заканчивались там, где начинались полномочия ЦК ВКП(б). Особенно это становится очевидно при анализе кадровой политики Сибирского комитета, становившейся причиной конфликтов между Центром и регионом.

Следующая «вертикаль» власти – управленческая, исполнительная. Сибирский краевой исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (СКИК) формально являлся «высшим органом власти на территории края, округов и районов». СКИК являлся директивным органом для всех советских, государственных и хозяйственных органов власти и управления на территории Сибири.

Анализ делопроизводства органов советской власти демонстрирует их преимущественно административный, хозяйственный характер работы. На низовом уровне советы несли в себе даже околосудебные функции, определяя списки тех, кто попадал либо под маховик дискриминаций (определение круга «лишенцев»), либо административных мер (в отношении зажиточной части крестьянства), либо принимая участие при осуществлении прямых репрессий (списки на «раскулачивание») со всеми вытекающими из этого последствиями. В исследуемый период продолжались процессы централизации, упрощения системы управления (ликвидация округов) и превращения советов из формально-представительных органов в инструменты проведения решений партии (ВКП(б)) сверху вниз.

В делопроизводстве окружного уровня исполкомов мы обнаруживаем директивы Крайкома партии чаще, чем постановления Краевого исполкома, что свидетельствует о преобладании партийной линии в работе советов. Анализ социального состава советских органов управления напрямую отражает изменения в политике большевистского руководства. Так, из данных *Приложения № 2* становится очевидной тенденция снижения роли представителей крестьянства в деле реализации «генеральной линии», возрастание числа служащих и рабочих на ключевых местных постах (председатели РИКов).

Мы наблюдаем, что на низовом уровне власти крестьяне имеют большинство (на районных съездах, на уровне райисполкомов, даже на окружных съездах советов). Их доминирование на низовых уровнях власти имеет тенденцию к сокращению в обозначенном хронологическом промежутке. При возрастании уровней властной

иерархии заметно снижение представительства крестьян. По всем показателям возрастает численность представительства как сельскохозяйственных рабочих (так называемые «батраки»), так и промышленных рабочих, а также рабочих, занимающих административно-хозяйственные должности как выдвиженцы.

Трансформировалась правоприменительная система – судопроизводство ускорялось, становилось все более неравным (классовое происхождение обвиняемого/истца во многом определяло практику правоприменения), часть судопроизводства уходила во внесудебные структуры (ОГПУ). Отчетливо видна тенденция радикализации по линии «контрреволюционных преступлений» и преступлений по линии ключевых хозяйственных кампаний.

Уже XV съезд партии (1927 г.) ставит во главу угла приведение в исполнение «революционной законности» (чрезвычайные меры в *невоенное* время) и «классовую линию» перед судебными органами. Вновь подчеркнем, что ключевой актор радикальных решений – ВКП(б), а в делопроизводстве открыто постулируется руководство партией судебным аппаратом[277].

Так, 11 января 1929 г. по всем Окружным судам Сибирского края было направлено постановление об ускорении рассмотрения «контрреволюционных преступлений», которые предписывалось рассматривать «не позднее 7 дней после поступления в суд». В состав суда следовало включать «наиболее выдержанных в классово отношении нарзаседателей, чтобы в полной мере обеспечить правильность классовой линии при вынесении приговора»[278]. Меняется отношение к «преступлениям», затрагивающим объекты инфраструктуры – например, «вредительство» на транспортных узлах («применение жесткой репрессии с одновременным устройством показательных процессов»).[279]

В конце 1928 г. мы видим, что Сибкрайсуд, Краевая прокуратура и ПП ОГПУ разделяют между собой сферы ведения дел. Так, «дела, по которым виновные обнаружены, виновность их доказана следствием», передавались в суд. А дела, при

[277] Постановление Сибкрайкома от 30.01.1929 г. всем Окружкомам ВКП(б). Подпись секретаря Сибкрайкома Кисиса // ГАТО. Ф. Р-224. Оп. 1. Д. 119. Л. 10.
[278] Там же. Л. 1.
[279] Постановление Сибкрайсуда от нач. февраля 1929 г., направленное в Томский окрсуд. Подпись председателя Сибкрайсуда В. Бранецкого // Там же. Л. 6.

рассмотрении которых «могут получиться отрицательные моменты в политическом смысле», в которых установлена «социальная опасность лица по характеру антисоветских действий», дела о «кулацком терроре, политическом хулиганстве со стороны кулачества и антисоветского элемента, контрреволюционной агитации», направлялись по линии ОГПУ (приказ ОГПУ № 172[280])[281]. Отметим, что инициатива о рассмотрении дел сообразно с «текущими политическими задачами» шла от Крайкома[282], далее распространялась через Крайсуд на окружной уровень.

Уже январе–феврале 1929 г. в разных округах Сибирского края активно разворачиваются чрезвычайные меры судопроизводства в соответствии с «текущими политическими задачами». Так, дела, которые следовало рассматривать по ст. 107 УК РСФСР (хозяйственные и спекулятивные преступления), проходили по ст. 58 УК РСФСР (контрреволюционные преступления), что позволяло применять более суровые меры репрессии в целях «стимулирования хлебозаготовок». О практике радикализации правоприменительной нормы говорит в своем выступлении на пленуме Сибкрайкома в марте 1929 г. полномочный представитель ОГПУ Л. М. Заковский. Последний указывал на необоснованно широкое, по его мнению, применение 58-й статьи УК к крестьянам во время новой хлебозаготовительной кампании [283]. В конце марта 1929 г. от Сибкрайсуда поступает на окружной уровень постановление с требованием отчитаться «о всех случаях извращенного использования судебной репрессии для стимулирования хлебозаготовок»[284]. Изначально, до весны 1929 г., статья 61 УК РСФСР (отказ от выполнения повинностей общегосударственного значения) для наказания крестьян за невыполнение хлебозаготовок практически не применялась. Однако с началом внедрения Урало-сибирского метода в марте 1929 г. Наркомюст РСФСР санкционировал ее использование против зажиточных крестьян, отказывавшихся от выполнения заготовительных заданий, хотя это толкование было явно «натянутым».

[280] Приказ ОГПУ от 02.04.1924 г. № 172 «Положение о правах ОГПУ в части административных высылок, ссылок и заключения в концентрационный лагерь».
[281] Постановление Сибкрайсуда (декабрь 1928 г. – январь 1929 г.) всем начальникам окружных отделов ОГПУ, окружным и участковым прокураторам, председателям окружных судов // ГАТО. Ф. Р-224. Оп. 1. Д. 119. Л. 5.
[282] Постановление Сибкрайсуда от 11.02.1929 г., направленное председателю Томского окрусуда. Подпись председателя Сибкрайсуд Мерэна // Там же. Л. 9.
[283] *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М.: АИРО-XXI, 2007. С. 223.
[284] Постановление Сибкрайсуда от 30.03.1929 г., направленное в Томский окрсуд. Подпись председателя Сибкрайсуда В. Бранецкого // Там же. Л. 14; Постановление Сибкрайсуда и Краевой прокуратуры от 30.03.1929 г., направленное в Томский окрсуд. Подпись председателя Сибкрайсуда В. Бранецкого // Там же. Л. 16–17.

Тем не менее ст. 61 предусматривала недостаточно суровое наказание (административный штраф или принудительные работы до 6 месяцев), к тому же допускала кассацию приговора. Поэтому основной мерой воздействия в рамках УСМ стало пятикратное досамообложение, но применявшееся во внеправовом порядке. Лишь после принятия постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 28 июня 1929 г. право сельсоветов на пятикратное обложение в связи с хлебозаготовками получило юридическое оформление, а ст. 61 была изменена и стала основной для наказания за невыполнение хлебозаготовок, что фактически означало узаконивание раскрестьянивания[285].

В соответствии с постановлением Председателя Сибкрайсуда Мерэна от 14 июня 1929 г.[286] предписывалось «*под личную ответственность председателя Окрсуда* (курсив наш. – *Е. И.*) принять самые решительные меры, чтобы ни одного дела по ст. 58, п. 8, ст. 58, п. 9, ст. 58, п. 10 УК не находилось в производстве Окрсуда с момента поступления до момента слушания более 2-х недель». Задержка слушания дела «даже на 1 день» приводила к необходимости объяснения председателя Окружного суда перед Краевым судом, а также применение «решительных дисциплинарных мер» по отношению к последнему. Циркуляр № 13/17 Сибирского Краевого суда и Краевого Прокурора Сибири от 14 сентября 1929 г.[287] вновь форсирует судопроизводство. Дела, связанные с хлебозаготовками, должны были рассматриваться «в органах расследования и в суде» не более 1 недели.

Спустя 10 дней по этой же линии всем председателям Окружных судов, прокурорам, начальникам ОАО и ООГПУ (кроме Улалы и Киренска) спущен Приказ № 1[288]. В приказе указывалось, что «в целях создания решительного перелома и немедленного усиления темпа хлебозаготовок широко развернуть судебно-административную репрессию, жестоко ударив ею с одной стороны по кулаку и спекулянту <…>, с другой – по бездеятельности и бюрократизму заготовительного аппарата[289]». Помимо очевидного усиления репрессий по ст. 61, ст. 107 УК за «не сдачу

[285] *Ильиных В. А.* Урало-сибирский метод хлебозаготовок: поиски оптимального варианта // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2. С. 20–26.
[286] Там же. Л. 22.
[287] Там же. Л. 31–32. Подпись председателя Сибкрайсуда Веденяпиной.
[288] Там же. Л. 33–34. Приказ № 1 от 24 сентября 1929 г. Подпись председателя Сибкрайсуда Веденяпиной.
[289] Здесь и далее: орфография и пунктуация автора источника сохранены.

хлеба», необходимости проведения нескольких дел «в показательном порядке», приказ требовал от прокуроров опубликования через местные газеты «всех случаев применения репрессии с обязательным опубликованием приговоров по наиболее ярким делам о кулаках и спекулянтах, разгильдяях заготовительного аппарата». Важно, что в этом приказе подчеркивалась срочность рассмотрения возбуждаемых по данной директиве дел, которые должны были разрешаться «в срок *не более трех дней*» (курсив наш. – *Е. И.*). Окружные суды должны были отслеживать применение практики Народными судами по проходящим по этой линии делам, обеспечивать «жестокость и классовую выдержанность» практики.

В циркуляре № 2 Сибирского краевого суда от 20 ноября 1929 г. от всех Окружных судов требовалось «быстрое и классово правильное рассмотрение судебных дел»[290]. Отметим, что радикализация правоприменительной практики во второй половине 1929 г. в то же время в делопроизводстве сопровождалась предупреждениями о необходимости «строго следовать партийной линии», «не допускать извращений» и пр. С началом 1930 г. появляются требования о необходимости бдительности, исправления «перегибов». Этот процесс демонстрировал нелинейный процесс подчинения судебным органам партийному диктату, свидетельствовал о сложностях, конфликтах и противоречиях внутри системы в ходе процессе этатизации власти.

Еще одним «шагом» к радикализации правоприменительной практики становится признание Сибирского края «неблагополучным по бандитизму сроком на 3 месяца»[291] 26 октября 1929 г. СНК РСФСР по ходатайству Сибирского Крайисполкома. Это же постановление позволяло «создать при Уполномоченном ОГПУ особую “тройку” для внесудебного рассмотрения дел по преступлениям, предусмотренным ст. ст. 59, ч. 3 и 167, ч. 3 уголовного кодекса РСФСР».

Отметим, что в данный период приведение в исполнение приговора о высшей мере наказания должно было происходить только после соответствующей санкции ВЦИК или Прокуратуры Республики. Однако это правило исполнялось не всегда, что вызывало недовольство и угрозу применения санкций к исполнителям со стороны

[290] ГАТО. Ф. Р-224. Оп. 1. Д. 137. Л. 20. Подпись: Мерэн.
[291] Выписка из протокола на № 3 (4) заседания Совета Народных Комиссаров РСФСР от 1 ноября 1929 г. // ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 30. Л. 49.

НКЮ[292]. Впрочем, в качестве санкции к судебным работникам, вынесшим приговор о расстреле как мере наказания без санкции ВЦИК, применялись, по-видимому, только выговор или снятие с работы[293].

Особая роль в осуществлении антикрестьянских репрессий отводилась органам ОГПУ, хотя последние, по оценке современных историков, на тот момент не были готовы к проведению карательных действий ни функционально, ни структурно, ни количественно, ни идейно[294]. Анализ нормативных актов, регулирующих деятельность ОГПУ, свидетельствует о широких полномочиях сотрудников политического управления. Расширение полномочий ведомства началось еще до начала радикальной этатизации советского социума. В ноябре 1926 г. было создано Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ, в 1927 г. ЦИК трижды принимал постановления, расширявшие функции спецслужб. Так, органам ОГПУ было дано предписание усилить преследование за халатность, непринятие мер охраны и противопожарной безопасности на производстве. Данные явления приравнивались к государственным преступлениям, а ОГПУ должны были рассматривать их во внесудебном порядке вплоть до применения «высшей меры» наказания.

В феврале 1928 г. Президиум ЦИК предоставил ОГПУ возможность запрещать проживание в определенной местности лицам, отбывшим наказание в концлагере или в ссылке. В декабре 1928 г. была создана Сибирская «тройка» ПП ОГПУ. Ее деятельность должна была происходить под наблюдением надзорных органов (прокуратура Сибирского края, прокурор – И. Д. Кунов)[295].

Функционал ПП ОГПУ осуществлялся по следующим основным направлениям: осведомление и агентурная разработка (причем слежка осуществлялась в том числе и за представителями других «ветвей» власти), реализация мероприятий «генеральной линии» партии, реализация репрессий, внесудебное производство. При этом если во

[292] Директива народного комиссара юстиции Янсона от 24 апреля 1930 г. // ГАТО. Ф. Р-224. Оп. 1. Д. 137. Л. 29.
[293] Распоряжение № 12 по НКЮ РСФСР от 11 мая 1930 г., распоряжение № 15 по НКЮ от 9 июня 1930 г. Оба распоряжения за авторством наркома юстиции Янсона // Там же. Л. 31; Распоряжение № 10 по НКЮ РСФСР от 11 мая 1930 г. Автор: народный комиссар юстиции Янсон // Там же. Л. 33.
[294] *Тепляков А. Г.* ОГПУ–НКВД против крестьянства: общее и особенное в «массовых операциях» начала 1930-х гг. и «кулацкой операции» 1937–1938 гг. // 1929: «Великий перелом» и его последствия: материалы XII Международной научной конференции (Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г.). М.: РОССПЭН. 2020. С. 221–230..
[295] *Шекшеев А. П.* Органы ВЧК/ГПУ/ОГПУ и большевистская трансформация общества. Неизвестная история Енисейской Сибири. Минусинск, 2021. С. 308, 318.

второй половине 20-х годов численность окружных отделов быстро возрастала, то в условиях начавшейся коллективизации все оперативные работники окротделов самым активным образом участвовали уже не столько в сборе информации, сколько в «острых» оперативных мероприятиях – обысках, арестах, облавах и следствии по делам «кулаков» и «бывших»[296].

Осведомительную функцию сотрудники ПП ОГПУ выполняли на высоком уровне. Докладные записки и спецсводки были посвящены всем сельскохозяйственным кампаниям в деревне, производственным кампаниям в городе, дисциплине партийных и советских служащих, социально-экономическим вопросам (безработица, «продзатруднения»), «извращениям» и «перегибам» в осуществлении партдиректив, отслеживанию работы органов просвещения, милиции и, конечно, же, настроениям всех категорий населения. Эта работа осуществлялась через собственную агентурно-осведомительную сеть, включая и сведения, получаемые от других структур, делившихся со спецслужбами своими информационными ресурсами[297].

Информационный потенциал ОГПУ для системы власти имел высокое значение. В недемократических государствах, где информационное поле ограничено и индоктринировано, осведомление становится одним из важнейших ресурсов управления, формирования внутренней и внешней политики и даже условием сохранения власти. Впрочем, это не означает, что данный информационный поток отличается объективностью. Оперативные и специальные сводки, докладные записки, направляемые по линии этих органов, также обладали тенденциозностью в подаче материалов, особенно это касалось оценки событий и их последствий. В них можно обнаружить многочисленные искажения, фальсификации, манипуляции с трактовками событий. Кроме того, язык чекистского делопроизводства насыщен советским бюрократическим новоязом, что само по себе устанавливает определенные когнитивные рамки при интерпретации его адресатом.

При анализе чекистского делопроизводства большое внимание вызывает структура донесений, их преамбулы, фактическое наполнение, оценки «происшествий», язык

[296] *Тепляков А. Г.* Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый хронограф, 2008. С. 32.
[297] *Красильников С. А*. Сфера труда Сибири в освещении ОГПУ: пролог «чрезвычайщины» (первая половина 1930 года) // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 58. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-05.pdf (дата обращения: 31.05.2021).

документов. Так, протест по отношению к мероприятиям советской власти со стороны «чуждых» категорий населения с точки зрения чекистов являлся проявлением «классовой борьбы», «бешеным сопротивлением антисоветских элементов», «террора» и т. д. Даже при условии, что протест имел не политический, а преимущественно социальный характер. Если же «недовольство» проявлялось со стороны социальной базы режима – рабочими, то это оценивалось как «недостаток разъяснительной работы», «следствие трудностей и продзатруднений» и т. д.

Оценка протестных проявлений в категориях «классовой борьбы» обесценивало последние – любые волнения, таким образом, являлись не следствием конкретных мероприятий большевиков, а следствием «несознательности» граждан, «антисоветских настроений», «чуждого происхождения». Таким образом, граждане лишались субъектности. Открытое проявление недовольства горожан многочасовыми очередями за хлебом оценивалось в документах как «контрреволюционные выпады против Соввласти и партии». Аналогичным образом действовал механизм и для деревни. Например, женский протест («волынки[298]»), с точки зрения власти, являлся действием охваченных истерией женщин, а сопротивление деревни – продуктом ее отсталости.

Если реконструировать состояние раннесоветского социума по оперативным сводкам и докладным запискам чекистского происхождения, исключая критику источника, возникает картина перманентного, масштабного и крайне ожесточенного сопротивления «врагов» большевистской власти. Данный подход, безусловно, не отражал всей полноты реальности. Однако такого рода информационный поток направлялся региональными представительствами ОГПУ как в центр, так и краевому руководству Сибири, что, безусловно, учитывалось адресатами при принятии ключевых решений, определявших взаимодействие институтов власти с группами и слоями общества.

А. Г. Тепляков указывает на угрожающие следствия данной тенденции – поток тенденциозной агентурной информации приводил к мифологизации опасности и угроз со стороны «внутреннего врага» и дезинформировал политическое руководство

[298] Подробнее об этом в § 4.2.

страны[299]. Именно эта тенденциозность в подаче материала, проявляющаяся в использовании советского новояза, с одной стороны, и в аналитике, с другой, также радикализировала отношения между институтами власти и советским социумом. Позицию А. Г. Теплякова о том, что тенденциозный информационный поток, аккумулированный в чекистских источниках, явился одной из причин перехода сталинского руководства в 1930 г. к радикальным действиям, разделяет и С. А. Красильников[300].

Массовые акции крестьянского неповиновения, естественно последовавшие с началом «форсированной коллективизации» и репрессий, рост социальной напряженности, радикализация политики в деревне обусловили переход от политики «информационной профилактики» к силовому подавлению народного протеста. В этих условиях органы ОГПУ стали стремительно наращивать свою численность и влияние, а также интенсивно реформироваться.

Функционал ПП ОГПУ включал в себя и исполнительные функции. Сотрудники спецслужбы являлись ключевыми проводниками «генеральной линии» партии на местах, реализовывали кампании, являющиеся наиболее актуальными в данный момент. Так, мы видим участие сотрудников ОГПУ в кампании по перевыборам Советов[301], роль в ликвидации рабочих протестов, присутствие представителя ОГПУ на бедняцко-батрацких собраниях, где производилось обсуждение участи «кулаков». Также сотрудники ведомства контролировали процесс лишения избирательных прав[302].

Руководство Спецслужбы (в лице Г. Ягоды и Е. Евдокимова) 18 января 1930 г. направляет Полномочным представительствам ОГПУ в регионах директиву «о приведении местных органов ОГПУ в состояние мобилизационной готовности в связи с предстоящим выселением кулаков»[303]. В связи с «исключительной серьезностью задач,

---

[299] *Тепляков А. Г.* Машина террора… С. 133.
[300] *Красильников С. А.* Сфера труда Сибири… С. 67.
[301] Например: ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 408. Л. 126.
[302] Проверка списков лиц, лишенных избирательных прав, производилась путем создания специальных районных комиссий из представителей местных секций РКИ, ОГПУ, начальников РАО, ПредРИКов, профсоюза и пом. прокурора, в некоторых районах с представителем ОИКа.
[303] Постановление ОГПУ всем ПП о приведении местных органов ОГПУ в состояние мобилизационной готовности в связи с предстоящим выселением кулаков от 18 января 1930 // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. П. Данилова, Р. Мэннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. С. 134–135.

возложенных на органы», они потребовали «сопротивление врага решительно пресекать», «вести следствие ускоренным темпом», «твердо обеспечить строгую классовую линию» и т. д. Одним из основных условий для проведения операций требовалось наделить чекистов чрезвычайными внесудебными полномочиями.

Легализация государственного насилия во имя установления «социальной справедливости» всячески поддерживалась и разжигалась большевистской властью, чтобы затем быть использованной ею для своего укрепления уже с целью радикальной этатизации социума. Насилие со стороны власти вызывало ответную реакцию – ожесточенное крестьянское сопротивление в различных его формах. В ответ на это разворачивался новый виток репрессий по отношению к деревне. И так до тех пор, пока процесс этатизации деревни не завершится. В городе эта трансформация носила менее ожесточенный характер, так как этатизация в городах началась ранее и уже имела определенные достижения с точки зрения контроля и управляемости поведением в них населения.

Необходимо обратить внимание на нормативную базу, обеспечивающую мероприятия радикальной этатизации. Все законодательное обеспечение деятельности вовлеченных в нее партийных/советских организаций, органов политического управления проходило в режиме строгой секретности. При этом нормативные акты (постановления, распоряжения, инструкции и другие документы) предоставляли широкие возможности их трактовки, что приводило к массовым явлениям произвола и злоупотреблений на местах.

Показателен в данном смысле приказ ОГПУ № 44/21 «о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса» от 2 февраля 1930 г., подписанный зам. председателя ОГПУ Г. Ягодой[304]. Дискурс-анализ преамбулы документа демонстрирует позиционирование органов ОГПУ в деле «социалистической реконструкции деревни» как ключевой инструмент успеха реализации последней: «Осуществление этой исторической задачи потребует исключительного напряжения <…>. Особо серьезны, сложны и ответственны задачи, возлагаемые партией на органы ОГПУ». Далее следовали более конкретные мероприятия при «ликвидации кулачества», лимиты на

[304] Приказ ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса от 2 февраля 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 163–167.

аресты и высылки (не было только лимитов на расстрелы). «Осуществление исторической задачи» обусловливало возможность корректировки запросов на увеличение разнарядок по репрессируемому контингенту, штата сотрудников, а также финансирования.

Результативность деятельности сотрудников ПП ОГПУ измерялась цифрами выявленных «банд», «контрреволюционных группировок», «антисоветских элементов» независимо от того, насколько вообще было возможно появление последних в данный период. Таким образом, первоочередным стимулом для руководящего состава чекистов было наличие на их счету как можно большего числа эффектных дел на разоблаченных «врагов». В этих условиях гораздо выше ценились наскоро слепленные большие «антисоветские организации», состоявшие из десятков «повстанцев», «шпионов» и «диверсантов»[305].

Внесудебное производство осуществлялось посредством так называемой «тройки» ОГПУ. Эта практика являлась «детищем» Гражданской войны, уже известной практикой реализации внесудебного производства. «Тройка» при ПП ОГПУ по Сибкраю для внесудебного рассмотрения дел была создана с санкции Коллегии ОГПУ еще 28 декабря 1928 г. – для заочного рассмотрения дел о политическом и военном шпионаже, контрреволюционных организациях, вредительстве и диверсиях, уголовном и политическом бандитизме. В ее состав входил прокурор, имевший право опротестовывать решения «тройки». Ее деятельность приобрела систематический характер, однако сопровождалась рядом трансформаций.

По содержанию протоколов «тройки» отчетливо прослеживаются общие изменения в репрессивной политике режима. Уже с начала 1928 г. «тройка» начала выносить приговоры «кулакам». С 1929 г. политические перемены в стране дали новый импульс расширению внесудебных процедур. Масштабы деятельности «тройки» кратно возросли в несколько раз, карательные функции политизировались. Внесудебный и чрезвычайный орган превратился в главное средство расправы с новыми противниками

[305] *Тепляков А. Г.* Машина террора… С. 33.

режима – «кулаками», священниками, нарушителями государственной хлебной монополии[306].

Менялся и состав «тройки». С этого периода состав ее постоянных членов определяют работники ПП ОГПУ (Л. М. Заковский – председатель, члены – нач. секретного отдела ПП ОГПУ П. М. Кузьмин и зам. ПП ОГПУ И. Б. Лернер, в качестве замены – Г. А. Лупекин или А. К. Залпетер), тогда как представитель надзорного органа (краевой прокурор И. Д. Кунов или его помощники) ставил свою подпись не как «согласен», а как «присутствующий»[307].

Ведомственные столкновения являлись естественным следствием возрастания роли и расширения функционала одной из «вертикалей» власти. Трансформация деятельности и расширение полномочий органов ОГПУ по линии внесудебного производства становились поводом для волнений со стороны Прокуратуры. Прокурор Сибкрая И. Д. Кунов уже 29 декабря 1928 г. издал циркуляр об усилении наблюдения за чекистами, обязав прокуроров присутствовать при допросах обвиняемых. Однако в марте 1929 г. Л. М. Заковский в письме Сибкрайкому заявил, что не будет исполнять циркуляр, обвинив прокуратуру в том, что она берет под сомнение деятельность ОГПУ и дискредитирует чекистов, обвиняя их в фальсификациях дел и пытаясь вместо надзора руководить следствием. В данном противостоянии победа осталась за Заковским. Постановлением бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 9 марта 1929 г. было принято предложение СибКК об отстранении крайпрокурора Кунова от работы «в связи с рядом компрометирующих его материалов, появившихся в краевой печати с дискредитирующими сведениями о работе в Смоленске».[308]

Охранительная вертикаль власти в исследуемый период является, пожалуй, самой сильной в смысле исполнительного потенциала и самой всеохватной в смысле возможностей вмешательства во вневедомственные вопросы. Органы ОГПУ являлись одним из акторов радикализации социальных отношений и политики в целом. Однако сами сотрудники ОГПУ, несмотря на кажущееся всевластие, регулярно становились объектами внутриведомственных чисток и наказаний. Следует, однако, отметить, что

[306] *Папков С. А.* Тройки ОГПУ–НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. статей. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 133.
[307] Там же.
[308] *Тепляков А. Г.* Машина террора… С. 330–331.

даже этот процесс имел ряд послаблений в отношении служащих ведомства. Так, в «особой инструкции о порядке проведения чистки и проверки партийных организаций органов ОГПУ, погранохраны и внутренних войск ОГПУ» (Приложение к протоколу Президиума ЦКК от 9 мая 1929 г. № 26, п. 7) с грифом «строго секретно» указывалось: «Проверочные комиссии должны проявить *особую чуткость и товарищеский подход* (курсив наш. – *Е. И.*) в процессе чистки ячеек ОГПУ: а) учитывать особо трудные условия работы ОГПУ; б) большую физическую изношенность большей части работников давно работающих в органах и частях ОГПУ; в) рассматривать самую работу в ОГПУ как важное партийное поручение[309]». Так, из постановления общего собрания Томской ячейки ВКП(б) ОГПУ от 25 ноября 1929 г. следовало: «Исходя из особого характера работы органов ОГПУ вся их оперативная и оперативно-административная работа не может являться предметом обсуждения и критики, как ячейки, так и выступлений по этим вопросам каждого отдельного члена ее на партсобрании»[310].

Следует отметить, что высокая психологическая и физическая нагрузка на служащих ведомства оказывала деструктивные последствия на уровне личности. Так, при анализе материалов чистки Томской ячейки ПП ОГПУ мы проследили специфическую тенденцию – «красной нитью» в речи каждого сотрудника, проходящего чистку, поднимается тема алкоголя в жизни последнего. В соответствии с негласным формуляром сотрудники повторяли друг за другом примерно одни и те же тезисы: «раньше выпивал, сейчас очень редко»[311], «выпиваю иногда, но это как члена партии не компрометирует»[312]. Иногда чекисты становились жертвами алкогольной слабости и позволяли себе «сболтнуть лишнего». В этих пьяных оговорках проскальзывало более честное отношение к своей работе: «Оля, брось упрашивать <…>, они [вышестоящие сотрудники ведомства] на этом дела зарабатывают…[313]». Интересно, что регулярное употребление алкоголя или домашнее насилие (один из

[309] ЦДНИ ТО. Ф. 3791. Оп. 1. Д. 29. Л. 3 об.
[310] ЦДНИ ТО. Ф. 3790. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
[311] Протокол (без номера) заседания тройки по поверке и чистке Томской Окружной организации ВКП(б). Протокол не датирован. Хронологически относится к периоду май–сентябрь 1929 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 3791. Оп. 1. Д. 29. Л. 8 об.
[312] Протокол (без номера) заседания тройки по поверке и чистке Томской Окружной организации ВКП(б). Протокол не датирован. Хронологически относится к периоду май–сентябрь 1929 г. // Там же. Л. 14 об.
[313] Объяснение в ячейку ВКП(б) при Томском Окружном отделе ОГПУ от кандидата ВКП(б) Виктора Новицкого от 8 января 1930 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 3791. Оп. 1. Д. 28. Л. 38.

эвфемизмов: «бокс с женой») никак не компрометировали сотрудника ОГПУ. А вот связь супруга служащего в ОГПУ с родителями-«лишенцами» могла стать основанием для серьезного ведомственного разбирательства. Широкое распространение практики употребления алкоголя и/или алкоголизм – маркер, прямым образом коррелирующий с уровнем благополучия в социуме. Это свидетельствует о том, что советский социум исследуемого периода имел высокий уровень противоречий, преимущественно неразрешимых (нереалистичных по Л. Козеру), различным образом отражающихся на социальной структуре (как на индивидуальном, так и на групповом уровнях).

Функциональное право на насилие способствовало трансформации деятельности ПП ОГПУ по Сибирскому краю в сторону расширения как в смысле полномочий, так и масштабов осуществления. К началу событий «Великого перелома» чекисты для работы в деревне оказались не готовы. Отсутствие опыта работы в сельской территории, недостаток агентуры, слабая осведомленность, с одной стороны, массовое и масштабное крестьянское сопротивление, с другой, приводили к особенно жестоким карательным операциям со стороны ПП ОГПУ, трансформировав деятельность последнего в масштабный репрессивный механизм, «машину террора»[314].

При оценке состояния и потенциала управленческих звеньев в регионе в период «Великого перелома» необходимо учитывать влияние на их состояние и эффективность выполнения своих функций такого важнейшего фактора, как проводившаяся в изучаемый период аппаратная «чистка», получившая название «генеральной» в силу ее масштабности и всеохватности, затронувшей не только государственный аппарат, но и инфраструктурные его элементы (кооперативные и общественные организации, включая профсоюзные органы). Кампания официально началась с середины 1929 г. после решения XVI партконференции о необходимости «улучшения личного состава советского аппарата» путем проведения «чистки советского аппарата» под руководством органов РКИ «с привлечением профсоюзов и под контролем широких масс рабочих, крестьян и служащих». Цель кампании заключалась в проверке кадров

[314] *Игнатьева Е. А.* Трансформация деятельности полпредства ОГПУ по Сибири в первой половине 1930 гг. // Серовские чтения: взгляд молодых: материалы Всероссийской научной студенческой конференции, посвященной памяти выдающегося ученого Дмитрия Олеговича Серова (1963–2019 гг.) / отв. редакторы М. В. Кричевцев, М. С. Саламатова, Ю. И. Узбекова. Новосибирск, 2021. С. 182–190.

управленцев на предмет их лояльности власти и готовности выполнять директивные указания верхних звеньев партийно-государственной системы.

Хотя проводившаяся кампания осуществлялась с установочной задачей избавления сферы управления от «элементов разложившихся, извращающих советские законы …, от растратчиков, взяточников, саботажников, вредителей, лентяев», то есть направленной на «оздоровление» и более эффективную аппаратную деятельность служащих, однако формы и методы ее осуществления прямо противоречили основному принципу «чистки», которая должна была «проводиться прежде всего и главным образом на основании оценки качества работы, а не только по признакам классового происхождения»[315]. Однако в своей практической реализации кампания вылилась в крупномасштабное замещение кадров из числа «старых» «новым» пополнением из числа «выдвиженцев» из рабоче-крестьянской среды и «продвиженцев» из служащих низовых звеньев того же социального происхождения. Исследователи, анализировавшие динамику проведения кампании на региональном уровне, отмечали, что по своему характеру и направленности она фактически превратилась в свою противоположность, когда в ее основе лежали оценки служащих и особенно категории специалистов в их составе именно исходя не из качества служебной деятельности, а по критериям классового/социального происхождения и степени лояльности и исполнительской готовности у проходивших проверку лиц к реализации проводившихся государством мероприятий[316].

С позиций задач нашего исследования важно зафиксировать итоги проведения кампании и оценить степень влияния «генчистки» региональных аппаратов управления на их функционирование накануне и в пик событий «Великого перелома» в конце 1929 – 1930-м гг. Из наиболее полного доклада краевой комиссии по «чистке» о ее результатах на сентябрь 1930 г. следовало, что по Сибири кампанией проверки оказалось охвачено 93,5 тыс. служащих различных учреждений, из них «вычищенными» по установленным трем категориям, первые две из которых запрещали

[315] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1925–1953. Изд. седьмое. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. С. 474.
[316] См. об этом: *Кузнецов И. С.* Сибирские «кондратьевцы» в годы «Великого перелома» // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.). Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1994. С. 150–181; *Голиков Ю. И.* Генеральная «чистка» советского аппарата Сибири в конце 20-х – начале 30-х гг. // Там же. С. 181–210.

работу в советских учреждениях вообще или занятия каких-либо управленческих должностей, оказались 12,5 % от числа проверенных, или почти 10 тыс. чел.[317] Хотя сама кампания продолжалась еще в течение следующих полутора лет, пусть и со снижениями ее масштабности, но приведенные в отчете данные позволяют определить ее приоритеты и структурные характеристики. Прежде всего следует отметить, что выполнялся порядок, очередность учреждений, подвергаемых «чистке». Прежде всего она проходила, согласно партийной директиве, в учреждениях, «непосредственно связанных с трудящимися массами (земельные и судебные органы, органы НКФина и НКТруда и т. д.)». Из отчета краевой комиссии следует, что к осени 1930 г. наибольшую долю увольняемых составили служащие аппаратов кооперации (ЦРК и потребсоюзы – около трети всех «вычищенных»), земельных (19,1 %), административных и судебных (16,7 %), а также финансовых (13,2 %) органов краевого, окружного и низового уровней. Особое внимание в ходе «чистки» обращалось на категории «чуждых», «бывших». И хотя в составе сибирского аппарата две трети считались выходцами из социальных «низов», но другая треть включала в себя фактически ту часть служащих, поведения и действия которых расценивались как нелояльные. Так, в категорию «чуждого социального элемента» включались бывшие торговцы и домовладельцы (25,5 %), судившиеся за должностные преступления (24,5%), «кулаки» (15,8 %), бывшие белые офицеры (15 %), бывшие помещики и фабриканты (7,2 %), бывшие церковные служащие (4 %), бывшие жандармы и полицейские (4 %), административно-ссыльные (3 %) (там же).

Среди мотивов исключения из сферы управления численно преобладали «вычищенные» за «извращение и искривление классовой линии» (2820 чел.), далее за «непригодность к управленческой работе» (2038 чел.), за «пьянство и разложение» (1747 чел.), за «растраты, взятки, вредительство» (1230 чел.), за «бюрократизм и волокиту» (885 чел.), по «прочим мотивам». Данная шкала наглядно характеризует то состояние регионального управленческого аппарата, которое он претерпел под воздействием «чрезвычайщины», в экстремальных условиях этатизации сибирского социума. Здесь в сконцентрированном виде представлены как те, кто оказался связан с «эксцессами» в ходе «массовой коллективизации», совершавшие должностные

[317] ГАНО. Ф. Р -1072. Оп. 1. Д. 311б. Л. 87, 88.

преступления, девиантные нарушения, так и заподозренные во «вредительстве». После чистки состав служащих оказался в ухудшенном и в значительно дезорганизованном состоянии. В частности, по подсчетам Ю. И. Голикова, проанализировавшего данные об уровне образования «вычищенных», среди них лица с низшим и незаконченным средним образованием составляли 41,4 %, со средним – 23,8 %, со средним специальным – 10,3 %, окончившие специальные курсы – 4,6 %, получившие военное и духовное образование – 6,0 %, лица с незаконченным высшим и высшим образованием составляли среди них 12,6 %[318].

О том, кто приходил в управленческую сферу взамен тех, кто оказался «вычищен», позволяют судить данные о социальном и гендерном составе «выдвиженцев». В докладе краевой комиссии указывалось, что по низовому аппарату введен 571 выдвиженец из числа рабочих, крестьян, среди которых 80 женщин (14 %); в аппараты краевого и окружного уровней выдвинуто 299 чел., среди которых рабочих – 282 (94,3 %), крестьян – 17 (5,6 %), в том числе женщин – 47 чел. (15,7 %). Всего же в аппаратную работу было «влито взамен вычищенных» 870 чел. Очевидно, что по своему уровню образовательной и функциональной готовности к управленческой деятельности новое кадровое пополнение не соответствовало «вычищенным», однако логика «императива ближайшего интереса» (по Р. К. Мертону) подталкивала продолжать и поощрять «выдвиженцев». Так, в завершающей части своего доклада председатель краевой комиссии Г. Орлов констатировал, что «после проверки и чистки по ряду краевых учреждений дано задание подготовить и выдвинуть на ответственную и руководящую работу не менее 100 рабочих»[319].

Представляются обоснованными общие оценки «генеральной чистки» в аппаратной сфере как органической части подготовки и проведения форсированных преобразований раннесоветского социума в Сибири, сделанные Ю. И. Голиковым, указавшим, что решение задачи «чистки» связывалось с изменением социального состава аппарата без изменения системы в целом. Такой подход руководства открывал дорогу в госаппарат люмпен-пролетарским слоям. Отсюда понятна тесная связь, кровная заинтересованность выдвиженцев и формирующегося нового режима друг в друге, по мнению исследователя. Другая неявно выраженная причина «чистки»

[318] *Голиков Ю. И.* Генеральная «чистка» советского аппарата Сибири… С. 198.
[319] ГАНО. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 311б. Л. 94.

заключалась в стремлении руководства, используя объективно существовавшие противоречия, столкнуть социальные группы для установления эффективного контроля над обществом и аппаратом. В таких условиях легко было обосновать применение чрезвычайных методов, расправляться с политическими противниками, ограничивать социально-политические права «потенциально опасным категориям»[320]. В свою очередь добавим, что аппаратная «генчистка», будучи разновидностью социально-мобилизационных кампаний, осуществлялась на базовой основе конфликтной консолидации с выявлением «чуждых» элементов внутри самой системы власти, замещение которой сопровождалось ее функциональной дестабилизацией.

Радикальная этатизация советского социума оказалась серьезной проверкой на прочность органов власти всех уровней, превратив последние в исполнительные органы командно-репрессивной диктатуры новой бюрократии[321]. Все три базовых элемента (идеологическое, исполнительное, охранительное обеспечение), описанные нами в данном разделе, имели взаимосвязь и взаимозависимость – ни один вид обеспечения не обходился без двух других.

2.2. Агенты власти на местах: стратегии адаптации

В условиях радикальной этатизации особое значение приобретает роль агентов советской власти на местах – представителей партийно-советского аппарата, призванных реализовывать директивы центра в конкретных регионах и населенных пунктах. Их деятельность отличалась высокой степенью сложности, противоречивостью и даже опасностью для жизни и здоровья. С одной стороны, они выступали носителями государственной политики, с другой – вынуждены были адаптироваться к локальным условиям, сталкиваясь с сопротивлением населения, недостатком ресурсов и внутренними конфликтами (между различными институтами власти). Агенты власти оказывались в конфликте не только с социумом, но и между

[320] *Голиков Ю. И.* Генеральная «чистка» советского аппарата Сибири… С. 207.
[321] *Тимофеева А. А.* Проблемы становления и развития российской государственности. М.: Флинта: МПСИ, 2009. С. 119.

собой, а в иных ситуациях и с центральной властью. В данном разделе речь идет прежде всего об осуществлении политики в сельской местности.

Изучение стратегий выживания и адаптации агентов власти позволяет глубже понять механизмы функционирования советской власти на низовом уровне, выявить способы балансирования между центром и периферией (вертикаль), между различными «ветвями» партийной власти, а также проанализировать корреляцию между официальной идеологией, директивными указаниями и реальной практикой их воплощения.

В данном разделе рассматриваются ключевые модели поведения местных представителей власти в условиях жестких директив партии, социальной напряженности и радикализации социальных отношений, что способствует более комплексному осмыслению процессов построения советской системы управления в ранний период ее становления.

Источниками формирования данной категории выступали не только прямые аппаратные функционеры, скажем, работники окружных или районных управленческих органов, откомандированные на места для проведения конкретных мобилизационных кампаний на определенные сроки, но и направленные общественными организациями, профсоюзными, а то и просто коммунистами – рабочими с производства.

Агенты власти на местах выполняли несколько важных функций. Они являлись *проводниками* – ответственными за реализацию директив, исходящих от центра. Их деятельность определяла степень выполнения поставленных планов, так как именно они взаимодействовали со слоями и группами социума непосредственно, напрямую и в чрезвычайных условиях. Нами выдвинута гипотеза о том, что функция *проводника, исполнителя директив* могла коррелировать с функцией своего рода *амортизатора* радикальной этатизации. Местные агенты власти, хотя и с разной степенью компетентности, обладали знанием специфики своих регионов, что позволяло им адаптировать общие указания центра к конкретным условиям (что включало учет местных традиций, экономических реалий и социальных отношений).

С одной стороны, на агентов власти была возложена функция *медиаторов* социальных конфликтов. Как было ранее сказано, они оказывались в узле острых конфликтов и противоречий (как в городе, так и в деревне). Управленцы на местах должны были уметь управлять конфликтами, находить способы разрешения противоречий и минимизировать социальное напряжение. С другой стороны, они неизбежно выступали исполнителями генеральной линии на обострение «классовой борьбы» в деревне, что превращало их в заложников данной доктринальной установки («низы» против сельских «верхов»), по сути направленной на провоцирование открытых конфликтов. Следовательно, сама медиация («проведение разъяснительной работы» и пр.) как способ урегулирования социального конфликта была актуальна только по отношению к носителям социальной базы партийного режима, то есть к «своим» и потенциальным сторонникам ее деревенской политики По отношению ко всем «иным» представителям сельского социума деятельность агентов власти носила характер обострения социальных конфликтов, ужесточения и радикализации политики.

Агенты власти функционально выполняли роль важного *канала обратной связи* для центрального руководства. Они сообщали о (не)реальном положении дел на местах, о настроениях населения и о проблемах, возникающих в процессе реализации реформ. Эта информация была необходима для корректировки политики и принятия решений на высшем уровне. В то же время степень достоверности идущего «снизу» «вверх» информационного потока требовала критического к нему отношения.

Перейдем к анализу состояния агентуры власти на низовом уровне. В 1929 г. население Сибирского края – 9 694 471 чел., из него сельского – 8 286 800 (85,5 %)[322]. По данным на 1929 г. низовой советский аппарат был представлен 5726 сельскими советами, членами которых являлось около 79 210 чел. Из них мужчин – 64 343 (81,2 %), женщин – 14 867 (18,8 %). Преобладали русские – 64 940 (82 %). Членами и кандидатами в члены партии было 9435 (12 %), членов и кандидатов ВЛКСМ насчитывалось 4600 чел. (5,8 %). Отметим, что избранными в первым раз в состав сельских советов было 55 948 чел. (70,6 %). По своему социальному составу преобладали крестьяне – 68 314 чел. (86,2%), далее шли батраки и сельхозрабочие

[322] Сибирский край: стат. справочник… С. 3.

(7,5%), кустари и ремесленники (2,5%), специалисты (учителя, врачи, агрономы) (1,2%), служащие (2,6%)[323].

Состав председателей сельских советов (по данным на 1929 г. – 5725 чел.) оказывался по ряду характеристик отличным от своих членов по следующим показателям: более высокая доля мужчин – 5292 чел. (92,4%), неграмотных среди них практически не было – 19 чел. (0,3 %), отслуживших в армии было больше – 2005 чел. (35 %), членов и кандидатов в партию было 2136 (37,3 %), членов и кандидатов в комсомол – 410 чел. (7,2 %). Отметим, что здесь меньше впервые избранных – 3297 (57,1 %), но процент этот все же высок и показывает большую текучесть кадров как в самих сельских советах, так и на посту председателя сельского совета. В социальном составе здесь также преобладали крестьяне – 4939 чел. (86,3%), но оказывалась выше доля батраков и сельхозрабочих (10 %). Практически не были представлены специалисты (0,1 %)[324].

Численность коммунистов в сельской местности на середину 1929 г. была невелика – 37 358 чел. (отношение числа коммунистов к общему числу сельских жителей – 0,45 %). По социальному положению преобладали крестьяне (65,7 %), далее шли рабочие (21,0 %) и служащие (13,3 %). По партийному стажу вступившие в партию до 1917 г. составляли 0,4 %, в 1917–1923 гг. – 32,2 %, в 1924–1926 гг. – 33,2 %, в 1927–1929 гг. – 34,2 %[325]. Женщин-коммунисток на середину 1929 г. в деревне насчитывалось 4163 чел. (11,1 % от общего числа коммунистов в деревне).

В 1929 г. в общей численности населения Сибирского края (9 694 471 чел.), городское составляло 1 407 671 чел. или 14,5 %[326]. По данным на тот же период в состав городских и поселковых[327] советов входило 6212 чел., из них мужчин – 4687 (75,5 %), женщин – 1525 (24,5 %). По социальному положению преобладали рабочие – 2833 (45,7 %), служащие – 475 (23,7 %). Членами и кандидатами партии были 2989 (48,1 %), членами и кандидатами ВЛКСМ – 545 (8,8 %).[328]

[323] Там же. С. 60–67.
[324] Там же. С. 74–75.
[325] Там же. С. 92, 94.
[326] Там же. С. 3
[327] Под поселковыми советами в данном случае понимаются избиравшиеся органы в поселках городского типа.
[328] Сибирский край: стат. справочник… С. 84–85.

Численность коммунистов в городской местности на середину 1929 г. – 34 493 чел. (отношение числа коммунистов к общему числу городских жителей – 2,45 %). По социальному положению преобладали рабочие (60,4 %), далее шли «все прочие». По партийному стажу вступившие в партию до 1917 г. составляли 0,9 %, в 1917–1923 гг. – 26,8 %, в 1924–1926 гг. – 42,6 %, в 1927–1929 гг. – 29,7 %[329]. Женщин-коммунисток на середину 1929 г. в городе насчитывалось 3619 чел. (10,4 % от общего числа коммунистов в городе).

Ввиду того, что в установленных хронологических рамках численность сельского населения кратно преобладала над городским, отношения города и деревни во многом выстраивались по властной вертикали (город – источник власти, деревня – ее объект), а также из-за ограниченности одним параграфом диссертации обозначенной проблемы нами предложено сосредоточить фокус внимания на агентах власти в деревне – как стационарных (местных), так и присланных представителей из города.

Численность в Сибири низового советского аппарата на начало 1930 г. вместе с членами сельских партийных ячеек (таковых насчитывалось чуть более 2,5 тыс.) оказывалась очевидно недостаточной для осуществления планов форсированной этатизации и советизации сибирской деревни. В данной ситуации большевистское руководство логичным шагом считало провести масштабную кадровую мобилизацию, где институт уполномоченных разных уровней призван был усилить *исполнительность* директивных решений.

Имея крайне слабые позиции советских и партийных органов в сельской местности, большевистское руководство рассчитывало компенсировать это мобилизационными (масштабная посылка туда городских функционеров и групп рабочих) и репрессивными технологиями. Так, Л. М. Каганович, выступая на XVI съезде ВКП(б) летом 1930 г., заявил: «Мы направили [с осени 1927 г.] в деревню по различным командировкам *минимум* (курсив наш. – *Е. И.*) четверть миллиона человек»[330]. Если говорить о масштабах Сибирского края, то установлены лишь отрывочные данные. В частности, на закрытом совещании членов Президиума

[329] Там же. С. 92, 94.
[330] *Каганович Л. М.* Организационный отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б) // XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 67.

Новосибирского окрисполкома с заведующими отделами 16 декабря 1929 г. было озвучено, что с апреля по декабрь 1929 г. проведено «18 различных кампаний, не считая недель, 2-х и 3-х недельников и друг[их] важнейших громадных работ в деревне»[331]. Как следует из докладной записки Сибкрайкома ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановичу в начале апреля, решением Сибкрайкома от 2 февраля 1930 г. «в помощь деревенским коммунистам и сельсоветам было мобилизовано свыше 6 тысяч городских партийцев, не считая рабочих бригад». Известно, что уже конце февраля – начале марта в сибирскую деревню было направлено на различные сроки свыше 10 тысяч городских работников[332]. Однако мобилизация кадров могла закрыть вопрос количества, но не качества работы аппарата.

Обзоры работы советского и партийного аппарата на местах свидетельствуют о невысоком качестве работы агентов власти низового уровня[333] (типичные тезисы из партийного делопроизводства: «Советский аппарат еще не в достаточной степени приспособился к работе в условиях данного времени», «Качество советского аппарата, в особенности низового, – низкое», «Большая текучесть низового советского аппарата» и т. д.).

Оценивая работу низового аппарата в деревне, в докладной записке от 3 апреля 1930 г. Председателю ВЦИК М. И. Калинину, зам. Председателя СНК РСФСР А. М. Лежава констатировал: «<…> аппарат, в высшей степени слабый по своему уровню развития, крайне не авторитетный в глазах крестьян, совершенно некомпетентный во всех тех крупных хозяйственно-организационных вопросах, которые больше всего занимают деревню…». В том же документе автор отмечает: «Теперь, когда знакомишься с колоссальным материалом, характеризующим поведение нашего низового аппарата в решительную минуту – ликвидации кулака как класса, проведения коллективизации и ликвидации перегибов, – становится совершенно понятным, что охарактеризованный нами год тому назад состав работников смог провести всю эту

[331] ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 843. Л. 3.
[332] Докладная записка Сибкрайкома ВКП(б) секретарю ЦК компартии Л. М. Кагановичу, начало апреля 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни, январь–май 1930 г. Новосибирск, 2009. С. 241.
[333] Отчетный доклад Зачулымского [Томский округ] за время с момента выборов – с 22 марта 1929 г. по февраль 1930 г. // ГАТО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 875. Л. 84.

ответственную работу именно *так топорно, грубо и насильственно, как это оказалось на самом деле* (курсив наш. – *Е. И.*)»[334].

Отметим, что в конце докладной записки автор прилагает список рекомендаций по исправлению сложившегося положения. Список этот вполне соответствует стилю большевистского руководства – Лежава предлагает «ввести еще 6–8 тысяч сильных работников», «пересмотреть наличный состав нынешних низовых работников и произвести их переставку», «откомандировать партийцев из советских аппаратов на деревенскую работу», «создать при Президиуме ВИЦК большой кадр разъездных инспекторов <...>, которые должны находиться в разъездах по селам и деревням для контроля»[335].

Тем не менее само по себе наличие указанного ресурса (в данном случае человеческого) не предопределяло качественное его использование. Так, на совещании в Крайкоме партии 30 января 1930 г. заместитель председателя правления Сибкрайколхозсоюза Харламов, описывая работу городских уполномоченных по организации колхозов, называл последних «гастролерами»: «Мы бестолково сейчас ведем работу <…> мы имеем сейчас очень много гастролерства. У нас из Москвы много гастролеров приехало, мы из края посылаем, вы из округов, а в среднем 40 человек на район. У нас 20–25 сельсоветов в каждом районе. Значит, мы имеем сейчас в районе по два приехавших человека на сельсовет, т. е. на две-три деревни. Это можно гору своротить, если мы скажем: сядьте и не смейте гастролировать. Группа в 3 человека в 1½–2 месяца работы должна дать нам законченные, хорошо организованные один-два колхоза»[336]. Подобного рода «гастролерство» (т. е. текучесть или краткосрочность пребывания командированных на места кадров) осложняло работу всего административного аппарата, нацеленного на форсированное создание колхозов. О «бестолковости» уполномоченных в деле «социалистической реконструкции» деревни

[334] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 9. Л. 60–61 об.
[335] Там же.
[336] Стенограмма совещания секретарей окружкомов и обкомов ВКП(б) при Сибкрайкоме по вопросам подготовки к весенней сельскохозяйственной кампании и коллективизации. 30–31 января 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. С. 124.

позднее говорил и Эйхе в своем докладе на V пленуме Запсибкрайкома ВКП(б) 22 июня 1933 г.[337]

Следует, однако, отметить, что внушительные цифры количества мобилизованных достигались режимом нелегко. Большевики столкнулись с дефицитом кадров, чрезвычайной текучестью аппарата, низкой квалификацией потенциальных агентов власти. Ликвидация дефицита кадров проходила различными способами – от относительно «мягкой» (но не лишенной обязательности составляющей, связанной с определением квот, масштабов и т. д.) практики мобилизации «снизу» – выдвиженчества, до «жесткой» директивной мобилизации аппаратных работников «сверху» (где обязательность командирования в деревню на период проведения той или иной кампании сопровождалась недобровольностью).

Практика выдвиженчества позволяла, с одной стороны, продвигать в государственный аппарат представителей социально значимых, с точки зрения советского руководства (действие так называемой «положительной дискриминации»), групп населения, с другой – являлась способом замены кадров руководящих работников на новую бюрократическую страту, полностью подконтрольную руководству партии. Между тем для выдвиженчества, как и для любого мобилизационного действия, характерна та или иная степень совмещения добровольных и обязательных практик, что выражалось в тенденции «уклонизма». В частности, распространенным явлением был хронический недостаток выдвиженцев для заполнения тех или иных вакантных должностей, мест на разного рода курсах или советско-партийной школы[338]. Система административно-волевого руководства не ориентировала выдвиженцев на проявление инициативы и самостоятельности. Низкий профессионализм, недостаточное умение анализировать обстановку формировали привычку действовать строго по циркуляру.

Другим каналом мобилизации кадров и одновременно их служебного дисциплинирования выступал институт уполномоченных, посредством которого

[337] *Эйхе Р. И.* За большевистскую организацию уборки и поставки зерна государству (доклад на V пленуме Запсибкрайкома ВКП(б) 22 июня 1933 г.). Новосибирск: Партиздат, 1933. С. 29.

[338] Телеграмма всем райкомам ВКП(б) от Новосибирского Окружкома партии, январь 1930 г. // ГАНО Ф. П-90. Оп. 1. Д. 50. Л. 8; Телеграмма секретарям ячеек Транспортной, Мельничной и партчасти Райкома сельхозрабочих от Зав. АППО Черепановского райкома ВКП (б), январь 1930 г. /// Там же. Л. 11; Телеграмма партячейкам Черепановского района от секретаря Черепановского райкома ВКП(б), март 1930 г. // Там же. Л. 61.

большевики осуществляли оперативный надзор «сверху» путем командирования на различные сроки (от одной до нескольких недель) «посланца» из вышестоящего на нижестоящий уровень (центр – край – округ – район), наделенного полномочиями проверки хода реализации конкретных директив власти. Уполномоченные направлялись по партийной (в том числе и ВЛКСМ), государственной/советской (от исполнительных комитетов) и хозяйственной (ведомственной) линиям, от силовых структур (ОГПУ) и общественных организаций (ВЦСПС).

С конца 1920-х гг. в деревню хлынула «волна» многочисленных агентов различных «вертикалей» (партийная, советская, охранительная) власти. Выработать единую классификацию для этого множества не представляется возможным. Нами предложено несколько вариантов систематизации. Первый – по критерию функционального значения кампании / конкретных мероприятий, на которую уполномоченный был мобилизован. Это могли быть кампании по «ликвидации кулачества как класса», хлебозаготовкам, самообложению, очередному «займу» индустриализации и т. д. Второй способ классификации – по административной принадлежности, т. е. принадлежности к тому или иному институту власти или общественной организации. Так, в делопроизводстве партийных и советских органов упоминаются уполномоченные Сибирского крайисполкома (СКИК), Окрисполкомов (ОИК), Райисполкомов (РИК), уполномоченные по «партлинии» (от ЦК ВКП(б) до райкома), мобилизованные профсоюзные работники. Третий способ классификации – срок работы уполномоченных. Кампании/мероприятия могли быть срочными (уполномоченные по хлебозаготовкам, посевной кампании и т. д.) и бессрочными (двадцатипятитысячники). Четвертый критерий классификации – качество кампании/мероприятий по степени принуждения. Так, наиболее «мягкими» оказывались кампании по самообложению и «займу» индустриализации. Таким образом, жесткой и единой «табели о рангах» для уполномоченных установить нельзя. Более того, агенты власти направлялись в деревню по различным «вертикалям» от различных (нередко контролирующих друг друга и конкурирующих друг с другом) органов. Такая ситуация приводила к рассогласованности действий, даже открытой конфронтации друг с другом.

Ранее тезисно мы уже упомянули о проблеме недостаточной квалификации агентов власти низового аппарата (как стационарных, так и мобилизованных). Это влияло на понимание директив партии, знание ключевых документов, регулирующих политику партии, что особенно очевидно рельефно проявилось в рамках одной из масштабных кампаний мобилизации рабочих в деревню – кампании по отправке двадцатипятитысячников.

После ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г., в ходе которого было объявлено о «Великом переломе», началась вербовка рабочих профсоюзами промышленных предприятий под непосредственным руководством партийных организаций. Перед отправкой рабочие проходили двухнедельные курсы, в исключительных случаях продлевающиеся до 3–4 недель[339]. Естественно, этого было недостаточно для подготовки рабочих к работе в деревне. В то же время к ленинградцам, составившим основной костяк прибывавших в Сибирь, предъявлялись жесткие требования – опыт общественной работы, производственный стаж, отсутствие «связей с деревней» и «пролетарское происхождение», готовность ехать на длительный срок в тяжелые условия, политическая «выдержанность» и «верность линии партии».

Отметим, что кампания по отправке двадцатипятитысячников в Сибирь сопровождалась масштабной пропагандистской работой, что создавало у мобилизованных завышенные ожидания. Пусть и с меньшими масштабами, но эта тенденция была свойственна в принципе всем мобилизованным с более высокого уровня на места. Такая идеологическая нагрузка давала возможность мобилизованным позиционировать себя как непререкаемую силу. Нередко у них было убеждение о нахождении себя вне сферы компетенции местной власти и подотчетности лишь тем органам, которыми они были мобилизованы (особенно ярко это прослеживается в работе двадцатипятитысячников в Сибири). Очевидно, что такая самоидентификация приводила к конфликтам – как с местным аппаратом, так и с местным населением.

[339] Докладная записка в осуществление решений ЦК о посылке в деревню 25 000 рабочих в целях укрепления колхозного строительства. Дата не указана. Делопроизводство ЦКК ВКП(б) – НК РКИ СССР // ГАРФ. Ф. Р.-374. Оп. 9. Д. 407. Л. 82.

Отмеченная Н. Д. Троценко изоляция двадцатипятитысячников как «сверху», так и «снизу»[340] характерна для всех мобилизованных на места агентов власти.

Для понимания механизма функционирования уполномоченных значительную информационную ценность представляют инструкции по работе в деревне для агентов власти. В этих документах доминирует целевая составляющая, в то время как выбор средств для достижения целей оставался нередко в них без внимания. Так, в инструкции работникам, командированным в деревню для ускорения хлебозаготовок, написанной предположительно в декабре 1928 г. заведующим отделом по работе в деревне Сибкрайкома ВКП(б) Комаровым, список программы их работы обозначался как «примерный»[341]. Очевидно, что карт-бланш на выбор средств для достижения цели вкупе с описанным выше позиционированием себя в системе политических координат приводил к злоупотреблениям со стороны мобилизованных.

Отметим, что в инструкциях к наиболее болезненным и одиозным для крестьянства кампаниям большевиков в деревне со временем стали появляться соответствующие предупреждения – попытки ограничить произвол на местах. Так, в инструкции уполномоченному по хлебозаготовкам в Омском округе в марте 1929 г. содержались следующие рекомендации: «Еще раз указываем, в основу работы взять установку, которая была дана на совещании актива, и это письмо. Ни в коем случае не делать отсебятины. Никакой мудрости не выдумывать»[342].

Отметим в этих документах и другую тенденцию – попытку размежевать в сознании агентов власти применение чрезвычайных мер аграрной политики рубежа 1920–1930-х гг. и чрезвычайных мер «военного коммунизма». Первое представлялось как нечто «нормальное» в противоположность предыдущему опыту. Так, в памятке низовому агитатору по вопросу о содержании агитации в связи с проведением поселенных твердых планов хлебозаготовок «красной линией» проводится тезис об отсутствии чрезвычайного характера реализуемых мер, о некоторой «нормализации» экономической политики: «Система установления и проведения твердых поселенных

[340] *Троценко Н. Д.* Двадцатипятитысячники в Сибири (1929–1933 гг.) // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): коллективная монография / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013. С. 174.
[341] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 3282. Л. 20–24.
[342] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 28. Л. 53.

планов хлебозаготовок *ничего общего не имеет с продразверсткой* (курсив наш. – *Е. И.*). Экономическая политика проводится твердо, последовательно и непоколебимо»[343].

В том же документе, однако, декларируется необходимость введения мер урало-сибирского метода хлебозаготовок – увеличение ставок самообложения (досамообложение) на сумму, кратную (от двух до пятикратной) цене несданного хлеба для «кулацко-зажиточных» хозяйств, не выполнивших в срок заготовительных заданий. Такое взыскание предполагалось проводить в «бесспорном порядке в трехдневный срок».

Таким образом, с одной стороны, мы видим, что на фоне разворачивающейся «квазигражданской войны» в деревне в руководстве очевидна попытка представить «нормализацию» экономической политики, отречься от прошлого опыта радикальных действий в деревне времен Гражданской войны. С другой стороны, те же политические акторы стимулируют применение радикальных мер для работы в деревне. Такого рода конфликты при осуществлении этатизации сельского социума действовали как своего рода «ловушки» для институтов власти.

При анализе донесений уполномоченных и мобилизованных на места работников «наверх» своим руководителям заметна обвинительная интенция в адрес представителей низового аппарата власти. Агенты с выездными полномочиями зачастую оценивали свои функции как чрезвычайные. В частности, один из них информировал о своих шагах следующим образом: «…с руководителями заготовительных организаций мною было проведено специальное районное совещание по этому вопросу, но пока что результата оказалось мало. По-видимому, придется прибегать к судебным репрессиям». Упомянутый уполномоченный сообщает, как вскоре после своего приезда он «наводил порядок»: раскритиковал деятельность зав. РайЗО, после чего делопроизводитель РайЗО сам подал в отставку, кассир Райисполкома «также уходит», ЗавРайФО и инструктора «попросту нет», «работа по финансовой части почти стоит». Данный «эмиссар» действительно «наводил порядок» в соответствии с полномочиями, понимаемыми как «надзирать и наказывать», но такой

[343] Памятка низовому агитатору по вопросу о содержании агитации в связи с проведением поселенных твердых планов хлебозаготовок. Агитационно-пропагандистский отдел Омского Окружного комитета ВКП(б). 22 марта 1929 г. // Там же. Л. 52.

«порядок» конструктивного решения не имел: «В общем, “заколдованный круг”, не знаю, за что и браться <…> Нам нужна в этих вопросах Ваша помощь»[344].

Специфика работы у мобилизованных агентов власти заключалась в перманентном лавировании между «молотом и наковальней» – между невыполнимыми требованиями вышестоящего руководства и враждебным к ним крестьянским миром. Тем самым они оказывались в маргинальном положении. В первую очередь, агенты власти были заинтересованы в собственном выживании – как в физическом смысле (когда жизнь представителя власти оказывалась в опасности в условиях «квазигражданской войны» в деревне), так и в социальном (следовало избежать подозрений в «пособничестве кулаку», удержаться на рабочем месте и выполнить «миссию партии»), затем уже – в укреплении собственной власти на местах.

Большой проблемой являлся недостаток легитимности как у мобилизованных, так и местного аппарата управления. Эта проблема особенно видна в низовом нарративе. Так, в «письме тов. Сталину от крестьян Иркутского округа, Иркутского района, из села им. Буденного (Усть-Куда)» авторы пишут: «У нас на коммуниста смотреть не могут и коммунисты тоже на беспартийных. Коммунисты стараются как-нибудь подкусить беспартийного, если который пляшет по ихней дудке, тот хороший для них, а который начнет искать мужик правду и заденет это коммуниста, то его сразу же одергивают – ты, говорят, кулацкое подпевало или вот по личным счетам и раскулачивают»[345]. В массе анонимных посланий мы видим упреки в сторону местных функционеров в их неспособности к работе, отсутствии необходимых навыков и знаний, слепом и рьяном выполнени директив, нерациональном управлении, лицемерии по отношению к партийной идеологии и высшим эшелонам власти («хвалит Вас по своему при начальстве себе под нос, а подальше и во все услышание кроет матом всю Советскую власть»[346]). Местный аппарат власти нередко критиковался с двух сторон – уполномоченными «сверху» и населением «снизу».

[344] Информационное письмо Литвиненко С. А. зам. пред. Новосибирского окр. исполкома Ганжинскому Л. В. от 2 декабря 1929 г. // ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 846. Л. 73–74 об.
[345] ЦДНИ ИО. Ф.-123. Оп. 1. Д. 21. Л. 235.
[346] ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 322. Автор: «выходец из крестьян а теперь рабочий участник приветствия». Обращение: «Президиум Н-Сибирской партконференции». Май–июнь 1930 г.

Делопроизводство ОГПУ содержит информацию о многочисленных «террористических актах» по отношению к агентам власти. Чекисты на своем специфическом новоязе квалифицировали это «ярким выражением обострившейся классовой борьбы в деревне»[347]. «Терактами» сотрудники ОГПУ называли различные формы активного протеста в деревне. Это были коллективные или индивидуальные нападения на местных активистов, государственных и партийных служащих. Акты насилия совершались как по отношению к мобилизованным, так и по отношению к стационарным агентам власти. Впрочем, по отношению к мобилизованным (более «чужим», представителям, как правило, городского мира) сельский мир был более враждебен. Физическое насилие (избиение, нанесение ножевых ран и пр.), покушения на убийства – все это уже появляется в пик хлебозаготовительной кампании в октябре 1929 г., к концу осени «градус накала страстей» снижается, снова уступив пассивным формам протеста (более подробно о формах протеста деревни – в главе 4). Однако постановления ЦК ВКП(б) от 5 и 30 января 1930 г., начало «сплошной коллективизации» и «ликвидации кулачества как класса», отправка двадцатипятитысячников в Сибирь и прочие мероприятия радикальной этатизации деревни становятся причиной новой волны взаимного насилия в деревне.

В деревне развернулась действительно ожесточенная борьба вокруг реализуемых мероприятий, но противников и сторонников данной кампании оказывалось не так легко определить по классовому признаку. И в 1930 г. столкновения происходили не между крестьянами, а между всем деревенским населением и органами власти и партии. Также неприятным открытием для власти стала не только поддержка средним крестьянством «кулаков», но и коллективные выступления в защиту последних. Возникал конфликт дискурсов, заключавшийся в том, что официальный дискурс навязывал «миру деревни» образ «врага» – «кулака». Для крестьянского массового сознания образ «врага» имел противоположное звучание – в деревне в него включали, скорее, не деревенских «кулаков», а рабочих, большевиков и горожан вообще[348].

[347] ГАНО. Ф. Р.-1027. Оп. 6. Д. 10.
[348] *Великанова О. В*. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х годов. М.: РОССПЭН, 2017. С. 160. *

Анализ состояния институтов власти в мобилизационном режиме демонстрирует возраставшие потенциальные риски для собственного функционирования. Сами носители власти различных ее уровней оказывались в зоне риска стать самим объектом репрессий. Здесь и перманентная «чистка» аппарата (так называемая «генеральная чистка» началась в преддверии событий рубежа 1929/1930 гг.), и следующие за ней перевыборы советов, регулярные снятия с должностей представителей власти, которые не справились с реализацией планов большевистского руководства, а также тех, кто справлялся (но был обвинен в так называемых «перегибах»). Партийные и советские служащие нижних эшелонов власти наиболее часто становились объектами для вымещения на них народного гнева («клапан» снятия социальной напряженности[349]). Способствовала этому и политика смещения ответственности за непопулярные решения и их последствия с центра на регионы (с краевого уровня на окружные, с окружных на районные).

Политика смещения фокуса ответственности за реализуемые мероприятия, а главное, за их последствия, на региональные и местные органы партийной и советской власти – распространенная практика и необходимое условие каждой из особо значимых для власти кампаний в деревне. В публичном поле такая политика очевидна в статьях, выступлениях первых лиц государства на открытых и закрытых заседаниях[350].

Такого рода типичные для радикализационной практики «откаты», или именовавшиеся на официальном языке «борьбы с перегибами», вызывали неприятие и непонимание агентами власти на местах. Политические маневры большевистского руководства очевидным образом ударяли по слабо выстроенному авторитету агентов власти на местном уровне. Поэтому понятна реакция некоторых представителей низового аппарата – отказ выполнения подобных директив, скрытие их от местного населения.

Самый яркий «откат» исследуемого периода – публикация статьи Сталина «Головокружение от успехов» в начале марта 1930 г., суть которой заключалась в

[349] *Козер Л.* Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 60–71.
[350] *Сталин И. В.* «Головокружение от успехов» // Правда. № 60. 2 марта 1930 г.; *Он же.* «Ответ товарищам колхозникам» // Правда. № 92. 8 апреля 1930 г.; Стенограмма заседания бюро Сибкрайкома ВКП(б) 8 апреля 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. С. 243–295. Выступление секретаря ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича на заседании бюро Сибкрайкома 8 апреля 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. С. 295–319.

смещении ответственности за провалы и катаклизмы аграрной политики большевиков на местный аппарат. Такое решение со стороны агентов власти на местах естественным образом вызывало неприятие. У части из них по идеологическим причинам, у части по вполне рациональным – ведь признание нового «поворота» в аграрной политике означало признание собственной вины за происходящее в деревне, удар по слабому авторитету и легитимности, что могло стоить не только карьеры, но и жизни агентам власти. Распространенной практикой в таких случаях являлись санкции (угрозы) по отношению к выходящим из колхозов, организационные препятствия.

Система большевистской власти, основанная на безусловной преданности и полной лояльности ее агентов, приводила к отрицательному отбору при инкорпорации кадров, к специфическим социально-психологическим последствиям: нежеланию брать ответственность за принимаемые решения и оголтелому энтузиазму при исполнении директив. Так, на закрытом совещании членов Президиума Новосибирского Окрисполкома с заведующими отделами 16 декабря 1929 г. было озвучено, что «заведующие отделами и руководители учреждений» всячески избегают брать на себя ответственность за принимаемые решения. Председатель Новосибирского Окрисполкома И. Г. Зайцев открыто признавал причину такого поведения: «Понятно, товарищи боятся, чтобы не попасть впросак или в правый или левый уклон»[351].

Реальная жизнь деревни 1929–1930 гг. была отлична большевистской пропаганды – деревня оказалась погружена в инспирированную сверху социальную войну, полное «погружение» в которую таило угрозу в отношении лояльности большевистской власти. Опыт соучастника трагедии советский деревни мог приводить к внутриличностным конфликтам. Делопроизводство ОГПУ сообщает о бегстве мобилизованных/уполномоченных, о массовом злоупотреблении алкоголем агентами власти, о преступлениях (порой невероятно изощренных и жестоких), совершаемых последними, об их психологических проблемах (жалобы на неврастению, алкоголизм и прочие расстройства) и даже о суицидах.

В контексте низкой легитимности собственной власти, ожесточенного сопротивления на местах агенты власти (как мобилизованные, так и стационарные)

[351] ГАНО. Ф. Р.-1228. Оп. 1. Д. 843. Л. 1.

пытались добиться права на ношение оружия, которое в условиях «ожесточенной классовой борьбы» приобретало характер жизненной важности. Следует отметить, что у части крестьян осталось оружие со времен Гражданской войны. А последствия Мировой и Гражданской войн значительным образом дегуманизировали социум, в котором ценность человеческой жизни была невысока, проявления физического насилия не являлись чем-то исключительным.

Методы уполномоченных по реализации большевистских планов в деревне доходили до невероятной жестокости. Так, уполномоченный РИКа по «сплошной коллективизации» в селе Камышинка (неразб. – *Е. И.*) Чумышского района Барнаульского округа, член ВЛКСМ Киселев «разыграл процесс заседания», после чего «вынес приговор» одной из крестьянок, отказавшейся вступать в колхоз: «Трибунал именем РСФСР, рассмотрев дело Шатиловой Феклы, приговорил к высшей мере наказания – расстрелять». По прочтении приговора, оставив Шатилову и ее сестру Гончарову Марию 17 лет, всех арестованных крестьян освободил. Шатиловой Киселевым было предложено следующее: «Ты приговорена к расстрелу, я тебя освобождаю на одни сутки с тем условием, если в течение одной минуты обежишь 80 дворов и сагитируешь крестьян вступить в коллектив»[352].

Информация о подобном произволе попадала и в публичное поле. Так, часть иллюстративного материала для обзора «борьбы с извращениями и перегибами в ходе коллективизации сельского хозяйства за 1930 г.» в делопроизводстве ЦКК ВКП(б)–НК РКИ СССР собиралась из открытых источников (газета «Советская Сибирь», «Сельская правда»). В этом же обзоре приведено достаточно эмпирических данных, свидетельствующих об открытом произволе агентами власти на местах. Отметим, что это нетипичная практика – такого рода публичность информации о произволах на местах могла быть допущена только в дозированной форме и в течение краткого времени «борьбы с перегибами». Один из них все же приведем в качестве примера.

В Иркутском округе в Захарьинском районе председатель Холмогорского куста, уполномоченный РИКа Лихачев «в погоне за количеством коллективизации, арестовал бедняков и середняков, задающих вопросы о политике партии в деревне, рассматривая

[352] ГАНО. Ф. Р.-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 26–27.

это как контрреволюцию [подчеркивание в тексте]»[353]. Подобного рода злоупотребления были наиболее деструктивны – регулярность таких практик со стороны властных акторов приводила к пассивности, фрустрации, апатии со стороны социума.

В выдержке «из информационных писем мобилизованных ЦК ВКП(б) товарищей на усиление хлебозаготовок» направленный в Сибирь Иголкин сообщает: «Уполномоченные часто делали ошибки, делая преимущественно административный нажим, выражающийся в производстве обысков, угроз описать имущество даже у середняков»[354]. Далее он описывал и более радикальные способы работы уполномоченных в деревне: «…наблюдаются угрозы со стороны уполномоченных, а иногда хулиганские выходки. Например, в селе Безголосово Алейского района [Барнаульского округа] уполномоченный РИКа и секретари сельсовета избили середняка и кулака, заставляли стукаться головами, били плетками и т. д. Вот эти извращения еще больше озлобляют крестьянство, и доходит до того, что нас, работников по хлебозаготовкам, в деревне не только не пускают на квартиры, но иногда не дают ни куска хлеба»[355].

О произволе на местах находим упоминания и в делопроизводстве председателя ВЦИК М. И. Калинина. Так, на имя Калинина в 1930 г. поступило письмо с грифом «безусловно, лично секретно» от некого Микуниса (из контекста можно предположить, что Микуниса и Калинина связывают длительные отношения знакомства, если не дружбы). Микунис старше Калинина, обращается к нему на «Вы», в тексте автор апеллирует к давнему знакомству и подчеркивает лояльность партии. Все это нужно, чтобы легитимизировать право на донесение негативной информации.

В описанном донесении речь идет о событиях первого квартала 1930 г. Из письма следует: «…известно, какие ошибки были допущены <...> раскулачивали не как класс, а *просто физически* (курсив наш. – *Е. И.*) <...> Я это [“ликвидацию кулачества”] считаю физическим уничтожением <...> двое детей осужденных кулаков за невыполнение контрольных цифр ходили по улице деревни в мороз 40 градусов с отмороженными

[353] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 9. Д. 418.
[354] Из письма мобилизованного ЦК ВКП(б) Иголкина от 21 июня 1929 г. из Барнаульского округа Алейского района // ГАРФ. Ф. Р.-374. Оп. 28. Д. 3377. Л. 182.
[355] ГАРФ. Ф. Р.-374. Оп. 28. Д. 3377. Л. 179.

руками и никто их в хату не пустил, ибо так приказал уполномоченный, что нельзя пускать в хату семейство, и теперь я был очевидцем, как 7-летний ребенок раскулаченного середняка по дороге вспух из-за холода <...> На днях мне пришлось в одной деревне вести ожесточенный бой, чтобы спасти кулака <...> если бы ты зашел к нему [раскулаченному красноармейцу] на квартиру и посмотрел на маленьких детей, спящих на полу, ты бы узнал [что] происходит в деревне <...>». Автор предупреждает Калинина о цене форсированных преобразований: «Судя по мерам, которые имеют место в ходе коллективизации <...> достижение 50 % коллективизации не такой уж высокий процент, ибо стоит только дать директиву, что к 1 апреля должно быть 100 % закончено колл[ективизации], и это будет достигнуто». Однако последствия гонки за темпами могут быть критичны, по мнению автора, не только для самих крестьян, но и для советской власти: «<…> умирает у крестьянина всякая инициатива о ведении хозяйства <...> Тов. Калинин, я далеко от паники, но также далеко от опьянения успехами, я не ошибусь, если и скажу, что если нами не будут приняты меры оздравить головотяпство немедленно по всем затронутым вопросам, то *нам не поздоровится от наших успехов*…»[356].

Постулируемый властью тезис о «незнании» истинного положения «наверху» и массовом произволе на местах являлся лишь политическим маневром. Донесения о «злоупотреблениях и перегибах» (т. е. реальном насилии) доходили до Москвы. Лояльное отношение к произволу уполномоченных объясняется восприятием эффективности их работы. В докладной записке ПП ОГПУ о «проведении кампании по самообложению Новосибирского округа» от 20 января 1929 г. напрямую указано, что там, где цифры плана не могли быть реализованы местными силами, ситуацию исправляли уполномоченные («там, где самообложение проведено менее 25 % – РИК посылает уполномоченных для проведения 25 %»[357]). Угрозы, манипуляции, насилие, различные ухищрения с процедурой голосования сельсовета при имитации легальности мероприятий («приписывание» присутствующих до кворума, например) и прочие специфические «методы» работы агентов власти на местах объясняются отнюдь не их личностными характеристиками. Институциональная система в данный период могла

[356] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 41. Л. 112–112 об.
[357] ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 13. Л. 334.

функционировать только при условии применения чрезвычайных и мобилизационных мер. Так, зав. Сибкрайземуправлением Ялухин прямо называл действия, реализуемые под руководством партийных органов в деревне, когда, помимо официальных уполномоченных, поощряется создание неких троек, пятерок и т. д. из местных активистов как своего рода «никчемных диктаторов»[358].

Отметим, что выполнить возложенные на агентов власти задачи последние были обязаны «под личную ответственность». Единственным критерием качества его работы являлось выполнение директивы. Совокупность этих факторов приводила к массовым злоупотреблениям и произволу со стороны командированных. Так, по районам Новосибирского округа среди лиц, привлеченных в марте 1930 г. к уголовной и партийной ответственности за «перегибы» в ходе «массовой коллективизации», уполномоченные составляли до 10 %[359].

Между тем в конце марта – начале апреля в стране уже проходила кампания демонстративного наказания «перегибщиков», хотя сами девиации «перегибщиков» начинали фиксироваться раньше. В частности, в чекистской сводке о ходе коллективизации в Сибири на 20 февраля 1930 г. отмечалось, что «в ряде районов со стороны местных работников и особенно уполномоченных РИКов нередко практикуются аресты и терроризирование бедняков и середняков, отказывающихся от вступления в колхозы […] В Барнаульском округе уполномоченный Залесова вызывала по отдельности крестьян, показывала вызванному револьвер и говорила: “Вот этот патрон стоит 5 коп., если не пойдешь в коммуну, то получишь его даром”»[360].

В сводке Сибкрайкома на начало апреля 1930 г. за «перегибы» в регионе 1056 функционеров были преданы суду, распущено 14 райкомов партии, снято 8 секретарей районных комитетов, исключено из партии 5 секретарей и председателей районных исполнительных комитетов, на 1147 чел. наложены партийные взыскания, 330 районных, окружных и сельских работников исключены из партии[361]. Данные неполны

[358] Стенограмма совещания секретарей окружкомов и обкомов ВКП(б) при Сибкрайкоме по вопросам подготовки к весенней сельскохозяйственной кампании и коллективизации, 30–31 января 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. С. 130.
[359] ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 17. Л. 607–611.
[360] Докладная записка Сибкрайкома ВКП(б) секретарю ЦК компартии Л. М. Кагановичу. Начало апреля 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. С. 219.
[361] Там же. С. 242.

(нет сведений от 5 округов из 18). Из выступления председателя Сибкрайсуда Мерэна на заседании бюро Сибкрайкома ВКП(б) 21 апреля 1930 г. известно, что судопроизводство завершено только по 328 делам, самый большой процент осужденных – работники сельсоветов (45 %), затем – работники райисполкомов (18 %), к расстрелу были приговорены 11 чел. Последние, со слов Мерэна, «занимались мародерством, издевательством». Данная характеристика приговоренных вызвала возражение Л. М. Кагановича: «Какой же это перегиб?»[362].

В приведенных цифрах проявилась тенденция: наказаниям подверглись в массе своей функционеры и члены партии нижнего звена, не выше районного, однако из партийных и чекистских докладов и обзоров следует, что в «подхлестывании» мобилизационных действий роль уполномоченных различных уровней оказывалась значительной.

Выполнение директив любыми способами – наиболее распространенный паттерн поведения агентов власти на местах. Однако часть из них становилась ренегатами по отношению к системе. Как правило, это касалось мобилизованных агентов власти, до этого непосредственно не сталкивающихся с работой в деревне, но были ренегаты и из числа стационарных агентов. Их «девиация» проявлялась в попытках донести до центра информацию о том, что «происходит на самом деле».

Так, в Иркутске в марте–апреле 1930 г. на имя заместителя Председателя Сибкрайисполкома почтой было послано следующее письмо: «Поймите меня. Я партиец с 1923 г. <…> До чего ходят нашу страну довести. Мы ведь погибаем, скоро у нас начнется голод <…> колхоз к разорению кр-н ведет к гибели … в деревне гонение и выкорчевывание народа <…> прекратить аресты и гонение на них, а иначе скоро могут свергнуть Соввласть <…> уничтожают народ, в особенности крестьян. ГПУ народ ведет к себе в подвал и там его расстреливает, это ужасно, я волнуюсь[363]».

Так, в том же делопроизводстве секретариата М. И. Калинина нами обнаружено заявление члена ВКП(б) Белова, посланного в Ачинский округ, о «непосильном обложении крестьян налогами, хлебозаготовками, незаконном закрытии церквей и

[362] Стенограмма заседания бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 21 апреля 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. С. 334.
[363] ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 168.

раскулачивании красноармейских и партизанских хозяйств». Секретариат Председателя ВЦИК инициировал проверку «правильности заявлений члена ВКП(б) тов. Белова» и пришел к выводу, что «т. Белов при проведении работы на селе и имеющихся трудностях в практической работе переустройства сельского хозяйства *дался в панику* (курсив наш. – *Е. И.*)»[364]. Причем этот вывод был сделан на основе разъяснения Ачинской окружной контрольной комиссии (КК) ВКП(б)–РКИ. Тем самым информатор оказался при проверке «паникером».

Двадцатипятитысячники после коротких первых выездов в деревню начинали проникаться «паническими настроениями». В своей переписке некоторые ленинградцы в ужасе сообщали, что «округ [находится] накануне восстания», «деревня стонет от проводимой политики», «деревню ободрали»[365]. Так, агенты власти «вдруг» становились ее противниками: «партия <…> довела страну до разрухи…»[366]. Безусловно, вербальные формы несогласия не следует отождествлять с участием их в активном деревенском протесте, однако это отлично демонстрирует процесс смены статуса «своего» активиста на статус «чужого» – ренегата.

Интересно, что объяснение феномена ренегатства агентами власти в делопроизводстве оценивается как следствие «упаднических настроений», отсутствия «большевистской выдержки», «слабости» и прочего – т. е. как следствие личностных характеристик агента власти. Таким образом, субъектность, акторность, самостоятельность агентов власти в этом смысле не допускалась. Ренегатство, с точки зрения системы, было проявлением личной слабости, а не симптомом ошибок большевистского руководства.

Другим паттерном поведения агентов власти на местах являлась имитация активной деятельности, «слабое выполнение» директив. Такая практика могла выражаться в «недовыявлении кулаков» (составление нового списка лишенных прав по старым), «слабой постановке разъяснительной/массовой работы», «оппортунистических явлениях и искривлениях линии партии». Последние эвфемизмы использовались для описания той ситуации, когда представители (причем, как правило, стационарные)

[364] Письмо по делу тов. Белова Козульского района, Ачинского округа. 2 апреля 1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 66а. Д. 44. Л. 5–6.
[365] ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 15. Л. 223.
[366] Там же. Л. 228.

медлили с реализацией тех или иных кампаний в угоду хозяйственным процессам (например, электоральные кампании предлагалось начинать после окончания хлебозаготовок, а не параллельно; агитационные и пропагандистские мероприятия сводились до минимума в период ключевых сельскохозяйственных работ и т. д.).

Это естественный процесс попытки *амортизации* директив на местах. Местный аппарат оказывался в сложной ситуации: между обязательством выполнения спущенных сверху директив – с одной стороны, и реальным состоянием дел – с другой. Такая амортизация была естественной попыткой выжить и сохранить свое положение агентом власти. Был еще один паттерн поведения агентов власти. Речь идет о стратегии ухода (ретритизма по Мертону) – ухода от действительности в разных его ипостасях (легальное/нелегальное покидание рабочего места; суицид).

Объективные трудности работы в деревне, с которыми столкнулись уполномоченные в условиях социальной войны, развернувшейся в деревне, неподготовленности в административно-хозяйственном смысле, многочисленные конфликты и столкновения, другие трудности нередко становились причиной бегства. Следует отметить, что как для кампании по отправке двадцатипятитысячников, так и ряда других мобилизационных кампаний срок последних не всегда оговаривался, регламент возвращения – тоже. Так, отток ленинградцев из деревни уже начался уже весной 1930 г.[367], вскоре после приезда (первые эшелоны с ленинградцами приходили в январе). Уполномоченные, на которых была возложена миссия самим ЦК, пытались бежать вскоре после приезда в сибирскую деревню. В делопроизводстве бегство оценивалось как «дезертирство».

Чтобы избежать социального остракизма, формальных и неформальных санкций за провал «миссии партии», ленинградцы пытались обосновать необходимость возвращения (семейные обстоятельства, собственная некомпетентность, экстренная необходимость нахождения на производстве, срочно возникшее желание «обучаться производству в университете» и пр.). В случае невозможности реализации «легального» пути ленинградцы прибегали к более радикальным способам – самовольному роспуску

[367] *Троценко Н. Д.* Двадцатипятитысячники в Сибири (1929–1933 гг.)… С. 12.

самостоятельно созданных коллективов, затем к реальному бегству[368]. Этим они обрекали себя на лишение карьерных возможностей, социальный остракизм, а нередко к разного рода реальным и более серьезным санкциям.

Суицид был наиболее радикальной формой «ухода», ярким симптомом дезадаптации советских и партийных служащих на местах. В делопроизводстве полпредства ОГПУ по Сибири обнаружено лишь несколько предсмертных записок ленинградцев, где были заметны следующие интенции:

1. Попытка «докричаться», донести информацию о ситуации на местах («Зачем жить, когда кругом саботаж. Крестьянин в коллектив не идет, что же ты с ним сделаешь, насильно же не погонишь, а партия требует, чтобы коллективизировать…»[369]).
2. Попытка защититься/оправдаться («Моей жизни конец. У меня один выход – либо справедливая защита, либо смерть. Это не наследство упадочного состояния моей психики, это протест, боль и страдания, беззакония и насилия. Травля идет, приходится умирать <…> Советская общественность прольет свет…»; «кругом недовольство властью, контрреволюция, лучше не жить и не мучиться зря»[370]).

Отметим тот факт, что в подобных записках видна тенденция оценивания провала «миссии партии» в экзистенциальных категориях. К сожалению, ответить на вопрос, насколько этот дискурс был интернализирован в сознании агентов власти, на текущем этапе исследования не представляется возможным.

Впрочем, суицид был характерен не только для мобилизованных агентов власти, но и для стационарных. Так, в делопроизводстве Восточно-Сибирского крайкома партии обнаружен эпизод суицида зам. председателя Востсибкрайсоюза Д. А. Чекменева. Об этом случае было доложено в Москву, а биография Чекменева подробно разобрана. Он имел немалый опыт партийной работы начиная с 1918 г. (подчеркнем – опыт работы на территории Сибири, в годы еще Гражданской войны), работал заместителем председателя сельсовета, секретарем партячейки, председателем

[368] ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 15. Л. 220–235.
[369] Там же. Л. 220–235.
[370] Там же.

кредитного союза в потребительской кооперации, являлся членом ревизионного совета Алтайского Губсоюза, работал председателем коллегии Рубцовского отделения Губсоюза, председателем Славгородского и Канского потребсоюзов, председателем Правления Иркутского ЦРК. Сложно упрекнуть такого человека в недостаточной подготовленности, низкой квалификации, слабости, которые могли бы стать причинами суицидов мобилизованных неподготовленных агентов власти. Чекменев в данном случае – стационарный агент, находящийся в системе власти длительный, в том числе кризисный, период.

Аналитика эпизодов суицидов (так же как и ренегатство) в делопроизводстве ОГПУ маркировалась такими характеристиками, как «слабость», следствие «упаднических настроений», «небольшевистский путь». В случае с Чекменевым позиция Восточно-Сибирского Крайкома партии однозначна: «Работа в условиях обостренной классовой борьбы, в обстановке сопротивления классовых врагов, тормозящих ход нашего строительства, крайне сложна <...> Сотни и тысячи коммунистов, рабочих-выдвиженцев, посланных нашей партией, героически преодолевают эти трудности <...> Но в наших рядах находятся одиночки, которые избирают не путь борьбы с трудностями, промахами и ошибками, а путь мелкобуржуазного пасования перед ними. И таким оказался Чекменев. Чекменев <...> впал в интеллигентское самокопание <...> Путь Чекменева – не путь большевика, прямо в лицо смотрящего всем трудностям и опасностям, а путь слабохарактерного индивидуалиста <...> мы со всей большевистской резкостью осуждаем его поступок»[371].

Позиция Крайкома в данном случае очень показательна. С одной стороны, мы отчетливо видим тенденцию к объективизации, лишению субъектности, агентов власти. С другой, очевидно отношение к агентам власти как к ресурсу системы – ресурсу возобновляемому, нужному до той степени, пока этот ресурс выполняет свои функции. Девиация в данном случае приводит к стигматизации, вычеркиванию из группы «своих», переводу в группу «чужих». Суицид в данном случае расценивался как неповиновение, так как право на самовольный уход из жизни являлся недопустимым проявлением субъектности.

[371] ЦДНИ ИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 21. Л. 220–221.

Стратегии выживания и приспособления агентов власти на местах были различными. Часть из них активно проводила политику партии, насколько им это удавалось. Эта категория агентов власти, как правило, использовала в свою сторону широкие рамки нормативно-правовых актов, не пренебрегала использованием насилия (как физического, так и психологического), руководствовалась императивом «здесь и сейчас». Следует отметить, что в рамках радикальной этатизации социума такой тип поведения агентов власти был ожидаем и даже одобряем (по крайней мере негласно). Последнее становится очевидным в дискурсе аналитических преамбул в делопроизводстве ОГПУ, а также в санкциях по отношению к агентам власти.

Часть агентов власти пыталась снизить уровень радикальности директив при их реализации. Этот паттерн поведения был продиктован в первую очередь желанием сохранить свою жизнь в условиях «квазигражданской войны». Немногие из агентов власти проявляли ренегатство по отношению к системе. Такое поведение ставило под вопрос ценности и интересы радикальной этатизации. Подобная форма социального поведения тщательно отслеживалась, так как ренегатство угрожает единству системы, разрушает границы группы. Стратегия ухода из системы в кризисной ситуации (как «дезертирства», так и суицида) также обнаружена в источниках. Уход в данном случае демонстрирует процесс дезадаптации агентов власти.

Трансформации, происходившие с агентами власти на местах, отлично иллюстрирует исследование Р. К. Мертоном такого феномена, как непреднамеренный результат намеренного социального действия[372]. В данном случае лидирует фактор «императивности ближайшего интереса». Императивность обесценивает «издержки» реализуемых мероприятий, возводя на пьедестал планируемые результаты.

В другом своем исследовании Р. Мертон отмечает, что недостаточность координации между постулируемыми культурой целями (в нашем исследовании – партийными директивами) и институциональными способами их достижения ведет к аномии. Когда значение, придаваемое стимулируемой данной культурой цели, расходится с координированным институционным значением средств, набор запрещенных приемов становится обычным делом. Большевистское руководство

[372] *Мертон Р. К.* Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

«закрывало глаза» на многочисленные акты произвола, пока этот произвол способствовал достижению желаемых планов. Таким образом, система власти оказывала определенное давление на отдельных членов общества, толкая их скорее на путь неподчинения, чем на путь поведения, сообразующегося с общепринятыми правилами[373]. Система способствовала радикализации политики на местах.

Таким образом, с реализацией поставленных перед агентами власти в деревне целей возникали кризисные ситуации. Причин этому несколько: чрезвычайно завышенные по своим показателям планы «социалистической реконструкции» деревни; неэффективность и негибкость системы (бюрократизм, кадровый дефицит, произвол, нежелание брать на себя ответственность, изоляция агентов власти на местах, несогласованность между собой различных институций); высокий уровень социальной напряженности в деревне («квазигражданская война»); бытовые проблемы (отсутствие жилья и продовольственного довольствия на местах, низкая заработная плата); некомпетентность, неподготовленность агентов власти к работе в деревне, специфические личностные трансформации (алкоголизм, агрессивность, депрессии, маргинализация и пр.) последних при деятельности в экстремальных социально-политических условиях.

[373] *Мертон Р. К*. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.

Глава 3
ГОРОДСКОЙ СОЦИУМ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1929–1930 ГГ.

В данной главе предлагается комплексный анализ демографического и социально-экономического состояния городского социума Сибири в этот переломный период. Основное внимание уделяется процессу этатизации – активному и насильственному внедрению партийно-государственного контроля во все сферы городской повседневности. Сквозной темой является адаптационное поведение различных социальных групп, вынужденных искать стратегии выживания в условиях нарастающего давления и дефицита.

В первом разделе представлена динамика населения сибирских городов, которая служит важным индикатором глубины кризиса. Анализируются последствия массовой миграции из деревни, вызванной процессом радикальной этатизации сельского социума и бегством крестьянства, что привело к перенаселению, обострению жилищной проблемы и дестабилизации социальной структуры городов. Второй раздел посвящен положению рабочих. Раскрывается тезис об отчуждении труда, проанализированы специфические формы рабочего протеста, установлена трансформация трудовой этики рабочего. В третьем разделе объектом изучения становятся средние и переходные городские слои.

В данной главе зафиксированы многогранные процессы трансформации городского социума Сибири как системы, переживающей мощнейший внешний прессинг, в ходе которого деформировались социальные связи, изменялась социальная структура, ломались традиционные уклады. Формировалась новая, подконтрольная государству модель городской повседневности.

3.1. Динамика населения сибирского города во второй половине 1920-х гг.

Динамика населения сибирского города во второй половине 1920-х годов была обусловлена несколькими факторами, включая экономические, социальные и

политические изменения, происходившие в стране после Гражданской войны и в условиях НЭПа. Смена политического и экономического курса в конце 1920-х гг. зачеркнула наметившиеся позитивные демографические тенденции[374]. Демографическая сфера представляет собой своеобразный, но точный барометр социального климата страны[375]. Поэтому обращение к этим данным необходимо, с одной стороны, для понимания контекста происходящих трансформаций, с другой – для анализа последствий социальных катаклизмов.

В данном разделе будет составлена характеристика населения (половозрастные, социальные, национальные и прочие характеристики) сибирского города во второй половине 1920-х годов, проанализированы основные факторы, способствовавшие изменениям, выявлены ключевые тенденции, отражающие более широкие процессы, происходившие в стране в этот исторический период.

Сибирский край представлял собой территорию в 4064,4 тыс. кв. км с преобладанием сельского населения. В соответствии с данными статистического справочника по Сибирскому краю, все население Сибирского края на 1 января 1930 г. составляло 9923,8 тыс. чел., в городах и поселениях городского типа 1472,9 (14,8 %), в сельской местности – 8450,8 (85,2 %). Плотность населения в городе не указана, однако имеются данные об общей плотности населения (с учетом сельской местности) – 2,4 жителя на 1 кв. км[376]. Низкая плотность населения – один из параметров дисперсности расселения, характерной для сибирского социума. Такой уровень заселенности территории затруднял административный контроль и требовал от власти мобилизационных методов управления.

Сибирский край на конец 1929 г. и до июля 1930 г. объединял в себе территории Юго-Западной и Северо-Восточной Сибири. В административно-территориальном отношении Сибирский край был разделен на 17 округов (Юго-Западная Сибирь: Омский, Барабинский, Славгородский, Каменский, Новосибирский, Барнаульский, Рубцовский, Бийский округа; Северо-Восточная Сибирь: Томский, Ачинский,

[374] *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 77.
[375] Там же. С. 4.
[376] Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 2–3.

Красноярский, Кузнецкий, Хакасский, Минусинский, Канский, Иркутский, Киренский округа) и 1 автономную область (Ойротская). В отдельную категорию были выведены данные по Туруханскому краю. Туруханский край в административно-территориальном отношении был выделен в составе Красноярского округа и учитывался статистикой самостоятельно.

Население Сибирского края с января 1927 г. по январь 1930 г. выросло в абсолютном выражении на 1221,3 тыс. чел., или на 14 % относительно 1927 г. (см. *Таблицу 1*). Темпы роста городского населения превышали сельское – в деревне численность возросла на 11 % (1930 к 1927), а в городе – на 28 % (1930 к 1927). В то же время обозначился определенный разрыв в численности городов – центров округов[377]. Сформировалась новая тенденция, связанная со стремительным ростом численности городов в Кузбассе, связанная с форсированным индустриальным развитием региона. Так, в Щегловске (в будущем Кемерово) численность населения с 1926 г. по 1930 г. удвоилась – с 23,2 тыс. чел. до 47,4 тыс. чел., в Прокопьевске утроилась – 10,7 тыс. чел. в 1926 г. до 33 тыс. чел. в 1930 г.[378]

Таблица 1 – Численность городского и сельского населения в Сибирском крае 1927–1930 гг. (тыс. чел., %)

Год[379]	Городское население	Сельское население	Общая численность населения
1927	1149,1 (13,2)	7553,2 (86,7)	8702,4 (100)
1928	1241,9 (13,7)	7818,5 (86,2)	9060,5 (100)
1929	1345,8 (14,2)	8122,7 (85,8)	9468,5 (100)
1930	1472,8 (14,8)	8450,9 (85,2)	9923,8 (100)

Составлено по: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 2, 16–17.

В Сибирском крае в 1926 г. на долю детских, подростковых и молодежных возрастных групп (до 29 лет) приходилось около 65,45 % жителей города и 69,34 % жителей деревни (относительно всего населения города/деревни соответственно).

[377] Сибирский край: стат. справочник… С. 4–12.
[378] Сибирский край: стат. справочник… С. 8–10.
[379] Данные зафиксированы на 1 января каждого года.

Статистические данные (см. *Таблицу 2*) свидетельствуют о наличии демографического навеса/молодежного «бугра». Демографический навес – это ситуация, когда в населении присутствует значительный процент молодежи по сравнению с другими возрастными группами, что может привести к различным социальным и политическим последствиям.

Таблица 2 – Половозрастной состав населения Сибирского края по данным переписи 1926 г. (%)

Возраст (лет)	Городское население			Сельское население		
	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола
0–4	13,1	12,85	12,98	17,65	16,95	17,3
5–9	9,19	9,1	9,15	12,23	11,84	12,04
10–14	10,23	10,59	10,41	12,83	11,98	12,39
15–19	10,12	12,09	11,1	11,81	11,63	11,72
20–24	13,27	10,68	11,98	8,04	8,73	8,39
25–29	9,22	10,44	9,83	7,1	7,88	7,5
30–34	7,61	7,13	7,37	5,21	5,22	5,22
35–39	6,98	6,57	6,77	5,03	5,28	5,16
40–44	5,85	4,87	5,36	4,08	4,05	4,06
45–49	4,64	4,16	4,4	3,81	3,69	3,75
50–54	3,12	3,08	3,1	2,8	3	2,9
55–59	2,26	2,62	2,44	2,6	2,93	2,76
60–64	1,65	2,07	1,86	2,4	2,48	2,44
65–69	1,3	1,71	1,5	1,87	1,78	1,82
70–79	1	1,52	1,26	1,72	1,78	1,74
80–89	0,25	0,38	0,32	0,57	0,55	0,56
90–99	0,05	0,08	0,06	0,13	0,12	0,13
100 и более	0,01	0,01	0,01	0,03	0,02	0,03
Неизв. возраст	0,15	0,05	0,1	0,09	0,09	0,09

Составлено по: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 18–19.

Эта тенденция – большая доля молодого (до 29 лет) населения – характерна в целом и для СССР. Доля населения обоих полов до 29 лет – 66,35 % от общей численности населения СССР[380], доля женского молодого населения – 33,77 %, мужского – 32,56 %[381]. Причем отметим, что свойственная в 1920 г. тенденция

[380] Данные также за 1926 г.

[381] Посчитано по: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М, 1927–1929. 10 т. В надзаг.: Центр. статист. упр. СССР. Отд. Переписи. Вып. 3: Население СССР. 1927. Т. 1. С. 3; Население Советского Союза 1922–1991 / под ред. А. Г. Волкова. М.: Наука, 1993. С. 21.

преобладания молодого женского населения над мужским[382] постепенно сглаживается[383].

Наличие такого дисбаланса в структуре населения Сибири и СССР оказывало большое влияние на социально-экономическую и политическую составляющие. Ряд исследователей показал, что повышенная доля молодежи («молодежный бугор» или «молодежный навес») является достаточно сильным фактором социально-политической дестабилизации. Отметим, впрочем, это не только показатель роста демографического потенциала, но также рост трудового и оборонного (рост призывных возрастов) потенциалов, динамики образовательного и культурного потенциала страны.

Отсюда внимание большевиков к индоктринации молодежи, кооптации в свои ряды. Молодежь активно участвовала в различных общественных движениях, таких как комсомол и другие организации, поддерживающие советскую власть. Это содействовало не только популярности новых идей, но и формированию их идентичности, укреплению власти большевиков. Большевики видели в молодежи стратегический ресурс, поэтому активно пытались вовлечь ее в политическую жизнь. Программа «классового подхода» способствовала мобилизации молодежных масс на защиту социалистической идеологии. Борьба за лояльность молодежи была, по сути, борьбой за власть большевистского режима.

Стремительный процесс урбанизации (со всеми вытекающими отсюда дефицитами – жилья, продовольствия, соответствующей инфраструктуры) вкупе с наличием «молодежного бугра» естественным образом приводил к росту уровня социальной напряженности в городах (что подробнее будет рассмотрено в следующем параграфе).

С точки зрения этнической принадлежности, в городе на 1926 г. жили преимущественно русские (*Таблица 3*). Приведенные данные об этническом составе дополняют характеристику городского социума Сибири (см. терминологический словарь). Высокая доля русских (86,7 %) отражала доминирование титульного населения в административных и промышленных центрах. В то же время заметное присутствие евреев, татар и поляков (суммарно около 6 %) было связано с их

[382] Население Советского Союза 1922–1991… С. 9.
[383] Там же. С. 22.

традиционной ролью в торговле, ремесленном производстве и управлении. Таким образом, городская среда формировалась как полиэтничная, но с явным численным преобладанием русских и функционально обусловленными диаспорами.

Таблица 3 – Этнический состав городского населения (по переписи 1926 г.)

Народность	В %	Общая численность (тыс. чел.)
Общая численность гор. населения	100	1131,9
Русские	86,7	981,5
Украинцы	2,6	29,8
Евреи	2,5	29
Татары	2,4	28,2
Поляки	1,1	13,2
Прочие	4,7	50,2

Источник: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 32–37.

Значительная доля городского населения старше 8 лет была грамотной: 82,3 % – среди мужчин, 62,3 % – среди женщин (*Таблица 4*). Эти цифры ниже общесоюзного уровня и уровня РСФСР – 88,0 % (СССР) и 91,9 % (РСФСР) среди мужчин, 73,9 % (СССР) и 78,4 % (РСФСР) среди женщин[384]. Отставание сибирских городов от общесоюзного и республиканского уровней грамотности объяснялось, вероятно, высокой долей недавних мигрантов из деревни, низким уровнем развития образовательной инфраструктуры (и учреждений, и кадров).

Таблица 4 – Городское население по уровню грамотности (по переписи 1926 г., %)

Пол	Грамотные с 8-летнего возраста	Грамотные ко всему населению
Женский	62,3	51,1
Мужской	82,3	67,3

[384] Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973: стат. сборник. М., 1975. С. 44–45.
Примечание: данные по Сибири даны по Статсправочнику, в котором учитывается грамотность с 8 лет, но не указано, до какого возраста. В данных по РСФСР и СССР, опирающихся на сборник «Население СССР…», указано, что в анализируемую категорию попадают граждане от 9 до 49 лет. Оба сборника опираются на материалы переписи населения 1926 г. По всей вероятности, в Статсборник по Сибирскому краю включены представители старшего поколения, молодой возраст которых пришелся еще на имперский период истории. Этой разницей в измерениях отчасти можно объяснить разницу в показателях грамотности.

Обоего пола	72,3	59,2

Источник: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 48–49.

Анализ социальной структуры городов РСФСР в 1923 г. и 1926 г., проведенный В. Б. Жиромской[385], свидетельствует о двух противоречивых демографических процессах. С одной стороны, период НЭПа очевидным образом реанимировал (пусть и в редуцированной форме) элементы рынка, что привело к соответствующим социальным процессам – росту числа предпринимателей («хозяева с наемными рабочими», «хозяева, работающие с членами семьи»). С другой, автор отмечает влияние процесса огосударствления крупных предприятий и следующих за этим социальных трансформаций: рост числа промышленных рабочих, снижение числа категорий населения, не связанных с государством (безработные, «хозяева-одиночки», «лица свободных профессий»).

Эта тенденция характерна и для Сибири. Здесь, как и на республиканском уровне, очевиден рост числа рабочих и служащих, что свидетельствует об усилении роли государства в экономике, а впоследствии и в социальной сфере. Также мы видим рост числа хозяев, использующих наемный труд, и тех, чья экономика выстроена на трудовых ресурсах одной семьи. Противоречием республиканской тенденции является небольшой рост числа хозяев-одиночек.

Таким образом, к началу радикальной этатизации советского социума в социальном отношении значительную часть горожан Сибирского края составляли рабочие и служащие (58 % от самодеятельного городского населения (*Таблица 5*)). Рабочие были заняты преимущественно в фабрично-заводской промышленности, на железнодорожном транспорте. Отметим, что почти половина городских рабочих (46 % по данным на 1926 г.) относилась к категории квалифицированных[386].

Таблица 5 – Социальный состав населения городов Сибирского края в 1923 г. и в 1926 г. (тыс. чел., %)

	1923 г.	% к самодеят.	1926 г.	% к самодеят.

[385] *Жиромская В. Б.* После революционных бурь: Население России в середине 1920-х годов. М.: Наука, 1996. С. 105–106.
[386] Там же. С. 128.

		населению		населению
Рабочие	100,8	26,63	112,7	28,06
Служащие	107,7	28,47	121,5	30,27
Лица свободн. проф.	1,6	0,43	1,4	0,36
Хозяева с наемн. раб.	1,2	0,32	3	0,77
Хозяева, работающие с членами семьи	16[?]	4,23	27,6	6,87
Хозяева-одиночки	29[?]	7,66	36	8,98
Помогающие члены семьи	16,6	4,41	32,4	8,08
Прочие занятия	70,4	18,62	40,7	10,13
Безработные	31,2	8,25	30	7,47
Итого самод. населения	378,5		401,7	
Всего город. населения	927,2		1056,3	

Источник: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 30–31.

Примечание: в стройках «Хозяева, работающие с членами семьи» и «Хозяева-одиночки» за 1923 г. цифры неразборчивы. По всей вероятности, в этих ячейках должны быть пятизначные числа. Для процентного подсчета первая цифра («Хозяева, работающие…») округлена до 16 тыс. чел., вторая – до 29 тыс. чел. («Хозяева-одиночки»).

По крупным городам региона ситуация выглядит следующим образом. Так, по переписи 1926 г. в г. Омске при населении в 179 тыс. чел. самодеятельное население составляло 68,6 тыс. Численность рабочих – 18,6 тыс. чел (27 % от самодеят. насел.), численность служащих – 21,4 тыс. (31 % от самодеят. насел), немалую часть составляли безработные – 5,9 тыс. чел (8,6 % от самодеят. насел.)[387]. Динамика структуры г. Новосибирска в целом укладывалась в рамки той же тенденции. При численности населения города в 1926 г. в 113,3 тыс. чел. и самодеятельном населении в нем в 43,1 тыс. численность рабочих выражалась цифрой в 11,2 тыс. (25,9 % от самодеят. насел), служащих в 17,4 тыс. (40,3 % от самодеят. насел.) при наличии безработных в 4,2 тыс. (9,7 % от самодеят. насел.)[388]. Красноярск в своей структуре имел следующие цифры: при общей численности населения в 65,2 тыс. чел. и самодеятельного населения в нем в 25,1 тыс. рабочие насчитывали 7,3 тыс. (29 % от самодеят. насел.), служащие 8,2 тыс. (32,6 % от самодеят. насел.), безработные 3,1 тыс. (12,3 % от самодеят. насел.)[389]. В Иркутске при общей численности населения в 160 тыс. чел. и самодеятельном населении в 62 тыс. рабочие насчитывали 7 тыс. чел. (11,2 % от самодеят. насел.),

[387] Сибирский край: стат. справочник… С. 20–21.
[388] Там же. С. 22–23.
[389] Там же. С. 26–27.

служащие 13 тыс. (21 % от самодеят. насел.), безработные 5,8 тыс. (9,3 % от самодеят. насел.)[390].

В целом же, с учетом приведенной выше статистики о социальном составе городов Сибири на середину 1920-х гг., очевидна тенденция, связанная с проявлением прежней инерционной тенденции в облике городов – центров в Западной и Восточной Сибири, где вплоть до начала форсированной индустриализации в них преобладала категория служащих различных учреждений, что характерно для городов – центров округов края, тогда как численность и доля рабочих различных профессий уступали слою служащих. Наследием данной городской специфики доиндустриального города являлось наличие в городах категории безработных, поскольку в окружных городах функционировали биржи труда, где состав безработных включал в себя не только лиц физического труда, но и бывших служащих, терявших свои рабочие места из-за периодических «чисток», сокращений управленческих аппаратов и т. д.

В 1928/29 г. количество рабочих в несельскохозяйственном секторе экономики достигло в Сибирском крае 392 тыс. Основным источником пополнения отряда рабочего класса являлось крестьянство (40–60 % вновь принятых рабочих). Занятость в кустарно-ремесленной промышленности увеличивалась начиная с 1921 г. по 1929 г. Численность городских предпринимателей колебалась в зависимости от политики государства в отношении частного капитала. С 1927 г. она начала сокращаться ускоряющимися темпами и концу 1929 г. фактически была сведена к нулю. По мере преодоления государственного кризиса увеличилось число служащих (управленцев, специалистов, сотрудников культурно-просветительских и образовательных учреждений, газет, журналов и пр.). Разрастался и бюрократический аппарат.

Городские жители активно включались в политическую жизнь. Однако не всем категориям городского населения это удавалось. По данным на 1929 г. число лиц (проживающих в городах и горпоселениях), имеющих право избирать, составляло 589,8 тыс. чел. (42 %)[391] при численности городского населения в 1929 г. 1407,6 тыс. чел. (100 %). В составе городских советов и советов горпоселений (*Таблица 6*) преобладали

[390] Там же. С. 28–29.
[391] Там же. С. 86.

естественным образом представители рабочих и служащих, преимущественно мужчины (от 74,9 до 79,2 %). В советах фабрично-заводских и рабочих горпоселений была высока доля рабочих (57,2 %), но доля служащих оказывалась мала (16,3 %). В окружных центрах этот баланс был в целом похожим, но с разным соотношением (44,2 % / 27 % соответственно). Сказывалось историческое наследие этих территорий – наличие административной инфраструктуры, нередко оставшейся в наследие СССР. Численность членов и кандидатов ВКП(б) советов была предсказуемо высокой – от 42,1 до 53,8 %, членов и кандидатов ВЛКСМ – от 8,5 до 9,1 %. Таким образом, город в советах представляли преимущественно мужчины – рабочие или служащие, половина из которых имела партийную принадлежность.

Таблица 6 – Состав городских и поселковых советов в 1929 г. (чел., %)

Тип горпоселения	Всего избрано членов	В том числе		Распределение по соц. положению									Партийн-ть	
		Мужчины	Женщины	Рабочие	Раб., заним. адм.-хоз. должн.	Служащие	Домохозяйки	Кустари и ремесленники	Учащиеся	Крестьяне	Красноармейцы	Прочие	Члены и канд. ВКП (б)	Члены и канд. ВЛКСМ
Окр. города, бывш. губерн.центры	2015 (100 %)	1510 (74,9 %)	505 (25,1 %)	889 (44,2 %)	173 (8,6 %)	543 (27 %)	148 (7, 3 %)	69 (3,4 %)	55 (3,7 %)	27 (1,3 %)	97 (4,8 %)	14 (0,7 %)	1084 (53,8 %)	184 (9,1 %)
Пр. окр. города	1475 (100 %)	1110 (79,2 %)	365 (24,8 %)	488 (33,1 %)	134 (9,1 %)	411 (27,9 %)	116 (7,9 %)	55 (3,7 %)	14 (0,9 %)	182 (12,3 %)	53 (3,6 %)	22 (1,5 %)	717 (48,6 %)	126 (8,5 %)

Всего	Пр. горпоселения	Фабр.-завод. и раб. горпоселения
6212 (100 %)	815 (100 %)	1907 (100 %)
4687 (75,5 %)	639 (78,4 %)	1428 (74,9 %)
1525 (24,5 %)	176 (21,6 %)	749 (25,1 %)
2833 (45,7 %)	366 (44,9 %)	1090 (57,2 %)
489 (7,9 %)	53 (6,5 %)	129 (6,8 %)
1475 (23,7 %)	210 (25,8 %)	311 (16,3 %)
551 (8,9 %)	69 (8,5 %)	218 (11,4 %)
170 (2,7 %)	28 (3,4 %)	18 (0,9 %)
89 (1,4 %)	5 (0,6 %)	15 (0,8 %)
334 (5,4 %)	41 (5 %)	84 (4,4 %)
195 (3,1 %)	26 (3,2 %)	19 (1 %)
76 (1,2 %)	17 (2,1 %)	23 (1,2 %)
2989 (48,1 %)	343 (42,1 %)	845 (44,3 %)
545 (8,8 %)	71 (8,7 %)	164 (8,6 %)

Источник: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 84–85.

Сибирские города населяли преимущественно молодые грамотные (но не всегда имеющие среднее и тем более высшее образование) жители, русские, занятые в большинстве случаев в промышленности / на службе, но не порвавшие связи с натуральным хозяйством и деревней в целом.

Перейдем к анализу тенденций, характерных для городского населения Сибири. Ранее мы отмечали процесс урбанизации, анализируя темпы прироста городского и сельского населения. Процессу урбанизации способствовали, с одной стороны, экономическое развитие («нормализация» социально-экономической жизни в середине 1920-х гг., начало индустриализации, создание новых промышленных центров, развитие инфраструктуры), с другой – миграционные процессы, совмещающие в себе добровольные и принудительные практики (приток рабочей силы из деревни в город, с 1930 г. – беженство из деревни от коллективизации в город). Коллективизация 1930-х гг. привела к вытеснению части человеческого труда из сельского хозяйства, способствовала ускорению индустриализации[392]. Однако степень урбанизированности по округам была неодинаковой. Северо-Восточная Сибирь являлась более развитым

[392] *Аллен Р.* От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции М.: РОССПЭН, 2013. С. 155.

регионом в промышленном смысле, нежели юго-западная территория Сибирского края с ее преимущественным развитием аграрного производства (*Приложение № 2*).

Активное промышленное освоение Сибири приводило к росту новых городов. 1920-е – начало 1930-х гг. – время активной миграции населения. Причем этот процесс носил обоюдный характер. Миграционные процессы и их влияние на рост численности населения городов заметны в анализе показателей естественного и механического прироста населения. Естественный прирост населения – разница между количеством родившихся и умерших за определенный период времени; механический прирост населения – разница между количеством уехавших и приехавших на определенную территорию. Анализ динамики населения деревни будет дан в параграфе 4.1, но здесь сравним данные об источниках прироста населения деревни и города для понимания масштабов миграционного потока между ними (*таблицы 7, 8*).

Таблица 7 – Прирост городского населения в 1927–1929 гг. (чел., %)

Год	Естественный прирост населения	Механический прирост населения	Численность городского населения
1927	22,7 (2 %)	70,4 (6 %)	1193,4 (100 %)
1928	25,8 (2 %)	73,8 (5,7 %)	1289,9 (100%)
1929	21,3 (1,5 %)	105,6 (7,5 %)	1407,6 (100 %)

Составлено по: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 12–13.

Таблица 8 – Прирост сельского населения Сибирского края в 1927–1929 гг. (чел., %)

Год	Естественный прирост населения	Механический прирост населения	Численность сельского населения
1927	233,2 (3 %)	32 (0,4 %)	7685,9 (100 %)
1928	271,5 (3,4 %)	36,3 (0,4 %)	7970,6 (100 %)
1929	264 (3,1 %)	64,1 (0,7 %)	8286,8 (100 %)

Составлено по: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 14–15.

Как мы видим, городское население росло за счет миграции (характеристика индустриального общества), а не за счет естественного прироста (характеристика традиционного общества). В деревне же приоритет был за естественным приростом населения, миграция в деревню до коллективизации имела небольшое значение. Преобладание темпов прироста городского населения отражало республиканскую динамику. К 1926 г. городское население России увеличилось по сравнению с 1920 г. на

44,7 %, по сравнению с 1923 г. – на 13 %. Темпы прироста всего населения были ниже, чем городского[393].

Обратимся к данным о рождаемости (*Таблица 9)*. Автор приводит данные не только по Сибири, но также по европейской части Союза ССР, РСФСР и Республики Армения (единственной превосходившей показатели Сибири по рождаемости) для возможности сравнительного анализа. Как мы видим, Сибирский край отличался высокой рождаемостью – как среди городского населения, так и среди сельского. Здесь сказывались влияние традиционного уклада (на 1926 г. доля горожан в общей численности населения Сибири составляет 13 %)[394], компенсаторный фактор (окончание Гражданской войны, «нормализации» жизни после «чрезвычайщины» «военного коммунизма»), низкий уровень развития здравоохранения (культура предохранения и пр.). Это коррелировало и с общесоюзными тенденциями. В 1924 г. был зафиксирован самый высокий в демографической истории России XX столетия уровень деторождения, когда общий коэффициент рождаемости в стране вплотную приблизился к 50 ‰. Россия после завершения «великой смуты» переживала своего рода демографический взрыв[395].

Таблица 9 – Коэффициент рождаемости (число рождений на 1000 женщин репродуктивного возраста 15–49 лет), 1926 год.

Республики, районы	На 1000 женщин в возрасте от 15 до 49 лет приходится рождений		
	Всего насел.	Городское	Сельское
Европейская часть Союза ССР	163,7	113,3	176,8
РСФСР	169,6	116,7	183,1
Сибирский край	211,7	141,5	223,5
Армянская ССР	235,0	186,1	246,1

Источник: Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929. (ЦСУ. СССР. Сектор социал. статистики. Отд. статист. социал. состава и движения населения. Т. 1. Вып. 2). С. 13.

Впрочем, высокая рождаемость скоро снизится. В 1929–1931 гг., в связи с началом радикальной этатизации деревни, изменились в худшую сторону все без исключения показатели демографического развития и прежде всего рождаемость. Коэффициент

[393] *Жиромская В. Б.* После революционных бурь… С. 98.
[394] Посчитано по: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М, 1927–1929. 10 т. В надзаг.: Центр. статист. упр. СССР. Отд. Переписи. Вып. 3: Население СССР. 1927.
[395] *Исупов. В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века… С. 71.

рождаемости в 1931 г. был ниже, чем в 1929 г., на 8 %. Если в 1927 г. в СССР появилось на свет 7 млн, то в 1929 г. – 6,9 млн, в 1931 г. – 6,5 млн младенцев[396]. В городских поселениях страны за 1929–1931 гг. рождаемость понизилась на 6 %[397].

В сибирских городах реже вступали в брак и реже разводились, чем в среднем по городам СССР и РСФСР (*Таблица 10*). Однако и эти цифры с точки зрения демографии высоки. Это свидетельствует о высоком уровне мобильности населения, динамичной социальной жизни региона, высоком уровне репродуктивных и семейных инициатив (следствие высокой доли численности молодого населения), частичной эмансипации женского населения. К сожалению, данных о средней численности семьи горожан автору обнаружить не удалось. Однако из анализа бюджета среднестатистического рабочего (подробнее об этом в следующем параграфе) удалось зафиксировать, что средний состав семьи семейного рабочего составлял 4–5 чел.[398]

Таблица 10 – Число браков и разводов городского населения Сибирского края в 1926 г.

Республики, районы	Число браков (в тыс.)	Число разводов (в тыс.)	Число браков на 1000 чел.	Число разводов на 1000 чел.
СССР	1350	198,7	10,8	1,6
Города с насел. св. 50 тыс. чел.	153,5	42,1	13,1	3,6
Пр. гор. и гор. поселения	116,1	21,9	11,0	2,1
РСФСР	947,3	134,5	10,5	1,5
Города с насел. св. 50 тыс. чел.	115,5	32	13,0	3,6
Пр. гор. и гор. поселения	76,3	13,8	10,6	1,9
Сибирский край	78,8	8,3	9,2	1,0
Города с насел. св. 50 тыс. чел.	7,1	1,4	11,8	2,2
Пр. гор. и гор. поселения	4,6	0,8	11,1	2,0

Источник: Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929. (ЦСУ. СССР. Сектор социал. статистики. Отд. статист. социал. состава и движения населения. Т. 1. Вып. 2). С. 38.

Обратимся и к другим факторам, влияющим на динамику численности населения, – показателю смертности. В середине 1920-х гг. исследователями выделяется период демографической компенсации (период нормализации между «чрезвычайщиной»

[396] Там же. С. 78.
[397] Там же.
[398] Сибирский край: стат. справочник… С. 398–399.

«Военного коммунизма» и «Великого перелома»), но уже к 1928 г. показатели смертности увеличиваются[399]. Скученность населения при отсутствии необходимой инфраструктуры (отсутствие водопровода и канализации в большинстве городов, бань, прачечных, организации по борьбе с инфекциями) и санитарной культуры населения приводила к росту заболеваемости (тиф, малярия, трахома, туберкулез, сифилис). Подробнее условия жизни горожан будут рассмотрены в следующем параграфе. Все эти условия будут влиять не только на уровень жизни, но и на ее длительность.

Данные за вторую половину 1920-х гг. (*Таблица 11*) свидетельствуют, что общие коэффициенты смертности городского населения Сибирского края в 1926 г. колебались в пределах от 29,1 ‰ до 20,1 ‰ в зависимости от пола и места жительства граждан. В небольших городах и городских поселениях этот показатель был выше, что противоречит общероссийской тенденции. Прочие города и городские поселения – как правило, молодые населенные пункты, появившиеся в рамках форсированной индустриализации. Жители этих территорий, как правило, не имели должной инфраструктуры и системы здравоохранения, но их трудовая деятельность была связана с тяжелой физической нагрузкой. Имелась и гендерная зависимость смертности – у мужчин этот показатель выше, что, впрочем, коррелирует с общероссийской тенденцией. Общий коэффициент смертности городского населения в РСФСР в 1926 г. колебался от 15,3‰ до 21,4 ‰. Ожидаемая продолжительность жизни населения, как в селах, так и в городах Сибири, была очень низкой даже по сравнению с европейской частью СССР (*Таблица 12*). Обратим внимание на противоречие российской тенденции – в сибирской деревне, по крайней мере на 1926–1927 гг., ожидаемая продолжительность жизни была больше, чем у жителей сибирских городов. В то время как по РСФСР мы видим обратную тенденцию – выжить было проще в городах, чем в деревне.

Таблица 11 – Смертность населения Сибирского края и РСФСР

	Мужская смертность, ‰ (на 1000 средн. муж. нас.)	Женская смертность, ‰ (на 1000 средн. жен. нас.)

[399] *Чернышева Н. В., Ажигулова А. И.* Смертность населения Советской России в 1920–1930-е годы: основные исследовательские проблемы, факторы и тенденции // Исторический курьер. 2024. № 3 (35). С. 45. URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-3-03.pdf

	Всего	Город св. 50 тыс. жит.	Проч. гор. и гор. пос.	Сельск. местность	Всего	Город св. 50 тыс. жит.	Проч. гор. и гор. пос.	Сельск. местность
РСФСР	23,8	19,8	21,4	24,5	19,0	15,3	17,1	19,7
Сибирский край	27,8	24,4	29,1	28,0	23,4	20,1	25,2	23,6

Источник: Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929. (ЦСУ. СССР. Сектор социал. статистики. Отд. статист. социал. состава и движения населения. Т. 1. Вып. 2). С. 20.

Таблица 12 – Ожидаемая продолжительность жизни населения СССР и Сибирского края в 1926–1927 гг. (число лет предстоящей жизни при рождении)

Территория	Европейская часть СССР		Сибирский край	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Городские поселения	42,7	49,4	34,9	40,6
Сельские местности	41,9	46,3	39,9	43,6
Всего	41,9	46,8	39,2	43,2

Составлено по: Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926–1927. Таблицы смертности. М.–Л.: Планхозгиз, 1930. С. 2, 4, 6, 134, 136, 138.

В основе повышенных показателей смертности лежали причины экзогенного (внешние по отношению к демографической сфере) характера – главным образом инфекционные заболевания, обусловленные не только низкой санитарной культурой городского и сельского населения, но и невысоким уровнем жизни[400].

По мнению коллег-демографов, в 1927–1929 гг. статистики не зарегистрировали примерно 60 %, в 1930–1933 г. – 94 % смертей по СССР. В 1929–1931 гг. смертность населения СССР увеличивалась. В 1931 г. уровень смертности населения Советского Союза выросла по сравнению с 1929 г. на 6 %, а показатель детской смертности – на 11 %. Вместе с этим сокращалась продолжительность жизни людей. За 1929–1931 гг. ожидаемая продолжительность жизни населения СССР уменьшилась на 2,4 года – с 37,4 до 35 лет[401]. После завершения Гражданской войны, с 1 января 1923 г. по 1 января 1929 г., население страны ежегодно возрастало в среднем на 2,1 %, тогда как в период демографического кризиса 1929–1931 гг. – на 1,6 %. Если в 1929–1930 гг. население

[400] *Исупов В. А*. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века… С. 26.
[401] Там же. С. 80.

СССР увеличилось на 1,7 %, то в 1930–1931 гг. – на 1,5 %. По мнению Исупова, уже в начале 1932 г. население СССР стояло на пороге демографической катастрофы[402].

В исследуемый период наблюдались значительные изменения численности и структуры городского населения Сибири – происходил рост численности городского населения (механический прирост), сохранялась высокая рождаемость региона, увеличивалось число рабочих и служащих. Анализ данных показывает, что население города демонстрировало тенденцию к стабилизации и постепенному росту, что свидетельствует о начале восстановления социально-экономической жизни региона и формирования новых демографических характеристик. Несмотря на высокую смертность и короткую продолжительность жизни, демографический потенциал региона имел высокие шансы на сглаживание последствий военного времени и предшествующих социальных катаклизмов. Но эта возможность по причинам исключительно политического свойства была упущена[403].

3.2. Рабочие: условия труда и повседневности, поведенческие практики

Индустриализация в Сибири в исследуемый период являлась важным этапом реализации политики форсированного экономического развития, проводимой Советским государством в рамках первой пятилетки (1928–1932 гг.). Одной из ключевых задач индустриализации в Сибири было освоение богатых природных ресурсов региона. В условиях острого дефицита промышленных мощностей и необходимости обеспечения страны сырьем Сибирский регион получил особое значение как стратегический источник ресурсов для индустриализации всей страны. Особое внимание уделялось развитию тяжелой промышленности, включая создание новых металлургических заводов и электростанций, горнодобывающих предприятий, энергетических объектов, металлургии, машиностроению, металлообработки, коксохимической, химической, лесной и лесохимической промышленности. Естественным образом это способствовало развитию транспортной инфраструктуры – шло активное строительство железных дорог, мостов, разрабатывались проекты гидроэлектростанций для обеспечения индустриализации в регионе.

[402] Там же. С. 82.
[403] Там же. С. 76.

Индустриализация региона проходила в трудных климатических условиях при слабой изученности региона, отсутствии научной базы. Индустриализация сопровождалась мобилизацией трудовых и материальных ресурсов: привлекались рабочие из других регионов страны, организовывались трудовые коллективы на новых предприятиях, активно распространялись «займы индустриализации». В то же время этот процесс сопровождался значительными трудностями – дефицитом квалифицированных кадров, материальных ресурсов, техники, а также сопротивлением со стороны части населения и рабочих, недовольных условиями труда и быта.

Несмотря на сложности, индустриализация в Сибири в 1929–1930 гг. заложила основы для дальнейшего развития региона как важного промышленного центра страны. Как отмечают исследователи, настоящая индустриализация в этом регионе началась только со второй половины XX столетия, когда стартовало нефтегазовое освоение региона[404]. Однако первые пятилетки стали основой промышленного освоения Сибирского региона.

Первый пятилетний план предусматривал обширную программу подъема уровня жизни всех слоев населения, выделяя в духе «пролетарского государства» приоритет роста социальных характеристик, прежде всего рабочего социума[405]. Однако практика реализации амбициозного плана «скачка в социализм» создавала вполне реальные условия, в которых даже базовые потребности граждан не могли быть полностью удовлетворены. Условия труда отличались экстремальностью, качество жизни – низким уровнем, сохранялся дефицит продовольствия, товаров, жилищного фонда. Культуре и досугу рабочих не уделялось необходимого внимания.

По данным М. А. Фельдмана, к началу пятилетки численность промышленных рабочих по СССР составляла около 3,1 млн чел., а к 1932 г. выросла до 6 млн (с учетом военной промышленности – до 6,3 млн). Основным источником пополнения стали вчерашние крестьяне: их доля в новых пополнениях достигала 55–68 %, а в целом среди рабочих к концу 1920-х гг. выходцы из крестьян составляли около половины. Кадровые

[404] *Рынков В. М., Арсентьев Н. М., Красильников С. А.* и др. Круглый стол «Опыт индустриализации в СССР: замыслы, особенности проведения, итоги» // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 4. С. 12.
[405] *Фельдман М. А.* Власть, ученые, хозяйственники, рабочие СССР в годы Первой пятилетки: проблема взаимоотношений. Екатеринбург: Уральский ин-т управления, 2022. С. 245.

рабочие с дореволюционным стажем оказались в явном меньшинстве (около 40 %). Возрастная структура была неоднородной: молодые рабочие до 22 лет получали школьную подготовку в среднем 4,3 года, тогда как рабочие старше 40 лет более чем наполовину не имели систематического образования. Образовательный уровень в целом оставался крайне низким – в среднем 3–4 класса, а из-за массового притока малограмотных крестьян к 1933 г. он фактически снизился до уровня 1918 г. Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие составляли не более четверти в ведущих отраслях, причем их подготовка через школы ФЗУ охватывала лишь около 4–5 % новых работников[406]. Высокая текучесть кадров постоянно обновляла коллективы. Отметим, что те же тенденции: рост численности рабочих в регионе, пополнение их выходцами из крестьян (ок. 50 %), низкий уровень образования (об этом в 3.1.), высокая текучесть кадров (далее) – были характерны и для Сибирского края.

Начавшийся процесс этатизации сибирской деревни существенным образом отразился на жизни города. Провалы в аграрной политике большевиков обрекли горожан на латентный голод[407] – с 1929 г. города были переведены на карточное снабжение. Это позволило выстроить/наладить их обеспечение, хотя и на минимальном уровне и с перебоями. Проблема перебоев со снабжением основными продуктами в этот период состояла в том, что торговая сеть оказалась дезорганизована – с 1927/28 г. частный сектор стремительно ликвидировался, а государственная и кооперативная торговля оказалась инертной и негибкой. Огосударствленная торговля перешла с рыночных отношений на распределительные, однако получение ресурсов и сырья из деревни каждый год затем осложнялось реакцией крестьянства на введение практик «принудительного хозяйства».

[406] Там же. С. 249–259.

[407] Латентный (скрытый) голод – состояние хронического недоедания, при котором калорийность рациона может быть достаточной для выживания, но при этом наблюдается острый дефицит незаменимых нутриентов: белков, жиров, витаминов и микроэлементов. В контексте исследуемого периода мы не видим массовой видимой смертности от истощения, но обнаруживаем ухудшение качества питания, изменение динамики структуры болезней, снижение показателей ожидаемой продолжительности жизни, изменение общего коэффициента смертности.

По данным спецсводки № 12 ИНФО ОГПУ[408] о перебоях в продснабжении городов и промрайонов Сибкрая от 31 мая 1930 г. указано следующее: «Дефицит по хлебу на май–сентябрь по краю определяется в 93 697 тонн. Хлебом в плановом порядке снабжается только Кузбасс, основные промышленные строительства края и население 7 городов. На местах запасы хлеба незначительны. Мясом снабжается только Кузбасс (из децентрализованных заготовок). Снабжение рабочих других промышленных районов и городов мясом прекращено давно. План завоза растительного масла сокращен. Снабжение взрослого населения края животным и растительным маслом прекращено. Маслом снабжаются только дети и закрытые учреждения».

В городах, снятых с планового снабжения, ситуация была еще более катастрофичной. Помимо радикального снижения норм потребления, части продуктов просто не было в запасах местных администраций. В Барнауле с февраля 1930 г. рабочие и прочее городское население мясом, жирами и овощами по линии кооперации не снабжаются. Для обеспечения питанием детей не было масла, молока, яиц, белой муки. В Бийске отмечен острый дефицит запасов хлеба, картофеля и молока в запасах не было. Для Славгорода также указана угроза остаться без хлеба, снабжение населения прочими продуктами на тот момент «фактически прекращено». В Рубцовске население города по линии кооперации снабжалось только хлебом. Мясо, масло, молоко, крупа, овощи и прочие продукты совершенно прекратили выдаваться. Помимо прочего, в делопроизводстве отмечена нехватка и промышленных товаров (керосин, одежда и пр.)[409].

О латентном голоде в сибирских городах свидетельствуют многочисленные упоминания сотрудниками ПП ОГПУ в секретном делопроизводстве «продзатруднений». Отметим, что недовольство рабочих голодом отмечалось как «нездоровые настроения» (относительно рабочих – членов ВКП(б)) и как «антисоветская агитация» (для представителей иных категорий рабочих).

[408] Спецсводка № 12 ИНФО ОГПУ о перебоях в продснабжении городов и промрайонов Сибкрая. 31 мая 1930 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. док. в 10 т. Т. 8 в 2 ч. 1930 г. Ч. 2. М., 2008. С. 940–944.
[409] Там же.

Так, 7 января 1930 г. в г. Иркутске в ящике газеты «Власть Труда» была обнаружена анонимка, датированная от 31.12.1929 г., подписанная от имени «Рабочей группы УЛЬТРА». В тексте анонимки было указано следующее: «Долго ли у нас в СССР будет проводиться в жизнь диктатура не партии, не пролетариата, а вернее сказать диктатура “Сталина Кавказского Князя” и скоро ли кончится Поповская политика “терпения”. Попы раньше говорили народу – терпите счастье будет вам на небе. Сейчас проповедывают диктатуру Сталина и говорят рабочим, что мы перешагнули довоенной промышленности и продукции, но рабочем ничего не дают, хлеба дают мало, жиров нет, а если рабочий скажет что-нибудь на собрании, то его берут на заметку и говорят, что он чуждый элемент – где же “свобода слова”. Вы, органы Советской власти, посмотрите, как живут в социалистическом государстве рабочие и их семьи. Рабочий почти ходит впроголодь на работу, ему не хватает даже насущного куска хлеба, нет ни мяса, а масло только одна иллюзия, зачастую живут в холодных квартирах…»[410].

Рабочие открыто выступали с требованием улучшения питания и снабжения, нередко через членов партии на собраниях рабочих. Так, на общем собрании рабочих ст. Белово по вопросу о переходе на ударную работу машинист Максимов, член ВКП(б), в своем выступлении говорил: «Считайте меня, как хотите, на стороне советской власти или против, но я скажу правду: паровозникам приходится ездить голодными. Начальство производит эксплуатацию рабочих, высасывая последние соки[411]». На общем собрании рабочих ст. Ялуторовск по вопросу об увеличении дифпая Пьянчук (член ВКП(б)) выступил от имени баландинских рабочих со следующим заявлением: «Я, как член партии и член бюро, послан от 300 человек рабочих-пайщиков, заявляю: даешь на линию лавку, иначе мы прибегаем к забастовке. Вот какой я имею наказ. Раз работаем, то и требуем полного снабжения»[412].

Дефицит продовольствия вызван естественной реакцией крестьянства на принуждение к коллективному труду, обесценивание последнего. Горожане снабжались

[410] ГАНО. Ф. Р.-1027. Оп.8. Д. 7. Л. 36.
[411] Спецсводка № 6 ИНФО ОГПУ о перебоях в снабжении промрайонов и городов. Не ранее 29 марта 1930 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. док. в 10 т. Т. 8 в 2 ч. 1930 г. Ч. 2 / отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров, Г. Н. Севостьянов. М., 2008. С. 890–891.
[412] Там же.

«продкарточками», введенными для того, чтобы обеспечить выживание населения. Впрочем, нормы перманентно снижались[413], качество хлеба оставляло желать лучшего, очереди, занимающие от 4 до 6 часов в день, превратились в рутину и не всегда обещали успех в получении продовольствия. Даже приоритетные стройки пятилетки не обеспечивались необходимым в полной мере. Так, из доклада Западно-Сибирского краевого совета об итогах рабочего снабжения Кузбасса и перспективах на 1931 год сообщалось, что в снабжении Кузбасса «имеют место перебои продуктами питания, плохое качество продуктов, несвоевременность заброски и т. д.»[414].

Реальных потребителей Кузбасса было больше, чем по указанным Наркомторгом. Так, по данным из Справки о состоянии снабжения рабочих Кузбасса продуктами питания и промтоварами известно, что за июль–ноябрь 1930 г. контингент, не утвержденный НКТ, составлял от 135 до 171 тыс. чел. (или 57–62 % от фактического контингента Кузбасса)[415]. В том же документе отмечен дефицит по мясу, маслу (как растительному, так и животному), рыбе, яйцам, а в выводах указано резюме о «систематической урезке удовлетворения потребностей Кузбасса НКТоргом»[416].

Отметим, что в августе 1930 г. для Кузбасса введены повышенные нормы снабжения Донбасса (*Таблица 13*), однако «снабжение рабочих Кузбасса по этим нормам не налажено». В конце 1930 г. в делопроизводстве указано, что «постановление о приравнении рабочих Кузбасса в отношении продснабжения к рабочим Донбасса в жизнь не производится[417]». Как видно из таблицы, даже повышенные нормы снабжения по образцу Донбасса крайне скудны. В подтверждение этому можно привести данные о месячной норме калорийности питания рабочего Кузбасса: 46 300 калорий. В перерасчете на суточную норму получаем 1543 калории – уровень, характерный для полуголодного существования и резко контрастирующий с физиологической потребностью рабочих тяжелого физического труда, которая оценивалась в 3400–4000

[413] ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 12. Л. 5–7.
[414] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1024. Л. 10.
[415] Там же. Л. 12.
[416] Там же. Л. 12 об.
[417] Спецсводка № 36 ИНФО ОГПУ о недочетах в снабжении рабочих Кузбасса (на 1 декабря 1930 г.). 25 декабря 1930 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. док. в 10 т. Т. 8 в 2 ч. 1930 г. Ч. 2 / отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров, Г. Н. Севостьянов. М., 2008. С. 1125.

ккал в сутки[418]. Показательно, что упоминание цифры в 1500 калорий в делопроизводстве отмечено дискурсом положительной коннотации, приведенные цифры обозначены как «стабильные и благополучные»[419].

Таблица 13 – Нормы Донбасса

	Подземные рабочие	Надземные рабочие	Прочие работники
Хлеб, г	1000	800	400
Крупа, г	2500	2000	1000
Мясо, г	200	150	100
Масло животн., г	200	200	200
Масло растит., г	1000	1000	280
Яйца, шт.	7	7	9
Сахар, г	1200	2000	800

Источник: Справка о состоянии снабжения рабочих Кузбасса продуктами питания и промтоварами. Составлено по: ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1024. Л. 16 об.
Примечание: Данные по снабжению крупой, животным и растительным маслом, яйцом и сахаром приведены в расчете на месяц, по снабжению мясом для подземных и надземных рабочих – на 20 дней, для прочих работников – на 10 дней, по снабжению хлебом – в 1 день.

Проблема снабжения Кузбасса отражает не только ведомственные противоречия и следствия провалов большевиков в аграрном секторе экономики, но и большую текучесть рабочих кадров и наплыв контингента на ключевые стройки пятилетки. Так, к концу 1930 г. численность контингента Кузбасса выросла в два раза по отношению к январю 1930 г.[420] Однако этим процессам не соответствовали не только продовольственные мощности, но и инфраструктурные. «Сеть предприятий общественного питания не удовлетворяет потребностей ни по количеству, ни по качеству предприятий»[421], – следовало из Итогов рабочего снабжения в Кузбассе за 1929/30 гг. Так, в столовой Кемеровского рудника «макароны и вермишель смешаны с

[418] *Добросердова И. И., Помаскин В. С*. Вопросы рационализации питания горнорабочих калийных шахт // Гигиена и санитария. 1979. № 2. С. 80–81.
[419] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1024. Л. 40 об.
[420] Там же. Л. 19.
[421] Там же. Л. 23.

мылом, качество пищи плохое». В Ленинском руднике «рабочие-шахтеры по 2–3 часа ожидают обеда, а порой, не дождавшись обеда, уходят на работу голодными»[422].

Проблемы со снабжением Кузбасса были и в отношении промтоваров. Как следует из Справки о состоянии снабжения рабочих Кузбасса продуктами питания и промтоварами, известно, что снабжение промтоварами населения Кузбасса происходит за счет «оголения (подчеркнуто в документе. – *Е. И.*) всего остального рабочего городского сектора Края, т. к. выделенный Москвой план завоза этих товаров в Кузбасс не покрывает действительной его потребности», что, впрочем, не решало ключевой проблемы: «в настоящее время в Крае нет источников, откуда можно было бы черпать фонды для Кузбасса, а дальнейшее оголение прочего рабоче-городского сектора Края уже невозможно»[423].

Большой проблемой для растущего числа горожан являлся жилищный вопрос. О «жилищной нужде в Сибири» неоднократно сообщалось Правительству на предмет увеличения ассигнования на жилищное строительство[424]. По данным на 1928 г., на одного городского жителя приходилось 4,6 кв. м, что составляло 57 % от жилищной нормы в 8,1 кв. м[425]. К концу первой пятилетки этот показатель снизился до 3,5 кв. м. В основных индустриальных центрах Сибири положение было еще хуже. В городах Кузбасса обеспеченность жилплощадью не превышала 2,5 кв. м на чел.[426], а по некоторым данным – 1,4–1,7 кв. м[427].

Важный аспект материально-бытовых условий – обеспеченность жильем работников (рабочих и служащих) цензовой промышленности в регионе во второй половине 1920-х гг. (март 1927 – сентябрь 1929 гг.). Согласно статистике, учитывалась как общая обеспеченность квартирами таких трех категорий, как рабочие, служащие и младший обслуживающий персонал (общие суммарные показатели обеспеченности указанных категорий), так и некоторый дифференцированный показатель (расчет на 100

[422] Спецсводка № 36 ИНФО ОГПУ о недочетах в снабжении рабочих Кузбасса (на 1 декабря 1930 г.). 25 декабря 1930 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. док. в 10 т. Т. 8 в 2 ч. 1930 г. Ч. 2. С. 1125.
[423] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1024. Л. 16.
[424] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 689. Л. 3.
[425] Там же.
[426] *Исаев В. И.* Процессы модернизации в сфере быта рабочих Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937 годы) // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 51. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-04.pdf
[427] *Фельдман М. А.* Власть, ученые, хозяйственники, рабочие СССР в годы Первой пятилетки… С. 267.

чел. в каждой из перечисленных категорий). Приводятся данные о том, что общий квартирный фонд за истекшие два года практически не рос, хотя шло увеличение численности всех трех категорий работников – очевидно, происходило и ухудшение возможностей для обеспечения жильем новых категорий. Об этом свидетельствовали данные о том, сколько человек имели квартирное жилье в расчете на 100 чел. для каждой категории. Так, если в 1927 г. из 100 рабочих жильем обеспечивалась треть, то осенью 1929 г. этот показатель снизился до четверти. Для служащих показатель квартирного сжатия оказался не столь резким (с 45,6 до 41,4), и примерно такими же цифрами означалось сжатие и для младшего обслуживающего персонала. Подобные же разрывы прослеживались и в долях между рабочими и служащими в обеспечении бесплатным жильем (пятая часть среди рабочих и треть среди служащих и обслуживающего персонала). И хотя для некоторого покрытия подобной дифференциации для съема жилья и рабочим, и служащим выдавались квартирные деньги, но очевидно, что имевшееся неравенство в оплате труда между рабочими и служащими не могло сгладить неравенство в жилищных условиях между ними[428]. В свою очередь, неравенство в заработной плате в сочетании с неравенством в обеспечении жильем, в том числе бесплатным, безусловно, способствовало формированию и воспроизводству социальной напряженности между рабочими и служащими, которая находила свое периодическое выражение в конфликтах социально-производственного характера.

Примечательно, что в письме 1928 г. секретаря Сибкрайкома ВКП(б) Кисиса на имя ЦК ВКП(б) одной из причин «остроты жилищного кризиса», помимо «быстрого роста населения сибирских городов» и «отсутствия в большинстве новых городов построек городского типа», указана «постоянная урезка кредитов на жилищное строительство в Сибири со стороны центральных организаций по сравнению с другими регионами республики…»[429]. Кисис прямо сообщал, что «о соблюдении жилищно-санитарной нормы [в] городах Сибири <...> говорить не приходится»[430].

[428] Сибирский край: стат. справочник… С. 374–375.
[429] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 689. Л. 3.
[430] Там же. Л. 3 об.

Сибирские города по типу своих строений – «те же деревни с одноэтажными сплошь деревянными зданиями, имеющими крохотную площадь», условия жизни в сибирских городах «невозможные и опасные»[431], как следует из письма председателя исполкома Сибирского краевого совета Р. И. Эйхе зам. предс. СНК РСФСР Лежаве. Действительно, частный сектор в сибирских городах составлял более 70 % всего жилого фонда, а одним из основных типов жилища рабочих на промышленных новостройках Сибири становились бараки[432]. Отметим, что и Эйхе упрекал руководство центра в несправедливом распределении финансирования жилищного строительства: «городам Сибири уделяется значительно меньше [ресурсов] по сравнению с такими же районами республики, несмотря на огромную разницу в состоянии жилфонда сибирских и российских городов»[433].

Понятно, что в перспективе развитие индустриализации все же вело к улучшению состояния жилищного фонда. Объемы нового жилого фонда, построенного в городах Западной Сибири за 1928–1932 гг., выросли в целом в два, а в Кузбассе в три раза[434] (не следует забывать, впрочем, что кратный рост показателей обеспечен, прежде всего, низким стартом). Однако в описываемый период условия жизни рядовых рабочих имели, очевидно, не нормальный, а экстремальный характер.

О бытовых проблемах, неблагоустроенности жизни в сибирских городах, растущем недовольстве свидетельствует и делопроизводство электоральных процессов, в котором всегда находили отражения «настроения масс», неудобные вопросы о коммунальном хозяйстве, «социально-культурном обслуживании»[435]. Помимо вышесказанного, не следует забывать и о криминогенном факторе. Описанные ранее тенденции не могли не влиять на уровень преступности в городе. Так, в отчете Сибкрайисполкома о перевыборах городских и поселковых советов по Сибирскому краю в 1928/29 год (частью формуляра которого являлся обзор «настроений масс»)

[431] Там же. Л. 5. Машинописная копия, без даты. Исходя из представленных в тексте данных и хронологических рамок дела, можно предположить, что документ был составлен в 1928 г.
[432] *Исаев В. И.* Процессы модернизации в сфере быта рабочих Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937 годы)… С. 50.
[433] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 689. Л. 5 об.
[434] *Исаев В. И.* Процессы модернизации в сфере быта рабочих Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937 годы)… С. 51.
[435] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 916. Л. 6.

можно обнаружить жалобы рабочих о том, что «ночью <...> могут раздеть и искалечить», «борьба с хулиганством на окраинах не ведется»[436].

Развивающаяся инфраструктура городов явно не поспевала за темпами развития. Так, в 1926 году Новосибирский исполком принимает решение о строительстве водопровода и канализации в Новосибирске (на тот момент – уже столица Сибирского края), ликвидации заболоченных прудов и водяных мельниц на реках Каменке и Ельцовке (притоки Оби). В 1927 году в Новосибирске вводится в эксплуатацию первый хозяйственно-питьевой водопровод[437]. Для сравнения – в Москве и Ленинграде эти объекты инфраструктуры существуют со второй половины XIX в., в Томске – с нач. XX в.

Неизбежным спутником голода и важнейшей причиной повышенной смертности являются эпидемии инфекционных заболеваний. Эпидемии – сложное явление, в котором тесно переплетаются как природно-биологические, так и социальные факторы (истощенный голодом слабый организм, отсутствие соответствующей инфраструктуры, низкий уровень грамотности населения)[438]. Один из первых организаторов Сибкрайздравотдела проф. В. А. Пулькис писал: «Эпидемическое состояние в Сибири остается крайне неблагополучным, и хотя в 1925 году отмечается некоторое снижение таких острозаразных заболеваний, как тиф, сибирская язва, оспа, холера, однако возвратный тиф, малярия, трахома, туберкулез, сифилис остаются на невиданных цифрах, причем Новониколаевский округ является настоящим рассадником туберкулеза, малярии, венерических заболеваний»[439].

Обратимся к данным по движению заразных заболеваний по городам Сибирского края за 1924–1928 гг. (*Приложение № 3*). В таблице выделены жирным данные по тем заболеваниям, динамика которых возрастает к 1928 г. (по мере начала индустриализации и усиления нажима на деревню): брюшной тиф, корь, дифтерия,

---

[436] Там же. Л. 7.

[437] *Новикова И. И., Михеев В. Н., Мингазов И. Ф.* и др. Из истории создания и развития санитарно-эпидемиологической службы Новосибирской области // Здоровье населения и среда обитания – ЗНиСО. 2022. Т. 30, № 7. С. 82.

[438] *Исупов В. А*. Социальные и природные факторы демографической катастрофы в Западной Сибири (начало 1930-х гг.) // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 139. URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-11.pdf

[439] Цит. по: *Новикова И. И., Михеев В. Н., Мингазов И. Ф.* и др. Из истории создания и развития санитарно-эпидемиологической службы Новосибирской области… С. 82.

грипп, трахома, туберкулез легких, гонорея, цинга. Отметим и успехи развития здравоохранения в период «нормализации» (между «Военным коммунизмом» и «Великим переломом»): по части заболеваний отмечена положительная динамика.

Туберкулез распространен из-за ухудшения условий жизни, недостатка питания и медицинского обслуживания. Дифтерия, тиф возникают при нарушении санитарных условий и водоснабжения. Грипп и острые респираторные инфекции увеличиваются из-за скопления людей в условиях антисанитарии. Недоедание и связанные с ним заболевания (в первую очередь цинга) свидетельствуют об истощении организма, нехватке питания. Начавшиеся с 1927/28 гг. проявления этатизации свернули положительную динамику в борьбе за здоровье населения.

На 1 января 1930 г. при численности населения в 9 923 821 чел. в Сибкрае находилось 2350 медицинских учреждений, 3323 врача, 6327 представителей среднего медперсонала, 6763 представителя младшего медперсонала. То есть на 10 000 населения было 3,3 врача; если считать представителей среднего и младшего медперсонала, то на 10 000 населения Сибирского края приходилось 16,5 медицинских работников разной степени квалификации. Здесь данные и по городам, и по сельской местности, поэтому стоит учитывать, что в отдаленных территориях эти цифры могли быть еще ниже[440]. Такого числа медицинского персонала, конечно, не хватало для того, чтобы эффективно бороться с ростом заболеваемости[441].

О росте социальной напряженности и социальной дезадаптации говорит о число суицидов (*Таблица 14*). Из статистики видна отчетливо возрастающая динамика самоубийств как среди населения Сибкрая в целом, так и горожан в частности. Это прямое отражение роста социальной напряженности в тот период.

Таблица 14 – Динамика оконченных самоубийств в Сибирском крае за 1926, 1927 и 1928 гг. и за первое полугодие 1929 г.

Территория	Число самоубийств

[440] Посчитано по: Сибирский край: стат. справочник… С. 776–777, С. 2–3.

[441] К сожалению, у автора нет данных о количестве врачей на 10 000 чел. по другим странам в исследуемый период, чтобы провести сравнение. Однако для понимания контекста можно привести цифру числа врачей на 10 000 чел. в РФ на 2022 г. По данным ВОЗ, это 51,1.

	1926 г.			1927 г.			1928 г.			первое полугодие 1929 г.		
	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола
Город. поселения	146	83	229	142	94	236	173	124	297	108	59	167
Итого по краю	366	160	526	428	170	598	446	214	660	231	115	346

Источник: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 802.

Важным индикатором, определявшим как статус, так и жизненный уровень рабочих разных профессий, выступала динамика среднемесячного заработка. Если рассматривать данные, относящиеся к рабочим, занятым в цензовой промышленности Сибири, за период с 1925/26 хоз. г. до 1928/29 хоз. г., то статданные выделяли две группы производств: обрабатывающую и добывающую промышленность. Показатели по обрабатывающей промышленности демонстрировали хотя и медленный, но погодовой рост средней месячной зарплаты, выражавшийся в абсолютных цифрах с изменениями от 44,0 до 57,2 руб. Внутри них существовали профессии, где оплата труда традиционно оказывалась выше: у металлистов рост шел от 52,5 до 72,0 руб., для рабочих металлургов – от 54,0 до 69,1 руб., для полиграфистов и для рабочих в сфере машиностроения – от 48,2 до 69,5 руб. В сфере добывающей промышленности, основу которой составляла угледобыча, показатели динамики среднемесячной зарплаты немногим отличались от данных по обрабатывающим производствам – от 45,2 руб. в 1925/26 хоз. г. до 58,1 руб. в 1928/29 хоз. г.[442]

Естественной была дифференциация в заработной плате между категориями рабочих и служащих в сфере цензовой промышленности, носившая характер определенного разрыва, связанного с оплатой квалифицированного управленческого труда, поскольку в данную обобщенную группу включался инженерно-технический персонал. Для обрабатывающих производств усредненная величина среднемесячной зарплаты росла от исходных 78,8 руб. до 101,2 руб., хотя здесь также имелись группы работников с зарплатой выше среднестатистической величины. Так, работники химических предприятий демонстрировали рост от 88,4 до 116,4 руб. В области

[442] Сибирский край: стат. справочник… С. 358–363.

добывающих производств работники угледобывающей отрасли по своим средним заработкам, как и в отношении заработков рабочих, в целом соответствовали средним заработкам служащих в обрабатывающих производствах – здесь рост шел от зарплаты в 73,7 руб. в 1925/26 хоз. г. до 110 руб. в 1928/29 хоз. г.[443]

Обратимся к еще одному аспекту повседневности рабочего – бюджету семьи. Анализ бюджета рабочего проведен по данным рабочих каменноугольной и обрабатывающей промышленности. Среднестатистическая семья рабочего состояла из 4–5 человек – по-видимому, женщина не работала (эти данные не отражены в анализе бюджета семьи рабочего в Статистическом справочнике[444]). Средняя зарплата рабочего равна 68,2 руб., общий ежемесячный приход в бюджет семьи равен 87,9 руб. (*Таблица 15*).

Таблица 15 – Бюджет семейного рабочего Сибири в среднем за месяц в 1928–1929 гг. (приход на семью, руб.)

	Каменноугольная промышленность		Обрабатывающая промышленность	
	Зарплата главы семьи	Общий приход	Зарплата главы семьи	Общий приход
1 квартал	69,47	87,30	64,31	81,65
2 квартал	70,12	81,34	63,89	80,63
3 квартал	69,18	92,39	68,22	90,85
4 квартал	71,58	94,72	69,51	94,57

Составлено по: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 388–395.

Основная часть расходов (*диаграмма 1*) уходила на оплату питания и жилья (49 и 13 % соответственно). Отметим, что траты на лечение, стирку и гигиену, несмотря на неблагополучную эпидемиологическую обстановку, были минимальны (1–2 %), даже расходы на алкоголь и табак превышали эти позиции (4 %). У рабочих не было возможности оплатить лечение при необходимости, обеспечивать себе досуг, накапливать средства на случай непредвиденных обстоятельств (отметим и наличие графы «уплата долга», отнимающую в среднем 9 % бюджета). Такой бюджет демонстрирует низкий уровень доходов населения, бедность, экономическую нестабильность, так как большая часть бюджета уходит на необходимость обеспечить

[443] Там же. С. 364–367.
[444] Там же. С. 388.

базовые потребности (питание, жилье, одежда – 84 %). Примерно такие же данные мы видим и по рабочим Кузбасса (*Таблица 16*).

Диаграмма 1 – Основные категории расходов семейного рабочего (каменноугольная, обрабатывающая промышленность) за 1928–1929 гг.

Составлено по: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 388–395, 400–407.

Таблица 16 – Состав семьи, число работающих и заработная плата главы семьи рабочих Кузбасса (1928/29–1931 гг.)

	1928/29 г.	1929/30 г.	Предпол. на 1931 г.
Средний состав семьи рабочих	4,58	4,58	4
Число работающих в семье	1,05	1,26	1,6
Средняя зарплата главы семьи (в руб./мес.)	57,89	70	78,17

Источник: ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1024. Л. 41.

Более предметно динамика семейных расходов для рабочих становится очевидна в выражении через показатели динамики бюджетных индексов, которые рассчитывались органами статистики применительно к периоду времени с 1 октября 1927 г. по 1 января 1930 г. Бюджетный индекс включал в себя средние цены на группы предметов питания, предметов первой необходимости, коммунальные услуги (полный

набор включал в себя 39 позиций). Сравнение индексов велось от уровня октября 1926 г., который брался за 100 %. Соответственно, в период 1927/1928 хоз. г. резких ценовых колебаний по указанным группам продуктов питания и предметов широкого потребления не наблюдалось, не превышая исходный уровень 1926 г.; исключение составлял рост цен за коммунальные услуги (109,7% от осени 1926 г.). Однако уже в следующем 1928/29 хоз. г. начался устойчивый рост цен по всем выделенным группам бюджетного набора. Так, начиная с весны 1929 г. индекс цен на продукты питания вырос со 110 до 128 % от уровня цен осени 1926 г. И хотя взлет цен пока не коснулся еще товаров первой необходимости (колебания около исходного уровня цен 1926 г.), но продолжался рост стоимости коммунальных услуг для городского населения, составивший 123% от цен 1926 г. Однако особенно стремительным начался фактически обвальный рост цен на продукты питания в период с октября 1929 г. по конец декабря 1929 г., когда индекс взлетел со 128 до 154 % за счет роста цен на прямую сельхозпродукцию (молоко, масло, мясо, овощи и т. д.)[445]. Здесь, безусловно, решающую роль сыграли политические потрясения, связанные с радикализацией деревенской политики, незамедлительно отразившись на рыночных и кооперативных ценах на сельхозпродукцию. И хотя в городах уже к тому времени действовало нормированное снабжение для рабочих и служащих через так называемые закрытые рабочие кооперативы, но и в этой недавно созданной снабженческой сети возникли перебои с продуктами питания, которые усиливали социальную напряженность в городах и рабочих поселках. Помимо обозначенных процессов, М. А. Фельдман отмечает процессы регламентации (в сторону ограничений) премий, зарплат, фондов заработной платы в целом[446]. Однако куда более важным выводом является его заключение о том, что государство, будучи основным владельцем промышленных предприятий, сознательно недоплачивало тому социальному слою, который официально признавался хозяином страны[447].

Несмотря на оптимистичный официальный дискурс и многочисленные эвфемизмы, состояние, близкое к обозначенному, можно было обнаружить и в публичном властном дискурсе. Так, в текстах (оформленных в брошюры для

[445] Там же. С. 386.
[446] *Фельдман М. А.* Власть, ученые, хозяйственники, рабочие СССР в годы Первой пятилетки… С. 262–263.
[447] Там же. С. 261.

распространения) Ф. П. Грядинского[448] и Р. И. Эйхе[449] мы видим следующие проблемы: дефицит рабочей силы, высокую текучесть кадров, проблемы снабжения и острую нехватку жилья для рабочих[450]. Декларируемый рост заработной платы[451] не учитывал инфляционных процессов, отрицавшихся в рамках социалистической экономики. Статистические данные о доходах и расходах рабочих Сибири подтверждали декларируемые цифры заработной платы, однако представленный ранее анализ расходов и потребительской практики рабочих показывает, что бюджет последних все же оставался дефицитным. Утверждалось увеличение капиталовложений в жилищное строительство[452], однако на деле ситуация с жильем в сибирских городах в исследуемый период была катастрофичной.

В бытовой сфере причины роста социальной напряженности объяснимы: уровень жизни пролетариата в стране, первой провозгласившей диктатуру этого самого пролетариата, едва ли соответствовала минимальным потребностям человека. М. А. Фельдман доказывает, что жизненный уровень российского пролетариата в 1920-е гг. оставался ниже того, который существовал в царской России[453]. Отметим, это ощущение и восприятие современных реалий находили свое отражение и в массе низового рабочего нарратива, что было зафиксировано в делопроизводстве ОГПУ, чаще всего с пометой «нездоровые настроения». В одной из сводок указано достаточно типичное для этого периода высказывание: «Рабочий получает 15 килограмм муки, а семья его 7½ килограмм, а служащие, те в круговую по 6 килограмм с семьей. Конечно, этого пайка совершенно не хватит, тем более без приварка и без всяких круп и масла <…> Вернусь к рабочему классу, который получает 45 р. в месяц и при 5–6 чел. семьи стал в тупик совсем, когда получает паек свой, то ему не хватает, а мясо на рынке 18–20 руб. пуд. Это он должен служить на один пуд мяса целых полмесяца»[454].

---

[448] *Грядинский Ф. П.* На социалистическом подъеме: сокращенная стенограмма доклада председателя Запсибкрайисполкома т. Ф. П. Грядинского на I Западно-сибирском краевом съезде советов. Новосибирск: ЗапСиботделение, 1931. 32 с.
[449] *Эйхе Р. И.* За большевистскую организацию уборки и поставки зерна государству (доклад на V пленуме Запсибкрайкома ВКП(б) 22 июня 1933 г.). Новосибирск: Партиздат, 1933. 65 с.
[450] *Грядинский Ф. П.* На социалистическом подъеме… С. 6–8.
[451] Там же. С. 14.
[452] Там же. С. 15.
[453] *Фельдман М. А.* Власть, ученые, хозяйственники, рабочие СССР в годы Первой пятилетки… С. 260.
[454] ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 33–35.

Меняются и условия труда рабочих – на производстве вводится непрерывная рабочая неделя[455], единоначалие, активно внедряется принцип социалистического соревнования, происходят перманентные мобилизации на ключевые стройки, существенном образом повышаются производственные планы. За производственными планами не всегда успевает охрана труда рабочих (устаревшая техника, халатность руководства, императив ближайшего интереса). Профсоюзы к этому моменту уже подчинены партии и лишены своей основной, защищающей интересы работников функции, рабочие отстранены от возможности влиять на производственные процессы. Коллективный договор также не давал возможности отстаивать свои права («Рабочий изверился и смотрит на договор как на пустую формальность[456]»), происходит увеличение рабочего дня до 10-часового, что также вызывает сопротивление («Вы обязаны прежде удовлетворить наши требования: обуть, одеть, увеличить зарплату…», «О 10-часовом рабочем дне и в кодексе законов о труде не говорится»[457]).

К власти тоже были претензии, которые заключались в неисполненных обещаниях и программах, удручающей разнице между картиной пропаганды и реальностью, формальном равенстве перед законодательством советских граждан. Здесь прослеживается жесткое деление на «своего» – «брата» и «чужих» – «их». К последним относились представители власти всех уровней, местная администрация предприятия, а также выдвиженцы, служащие, специалисты. Заметим, в этом списке нет «бывших» – той категории, которую советская власть маркировала как «чужих». В недовольствах рабочих прослеживается несколько дихотомичных линий: жизнь до революции и после; транслируемые пропагандой образы будущего и их противоречие с реальностью; «новая партийная элита» и рабочие; деревня и город.

Анализируя такие высказывания, мы видим неприятие рабочими кампаний соцсоревнования и ударничества, введения «непрерывки» и единоначалия. Рабочему чужды голословные собрания и демонстрации: «чуть чего – так сразу демонстрация, а

[455] Постановление Бюро Сибкрайкома ВКП(б) о переходе предприятий и учреждений на непрерывную рабочую неделю от 25 сентября 1929 г. // Советская Сибирь, № 232 (2976), 1929. С. 2.
[456] ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 12. Л. 18. Автор: «рабочий с госмельницы, Томск».
[457] Сводка материалов ИНФО ОГПУ по вопросу об отношении рабочих и инженерно-технического персонала к обращению ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1930 г. 10 октября 1930 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. док. в 10 т. Т. 8 в 2 ч. 1930 г. Ч. 2 / отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров, Г. Н. Севостьянов. М., 2008. С. 1193.

что толку от этого: крик, шум и больше ничего[458]…». Он говорит об отсутствии нужных компетенций и знаний у представителей администрации, об их беспределе («наши хозяйчики сгноили … таких хозяйчиков нужно гнать с производства[459]»), об отсутствии возможности изменить свое положение («с нами не считаются, действительно хотят нас угробить…», «рабочего не спрашивают»[460]), об отсутствии мотивации участвовать в соцсоревновании («На … мне соревнование. Это же только для дураков, а не для меня…»[461]). Стоит обратить внимание на дискурс высказывания – противопоставление автором себя (как некоторого образца условной нормальности) и других – «дураков» (как образца некоторой девиации). Под «дураками» автор подразумевает добровольцев, активистов, участвующих в большевистских кампаниях. Здесь отмечен конфликт двух дискурсов (властного и низового).

Особенное недовольство пролетариев вызывала производственная иерархия: администрация, служащие, специалисты, рядовые рабочие. Здесь четко прослеживается водораздел между «нашим братом» (последняя категория), с одной стороны, и «ними» (первые три категории) – с другой. Проявлялась такая иерархия не только в нормах снабжения, но и в степени ответственности за свои проступки: «им все простительно, а если бы сделал наш брат, то в тюрьму посадили бы[462]», «нашего брата за каждую пустяковину привлекают к ответственности, а вот инженерам … ничего не было за то, что они затратили средства…[463]». Примечательно то, что оба автора высказываний являлись членами партии. Иммунитет местного партийного и государственного аппарата, лицемерие пропаганды вызывали аналогичное возмущение: «критиковать низовых работников можно в газете, а критиковать райком нельзя[464]».

Вызывали неприятие рабочих «выдвиженцы» – еще одно неизбежное следствие административной экономики. Управление переходит в руки не квалифицированных специалистов, а партийных функционеров и активистов: «насадили этих сопляков, они кроме вредительства ничего не сделают … бегают по шахте как сучья свадьба, а пользы

[458] ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 12. Л. 40. Автор: «рабочий завода “Кр. Пахарь”, Омск».
[459] Там же. Л. 9. Автор: «забойщик со Слюдяного производства».
[460] Там же. Л. 6. Автор: «рабочий с Кемрудника».
[461] Там же. Л. 3.
[462] Там же. Л. 7. Автор: «старый рабочий».
[463] Там же. Автор: «старый рабочий, член ВКП(б)».
[464] Там же. Автор: «старый рабочий, член ВКП(б)».

для производства никакой … я работаю в шахте с 1906 года, а такого бардака не видел…[465]». Автором этого высказывания являлся, кстати, также член партии. Отметим, что здесь «вредительство» вменяется именно «выдвиженцам» – новым лидерам «социалистического» строительства, умеющим пользоваться открывшимися социальными лифтами.

На фоне таких социально-экономических сложностей празднование 10-летия революции, ежегодные демонстрации становились триггерами не только для выражения недовольства, но и для рефлексии по поводу происходящих процессов. Так, на демонстрациях 1 августа и 7 ноября сотрудники ОГПУ фиксировали высказывания следующего содержания: «Пусть празднуют кто сыт, а рабочий голодный. Пусть нас сначала накормят, а потом приглашают на заседания[466]».

Парадоксальным образом в системе «социалистической» экономики реализовалось противоречие капиталистической экономики (в соответствии с марксистской теорией) – *отчуждение продукта производства от производителя*. Государство, взявшее на себя контроль над созданием, распределением и потреблением результатов производства, тем самым наносило существенный ущерб и трудовой этике – исчезали стимулы для производства, отсутствовало ощущение ответственности за производимую продукцию, не было места и рабочей инициативе. Довольно популярный мотив недовольства, переносимый, кстати, рабочими и на крестьянский мир: «крестьяне делали умышленно недосев, потому что не чувствовали себя хозяином своего труда». В таких сложных внутрипроизводственных отношениях рабочие характеризовали себя как «мелкую сошку».

Пусть и в меньшей степени, но жизнь деревни также попадала в фокус внимания рабочих. Это объяснимо – чаще всего рабочие сами были недавними выходцами из крестьянской среды, поэтому прекрасно понимали следствие нажима на деревню. Коллективизация сельского хозяйства вызывала у них беспокойство и возмущение. Пролетарии прекрасно понимали свою зависимость от села и катастрофическое положение в последнем: «крестьян совсем подавили … придет время, когда будем есть

[465] Там же. Автор: «рабочий – забойщик, член ВКП(б)».
[466] Там же. Л. 40. Автор: «рабочий текстильной фабрики».

живых людей», «полагаю, что спец, получающий большое жалование, скорее является кулаком, чем крестьянин, работающий в деревне»[467]. В то же время рабочие видели в крестьянах некоторую угрозу, источник «внутренней войны» в случае скорых военных действий. Однако главным вопрос к власти по аграрной политике оставался следующим: «Куда девается хлеб?».

Повседневность рабочего была связана с хроническим дефицитом, голодом, неудовлетворительными жилищными условиями. Работа на производстве в таком случае становилась возможностью выживания, ведь только официально трудоустроенные имели право на продовольственный паек. В таких реалиях административной экономики рабочие оказывались обречены на эксплуатацию со стороны партийного государства. Постулирование производственных успехов и повышение уровня благополучия большевистской пропагандой вызывали диссонанс у рабочих: «т. Этко … обещал и говорил, что <…> будет все, будем кушать из двух блюд, как в столовой. Да, действительно, кушаем из двух блюд – китайскую капусту отваренную и редиску с луком. Зачем они над рабочими смеются и обманывают, как маленьких ребят[468]».

Голод и нехватка продовольствия обострились до такой степени, что в массовом сознании возникла прямая зависимость между этим кризисом и падением легитимности большевиков. Отметим, что проблемы повседневности оказывались на первом месте, а осмысление их происходило на примитивном и ограниченном уровне. Оставалось верным лишь эмпирическое ощущение – действительность не соответствовала ожиданиям. Таким образом, повседневность становилась причиной разочарования в идеалах социализма.

Рабочие реже затрагивали политический аспект, стараясь осмыслить хаос происходящего: «творится что-то непонятное. Все лидеры партии ушли <…> зашли в тупик. ЦК сошел с ума…[469]» или «партия разложилась, Сталин стал диктатором, Ворошилов в Сталина уже стрелял за то, что Сталин всем затыкал рот…[470]». Однако в

[467] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 916. Л. 9.
[468] ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 12. Л. 62. Автор: «рабочий с Алданских приисков»
[469] Там же. Л. 135. Автор: «помощник машиниста, Омск».
[470] Там же. Автор: «помощник машиниста, исключен из партии, Бийск».

этой рефлексии были обнаружены не только конспирологические изыскания. Заметна более опасная тенденция – рабочие, которые чувствовали себя бенефициарами революции, больше не чувствовали себя победителями, не видели плодов своих лишений и бедствий в ходе Гражданской войны. Они были отчуждены не только от результатов своей экономической деятельности, но и от итогов политической борьбы.

В сфере производства чекисты фиксировали и иные формы протеста рабочих, помимо многочисленных «антисоветских» высказываний: прогулы, опоздания, порчу государственного имущества («рваческое» отношение), забастовки, уход на другие предприятия. Порой причинами для первых двух явлений являлись многочасовые очереди за хлебом, но имели место неявки на рабочее место по причине задолженности оплаты, случаи намеренной порчи инвентаря и машин (реальных, а не «вредительства»). Не стоит забывать и об отсутствии элементарного желания работать, стимулов, инициативы. Отмечали сотрудники ОГПУ и низкое качество труда на производстве. Распространенной формой пассивного протеста являлся уход на другие предприятия.

Обратимся к другой форме протестных действий – забастовкам. На всесоюзном уровне отмечается краткосрочность забастовок и их экономическая детерминированность. И. В. Шильникова отмечает, что в годы реализации первого пятилетнего плана забастовочное движение было не только не менее, но даже более активным, чем в период дореволюционной российской индустриализации. Чаще всего к этому способу протеста обращались сезонные рабочие (строители, торфяники, сплавщики леса и др.), что было связано с количественным ростом этой группы рабочих, а также с более тяжелыми условиями их труда и быта и меньшим контролем этих сфер со стороны государственных, хозяйственных, партийных и профсоюзных органов[471].

Исследователи, исходя из данных выявленной забастовочной статистики, считают, что пик забастовочного движения рабочих приходился на 1925–1927 гг., после чего протесты пошли на спад. Однако именно после кризисных явлений в экономике и

[471] *Шильникова И. В*. Забастовки в советской промышленности в годы первой пятилетки (по материалам информационных обзоров и сводок ОГПУ) // Экономическая история. 2016. № 4 (35). С. 80–89.

политике в 1928–1929 годах положение рабочих начинало неуклонно ухудшаться из роста цен, снижения реальной заработной платы, возрастания экстенсивности труда за счет повышения норм выработки при сохранении расценок и т. д., что в совокупности действия указанных причин должно было повлечь за собой неизбежно нарастание напряженности в социально-трудовых отношениях и вызывать активное протестное поведение рабочих, чего не происходило: открытый протест, некогда выступавший защитной нормой интересов рабочих становится аномалией, а недовольство переходило из открытой формы в подавленную.

А. О. Тюрин в исследовании предикторов коллективных действий отмечает слабый потенциал рабочего протеста в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Автор указывает следующие предикторы коллективных действий: воспринимаемую несправедливость, социальную идентичность, самоэффективность группы. Анализируемые нами источники подтверждают наличие первых двух предикторов и не подтверждают третий, что коррелирует с выводами Тюрина. Автор отмечает, что неэффективности коллективных действий способствовали высокая степень издержек (репрессии по отношению к зачинщикам забастовок), неустойчивость социальной идентичности (много «новых» рабочих, недавно «оторвавшихся от земли»)[472].

К таким же выводам приходит М. А. Фельдман. По его мнению, забастовки рабочих, появление протестных листовок политического характера носили локальный характер. Недовольство рабочих чаще всего выступало как бытовое реагирование на различные явления в стране, было неглубоким и несистематичным[473].

Региональных сибирских исследований рабочего протеста практически нет. Для задач нашей работы воспользуемся проведенной в 2021 г. С. А. Красильниковым обработкой массива информации профсоюзных органов Сибири об учтенных случаях забастовок в регионе за 1927–1930 гг.[474] Среди 49 протестных проявлений в рабочей среде при их погодовом распределении отмечено, что после пика активности,

[472] *Тюрин А. О.* Предикторы рабочего протеста в СССР в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.: социальная идентичность и самоэффективность (на материалах Нижневолжского региона) // Современные исследования социальных проблем. 2022. Т. 14, № 1. С. 31.
[473] *Фельдман М. А*. Власть, ученые, хозяйственники, рабочие СССР в годы Первой пятилетки: проблема взаимоотношений. Екатеринбург: Уральский ин-т управления, 2022. С. 273.
[474] *Красильников С. А*. Кризисы власти и трудовые конфликты в период НЭПа // ЭКО. 2021. № 4. С. 63–66.

пришедшегося на 1927 г. (половина от общего числа), в последующие два года (1928 и 1929) происходит некоторая стабилизация – по 20 % , а на 1930 г. приходится 10 %. По сферам занятости рабочих преобладали строители (50 %), сельхозрабочие (20 %), лесозаготовители (15 %), доля протеста в промышленности и на транспорте оказывалась незначительной. Лишь одна из каждых десяти забастовок охватывала от сотни рабочих и более. По длительности своего протекания треть составляли однодневные протесты, половина забастовок протекала от 2 до 5 дней, длительность протестов от недели и более составляла 15 % от общей их численности. Среди требований рабочих преобладали связанные с недовольством уровнем зарплаты и перебоями в ее получении (половина случаев), еще четверть протестов была связана с условиями труда, быта, снабжением спецодеждой и продовольствием, другая четверть – с комплексом требований к администрации. По признаку организованности половина протестов носила стихийный характер возникновения, другую половину представляли организованные протесты (стачкомы, инициативные группы рабочих), однако роль собственно профсоюзов оказывалась незначительной – они инициировали лишь одну из каждых десяти протестных акций. В 43 % требования рабочих удовлетворялись полностью, в 28 % – удовлетворялись частично, в 4 % – передавались для рассмотрения в вышестоящие органы, и в 25% – оказывались не удовлетворены. В последних случаях рабочие либо не проявляли дальнейшей активности под угрозой увольнений или арестов, либо покидали производство (так чаще всего поступали артели строительных рабочих). Например, произошедшая в п. Орочен Алданского округа забастовка 26 августа 1929 г. была вызвана неудовлетворительными социально-экономическими условиями. В ходе этого конфликта рабочие выставили следующие требования: «повысить заработок путем уменьшения норм выработки; увеличить норму выдачи товаро-продуктов; снабдить спецодеждой». Интересно дальнейшее развитие событий описываемой забастовки: 28 августа объявлено о решении Окружкома ВКП(б), что «расценки реальны и что итти на уступки рабочим нельзя». Забастовщики же к этому постановлению «отнеслись сдержанно и в большинстве отрицательно, но без проявления каких-либо агрессивных действий»[475].

[475] ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 12. Л. 70.

В протестных проявлениях рабочих в Сибири конца 1920-х – 1930-м гг. прослеживалась определенная тенденция, отражавшая структуру их занятости: труд строителей, лесозаготовителей и сельхозрабочих носил сезонный характер и имел повышенную миграционную подвижность. Сами требования рабочих во всех случаях имели под собой экономический характер; забастовки носили защитный для отстаивания своих текущих интересов, а не наступательный характер; профсоюзы практически не выступали организаторами протеста, но играли важную роль в переводе возникавших конфликтов в переговорное русло; специалисты практически не поддерживали забастовки, что определенным образом подпитывало почву для проявления в ходе социально-трудовых отношений так называемых спецеедческих настроений и действий, особенно рельефных в ходе кампаний по выявлению «вредительства в среде буржуазных спецов».

Таким образом, протест вскоре эволюционировал в сторону внешнего конформизма. Поведенческие установки определял страх стать жертвой репрессий. Так, неотъемлемым качеством, присущим отношениям между властью и обществом, становилось внешнее послушание. В то время как чувство неудовлетворенности существующим положением сохранялось. Разочарование в идеалах социализма оказалось массовым – потенциал надежд и иллюзий в народном сознании был исчерпан. Людям становилось все труднее объяснять (в том числе и самим себе), что повседневные тяготы – дело случайное и временное.

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание в данном параграфе, – последствия такой фрустрации в социально-психологическом контексте. Для начала зафиксируем образ нормативного поведения представителей авангарда социалистического общества образу «нового» человека. В 1920-е гг. в ходу была модель революционера – разрушителя старого мира: железные комиссары, стальные чекисты. Ей на смену пришел созидатель Нового мира: «индустриальный человек», «научно-организованный человек», «усовершенствованный коммунистический человек» – строитель утопии, от которого требовалась идейность, но также энергия, инициатива[476].

[476] *Геллер М. Я.* Машина и винтики: история формирования советского человека. Overseas publications interchange ltd. London, 1985. С. 10.

«Новый» человек должен был быть верным коммунистическим идеалам, ценить коллективное выше индивидуального, физически и интеллектуально развит. Он должен был быть активным проводником политики партии. Главным в жизни для него оказывался труд. «Новый» человек должен был быть беспредельно предан Родине, быть частью коллектива. Ему были чужды равнодушие, пассивность и индивидуализм. Такой тип социального поведения должен был детерминировать общественное развитие, быть частью повседневности каждого советского гражданина, пронизывать все сферы общественной жизни. Активизм, вписывающийся в парадигму реализации «социалистических» преобразований, способствовал разрушению существующей социальной структуры, реализации политики партии на местах.

На заводах и предприятиях активисты (прежде всего комсомольцы) были призваны мобилизовать на ударничество и социалистические соревнования не только своих несоюзных сверстников, но и рабочих старшего поколения. Как правило, такие активисты имели слабый авторитет в коллективе рабочих, а окружающая действительность никак не усиливала их легитимность. Это приводило к возникновению конфликтов между поколениями и внутри самой молодежи, обострявшихся в условиях хронического дефицита, голода и отсутствия жилья.

Надо понимать, что активизм в данном контексте не тождественен самостоятельности, инициативности, гражданскому активизму в сегодняшнем смысле слова. Активизм в таком случае – это в первую очередь *паттерн исполнения*, который мог только *имитировать* гражданский активизм. Это *активизм тоталитарного типа.*

Болезненно воспринималось недопущение проявления рабочих как реальных политических акторов. Такая политическая «эмансипация» ранее не представленных в политическом пространстве групп не коррелировала с реальным формированием политической и правовой культуры граждан, а, скорее, наоборот, приводила к политической пассивности, имитации общественной и политической деятельности, укрепляла складывающуюся тоталитарную систему. Получалось, что в первом мире «социалистическом» государстве нет места реальному политическому представительству даже представителям пролетариата. Это приводило к фрустрации

рабочих, формированию диссонанса между идеологией и реальной практикой большевиков.

Анализ массовых настроений основных социальных слоев и общностей раннесоветского общества, проведенный О. В. Великановой, привел автора к важнейшему выводу о несовпадении базовых интересов и потребностей рабочих, крестьян, специалистов и в целом промежуточных средних слоев города и деревни, с одной стороны, интересов и установок большевистской власти, с другой. Это вызывало глубокий и системный кризис ее легитимности, выходом из которого стал сталинский курс, опиравшийся на охранительно-мобилизационные механизмы. И хотя основной акцент в своем исследовании О. В. Великанова делает на «размычке» власти и крестьянства, а также города с деревней, она намечает также и тезис о том, что для рабочих оказывался крайне болезненным разрыв между идеологическими постулатами строительства государства «гегемонии пролетариата» и реальным статусным положением рабочих, занимавших далеко не привилегированное положение в сравнении не только с новой бюрократией, но и с профессиональной интеллигенцией, предпринимателями и другими средними городскими слоями: «Общество оставалось расколотым ненавистью и недоверием: крестьян к рабочим, рабочих к нэпманам, рядовых – к начальству, населения – к представителям власти (“мы” и “они”)»[477].

Повседневность рабочих, таким образом, демонстрирует противоречие между транслируемым большевиками образом класса-гегемона / авангарда общества и реалиями жизни социальной группы, разными способами отстраняемой от рычагов власти, целенаправленно лишаемой реальной возможности определять стратегии общественно-экономического и политического развития, полностью зависимой от партийной номенклатуры, являющейся лишь номинальным авангардом[478].

Деструктивные следствия конформности особенно заметны в изменениях трудовой этики. Этот феномен полной зависимости рабочего (как индустриального, так и сельского – «коллективизация» превращала крестьян именно в сельских пролетариев)

[477] *Великанова О. В.* Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х гг. М.: РОССПЭН, 2017. С. 223. *
[478] *Сметанина В. В*. Культура повседневности сибирского рабочего: 1920–1930-е гг.: автореф. дис. … канд. культурологии: 24.00.01. Кемерово, 2006. URL: https://www.dissercat.com/content/kultura-povsednevnosti-sibirskogo-rabochego-1920-1930-e-gg (дата обращения: 01.03.2025).

от государства, описывает в работах В. Заславский. Он называет такого пролетария «государственно-зависимым». Для составления социального портрета такого работника ключевыми характеристиками являются отношение к государству и отношение к труду. Такой работник ценит гарантированность, нежели успех. Государство в данной системе обеспечивает работой и предлагает привилегии, выстраивая определенную социальную иерархию, регулируя социальную мобильность. В исследуемый период происходит становление этого типа отношений с государством, монополизирующим все сферы жизнедеятельности человека. Отношения такой зависимости предполагают и существенные изменения в портрете работников: отсутствие инициативы и способности к риску, пренебрежение к труду и средствам производства.

К этой же проблеме обращается и В. Б. Жиромская, отмечая, что на огосударствленном, обобществленном производстве по причине отчуждения труда рабочие становились государственно-зависимыми работниками. Автор отмечает, что этот процесс противоречил стремлению большевиков воспитания у рабочих «социалистического сознания», «социалистической психологии»[479].

М. А. Фельдман в своей монографии «Власть, ученые, хозяйственники, рабочие СССР в годы Первой пятилетки: проблема взаимоотношений»[480] отмечает, что «рабочий класс» являлся небольшим слоем советского общества с преимущественно низким образовательным и квалификационным уровнем[481]. Этот факт во многом определял политику партии по отношению к рабочим. Если реальный рабочий класс объективно не мог выполнять роль «руководящей силы» (из-за малограмотности, низкой квалификации, разобщенности и укорененности в крестьянской культуре), то его функции возлагал на себя партаппарат, который стал выступать от имени пролетариата, но фактически – управлять им административно-принудительными методами. Диктатура партийно-хозяйственной номенклатуры легитимировала себя через риторику о рабочем классе. Массовый приток крестьян превращал рабочий класс не в индустриальный слой, а в специфическую гибридную общность, представители которой несли в себе ценности как мира города, так и деревни. Слабость и дефицит

[479] *Жиромская В. Б.* После революционных бурь… С. 108.
[480] *Фельдман М. А.* Власть, ученые, хозяйственники, рабочие СССР в годы Первой пятилетки: проблема взаимоотношений. Екатеринбург: Уральский ин-т управления, 2022. 314 с.
[481] Там же. С. 254.

материальных стимулов, неэффективность моральных[482] приводили к использованию внеэкономических мер принуждения по отношению к рабочим со стороны партийного государства, что стало *системной составляющей* процесса индустриализации. Декларирование «руководящей роли рабочего класса» при фактической нищете и бесправии последнего приводило к устойчивому разрыву между пропагандой и реальностью, формированию внешней лояльности и внутреннего отчуждения. Такая фрустрация приводила к значительным социально-психологическим изменениям. Ставка на эксплуатацию этой категории, недопущение самостоятельности и субъектности в долгосрочной перспективе приводили к тому, что при всей многочисленности (рост в годы первой пятилетки) эта группа населения оставалась малоквалифицированной и маломобильной (в плане социальной инициативы и организации). Работники социалистического производства становились объектом централизованного управления «сверху», представлялись трудовым ресурсом. Так как ресурсы по самой своей природе пассивны, поскольку они не действуют, а «используются», не совершают поступков, а «функционируют», не меняют рабочих мест, а «распределяются» и «перераспределяются», постольку от людей, выступающих в качестве «трудовых ресурсов», также не ожидается активности, например участия в управлении, творческой инициативы, борьбы за собственные идеи и т. д.

В долгосрочной перспективе такие отношения, формирующиеся в исследуемый период, сформируют социальный тип советского работника, который позже подвергнется критике в известном «Новосибирском манифесте»[483]. Лишенный экономических и социальных стимулов труд приводил к падению трудовой дисциплины – прогулам и простоям, употреблению алкоголя на рабочем месте и т. д. Таким образом, радикальная этатизация изменила не только внешние составляющие жизненного пространства рабочих, но и значительным образом повлияла на поведенческие характеристики населения. Страх перед государственными органами, аполитичность, конформизм, безынициативность, «двоемыслие», пассивность, индифферентность стали частью жизни рабочих.

---

[482] Там же. С. 263.

[483] *Заславская Т. И.* «Новосибирский манифест» (1983 г.): О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии // Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. С. 17–40.

3.3. Средние и переходные городские слои в кризисных условиях

До прихода к власти большевиков городское население Сибири представляло сложную социальную палитру: предприниматели и торговцы, интеллигенция, учащиеся, служащие, ремесленники и кустари, рабочие и крестьяне (как правило, отходники). Средние слои по устоявшейся стратификационной терминологии, принятой в том числе и марксистскими деятелями (А. В. Луначарским, Н. И. Бухарим и др.), включали в себя торгово-предпринимательские группы («нэпманов»), управленцев, служащих и специалистов. В условиях революционных потрясений произошло разрушение прежних довоенных и дореволюционных городских социальных связей, что повлекло за собой стратификационные сдвиги, однако с выходом из экстремальной эпохи на протяжении 1920-х гг. происходили процессы своеобразной социальной регенерации, в основе которых лежали экономические основы жизнедеятельности. Функционирование сфер торговли, производства и услуг требовало наличия гибкого негосударственного сектора. Экономическая разноукладность 1920-х гг. поддерживала и воспроизводила социально-структурную мозаику в городах и способствовала формированию новых социальных групп. Это проявлялось и применительно к рабочим, процессы восстановления которых в численном и качественном плане приводили к непрерывному их пополнению непролетарскими слоями и группами; государственные и кооперативные слои служащих также становились объектами перетекания в аппараты управления также и непролетарских элементов. Процессы этатизации в городе затронули не только пролетариат, но и служащих, специалистов и другие переходные группы населения сибирских городов – тех, кто не попадал под категорию «рабоче-крестьянских» масс, но кто выполнял важные функции в управлении, образовании, культуре и сфере услуг.

Социальный срез сибирских городов, зафиксированный переписью населения 1926 г. (*Таблица 5*), с одной стороны, демонстрирует процессы регенерации некоторых элементов социальной структуры после радикальной политики «Военного коммунизма», с другой – сжатие социальной структуры, исчезновение ряда категорий населения. В переписи 1926 г. мы еще можем обнаружить представителей «свободных

профессий», к которым были отнесены представители преимущественно интеллектуального труда, чьи занятия не были полностью огосударствлены и выполнялись на вольных началах — гонорарной основе или частной практике. На 1926 г. к служащим различных категорий относились 121,5 тыс. чел., что составляет 30,5 % от числа самодеятельного населения (401,7 тыс. чел.). Лиц свободных профессий насчитывалось всего 1,4 тыс. чел., или 0,36 % от числа самодеятельного населения. В графе «прочие занятия» числилось 40,7 тыс. чел., или 10 % от числа самодеятельного населения. Число безработных измеряется 30 тыс. чел., или 7,47 % от самодеятельного населения.

Отметим, что в этой социальной палитре (*Таблица 5*) не сразу можно увидеть «нэпманов». В то время как социальные трансформации исследуемого периода глубоко затронули ***предпринимательские слои***. Несмотря на транслируемый в советской пропаганде образ «нэпмана» как потомственного буржуя и спекулянта, исследования Е. В. Демчик представляют отличную картину. Анализируя судьбы представителей сибирского частного капитала, автор отмечает, что представители «нового» поколения предпринимателей в подавляющем большинстве случаев до революции были связаны с различными видами службы по найму, в том числе в качестве приказчиков торговых предприятий (40 %). Они имели опыт и навыки коммерции, но не владели капиталом ранее. Те, кто имел опыт коммерческой деятельности в дореволюционную эпоху, были в очевидном меньшинстве – лишь 15 % предпринимателей удалось в какой-то форме возобновить свое дело. Остальные же сибирские торговцы и промышленники 1920-х гг. не занимались в прошлом коммерческой деятельностью[484]. Отметим, что часть представителей «новых» предпринимателей формировалась из демобилизованных красноармейцев, домашних хозяек, «сокращенных» служащих, которые хватались за торговлю как за единственный способ выживания в условиях безработицы.

К 1926 г. предпринимательские слои в Сибири насчитывали около 119 тыс. чел. (25,4 % самодеятельного городского населения). Из них собственно «новой буржуазии» (использующей наемный труд) – около 22 тыс. чел. (4,9 %), что было вдвое выше

[484] *Демчик Е. В.* Нэпманы: социально-профессиональные характеристики (на материалах Сибири) // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. 2014. № 41. С. 198.

общесоюзного показателя (2,5 %)[485]. Это объяснялось более слабым контролем государства на периферии и разреженностью городской сети.

Однако уже в конце 1920-х годов государство развернуло масштабную кампанию по ликвидации частного предпринимательства. Она велась комплексно: административный нажим и экономическое вытеснение (через налоги и кредитную политику) дополнялись активным замещением частной торговли государственной и кооперативной, а также методами социальной инженерии, включая ужесточение законодательства о «лицах, лишенных избирательных прав». Шло ужесточение уголовного законодательства (о чем подробнее было сказано в главе 2). Переломным моментом стал хлебозаготовительный кризис зимы 1928 г. и поездка Сталина в Сибирь, после которого применение 107-й статьи УК РСФСР стало нормативной основой репрессий по отношению к частному капиталу. По данным Демчик, легитимизация репрессий «сверху» находила свою социальную базу «снизу» (например, введение «ударных бригад» из рабочих для проверки недоимщиков). Практиковались ночные обыски с целью найти скрытые доходы. Одновременно прошли «чистки» финансовых органов и госучреждений от «связавшихся с частником» сотрудников (в сибирских филиалах Госбанка уволили 87 чел.)[486].

Усиливалась стигматизация и социальная эксклюзия: дети «лишенцев» (в том числе предпринимателей) исключались из вузов, не могли получать школьное образование. Стигматизированные не могли быть призваны в Красную Армию (ключевой социальный лифт эпохи). Предпринимателей выселяли из кооперативных и муниципальных домов, устанавливая для них заведомо неподъемные тарифы за жилье.

Так, по данным Статистического справочника, на 1 января 1929 г. по всему Сибирскому краю насчитывалось всего 3507 частных заведений (против 8264 кооперативных и 1845 государственных). При этом до 1 января 1929 г. закрылось 1168 частное заведение, а открылось в 1929 г. только 194 (в кооперативном закрылось 91, открылось в 1929 г. – 228, в государственном закрылось 53, открылось в 1929 г. – 76). Это соотношение (закрытие частных учреждений относительно государственных и

[485] Там же. С. 200.
[486] *Демчик Е. В*. Частный капитал и государственная власть в Сибири на исходе НЭПа // Историко-экономические исследования. 2006. Т. 7, № 2. С. 112–113.

кооперативных – в 8 раз больше) демонстрирует целенаправленное сворачивание частного сектора[487].

На пике нэпа, в 1926–1927 гг., в городах и поселках городского типа действовало 9441 частное розничное заведение, в сельских местностях – 4899. Уже в следующем, 1927–1928 году ситуация кардинально изменилась, ознаменовав начало форсированного свертывания частного сектора. Число частных розничных точек в городах сократилось до 7210 (76,3 % от 1926–1927 гг.), а на селе упало до 3155 (64,4 % от 1926–1927 гг.)[488]. Для оптовой торговли характерны те же тенденции: из 65 оптовых заведений, работавших в 1926–1927 гг., к 1927–1928 гг. уцелело лишь 23 (35,3 %)[489].

Цифры оборота подтверждают, что частник не просто закрывался, но и стремительно терял экономическую долю рынка. Оборот частной торговли (розница) сократился с 121 728 тыс. руб. в 1926–1927 гг. до 83 313 тыс. руб. в 1927–1928 гг. (68,4 % от предыдущего периода). В оптовой торговле этот процесс выглядел следующим образом: с 5492 тыс. руб. в 1926–1927 гг. до 2262 тыс. руб. в 1927–1928 гг. (41,1 % от предыдущего периода)[490].

Еще более красноречивы данные, свидетельствующие об изменении структуры торгового оборота в процентах. Во всей торговле (опт + розница) Сибирского края доля государственной торговли с 1926–1927 гг. по 1927–1928 гг. снизилась с 35,9 до 29,2 %, тогда как доля кооперации, напротив, резко выросла – с 54,3 до 65,7 %, превратив ее в доминирующую силу на рынке. На этом фоне доля частного сектора упала с 9,8 до 5,1 %. Показательно вытеснение частника из розницы, где он прежде чувствовал себя наиболее уверенно. В Новосибирске доля частной розницы упала с 24,2 до 14,6 % от всего рынка, в прочих окружных городах – с 33 до 21,7 %, в прочих городах и поселках городского типа – с 23,8 до 6,2 %, в сельской местности – с 8,8 до 3,9 %[491].

Данные по розничным ценам показывают, что частный сектор, пытаясь выжить, оказался в жестких ценовых тисках. На протяжении 1928–1929 годов цены в частной

[487] Сибирский край: стат. справочник… С. 488–489.
[488] Там же. С. 493.
[489] Там же. С. 500–501.
[490] Там же.
[491] Там же. С. 506–507.

торговле росли значительно быстрее, чем в обобществленном секторе. Согласно данным по движению индекса розничных цен по 20 городам Сибирского края, с октября 1928 г. по октябрь 1929 г. индекс обобществленной торговли вырос с 1,85 до 1,95 (105,4 % к предыдущему показателю), частно-лавочной – с 2,23 до 3,24 (145 %), базарной – с 2,15 до 3,99 (185,5 %)[492]. Продукция частного сектора дорожала, что делало ее неконкурентоспособной в условиях нарастающего дефицита и государственного регулирования цен.

Еще более разительным был разрыв по конкретным товарам первой необходимости. Так, в Омске 1 октября 1926 г. кооперативный хлеб стоил 15 копеек за килограмм (как и в частном секторе). На 1 октября 1929 г. в Омске кооперативный хлеб стоил 11 коп./кг, в частном секторе – 61,5 коп./кг (т. е. более чем в 5,5 раза). В Новосибирске ситуация та же: кооперативный хлеб за этот же период подешевел с 14,5 коп./кг до 12,5 коп./кг (здесь известны данные за июль 1929 г., а не за октябрь 1929 г.), в частном секторе цена изменилась с 20 до 70 коп./кг (в 3,5 раза). В Иркутске аналогично: кооперативный хлеб стоил 20 коп./кг в октябре 1926 г., в июле 1929 г. – 14 коп./кг (за октябрь 1929 г. нет данных), в частном секторе хлеб стоил 24,3 коп./кг в октябре 1926 г., а в октябре 1929 г. уже 80 коп./кг (в 3,2 раза)[493]. Те же тенденции характерны и для других продуктов (говядина, сливочное масло и пр.).

Такой рост цен в частном секторе был прямым следствием административного и экономического нажима партийного государства. Частные торговцы получали товар по более высоким оптовым ценам, зачастую с перебоями, и были вынуждены задирать розничную цену, чтобы покрыть издержки. Это, в свою очередь, еще больше отпугивало покупателя, замыкая порочный круг и ускоряя окончательное вытеснение частника с рынка.

Финансовая система оказалась практически полностью закрыта для частного предпринимателя. Данные сберегательных касс показывают, что на октябрь 1929 года в Сибирском крае насчитывалось 432,6 тыс. вкладчиков – физических лиц (в городах и сельских местностях), а также 11,6 тыс. юридических лиц. Однако социальный состав

[492] Там же. С. 534–535.
[493] Там же. С. 550–553.

вкладчиков включает только рабочих, крестьян, служащих и лиц свободных профессий. Частные торговцы и промышленники как особая категория вкладчиков – физических лиц в сберкассах уже не фигурируют. Что касается юридических лиц, то, по-видимому, подавляющее большинство из 15 тыс. счетов принадлежало кооперативным и государственным организациям – частный бизнес к 1929 году утратил возможность легально держать средства в сберкассах[494].

Еще более жесткая картина складывается в сфере кредитования. Согласно балансу задолженности по краткосрочным кредитам на 1 октября 1929 г., местная кооперация активно кредитовалась и должна была банкам 56 080 тыс. рублей. Государственная промышленность и торговля имели задолженность в 23 903 тыс. и 36 695 тыс. рублей соответственно. На этом фоне цифра задолженности частных лиц – всего 1 тыс. рублей – выглядит статистической погрешностью. Эти данные неопровержимо доказывают, что частная торговля к концу 1920-х годов не получала ни новых ссуд, ни рефинансирования. Финансовые инструменты были недоступны частным предпринимателям Сибири.

Категория разного уровня предпринимателей к концу 1920-х гг. фактически исчезла из социальной палитры. Ликвидация данной социальной группы осуществлялась прежде всего через уничтожение самой возможности автономного существования вне сферы влияния партийного государства. Важнейшим инструментом этой политики стали методы социальной инженерии, и в первую очередь – институт лишенчества, окончательно закреплявший правовую и социальную изоляцию предпринимателей. Главным результатом политики стали реализация эгалитаристских установок, уничтожение автономных от государства экономических структур и утверждение безальтернативной модели развития, где монопольное положение заняла кооперация. Цена этого успеха оказалась высока: ликвидация гибкой торговой сети, нарастание дефицита, переход капитала в подполье и разрушение горизонтальных социальных связей.

Если категория предпринимателей к концу 1920-х гг. была фактически ликвидирована, то категория ***служащих***, напротив, переживала этап бурного

[494] Там же. С. 622–623.

количественного роста и качественной трансформации, становясь основным проводником государственной политики на местах. Удельный вес женщин в составе лиц умственного труда достиг 36,9 %. К 1926 г. состав интеллигенции стал «моложе»: доля людей не старше 30 лет составляла 49,6 %. 2/3 специалистов работали в сферах управления и культуры. Количество учителей в Сибири послереволюционного десятилетия увеличилось в 1,5 раза, в деревне – в 2 раза. Росло число специалистов, работающих в сфере сельского хозяйства: к 1928 г. в составе земельных органов Сибирского края работало почти 3 тыс. агрономов, ветеринаров, фельдшеров, лесоводов и др. С 1923 по 1927 г. участковый агроперсонал вырос почти в 5 раз. По сравнению с дореволюционным временем, к 1927 г. стало вдвое больше врачей, в 1,5 раза – фельдшеров. В сельской местности Сибирского края работали 24 % врачей и 69,4 % фельдшеров[495].

Однако образовательная инфраструктура региона не справлялась с нагрузкой по подготовке специалистов. С 1920 по 1928 г. вузами региона подготовлено порядка 6 тыс. специалистов, из них почти треть – выпускники Томского университета[496]. С началом индустриализации особое значение приобрели специалисты, инженерно-технические работники (ИТР) – ключевые кадры, обеспечивавшие реализацию новых промышленных и инфраструктурных проектов. Необходимы были кадры в сфере образования и культуры – спрос был настолько высок, что даже возрастающий темп подготовки специалистов не удовлетворял потребностей экономики и культуры. Обеспечение квалифицированной медицинской помощью составляло в различных регионах Сибири 30–70 % от нормы РСФСР, обеспечение сельскохозяйственными специалистами – 35–65 %[497]. По уровню обеспеченности промышленными инженерами Сибирь значительно отставала от показателей страны в целом, что вполне объяснимо – форсированная индустриализация происходила на территории с отсутствием промышленной инфраструктуры (как в трудовом, так и в материальном смысле). В исследуемый период активно шел процесс формирования научно-педагогических кадров (НПК) высшей школы. Численность НПК с 1928 по 1934 г. возросла с 0,8 тыс. до

[495] *Красильников С. А., Холявченко Д. С.* Интеллигенция Сибири // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Институт истории СО РАН; Издательство Историческое наследие Сибири / гл. ред. В. А. Ламин, редкол. С. С. Букин и др. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 633.
[496] Там же.
[497] Там же.

2,4 тыс. чел. Преобладали лица в возрасте 40–60 лет; число партийцев составляло 2–3 %; доминировали русские (ок. 90 %); представители естественно-научных дисциплин и общественных находились в пропорции 9:1. К середине 1930-х гг. увеличится число партийцев и комсомольцев в составе НПК, составив более 20 % к сер. 1930-х гг.[498]

В доктринальных координатах большевистское руководство не рассматривало специалистов как часть своей социальной базы и сдерживало для них прием в партию, в сфере профессионального образования продолжало политику «пролетаризации»/позитивной дискриминации, сфера защиты профессиональных прав для ИТР была сужена. В то же время функциональное место и роль ИТР в сфере материального производства не могли быть изменены, хотя предпринимались уже во второй половине 1920-х гг. попытки замещения когорты «старых» специалистов новыми – «красными» спецами из рабоче-крестьянской среды.

Рассмотрим положение специалистов на примере инженерно-технических работников с опорой на документацию Сибирского межотраслевого бюро инженеров и техников (СМБИТа). Ударные темпы производства и дефицит специалистов приводили к тому, что рабочий день зачастую превышал нормативные сроки, практиковались переработки («Специалисты, работая заведующими ремонтными мастерскими, днем работают по ремонту, а ночью выезжают с бригадой на полевые работы…[499]»), а условия труда нередко были связаны с нарушением техники безопасности. Не хватало и технической литературы на производствах, ее приходилось «выбивать с боем»[500].

Инженерно-технических работников активно включали в кампании по ударничеству, социалистическому соревнованию. Соответствующим образом работал и агитпроп: «Только два пути есть для инженерно-технического работника – это беззаветно преданное отношение к социалистическому строительству и активное участие в нем или прямое и косвенное вредительство. Середины никакой нет[501]». «Не должно быть ни одного инженера, техника, мастера, стоящего в стороне от

[498] Там же. С. 636.
[499] ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 225. Л. 27.
[500] ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 225. Л. 4.
[501] Нет места «нейтральности» // Советская Сибирь от 30 мая 1931 г.

революционного почина рабочего класса[502]». Отметим здесь нетерпимость и даже недопустимость к поведению неактивистского типа, черты тотальности[503] производственного коллектива.

Эта тенденция проявлялась и на практике. Так, из протокола № 4 совещания актива городских ИТС (инженерно-технических секций) при Иркутской ОМБИТ от 29 октября 1929 г. следует: «1. Считать необходимым развертывание соц. соревнования среди специалистов и максимальное вовлечение их в него, путем заключения соц. договоров, как между отдельными секциями, так и отдельными специалистами <…> 2. Сроками, к которым должна быть закончена работа по заключению соц. договоров, установить: для секционных договоров – до 20/XI, для индивидуальных договоров – I/XII, *с условием охвата последними 100 % специалистов* (курсив наш. – *Е. И.*), которые будут находиться в это время в городе[504]». В этом же документе мы видим практику мобилизации и на другие кампании: «Считать для всех членов секций обязательным участие в отчислениях на организацию фонда обороны и подарки ОДВА [Особая Краснознаменная Дальневосточная армия] к дню празднования Октябрьской Революции, проведя агитацию среди ИТР за участие в этих отчислениях[505]».

Из протокола № 28 расширенного заседания ОМБИТа при Томском ОПБ от 1 ноября 1929 г.[506] следует, что задачами ИТР в соцсоревновании были: включение в соцсоревнование со своими рабочими, помощь изобретателям-выдвиженцам, экономия стройматериалов, уменьшение прогулов и пр. Часть подобных практик была прописана в проектах социалистических договоров. Так, в одном из них было указано, что ИТР должны были «организовать тех. помощь выдвиженцам-рабочим, работающим на предприятии, прикрепив с этой целью к каждому из них по одному из опытных специалистов и проверяя систематически работу, проводимую ими с выдвиженцами[507]». Инженерно-технические работники должны были «не только выполнять задание, они должны быть техническими творцами, постоянно будируя свою творческую мысль на

[502] Резолюция II-ого пленума СМБИТ'а по докладу о социалистическом соревновании от 27 июня 1929 г. // ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 140. Л. 37.
[503] *Чешков М. А.* Развивающийся мир и посттоталитарная Россия. М.: Наука, 1994. 171 с.
[504] ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 140. Л. 87.
[505] Там же. Л. 88.
[506] ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 222. Л. 123.
[507] ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 140. Л. 91.

улучшение производства, скорейшего освоение его и избавление от иностранной зависимости[508]».

Несмотря на декларируемые в публичном поле «энтузиазм», «активность» и «рвение», приписываемое инженерно-техническим работникам, включение их в данные кампании носило скорее инструментальный и вынужденный характер. На практике «красной линией» в делопроизводстве Западно-Сибирского краевого межсекционного бюро инженеров и техников (МБИТ)[509] описывается недостаточное участие в соцсоревновании со стороны ИТР. Также в делопроизводстве отмечаются конфликты «старых» и «новых» ИТР, непринятие новых, «молодых» специалистов. По отношению к первым регулярно звучат упреки в «классовой ограниченности», «нейтральности» и «кастовости». К подобным оценкам в делопроизводстве взаимодействия между новым и старым поколениями инженерно-технических работников стоит относиться со скепсисом, однако наличие реальных конфликтов между этими категориями все же можно предположить, имея в виду политику большевиков на раскол интеллигенции в целом, «ускорение перелома». Большевики поощряли критику работы ИТР, отмечая, что подобные мероприятия не относятся к «спецеедству», а являются «оздоравливающей производство» практикой. Поощрялось и «здоровое недоверие» к ИТР[510].

Отмечены и конфликты по линии рабочие/ИТР, тоже во многом стимулируемые большевиками. Этому конфликту способствовала разнонаправленность интересов рабочих и инженеров на производстве. Отлично иллюстрирует это противоречие следующий пример. На лекции по инженерному искусству ассистент Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства Гулышев говорил: «Каменные работы – важное дело, за исполнением их надо следить строго, иначе рабочие подложат вам такую свинью, что сразу найдется место на Тобольской [исправительно-трудовой дом]. Я вот работаю на заводе “Красный Пахарь”, и что же вы думаете? Если я проработаю там еще три года, то окажусь совершенно невменяемым. Вы думаете, что рабочие понимают, что мы строим социализм? Как бы не так. Они понимают то, что им важнее

[508] ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 225. Л. 32.
[509] ГАНО. Ф. Р-531.
[510] ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 225.

заработать больше, чем строить социализм полуголодными. До тех пор они будут делать правильно, пока вы стоите у них над душой, но как только отвернулись от них, так и социализм пошел насмарку, сразу напакостят. С точки зрения рабочего они, конечно, правы. Им важнее зарабатывать больше, но вы поймите, что все эти безобразия, которые творятся рабочими, возлагаются на ответственность инженеров и техников, вот и вам тоже будет[511]». Понятны здесь интересы рабочих, выживающих в тяжелых условиях работы и быта, понятны здесь интересы инженеров, пытающихся сохранить себя, свое положение и статус в условиях подозрений и гонений на специалистов, с одной стороны, с другой – необходимости выполнения своих трудовых обязанностей.

Условия быта инженерно-технических работников в Сибири в конце 1920-х – начале 1930-х годов характеризовались сочетанием элементов относительной обеспеченности и существенных трудностей. Инженерно-технические работники получали выше рабочих заработную плату, обеспечивались жильем и пайком. К сожалению, систематизированных статистических данных о заработной плате ИТР автору обнаружить не удалось. Однако в делопроизводстве Западно-Сибирского краевого межсекционного бюро инженеров и техников можно увидеть некоторую вилку. В докладной записке о работе среди специалистов Западно-Сибирского Краевого Совета профсоюзов от 9 марта 1931 г.[512] указано, что максимально инженер, работающий в отрасли водного транспорта, получает 360 рублей, что «значительно ниже, чем по другим отраслям». В другом блоке той же докладной записке указаны другие данные: оплата труда городских специалистов варьировалась от 200 до 350 рублей. В аналогичной докладной записке, но уже всесоюзного уровня[513], указано, что инженер в Ленинграде получал 480 рублей. Даже если оценивать минимальную стоимость оплаты труда (200 рублей), то мы можем сказать, что эта сумма в несколько раз выше средней заработной платы рабочего (68,2 рубля, раздел 3.2) и минимум в два

[511] Материалы 3-го отделения СО ОГПУ о политическом состоянии интеллигенции и ее антисоветской деятельности. Не позднее конца мая 1930 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. док. в 10 т. Т. 8 в 2 ч. 1930 г. Ч. 2 / отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров, Г. Н. Севостьянов. М., 2008. С. 1143.
[512] ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 225. С. 5.
[513] Выходные данные документа отсутствуют, машинописная копия. Дата создания – по-видимому, начало 1931 г.

раза выше среднемесячного заработка служащих цензовой промышленности (101,22 рубля[514]). К тому же ИТР могли получать премии за рационализаторские мероприятия.

Инженерно-технический персонал должен был быть обеспечен жильем, но на практике и с этим возникали сложности – так, в Новосибирске в начале 1931 г. некоторые инженеры оставались без квартир, Сибстройпуть предоставил своим специалистам помещение с комнатной температурой ниже 0 без предоставления дров. Отмечаются эпизоды с урезанием предоставляемой жилплощади, когда в одну комнату могли селить двух холостых специалистов. Жилищные условия не были благополучны и для иностранных работников, многие среди которых работали на Кузнецкстрое. В делопроизводстве отмечается, что последние «ни на что не жалуются», хотя «единственная жалоба» все же есть – их «заели клопы»[515]. Отметим, на «поднявшийся вой» со стороны ИТР на подобные условия администрации предприятий, как правило, не реагировали, однако отказ выходить на работу со стороны таких сотрудников сдвигал такие процессы с мертвой точки. Встречаются и проблемы со снабжением ИТР. Дефицит продовольственных и промышленных товаров, охвативший сибирские города (подробнее в § 3.2), не обошел стороной и квалифицированных специалистов. Отмечены случаи снятия со снабжения членов семей специалистов, а затем и самих специалистов[516].

Сложность условий труда приводила к высокой текучке кадров ИТР. Последние, в конце концов, были закреплены в трудовом смысле, как и другие социальные группы советского социума. По постановлению ЦИК и СНК от 15 декабря 1930 г. все переводы и переходы специалистов на предприятиях ограничивались и могли производиться только по согласованию между ведомствами и только с необходимыми гарантиями и компенсациями. Это постановление – проявление так называемой борьбы «с летунами», одно из проявлений этатизации социума.

Инженерно-технические работники в процессе этатизации оказались в очень неустойчивом положении, что подтверждается и оценкой контролирующих органов:

[514] Сибирский край: стат. справочник… С. 364–365.
[515] ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 225. Л. 6.
[516] ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 225. Л. 6.

«неудовлетворительное положение в обстановке работы и быта ИТР[517]». С одной стороны, экономическая составляющая предопределяла высокий спрос на эти кадры, их востребованность в различных отраслях производства. С другой, на них сильно влиял политический контекст – на представителей «старых» ИТР легко можно было возложить провалы планов индустриализации («вредительство» и «саботаж»), они находились под постоянным подозрением, не могли самостоятельно распоряжаться своим трудом.

Несмотря на декларирование энтузиазма со стороны ИТР, в делопроизводстве зафиксированы эпизоды публичных и непубличных сомнений в реалистичности планов пятилетки, в адекватности форсированных преобразований. Эти замечания апеллируют к конкретным эпизодам «социалистического строительства» – вопросам снабжения, засева площади, нажима на деревню, климатических условий, темпов и планов строительства и т. д., в них отсутствует оценка политического режима, язык таких высказываний сух, выдержан и аккуратен, иногда встречаются апелляции к Бухарину.

Куда более важный срез настроений касался отношения ИТР к «вредительским процессам» – Шахтинскому (1928 г.) и «Промпартии» (1930 г.). Здесь также в делопроизводстве декларируется полная лояльность ИТР по отношению к происходящему: они берут новые обязательства, ударным трудом подтверждают свою лояльность советской власти, вступают в партию. Однако действия ИТР говорили об обратном. Так, на одном из производственных митингов, посвященном процессу «Промпартии» (конец 1930 г.), из 250 участвующих специалистов было только 15 чел. В целом посещаемость подобных этому мероприятий (собрания, кружки и пр.) со стороны ИТР была невелика, а администрации предприятий приходилось признавать, что «отдельные специалисты были настроены по отношению к обвиняемым [по делу Промпартии] сочувственно и дружески»[518]. Эпизоды открытой поддержки со стороны ИТР обвиняемых автором по понятным причинам не обнаружены.

В этом проявляется действие страха. Об этом рабочие и ИТР говорят в «кулуарах» между собой, в анонимных посланиях и даже в дневниках: «Радуйтесь и веселитесь,

[517] Там же. Л. 38.
[518] ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 225. Л. 18.

инженеры и техники советских учреждений! Голодные, разутые, раздетые, стройте социализм в одной стране! Вздыхать о прошлом не разрешается. Чу! Где-то близко ходит “малиновая шапка[519]” – красная смерть[520]».

Дисциплинирование страхом оказывало серьезное влияние на жизнь и работу ИТР. Встречаются эпизоды, когда к ответственности привлекали десятки специалистов, «не разбирая персонально, кто виноват[521]». Иногда в таких ситуациях помогало заступничество ОМБИТ’а. Так, в Кемерово главный инженер строительства Коксобензольного комбината был приговорен за случай аварии к 10 годам лишения свободы, после опротестования приговора в Верховном Суде со стороны ОМБИТ’а, наказание было заменено 1 годом условного осуждения. Впрочем, такие ситуации скорее исключение. ИТС, например, боялись браться за защиту «даже вполне справедливых требований и нужд ИТР, чтобы не взять как-нибудь под свою защиту “вредителя”[522]».

Впрочем, когда репрессии против ИТР угрожали производственным процессам, их масштабы сокращались, давались директивы к пересмотру судебных дел в сторону смягчения приговоров или полного освобождения обвиняемых. В Кузнецком округе более половины дел, возбужденных против специалистов в 1928 г., было прекращено или завершилось оправданием ИТР. Из 54 дел, заведенных на лиц административно-технического персонала Томской ж. д. в 1927–28 гг., более 30 дел завершилось их прекращением или оправданием ИТР. В 1931–32 гг. в ходе прокурорских проверок в Восточно-Сибирском крае оправдано за необоснованностью обвинения около 1/3 привлеченных к суду специалистов-производственников[523].

В делопроизводстве ОГПУ отношение специалистов разного рода к агитационным кампаниям указано как «сдержанное», «выжидательное». Они стараются не участвовать в подобных мероприятиях, скептически относятся к транслируемой пропаганде. Кризис на КВЖД 1929 г. ими оценивается как угроза не только СССР, но власти большевиков в

[519] Малиновая шапка (или фуражка) была отличительной частью формы сотрудников органов ОГПУ, а также позднее НКВД. Она представляла собой фуражку с малиновым кантом или звездой на шлеме.
[520] *Попов И. Я.* «Свои дневники я рассматриваю как оценку рядового гражданина плененной России…». URL: https://corpus.prozhito.org/person/54 (дата обращения: 02.06.2025).
[521] ГАНО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 225. Л. 37 об.–38.
[522] Там же.
[523] *Красильников С. А., Холявченко Д. С.* Интеллигенция Сибири… С. 635.

целом: «Везде будет фронт и везде будет тыл[524]», имея в виду возможную гражданскую войну внутри страны.

В редких высказываниях специалистов заметны проявления кризиса легитимности власти большевиков: «Наша “знаменитая” Красная Армия не выдержит даже китайцев. Ведь это не период гражданской войны, когда еще были иллюзии и надежды, а теперь только отвращение, сознание гнета существующей власти, тяжелой жизни, внутреннего разложения <…> каждый красноармеец – это крестьянин, а крестьяне ненавидят Соввласть[525]», «В случае войны СССР погибнет[526]».

Позицию специалистов по отношению к власти отлично отражает мнение преподавателя Томского университета Галахова на заседании предметной комиссии в Сибирском технологическом институте по поводу новых методов учебы: «Методологическая спекуляция и перекраивание тришкиного кафтана нам не нужны. Мы должны прямо сказать: “Товарищи, оставьте нас в покое и не мешайте работать”[527]». Представители «старой» интеллигенции сходились на признании новой государственности и необходимости сотрудничества с советскими органами, используя, впрочем, имеющиеся возможности для отстаивания принципов автономности профессиональной деятельности, складывания неформальных групп и защиты материального положения путем участия в забастовочном движении[528].

В отличие от высказываний ИТР, у служащих меньше конкретики в критике тех или иных мероприятий, эти высказывания более эмоциональны, звучат резче, присутствует национальный дискурс (большевики – «евреи, жиды»), большевистская власть оценивается как «иго», вероятные военные действия с Китаем и вмешательство интервенции – как «освобождение». Внутренняя политика большевиков описана так: «пан или пропал[529]», что очень точно характеризует процесс радикальной этатизации.

---

[524] ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 12. Л. 202. Автор: «Данилевский, зав. лесным отделом Томского политехникума».
[525] Там же. Л. 212. Автор: «специалист Синицын, член Окрплана, г. Томск».
[526] Там же. Л. 213. Автор: «специалист 6-го уч. пути Томск. ж. д.».
[527] Материалы 3-го отделения СО ОГПУ о политическом состоянии интеллигенции и ее антисоветской деятельности. Не позднее конца мая 1930 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. док. в 10 т. Т. 8 в 2 ч. 1930 г. Ч. 2 / отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров, Г. Н. Севостьянов. М., 2008. С. 1144.
[528] *Красильников С. А., Холявченко Д. С*. Интеллигенция Сибири… С. 634.
[529] ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 12. Л. 199. Автор: «Соловьев, беспартийный, служащий Союззолота».

Темы голода, тяжелых условий труда, неадекватности аграрной политики – ключевые в их высказываниях. Активизм здесь также вынужденный: «Все идут на демонстрацию лишь потому, чтобы не потерять службу. На митинг заставляют идти насильно, а не потому, что ты желаешь идти[530]», отчетливо проявляется действие страха, детерминирующего социальное поведение: «Не участвуй [–] так сразу же за контрреволюционера согнут и со службы выгонят»[531], очевидна усталость от лицемерия пропаганды, неверие власти: «Ну их к черту с этими торжественными собраниями, да демонстрациями – надоело все это всем, и если кто их посещает, то поневоле[532]».

Возможная война с Китаем с точки зрения служащих также может привести к внутренним конфликтам. Но вместе с редкими реваншистскими тезисами встречаются рациональные опасения возвращения красного террора большевиков: «Если большевики почувствуют, что им придется уходить, то вспомните слова Троцкого: “Уходя, мы так хлопнем дверью, что мир содрогнется”[533]».

Дисциплинирующее влияние на жизнь ИТР и служащих оказывали не только кампании по борьбе с «вредительством». Процесс этатизации сопровождался усиливавшимися чистками. Чистки естественным образом приводили к актуализации практики выдвиженчества. Так, по завершении «генеральной чистки» 1929–1931 гг. в госаппарате Сибири работало более 16 тыс. выдвиженцев[534].

Здесь не было и не могло быть протестного потенциала в открытых формах, как это делали рабочие (забастовки) или крестьянство. Речь могла идти только о защитных действиях. Отметим, что в рамках этой защиты реакции рабочих и специалистов различны в случаях проявлений «спецеедства»: увольнение (за угрозы) или уголовное разбирательство (в случае актов насилия рабочего в отношении специалиста) вызывало сочувственное отношение или даже стихийные протесты в рабочей среде в защиту тех, кто это совершал (маркер солидарности). Что же касается ИТР, то с момента форсированной кампании «борьбы с вредительством» ни профсоюзной, ни групповой солидарности в данной корпорации не проявлялось.

---

[530] Там же. Л. 224. Автор: «Большаков, служащий Союзхлеба».
[531] Там же. Л. 41. Автор: «служащий, г. Новосибирск».
[532] Там же. Л. 41. Автор: «служащий, г. Новосибирск».
[533] Там же. Л. 201. Автор: «учитель Сапожников, ст. Канск».
[534] *Красильников С. А., Холявченко Д. С.* Интеллигенция Сибири… С. 635.

Пространство производства становилось местом двух конфликтов – старого (рабочие-специалисты) и нового межпоколенческого (молодое индоктринируемое поколение и более старшее, личностно сформированное в дореволюционное время). У первого конфликта имелись глубокие корни и традиции – «спецеедство», или интеллигентофобия со стороны массы рабочих с дореволюционного периода. В послереволюционный период интеллигентофобия получила новую почву и обоснование – специалисты воспринимались как часть новой системы эксплуатации рабочих. Рабочие, таким образом, воспринимали и осознавали в своих категориях разрыв между идеологией и пропагандой, возводившей рабочих в политическом плане иерархически выше инженеров, но в социальном плане (оплаты труда, условий труда и быта и т. д.) рабочие оказывались в координатах структур повседневности ниже специалистов, а в функциональном отношении на производстве они оказывались в полном подчинении ИТР, которые в данной сфере объективно сохраняли свою субъектность.

Такого рода «разрывы» между доктриной, пропагандой и реальностью не просто создавали и воспроизводили социальные конфликты (которые имели под собой в основе сочетание и реалистичных, и нереалистичных конфликтов), они становились инструментом социальной инженерии. Имеем в виду позиции и политику большевиков в данном конфликте – либо действовать через поиски компромиссов, соглашений, уступок обеим сторонам конфликта, либо идти по пути обострения конфликта. Большевики шли по второму пути, объявив в качестве очередного внутреннего врага «буржуазных спецов – вредителей». Здесь обнаруживается синхронность радикальному решению крестьянского вопроса («кулацкая угроза» и «Шахтинский процесс»). Стимулируемый антагонизм между социальными группами способствовал укреплению власти большевиков, атомизации и этатизации социума. Дисциплинирование страхом, манипулирование и стимулирование конфликтов ослабляло социум, подавляло любые попытки противостояния со стороны последнего, усиливало власть большевиков.

Особым социальным статусом в социальной структуре городского населения обладало ***студенчество***, будучи в силу социальной мобильности переходной категорией для последующего перехода в те или иные профессиональные корпоративные группы специалистов. В общих переписях 1920-х гг. студенчество,

обучавшееся в специальных учебных заведениях и вузах Сибири, относилось к категории «учащиеся».

Безусловно, ядром учащейся молодежи являлись студенты высших учебных заведений, для которых характерно наличие своей переходной категории – учащихся рабфаков. Территориальное размещение студенчества по состоянию на 1927/28 уч. г. представлено следующими данными: всего в вузах региона обучалось 6987 чел., или 6,5 % от числа студентов в РСФСР. На тот момент действовали два вуза в Томске (университет и технологический институт) с численностью студентов 3071 чел., университет в Иркутске с численностью в 2050 чел. и три вуза в Омске (медицинский, ветеринарный, сельскохозяйственный) с численностью в 1866 чел. В рабфаках Сибири в том же учебном году обучалось 1713 учащихся, что составляло около 5 % рабфаковцев в республике. Хотя в сравнении с дореволюционным периодом численность сибирского студенчества выросла почти втрое за счет создания ряда новых вузов, однако в целом показатели доли студентов и рабфаковцев в регионе оказывалась значительно ниже соответствующих общереспубликанских показателей. Этот показатель коррелирует с долей населения Сибкрая в населении республики, которая на тот период была 8,7 %[535].

Следует учитывать, что техникумы в территориальном размещении практически оказывались дислоцированными в вузовских городах и окружных центрах региона (Томск, Омск, Иркутск, Новосибирск, Красноярск). По состоянию на ноябрь 1929 г. учащихся техникумов в регионе насчитывалось 11285 чел., в том числе: Омск (2087 чел.), Новосибирск (1573 чел.), Томск (2926 чел.), Красноярск (1090 чел.), Иркутск (1873 чел.), а также в небольшом количестве в Барнауле, Бийске, Кузнецке и других окружных центрах. Таким образом, на 1000 жителей (всего Сибкрая) приходилось в среднем 94 студента вузов и рабфаков, студентов техникумов – 116 на 1000 жителей.

На протяжении 1920-х гг. социальные характеристики учащихся и студентов претерпели значительную динамику, касавшуюся каналов их пополнения вследствие реформ в сфере среднего специального и высшего образования, проходивших после

[535] *Косцова Л. В.* Динамика состава сибирского студенчества в 1920-е годы // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск: Наука, 1980. С. 228, 236–239.

окончания Гражданской войны. Прежде всего речь шла о политике форсированного изменения социального состава обучавшихся, названного «пролетаризацией». Другим важнейшим вектором общего направления по советизации профессионального образования выступало наращивание в составе учащейся молодежи доли партийно-комсомольских кадров. Эти факторы влияли на динамику социального состава учащейся молодежи. К 1928 г. доля «рабоче-крестьянской» учетной группы во всех сибирских вузах приближалась к половине состава или даже в ряде вузов несколько выше. В то же время, несмотря на доктринальную установку «пролетаризации» состава учащейся молодежи, доля в ней выходцев по своему социальному происхождению и положению (статусу) из среды интеллигенции и служащих составляла от половины и более студентов. Более показательным с позиций директивных установок на советизацию вузовской молодежи и их реализации являлось повышение доли в ней партийцев и комсомольцев на 1928 г. (30,5 %), что оказывалось немногим ниже, чем республиканские показатели. Для учащихся рабфаков данный показатель (81,7%) хотя и оставался высоким, однако повышенный отсев рабфаковцев в процессе дальнейшего их вузовского обучения создавал ограничения для реализации директивных установок по наращиванию подготовки «красных специалистов» и по составу, и по мировоззрению[536].

Ряд современных историков подчеркивает, что процессы в студенческой среде оказывались разнонаправленными, поскольку доктринальная установка на масштабную «пролетаризацию» и «советизацию» студенчества не была в состоянии преодолеть и разорвать преемственность, связанную с предреволюционными процессами демократизации высшей школы. Последние, хотя и в деформированном виде, проявляли себя на протяжении 1920-х гг.: границы между «старой профессурой и «красным» студенчеством оказались пластичными, а избираемые ими ролевые модели зачастую не соответствовали ожидаемым стандартам»[537]. Авторы справедливо отмечают, что, несмотря на остроту конфликтов, особенно рельефно проявлявшихся в отношениях рабфаковцев к осуществлявшей их образовательную подготовку

[536] Там же. С. 242–248.
[537] *Степнов А. О., Некрылов С. А*. «Пролетаризация» в раннесоветской высшей школе: опыт Томского университета // Уральский исторический вестник. 2023. № 1. С. 65.

«реакционной профессуре», даже наиболее «советизированная» часть учащейся молодежи проникалась пониманием ценности уровня профессионализма профессуры[538].

Накануне событий «Великого перелома», несмотря на неоднородный социальный состав с позиций поведения, в студенчестве формировались и воспроизводились два основных типа: тип студента-«академиста», стремившегося к успеваемости в учебе и возможностям получения навыков в будущей профессии, что оказывалось присуще не только для выходцев из «непролетарских» слоев, но и из рабоче-крестьянской среды; другой формировавшийся полюс представлял тип студента-«общественника», не всегда преуспевавшего в учебе, но активно занимавшегося общественной деятельностью в комсомоле, профсоюзе и других общественных структурах. Найти баланс между академической успеваемостью и социально-политическим активизмом оказалось крайне сложно, хотя в периодически осуществлявшихся в 1920-е гг. «чистках» студенческого состава от учащихся требовали сочетать оба признака.

Как и в дореволюционную эпоху, студенчество в раннесоветский период относилось к социально уязвимой категории населения по своему статусу, прежде всего по финансовому и материально-бытовому положению. Студенты оказывались в значительной своей массе плативши ми за свое обучение, которое составляло в год значительную сумму от 50 до 200 руб. в зависимости от профиля учебного заведения. Стипендиальное обеспечение затрагивало не более трети обучавшихся (в Томском университете за 1927/28 учебный год на почти 1,5 тыс. студентов стипендий имелось всего 545 с диапазоном от 20 до 40 руб.). Следует учесть также, что при распределении стипендий приоритет отдавался «своим» (по признакам членства в партии/комсомоле и социального происхождения)[539]. Столь же остро стоял бытовой вопрос: размещение в общежитиях удовлетворялось также для меньшей части студенчества, но и здесь распределение осуществлялось прежде всего в отношении «своих». Большинству иногородних студентов приходилось снимать жилье в частных домах, на что уходило до 10 руб. в месяц. Студенческие столовые в случае трехразового питания в них обходились почти в 20 руб., поэтому в основном студенчество только обедало[540]. Покупка питания в розничной торговле оказывалась доступной только небольшой части

[538] Там же. С. 70.
[539] *Некрылов С. А., Фоминых С. Ф., Шандала Д. Е.* Студенты медицинского факультета Томского государственного университета (1920–1930-е гг.) // Сибирский медицинский журнал. 2014. Т. 29, № 2. С. 94.
[540] Там же. С. 95.

студенчества. Финансовая и бытовая неустроенность являлась значительным фактором, определявшим высокий отсев из вузов.

Период «Великого перелома» для студенчества ознаменовался объявлением в начале 1929 г. «чистки» вузов, которая вполне органично входила в проходившую так называемую генеральную чистку аппаратов управления государственных, кооперативных и общественных организаций. В определенной мере вузовская «чистка» воспроизводила технологию и установки отмеченной кампании. «Вычищенным» предоставлялась возможность апеллировать в крайОНО. Исследователи, проанализировавшие «чистку», проходившую в Томском университете, отмечают, что последняя проводилась уже в рамках провозглашенной сталинской доктрины «о дальнейшем обострении классовой борьбы» с переносом ее на вузовскую почву, обусловив деятельность комиссий в двух направлениях, выявляя не только «классово чуждых», но и «идеологически неблагонадежных» элементов в среде «своих» (активистов, не соответствовавших нормативным идеологическим установкам). Ситуация обострялась из-за того, что с 1926 г. резко расширился круг «лишенцев» за счет включения в их состав членов семей, в том числе детей, достигших 18-летнего возраста, что явилось основанием объявлять «лишенцами» и исключать из состава студентов тех, кто становился таковыми из-за своей принадлежности к дискриминированной семье[541].

Основным фактором, резко изменившим жизнедеятельность студенчества в изучаемый период, явилась проводившаяся с 1929 г. реформа всей вузовской системы, связанная с форсированным наращиванием численности вузов технического профиля (втузов) для нужд индустриализации. Продлившаяся более пяти лет реформа совмещала в себе два разнонаправленных процесса, один из которых состоял в стремительном росте вузов инженерно-технического профиля с сокращенным сроком обучения в них; другой заключался в дроблении крупных сложившихся вузов на ряд мелких, зачастую на базе одного из факультетов, с передислоцированием новых вузов из «старых» городов-центров в другие города региона. Эти процессы приводили к росту численности студенчества. Если в 1927/28 уч. г. в вузах региона обучалось около 7 тыс.

[541] *Фоминых С. Ф., Шандала Д. Е.* «Чистка» студентов в Томском государственном университете в конце 1920-х гг. как элемент пролетаризации высшей школы // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 177–182.

студентов, то через пять лет произошло их утроение. Доля студентов технических вузов в составе студенчества за тот же период возросла с 28,9 до 46,6 %. В течение с 1929/30 по 1931/32 уч. г. вузы региона выпустили около 5 тыс. специалистов, почти столько же, что за период с начала 1920-х гг. до реформы[542]. Так, на базе Сибирского технологического института (Томск) было создано восемь институтов различного технического профиля в четырех городах (Томск, Омск, Новокузнецк, Новосибирск), Иркутский университет в 1930 г. в результате аналогичных преобразований лишился своих факультетов, что через год потребовало его возрождения на близкой к прежней основе. Большинство узкопрофилированных небольших вузов впоследствии было реорганизовано либо прекратило свое существование. Более рациональным и обоснованным оказалось решение о выделении из состава университетов медицинских и педагогических факультетов с преобразованием в самостоятельные вузы[543].

В рамках реформы новый импульс приобрела политика «пролетаризации» и «советизации» студенчества. В частности, директивно требовалось в кратчайшие сроки поднять долю «орабочивания» студенчества в технических вузах до двух третей, а в сельхозвузах довести рабоче-крестьянскую долю среди студентов до трех четвертей. За достижением данных показателей к концу пятилетки потребовалось значительно снизить качественный уровень поступавших в вузы. «Классовый принцип» вновь доминировал в качестве приоритетного, хотя опыт реформ 1920-х гг. показывал необходимость ставить во главу угла не происхождение, а реальный уровень знаний поступавших в вузы. Подкрепление доктринального посыла о том, что государство должно иметь «своих» специалистов по генезису и мировоззрению, вызывал к жизни привычную мобилизационную кадровую кампанию – в 1929 г. объявлялся набор «1000» коммунистов для учебы в вузах, который повторялся несколько лет.

Студенчество времен «Великого перелома» переживало трудности своего финансового материально-бытового положения в не меньшей степени, нежели в 1920-е гг. Размеры стипендий не обеспечивали даже минимального обеспечения уровня жизни на фоне роста инфляции и цен на продовольствие и предметы первой необходимости. С

[542] *Красильников С. А., Холявченко Д. С.* Интеллигенция Сибири… С. 634.
[543] *Нилов В. З., Терюшков Г. А.* Университетское образование в Сибири (1917–1941 гг.) // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск: Изд-во «Наука», 1980. С. 259–261; *Баландина Л. Г., Пыстина Л. И.* Высшая техническая школа Сибири в годы социалистического строительства // Там же. С. 283–284.

переходом на нормированное снабжение продовольствием и промтоварами студенты хотя и приравнивались в получении пайков к рабочим, однако нормы продовольствия рассчитывались как на членов семей рабочих. Централизация фондов снабжения действовала с перебоями, и студентам нередко доводилось более устойчиво питаться в ходе производственной практики или в летних экспедициях. В то же время экстремальные условия времени сказывались и здесь: студенты сельхозвузов и техникумов вовлекались в проведение кампании коллективизации в деревне, студенты-медики направлялись в районы вспышек эпидемических заболеваний и т. д., становясь частью мобилизационных ресурсов власти.

Обратимся к категории ***безработных***. Феномен безработицы и ее устойчивость в 1920-е гг. требуют рассмотрения в двух измерениях – политическом и экономическом. В политическом смысле наличие безработицы в СССР противоречило доктрине о том, что безработица есть неизбежный атрибут капиталистической экономики, но не советской, и воспринималось как наследие прошлого, требовавшее исчезновения в будущем. В контексте реалий экономики безработица носила объективный характер, поскольку полная занятость трудоспособного населения в экономике любого типа невозможна. Само по себе существование и функционирование бирж труда как регулятора в данной сфере имели определенный позитивный смысл и для власти, поскольку в конституционном порядке закреплялась обязанность граждан страны трудиться, поэтому биржи труда выступали инструментом этой задачи – поиска и устройства на работу всех нуждающихся в ней. Возможность получения, пусть и небольшого, пособия по безработице также выступала в качестве обоснования того, что государство оказывает социальную поддержку трудящимся на период обретения устойчивой работы.

Если оперировать усредненными данными, то период между 1926 и 1929 гг. характеризовался в Сибири неизбежными колебаниями между спросом и предложением в сфере труда, сопровождавшийся к тому же сезонными изменениями. В частности, если в среднегодовом исчислении численность безработных, не получивших работу в течение года, составляла в эти годы около 40 тыс. чел., то общие годовые объемы в области предложения труда и спроса на него различались очень значительно год от года. Так, в 1926/27 хоз. г. предложение труда составляло цифру в 114 тыс. чел., тогда

как спрос на труд в различных областях в том же году составил 75,6 тыс. чел., удалось трудоустроить на определенный период 71,4 тыс. чел. Однако уже в следующем 1927/28 хоз. г. спрос на труд (150,4 тыс. чел.) существенно превзошел предложение на него (118 тыс. чел.), а отправка на работу через биржу труда в самый пик (середина года) достигла 48,8 тыс. чел. Еще больший разрыв между спросом на труд и его предложением через биржи труда произошел в 1928/29 хоз. г., когда спрос выразился цифрой в 209 тыс. чел, а предложение составило только 124 тыс. чел. и численность трудоустроенных через биржу в пик сезона составила 64,7 тыс. чел. По гендерному составу доля женщин в составе безработных за тот же период существенно колебалась от 38,7 % весной 1928 г. до 61,6 % осенью 1929 г.[544]

Исследователь данной проблематики Н. А. Потапова отмечает причины, согласно которым биржи труда в регионе не могли в необходимой мере удовлетворить спрос различных секторов экономики, прежде всего на рабочую силу. Так, в ее публикации[545] приводятся результаты обследования работы бирж труда Сибири в июле–сентябре 1927 г., согласно которым неудовлетворенность спроса на труд его предложением происходила по следующим причинам: среди состоявших на учете безработных отсутствовали кадры требуемой производством квалификации (44,5 %); отказ от предлагаемой работы из-за необходимости переезда в другую местность (15,4 %); предложение низкооплачиваемого труда (10,1 %); тяжелые условия труда (6,3 %) и т. д.[546]

Более рельефное представление о структуре безработных дает статистика их распределения по группам профессий. Устойчивой в своем росте оказывалась доля неквалифицированных работников в общей численности безработных – от 25,5 % в 1927 г. до 36 % в 1929 г. И, напротив, квалифицированные рабочие (горнорабочие, металлисты, пищевики, кожевники, печатники и др.) достаточно быстро находили работу. В то же время устойчивыми группами, численность которых не уменьшалась, а росла в указанные три года, являлись некоторые категории служащих, представлявших

[544] Сибирский край: стат. справочник… С. 425–426.
[545] *Потапова Н. А*. Характер безработицы в СССР в 1920-е годы: идеологическая доктрина и экономическая реальность // Исторический Курьер. 2021. № 6 (20). С. 134–141. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ ISTKURIER-2021-6-11.pdf
[546] Там же С. 137.

работников сфер просвещения, здравоохранения, питания, работников строительной сферы. Численно самой крупной профессиональной группой в структуре вставших на учет бирж труда безработных, имевших профессию, выступали совторгслужащие, составляя шестую часть от общей численности безработных[547]. Впрочем, шансы на получение какой-либо работы, и не всегда по специальности, имели безработные, объединившиеся в коллективы, благодаря чему они получали приоритет в посылке на работы. Сам же дневной заработок направленных биржами на те или иные работы выражался достаточно устойчивой цифрой в 1,5 руб. Это было почти вдвое ниже дневного заработка строительных рабочих.

При этом следует учесть, что функционирование бирж труда с 1928 г. все более становилось зависимым не только от экономических факторов колебания между спросом и предложениями в сфере труда, но и от факторов политического характера. Наступило время проведения так называемых чисток состава безработных, в ходе которых переплетались рациональные принципы и дисциплинарные. Среди оснований для снятия с учета выступали: отказ от предложенной работы, если она была не по специальности; отказ от общественных работ (последние носили характер, близкий к трудовой повинности); отказ от работы, связанной с переездом в другую местность, и т. д. Кроме того, в дальнейшем начинали действовать прямые социально-политические дискриминации, перенесенные в сферу труда и занятости: постановлением Наркомата труда от 13 июля 1929 г. требовалось осуществлять отказ в регистрации на биржах труда «лишенцам» и членам их семей[548]. В своей совокупности причин снятие с учета на биржах труда Сибири весной–летом 1929 г. стало принимать ощутимые размеры в несколько тысяч человек по крупным городам[549].

В то же время значение бирж труда как важного инструмента в регулировании рынка труда нельзя преуменьшить, поскольку это был не только весомый индикатор баланса между спросом и предложением в различных сферах занятости, но и в известной степени как одного из показателей уровня социальной напряженности в городах Сибири, который нарастал во второй половине 1920-х гг. Историками

[547] Сибирский край: стат. справочник… С. 428.
[548] *Потапова Н. А*. Характер безработицы в СССР в 1920-е годы… С. 138.
[549] Там же.

отмечается, что застойный характер безработицы служил источником социального недовольства, периодически прорывавшегося в конфликтах и волнениях в безработной массе, усугублявшихся действительным расслоением и дифференциацией в ее среде, связанных с практикой преференций в отношении одних категорий и дискриминациями в отношении других. В условиях, когда рынок труда являлся точкой пересечения экономических и политических факторов, вспышкам недовольства безработных придавалась выгодная для власти их квалификация как имевших антигосударственную направленность[550].

Часть категории безработных составляли те, кто не вписывался в переформатируемую социальную структуру – «бывшие», «обывательщина» (белогвардейцы, торговцы, ростовщики, кустари, даже вступившие в промысловую кооперацию[551], и пр.). К концу 1920-х – началу 1930-х годов часть этих категорий социально и/или физически была ликвидирована, часть из них пыталась интегрироваться в трансформируемую социальную структуру. Большим ударом по этим категориям населения становились перевыборные кампании, в ходе которых представители этих категорий лишались избирательных прав. В Сибири, как регионе с богатой этнической и социальной палитрой, эта практика приобрела особую остроту.

Лишение избирательных прав и влияние этой дискриминационной практики на социальную структуру населения Сибири представляют собой сложную тему для отдельного исследования, поэтому здесь мы лишь тезисно очертим влияние этого процесса на трансформацию социальной структуры сибирских городов. Во-первых, эта практика способствовала укреплению авторитарного режима и предотвращению возможности политической активности «чуждых» слоев населения. Во-вторых, исключение определенных групп из политического процесса приводило к формированию социальной стратификации по признакам лояльности к власти: «лояльные» слои получали доступ к ресурсам и возможностям участия в управлении.

[550] Там же. С. 140.
[551] В конце 1920-х годов промысловая кооперация переживала пик развития. Однако государство использовало кооперацию не столько для интеграции кустарей, сколько для их подчинения и регламентации, жестко контролируя сбыт и цены.

В 1925 г. число «***лишенцев***» в СССР насчитывалось 1 млн 40 тыс. (1,63 % от числа избирателей), РСФСР – 700 621 (1,7 % от взрослого населения), Сибирском крае – 32 931 чел. (0,9 % взрослого нас.). В выборную кампанию 1926/27 гг. численность «лишенцев» в СССР достигла 3 млн, РСФСР – 1 млн 980 тыс., Сибирском крае – 141 тыс. чел.; в 1928 г. – 3 млн 716 тыс., 2 млн 433 тыс., 218 тыс. чел. соответственно[552].

Если в первой половине 1920-х гг. лишение избирательных прав выступало прежде всего мерой отстранения от выборов потенциальных противников власти, то к концу 1920-х гг. институт лишения гражданских прав использовался в качестве эффективного способа социального, экономического, политического давления на непролетарские слои и группы общества. «Лишенцы» не имели права служить в Красной армии, исключались из профсоюзов и кооперативов, их увольняли из государственных и кооперативных учреждений, выселяли из квартир. Стигма касалась и членов семей – например, детей исключали из учебных заведений. Для «лишенцев» было значительно повышено налоговое бремя[553]. Эти категории населения были поставлены на грань выживания, лишены доступа к благам, социальным лифтам, они были изолированы, исключены из формируемой структуры советского социума.

Ст. 65 Конституции 1918 г. определила семь категорий граждан, которые могли быть лишены избирательных прав. Преимущественно речь в ней идет о лицах, трудовая деятельность которых лежала вне сферы прямого влияния государства. Настроения и поведение этих категорий населения как представителей потенциально «враждебных советской власти» тщательно отслеживались, особенно в делопроизводстве ОГПУ. В этих высказываниях еще более очевидно сочувствие деревне, внимание хлебному вопросу (и понимание собственной зависимости от деревенского хлеба), популярны слухи о скорой войне и вероятной потере власти большевиками. «Здорово коммунисты умывают рабочих, к празднику выдавать стали масло, яйца, с голодовки и это кажется слаще меду <…> Хлеб у крестьян весь забрали и отправили за границу, народ заставили голодать <…> Колчак не удержался, потому что драл крестьян, и Соввласть не

[552] *Саламатова М. С.* Лишенцы // Историческая энциклопедия Сибири: в 3-х т. Институт истории СО РАН. Издательство Историческое наследие Сибири / гл. ред. В. А. Ламин, редкол. С. С. Букин и др. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 291.
[553] Там же.

удержится[554]», «Кому праздник, а кому слезы. Вон едут крестьяне, ползут на санях по грязи <…> их гонят силой <…> Теперь в деревне осталось мало зажиточных, все разорили <…> Весной наверное придется всем подыхать с голоду[555]».

В условиях кризиса страх и социальное давление значительно трансформировали поведение представителей средних и переходных городских слоев. Паттерны ухода и минимального взаимодействия с советской властью, а также скепсис по отношению к ряду мероприятий, невыраженная критика отражали их попытки сохранить некоторую автономию и избегать прямого участия в новых политических и экономических реалиях. Однако с усилением роли партийного государства такие сценарии становились все менее реалистичны. В то же время через включение всех категорий населения в общие производственные процессы, через распространение влияния партийного государства на все сферы жизни проявлялись черты тотальности, что делало противостояние бессмысленным, а сотрудничество скорее вынужденным и вполне рациональным для той системы координат типом социального поведения.

Город более сложен в смысле социально-экономических укладов, социальных слоев, культурного разнообразия, что естественным образом определяет бóльшую экономическую, культурную субъектность, с одной стороны, с другой – низкий уровень консолидации социальных групп, более высокий уровень атомизации социума, слабое значение горизонтальных связей в жизни социума. Механизм этатизации в отношении городского населения работал в зависимости от объекта этатизации. Очевидным является то, что власть действовала по принципу деления на своих/нейтральных/чуждых, подчиняя, контролируя и управляя своей социальной опорой (рабочие, военнослужащие, служащие) в соответствии с представлением ряда ресурсов/преференций; в отношении чуждых – применением практик ограничений, дискриминаций, репрессий или угрозой их применения (дисциплинирование по М. Фуко). В ходе этатизации все слои городского населения оказались втянутыми в систему зависимости от государства, что предопределяло их социальное поведение и стратегию адаптации.

[554] ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 12. Л. 41. Автор: «кустарь, г. Омск».
[555] Там же. Л. 41–42. Автор: «группа обывателей, г. Бийск».

Глава 4
СЕЛЬСКИЙ СОЦИУМ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1929–1930 ГГ.

В данной главе представлен комплексный анализ демографической и социально-экономической динамики сибирской деревни в условиях углублявшегося кризиса между институтами власти и основной массой сельских жителей региона. В первом разделе рассмотрена динамика населения сибирской деревни, которая демонстрирует масштаб наступившей для сельского социума экстремальной полосы, связанной с резкими изменениями государственной политики в деревне. Во втором разделе внимание сосредоточено на реакции крестьянства как основы социума на форсированную экспансию государства, затронувшую базовые принципы его жизнедеятельности. Здесь рассматриваются повседневные, индивидуальные и коллективные практики приспособления и сопротивления. Третий раздел полностью посвящен организованным, коллективным и видимым акциям протеста. Это действие в его наиболее явной форме, где особое внимание уделено феномену женских «волынок».

4.1. Социально-демографическая характеристика сибирской деревни во второй половине 1920-х гг.

Вторая половина 1920-х годов стала важным этапом в истории сибирской деревни. Это время – окончание периода социально-экономической стабилизации (НЭП), введение большевиками внеэкономических методов принуждения крестьян к сдаче хлеба, апробация радикальных способов взаимодействия с деревней и, далее, начало «чрезвычайщины» в деревне в 1930 г. Эти процессы оказали существенное влияние на структуру и численность сельского населения региона.

Демографическая динамика сибирской деревни в указанный период отражает сложное взаимодействие естественного прироста, миграционных потоков, социальных потрясений и экономических изменений. В параграфе 3.1 нами отмечено, что, по мнению В. А. Исупова, смена политического и экономического курса в конце 1920-х гг.

зачеркнула наметившиеся позитивные демографические тенденции[556]. В деревне данные последствия оказались еще более заметны, чем в городе.

Как уже отмечалось выше (в разделе о городском населении, *Таблица 1*), согласно официальной региональной статистике, население Сибирского края с января 1927 г. по январь 1930 г. выросло в абсолютном выражении на 1221,3 тыс. чел., или на 11 %. При этом, что важно для сравнения с городом, темпы роста сельского населения отставали: в деревне численность возросла на 11 % (1930 к 1927), тогда как в городе на 28 %. Сельское население было таким же молодым, как и городское (следствие восстановительных процессов 1920-х гг.) – на долю молодых людей до 29 лет приходилось около 69,34 % жителей деревни. Причем в деревне регенерация после демографических катаклизмов конца 1910-х – нач. 1920-х гг. шла быстрее, чем в городе: возрастная группа детей до 4-х лет обоего пола в деревне была равна 17,3 % от общей численности сельского населения, в городе же – 12,98 % от общей численности городского населения (*Таблица 2*).

Этническая структура сельского населения конкретизирует понятие «сибирский социум» (см. терминологический словарь). С позиций оценки этнической принадлежности, в деревне на 1926 г. жили преимущественно русские (*Таблица 17*) – 76,5 %. Отметим, что данный показатель несколько ниже, чем в городе (86,7 % численности городского населения Сибири – русские). При доминировании русских в деревне была значительно выше доля украинцев, белорусов, немцев и мордвы, чем в городе, что делало сельскую местность этнически более пестрой и неоднородной. Это разнообразие объективно усложняло социальные взаимодействия внутри деревни.

Таблица 17 – Этнический состав сельского населения Сибирского края (по переписи 1926 г.)

Народность	%	Общая численность (тыс. чел.)
Общая численность сел. населения	100	7556
Русские	76,5	5786,4

[556] *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 77.

Украинцы	10,5	797,6
Белорусы	4,1	311,3
Мордва	1,3	102,6
Немцы	1	72
Татары	1	68
Прочие	5,6	418

Источник: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 40–47.

Сельское население в большинстве своем оставалось неграмотным (*Таблица 18*). Среди сельчан старше 8 лет грамотными были только 53,1 % мужчин и 18,5 % женщин. Эти цифры ниже общесоюзного уровня и уровня РСФСР (сельское население) – 67,3 % (СССР) и 73,3 % (РСФСР) среди мужчин, 35,4 % (СССР) и 38,8 % (РСФСР) среди женщин[557]. Низкая грамотность сельского населения, особенно среди женщин, являлась не только следствием слабого развития школьной сети, но и фактором, затруднявшим восприятие новых форм хозяйствования и усиливавшим зависимость крестьян от местных активистов и представителей власти.

Таблица 18 – Сельское население Сибирского края по уровню грамотности (по переписи 1926 г.)

Пол	% грамотных с 8 летнего возраста	% грамотных ко всему населению
Женский	18,5 %	14,1 %
Мужской	53,1 %	39,8 %
Обоего пола	34,6 %	26,7 %

Источник: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 48–49.

Сибирский край отличался неравномерностью в своем экономическом развитии, где округа Северо-Восточной Сибири оказывались более освоенными в промышленном

[557] Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973: стат. сборник. М., 1975. С. 44–45.
Примечание: данные по Сибири даны по Статсправочнику, в котором учитывается грамотность с 8 лет, но не указано, до какого возраста. В данных по РСФСР и СССР, опирающихся на сборник «Население СССР…», указано, что в анализируемую категорию попадают граждане от 9 до 49 лет. Оба сборника опираются на материалы переписи населения 1926 г. По всей вероятности, в Статсборник по Сибирскому краю включены представители старшего поколения, молодой возраст которых пришелся еще на имперский период истории. Этой разницей в измерениях отчасти можно объяснить разницу в показателях грамотности.

отношении. Преимущественно сельскохозяйственными округами являлись: Барабинский, Славгородский, Каменский, Рубцовский, Бийский, Ачинский, Минусинский, Канский округа, Ойротская автономная область (*Приложение № 2*).

Ускорявшийся урбанизационный процесс безусловно влиял на социально-демографические аспекты динамики сельской жизни, сказываясь на темпах прироста населения, миграциях, рождаемости. Как отмечалось ранее, городское население росло за счет миграции, а не за счет естественного прироста (*Таблицы 6, 7*). Хотя рождаемость в деревне значительно превышала городскую (*Таблица 8*), население города росло быстрее, чем в деревне (*Таблица 19*).

Таблица 19 – Прирост городского и сельского населения (чел., тыс./%)

Год	Естеств. прирост населения	Механический прирост населения	Числен-ть городского населения	Естеств. прирост населения	Механический прирост населения	Числен-ть сельского населения
1927	22,8 (2)	70,5 (6)	1193,4 (100)	233,3 (3)	32 (0,4)	7685,9 (100)
1928	25,8 (2)	73,8 (5,7)	1290 (100)	271,6 (3,4)	36,3 (0,4)	7970,6 (100)
1929	21,4 (1,5)	105,7 (7,5)	1407,7 (100)	264 (3,1)	64,1 (0,7)	8286,8 (100)

Составлено по: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 12–13, 14–15.

В сибирской деревне реже вступали в брак и реже разводились (*Таблица 20*), чем в среднем по СССР и РСФСР. Однако эти браки были крепче, чем в сельских местностях как в СССР, так и в РСФСР (соотношение показателя числа разводов на 1000 чел. и числа браков на 1000 чел.).

Таблица 20 – Число браков и разводов в сельских местностях Сибирского края в 1926 г.

Республики, районы	Число браков (тыс.)	Число разводов (тыс.)	Число браков на 1000 чел.	Число разводов на 1000 чел.
СССР	1350	198,7	10,8	1,6
Сельские местности	1080,4	134	10,5	1,3
РСФСР	947,3	134,5	10,5	1,5
Сельские местности	755,4	88,7	10,1	1,2
Сибирский край	78,8	8,2	9,2	1,0
Сельские местности	67,1	6	8,9	0,8

Составлено по: Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929. (ЦСУ. СССР. Сектор социал. статистики. Отд. статист. социал. состава и движения населения. Т. 1. Вып. 2). С. 38.

Показатели смертности (*Таблица 10*) в сельских местностях Сибирского края выше, чем по сельским местностям РСФСР (у мужчин 28,0 ‰ по Сибкраю против 24,5 ‰ по РСФСР, у женщин 23,6 ‰ по Сибкраю против 19,7 ‰ по РСФСР). Показатели ожидаемой продолжительности жизни по Сибкраю также не представляли благополучных прогнозов. И у мужчин, и у женщин, живших в сельских местностях Сибкрая, соответствующие показатели ниже, чем у жителей европейской части СССР (*Таблица 11*): 39,9 лет и 43,6 лет у мужчин и у женщин Сибкрая соответственно против 41,9 года и 46,3 лет у мужчин и женщин европейской части СССР. Ранее нами обращалось внимание здесь на противоречие российской тенденции – в сибирской деревне, по крайней мере на 1926–1927 гг., ожидаемая продолжительность жизни была больше, чем у жителей сибирских городов. В то время как по РСФСР мы видим обратную тенденцию – там выжить было проще в городах, чем в деревне. В сибирских городах уже начиналась ускоренная индустриализация при отсутствии необходимой инфраструктуры, в то время как в деревне еще не начался этап радикального вмешательства государства в аграрное производство.

Как отмечалось нами в разделе 3.1, в основе повышенных показателей смертности с 1930 г. лежали причины экзогенного характера. Голод (сначала в латентной, затем и в абсолютной форме) стал одним из ключевых факторов возрастания смертности в деревне. На юге Сибири уже в 1930 г. встречаются эпизоды каннибализма[558]. На 1931–1932 гг. пришелся массовый голод в Сибири. Сильнее всего вновь пострадал юг Западной Сибири. Люди ели суррогаты, водоросли, перезимовавшее под снегом зерно-падалицу, лебеду, собак, трупы павших животных, опухали и погибали. Для более «благополучных» сельских районов в начале 1930-х гг. была характерна латентная форма голода[559].

Сельские жители рано вступали в браки, редко разводились, имели высокую рождаемость, но в то же время высокую смертность и короткую продолжительность жизни. Немногие благоприятные демографические тенденции, ставшие возможными в середине 1920-х гг., вскоре прервутся с началом радикальной этатизации сибирской деревни. Если в городских поселениях страны за 1929–1931 гг. рождаемость понизилась

[558] *Малышева М. П.* Голод на юге Сибири в 1930 г.// Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 84–88.
[559] *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века… С. 99.

на 6 %, то в сельской местности – на 13 %[560]. В городах рождаемость сокращается обычно быстрее, чем в сельской местности. Обратная ситуация (иллюстрируемая данными цифрами) свидетельствует о наличии серьезных диспропорций в демографической сфере страны.

По мнению Н. Я. Гущина, апогей демографической катастрофы, следовавшей из аграрной политики большевиков, приходится на 1933 г. В этот год в СССР умерло 11 млн 450 тыс. В 1927–1929 гг. смертность равнялась примерно 4 млн чел., следовательно, на сверхнормативную смертность приходится свыше 7 млн чел. Смертность в 1933 г. превысила рождаемость на 5 млн 905 тыс. Коэффициент смертности поднялся до чрезвычайной величины – 71,6 ‰. Последствия демографической катастрофы конца 1920-х – начала 1930-х гг. ощущались еще длительное время. Лишь к концу 1930-х гг. рождаемость, смертность и естественный прирост стали приближаться к уровню конца 1920-х гг.[561]

Перейдем от демографических к социально-экономическим показателям, характеризирующим жизнедеятельность населения сибирской деревни. Деревенская политика власти направлялась на изменение ее социальной структуры, экономики, низовых политических институтов. На 1926 г. в числе лиц, имеющих занятия, по отраслям народного хозяйства и по положению в занятии (*Таблица 21*) указано 4425 тыс. чел. (все сельское население в 1926 г. – 7557,8 тыс. чел.[562]). По отраслям народного хозяйства здесь лидирует, конечно, сельское хозяйство, где занято 4190 тыс. чел. (94,68 % от всего населения деревни), 62,3 тыс. чел. (1,41 %) трудилось в кустарно-ремесленной сфере. В общей структуре сельского населения по положению занятия лидирует категория членов семьи, помогающих главе [семьи] в его занятии, – 2853,2 тыс. чел. (64,47 %), хозяева с помогающими членами семьи и члены артели – 1160,8 тыс. (26,23 %). Следующей категорией (и с большим отрывом в процентном соотношении) являются рабочие – 189,8 тыс. (4,29 %). Отметим, что категория хозяев с

[560] Там же. С. 78.
[561] *Гущин Н. Я.* «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, ЭКОР, 1996. С. 137.
[562] Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М, 1927–1929. 10 т. Вып. 3: Население СССР. 1927. С. 5.

наемными работниками составляет всего 64 тыс. (1,45 %) по отношению к общему числу населения деревни.

Таблица 21 – Лица, имеющие занятия, по отраслям народного хозяйства и по положению в занятии (Сибирский край, сельское население) (1926 г.)

Положение в занятии / Отрасли народного хозяйства		Сельское хозяйство	Фабрично-заводск. промышл	Куст.-ремесл. пром-ть	Строит-во	Железнодор. транспорт	Прочие виды транспорт	Торговля и кредит	Учреждения	Прочие отрасли	Итого	%
Рабочие	Муж.	56802	10216	4684	1163	11264	1341	422	409	37121	123422	5,31
	Жен.	31413	308	285	9	261	34	26	51	33966	66353	3,16
	Об. пола	88215	10524	4969	1172	11525	1375	448	460	71087	189775	4,29
Служащие	Муж.	1846	1833	1895	57	2184	372	9190	19780	1378	38535	1,66
	Жен.	145	228	79	6	231	22	7004	11912	8541	21868	1,04
	Об. пола	1991	1974	1974	63	2415	394	9894	31692	9919	60403[563]	1,37
Лица своб. проф.	Муж.	–	–	–	–	–	–	–	–	2460	2460	0,11
	Жен.	–	–	–	–	–	–	–	–	193	193	0,01
	Об. пола	–	–	–	–	–	–	–	–	2653	2653	0,06
Хоз. с наем. раб.	Муж.	54373	27	2113	123	–	47	79	–	7	59769[564]	2,44
	Жен.	7093	–	75	–	–	2	16	–	–	7186	0,34
	Об. пола	61466	27	2188	123	–	49	95	–	7	63955	1,45
Хоз. с пом. член. семьи и члены	Муж.	1059193	–	9659	1397	–	378	571	–	34	1071232	46,06
	Жен.	88970	–	516	5	–	16	52	–	5	89564	4,27
	Об. пола	1148163	–	10175	1402	–	394	623	–	39	1160796	26,23
Одиночки	Муж.	34340	–	28994	9934	–	467	1363	–	80	75178	3,23
	Жен.	13725	–	4962	31	–	7	203	–	217	19145	0,91
	Об. пола	48065	–	33956	9965	–	474	1566	–	297	94353[565]	2,13
Чл. семьи, помог. главе в его	Муж.	951085	–	5549	762	–	188	237	–	54	957875	41,19
	Жен.	1891015	–	3523	143	–	92	395	–	111	1895279	90,27
	Об. пола	2842100	–	9072	905	–	280	632	–	162	2853154	64,47
Итог	Муж.	2157639	12076	52894	13436	13448	2793	11862	20189	41134	2325471	100
	Жен.	2032361	536	9440	194	492	173	1396	11963	43033	2099588	100
	Об. пола	4190000	12612	62334	13630	13940	2966	13258	32152	84167	4425059	100
%	Муж.	92,78	0,52	2,27	0,58	0,58	0,12	0,51	0,87	1,77	100	–
	Жен.	96,79	0,03	0,45	0,01	0,02	0,01	0,07	0,57	2,05	100	–
	Об. пола	94,68	0,29	1,41	0,31	0,07	0,07	0,3	0,73	1,9	100	–

Источник: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М, 1927–1929. 10 т. Вып. 10: Население Союза ССР по положению в занятии и отраслям народного хозяйства. 1929. С. 52.

[563] Ошибка, должно быть: 60316.
[564] Ошибка, должно быть: 56769.
[565] Ошибка, должно быть: 94323.

Анализ различных ролей в сельском хозяйстве дает такие же данные (*Таблица 22*). *Индивидуальное крестьянское хозяйство оставалось базовой производственной единицей аграрной экономики региона*. Сельское хозяйство сибирской деревни жило за счет хозяйств крестьянских семей, все члены которой выполняли трудовые функции с малолетнего возраста. Участие детей с данного возраста в хозяйственном процессе во многом предопределяло низкий уровень грамотности сельского населения.

Таблица 22 – Занятость сельского населения Сибирского края (по положению занятия) в сельском хозяйстве (по данным переписи 1926 г.)

Положение в занятии	Число занятых (тыс. чел.)	%
Рабочие	88,2	2,10
Служащие	2	0,04
Хоз. с наем. раб.	61,5	1,46
Хоз. с пом. член. семьи и члены артели	1148,1	27,40
Одиночки	48	1,14
Чл. семьи, помог. главе в его занятии	2842,1	67,80
Итог	4190	100

Составлено по: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М, 1927–1929. 10 т. Вып. 10: Население Союза ССР по положению в занятии и отраслям народного хозяйства. 1929. С. 52.

В составе крестьянских хозяйств мы видим (*Таблица 23*) доминирование простых товаропроизводителей со средствами производства ниже среднего (до 400 рублей) и среднего (до 800 рублей) уровней. На территории Юго-Западной Сибири ниже процент хозяйств со средствами производства ниже среднего и выше процент хозяйств со средствами производства выше среднего (зажиточные хозяйства), чем в Северо-Восточной Сибири. Процент «мелкокапиталистических» товаропроизводителей (так называемых кулаков) также выше на территории Юго-Западной Сибири, но все же малочисленен в общей структуре сельского хозяйства Сибирского края. Процент пролетарских и полупролетарских крестьянских хозяйств на территории Юго-Западной и Северо-Западной Сибири имеет близкие показатели — 29,8 и 30,4. В первую очередь они и беднейшие товаропроизводители рассматривались социальной опорой политики большевиков в деревне.

Таблица 23 – Социальная структура сибирской деревни по материалам сельскохозяйственной гнездовой переписи 1927 г. (%)

	Пролетарские	Полупролетарские	Простые товаропроизводители				Мелкокапиталистические товаропроизводители
			Все	В том числе			
				Ниже среднего (до 400 руб.)	Средние (401–800 руб.)	Выше среднего (801 и св. руб.)	
Юго-Западная Сибирь	9,8	20,0	62,3	18,6	29,0	14,7	7,7
Северо-Восточная Сибирь	9,7	20,7	64,5	24,1	29,6	10,8	5,1
Сибирский край	9,8	20,4	63,1	20,7	29,2	13,2	6,7

Источник: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 212–213.

XV съезд ВКП(б) поставил задачу расширения масштабов колхозного строительства. К 1 октября 1929 г. в Сибирском крае в колхозы вошло 6,7 %[566]. Деревня с преобладающим индивидуальным хозяйством, несмотря на возрастающие административные и налоговые меры, все равно отказывалась от идеи коллективного хозяйства и невыгодных условий поставки зерна государству. Заготовительная кампания 1928/29 хозяйственного года показала, что основная масса крестьян-единоличников (включая середняков) отказывается сдавать хлеб государству по заниженным ценам. Учитывая их доминирующую роль в сельскохозяйственном производстве, это поставило государство перед угрозой срыва хлебозаготовок, массового голода в городах и невозможности выполнить экспортные обязательства. Городское население начало испытывать дефицит хлеба, с весны 1929 г. введены карточки. Для обеспечения снабжения городов и, главным образом, для решения экспортных задач требовалось создать систему *принудительного изъятия хлеба* у единоличного крестьянства. Коллективные хозяйства, особенно после начала сплошной коллективизации, оказались в гораздо большей зависимости от государства, чем единоличные крестьяне: их кредитование, снабжение техникой и семенами, а также плановые задания по хлебосдаче ставили их под прямой контроль власти. Хотя и колхозы нередко не выполняли обязательства по поставкам, возможности для уклонения у них были несопоставимо меньше, чем у единоличных хозяйств. Применение административных и внеэкономических мер в ходе хлебозаготовок по

[566] *Гущин Н. Я.* Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973. С. 140.

отношению к основной массе не только зажиточного, но и части среднего слоя крестьянства дало понять руководству, что коллективная форма хозяйствования требует своего насаждения, невзирая на ожидаемые издержки и сопротивление основных сельскохозяйственных товаропроизводителей. К тому же в такой форме экономического устройства уничтожалась сама возможность существования автономного хозяйства, что придавало задаче не только экономическое, но и политическое значение.

Следует отметить, что собственное хозяйство – способ экономического производства для крестьянина – не просто идентичность, это форма мировоззрения, ведь земля, с точки зрения крестьянской психологии, принадлежит тому, кто на ней трудится (касалось это и произведенной на этой земле продукции). «Социалистическая» же экономика в большевистской ее интерпретации в деревне предполагала *отчуждение продукта производства от производителя*.

Такое мировоззренческое противоречие предопределяло степень острой конфликтности уже в самой идее этатизации деревни, которая предопределяла высокую степень конфликтности и социальной напряженности между институтами власти и крестьянством. Еще до начала «сплошной коллективизации» этатизация в деревне реализовывалась в направлении административно-экономического давления (усиления налогообложения, санкций за его неисполнение и пр.) и социальной эксклюзии зажиточной части сельского населения (агрессивная конфронтационная пропаганда, институт лишенчества).

Исследователи-аграрники, анализируя социально-экономические изменения, отмечают усиление нивелировки социального состава сибирской деревни к 1929 г. Еще до начала «Великого перелома» происходит повышение доли средних хозяйств при фактическом сохранении удельного веса маломощных и резком снижении зажиточных[567]. Здесь очевидны следствия усиления налогового нажима, стимулирование большевиками конфликтов внутри сельского социума, эгалитаристский популизм, разжигание нетерпимости к зажиточному крестьянскому

[567] *Ильиных В. А*. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 33–75.

хозяйству. Чтобы избежать отнесения к категории «кулаков», крестьяне данной группы превентивно стали уменьшать посевную площадь, сокращать производство зерна и другой сельскохозяйственной продукции.

Экономический и политический контекст влиял на проведение электоральных процедур. Кризис хлебозаготовок отразился на ходе местных выборов 1928–1929 гг., проходящих по сталинской терминологии в условиях «ожесточенной классовой борьбы» и «наступления на кулака». Проведение электоральных кампаний (перевыборы) преследовало две цели: обновление состава в первую очередь низовых органов власти для укрепления легитимности на местах, проведение очередной «чистки» и выявление «чуждых» («лишенцев») с целью дисциплинирования социума.

В сельских советах в 1929 г. преобладали мужчины (81,2 %), русские (82 %), грамотные (88,7 %). Число членов ВКП(б) и ВЛКСМ оказывалось невелико – 18 %. Отметим, что 70,6 % были избраны в сельсоветы в первый раз[568]. С точки зрения социального состава, сельсоветы представляли в первую очередь беднейшую часть сельского населения: 31,3 % были освобождены от сельхозналога (маломощные единоличные хозяйства, а также хозяйства, перешедшие в колхозы), 43 % платили налог до 5 руб.[569]

В составе председателей сельских советов в 1929 г. преобладали мужчины (92,4 %), русские (80,3 %), грамотные (99,7 %). Около трети из них (35 %) ранее служили в рядах Красной армии. Членов партии и комсомола здесь больше – 44,5 %. Число избранных в первый раз председателей – 57,1 %. Этот процент ниже, чем вновь избранных в сельсовет, но все же высок, что указывает текучесть этой должности. Сельсоветы не были реально представительным органом сельских жителей (сибирская деревня – единоличная, середняцкая), а являлись удобным инструментом политики этатизации деревни. На уровне сельсоветов шел активный процесс расширения

[568] Сибирский край: стат. справочник… С. 64–65.
[569] Там же. С. 66–67.

социальной базы большевиков в деревне, вербовки новых акторов власти на местах, борьбы за конформистское крестьянское «болото»[570].

Большое значение в процессе этатизации деревни играл институт лишенчества. Большевики стали первыми, кто установил прямую зависимость между наличием избирательного и другими правами[571]. Лишение избирательных прав являлось одной из форм социальной эксклюзии – стигма становилась основой политической, экономической, социальной дискриминаций, являлась поводом для применения репрессии как для его носителя, так и для членов семьи. 1926 г. знаменовал изменения в электоральной политике большевиков – ужесточились правила восстановления в избирательных правах для всех категорий.

На 1929 г., по данным Н. Я. Гущина, 165,9 тыс. чел. были лишены избирательных прав в сибирской деревне. Отметим, что более половины из них (56,6 %) относились к категории «члены семей от 18 лет, находящиеся на иждивении лиц, лишенных избирательных прав»[572]. Следующей категорией по численности среди сельских лишенцев являлись «лица, прибегающие к наемному труду в целях извлечения прибыли» (16,2 %). То есть большевики стремились не только дискриминировать самих зажиточных крестьян как глав семей, но и разрушить семейные связи, лежавшие в основе экономики неколлективизированных хозяйств в сельском социуме.

В коммуны и колхозы до начала радикальной этатизации в первую очередь вступали наименее состоятельные слои деревни. В коммунах Юго-Западной Сибири батрацко-бедняцкая группа (без собственных средств производства и со средствами производства до 200 руб.) составляла 63,2 %, в артелях – 65,6 %[573] (1929 г.). Им коллективное хозяйство оказывалось выгодно с перспективой получения устойчивой государственной поддержки.

---

[570] *Игнатьева Е. А.* Перевыборы Советов в 1928/1929 годах в оценке партийными органами Сибири // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 96. URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-06.pdf

[571] Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 456 с.

[572] *Гущин Н. Я.* «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.)… С. 155.

[573] *Ильиных В. А*. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов)… С. 33–75.

Ранее мы уже обозначали форсирование темпов коллективизации на местах (Эйхе: «весной текущего [1930] года»[574]). Обозначенные цифры коллективизации не были бы возможны без важнейшей составляющей процесса раскрестьянивания «по-социалистически» – ускоренной государственной политики маргинализации части крестьянских семей (хозяйств), объявленных «кулаками». Последние подверглись экспроприации и высылке в спецпоселения для «трудового перевоспитания». Репрессивная политика центра проходила через призму нескольких уровней (региональный и местный) ее исполнения, в каждый из которых были внесены изменения (как правило, в сторону «перевыполнения», чем «недовыполнения»).

«Ликвидация кулака как класса» должна была реализовываться «при самом активном участии широких бедняцко-середняцких масс деревни» (необходимость легитимизации непопулярных мер). Политика «ликвидации» зажиточного крестьянства включала в себя выполнение в себе нескольких задач:

1. Ликвидация экономической автономии зажиточных хозяйств, которые с момента кризиса хлебозаготовок 1927/1928 хоз. г. проявляли устойчивое нежелание подчиниться проводимой государством политике неэквивалентного обмена между городом и деревней и сопротивлялись внеэкономическим методам изъятия произведенной ими продукции, сначала пассивно, затем активно.
2. Изоляция (аресты, высылка) одной части крестьянства была призвана продемонстрировать другой ее части бесперспективность сопротивления.
3. Раскол деревни. Привлечение низов деревни к раскрестьяниванию – конфискованное у арестованных и высланных крестьян имущество должно было стать важной частью неделимых фондов коллективных хозяйств[575]. Разрушение института крестьянской семьи, которая являлась базовой и автономной экономической единицей деревни.

[574] Постановление бюро Сибкрайкома ВКП(б) «О мерах к выполнению решения ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации и ликвидации кулака как класса» от 2 февраля 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г.: сборник документов. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. С. 201.
[575] *Красильников С. А*. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. С. 16.

В тексте постановления ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. шла речь о 3–5 % «ликвидируемых по каждой из трех категорий кулацких хозяйств». В том же постановлении были указаны «ориентировочные» цифры репрессий по Сибирскому краю: отправка в концлагерь ожидала 5–6 тыс. чел, а высылке подлежали 25 тыс. семейств.

Западная Сибирь в 1930-е гг. являлась регионом, где наряду с Северным краем и Уралом дислоцировались многочисленные комендатуры спецпереселенцев. Здесь было принудительно расселено от 20 (1932 г.) до 24,8 % (1938 г.) всех спецпереселенцев страны (Нарымский округ, Кузбасс, часть Алтайского края). Территория Западной Сибири выступала также местом внутрикраевой депортации – две трети спецпереселенцев составляли репрессированные крестьянские семьи, насильственно перемещенные из южных районов в северные и восточные[576].

В ходе поспешно проводимой зимой–весной 1930 г. депортации списки подлежащих высылке «кулаков» нередко формировались прежде всего на основе имевшихся у местных органов списков лиц, лишенных избирательных прав, – «лишенцев». В это число попадали представители практически всех социальных групп сельского населения – ремесленники, служащие, священнослужители и т. д. В то же время существовали жесткие инструкции карательным органам «отсекать» при высылке от крестьянской массы представителей так называемых бывших привилегированных групп[577].

К апрелю 1930 г. было экспроприировано по 15 округам около 52 тыс. «кулаков», 3,4 % всех крестьянских хозяйств. По данным Н. Я. Гущина (*Таблица 24*), с конца 1929 г. по середину 1930 г. реально экспроприировали имущество 59,2 тыс. крестьянских хозяйств. При средней численности/людности крестьянской семьи в 1929 г. в 5 чел. получается, что только первый этап радикальной этатизации напрямую изменил жизнь 296 тыс. чел., бегство из деревни затронуло примерно 23 тыс. (4,9 тыс. одиночек и 18

[576] Там же. С. 5.
[577] Там же. С. 14.

тыс. семейных[578]). К лету в Сибирском крае репрессировали 10,5 тыс. «кулаков» 1-й категории. 16 тыс. семей 2-й категории (82,9 тыс. чел.) выселили в отдаленные необжитые и малообжитые районы. Расселение «кулаков» 3-й категории предполагалось завершить до 1 апреля, но провели его лишь в немногих районах (1,5 тыс. семей)[579], а с началом весеннего сева отложили.

Таблица 24 – Итоги начального этапа радикальной этатизации деревни и репрессивного раскрестьянивания (конец 1929 г. – сер. 1930 г.)

Категория	Численность (в тыс. хозяйств)
Количество выявленных «кулаков»	76,3
Фактически раскрестьянили	59,2
В том числе:	
– по пятикратному обложению	14,7
– по судебным решениям	10,6
– по постановлению ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г.	26,2
– самоликвидировалось	4,0
– по другим причинам	3,7
Бежало:	
– с семьями	3,6
– без семей	4,9

Источник: Гущин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973. С. 423.

Во время «раскулачивания» безвозмездно конфисковывались жилье и хозяйственные постройки, инвентарь, рабочий и продуктивный скот. Все это перераспределялось в пользу формируемых и существующих коллективных хозяйств. Большевики, таким образом, нормативно закрепили политику передачи имущества раскулаченных в пользу формируемых и существующих коллективных хозяйств и беднейших категорий крестьянства. Однако на практике это сопровождалось многочисленными злоупотреблениями и прямым присвоением конфискованного имущества местными активистами.

После первого опыта форсированного натиска на деревню весной происходит некоторый «откат» в политике и практике в реализации сплошной коллективизации. В Сибирь в апреле приезжает секретарь ЦК ВКП(б) Л. М. Каганович, который получил задание «положить конец инакомыслию местных функционеров», а также организовать

[578] 3,6 тыс. хоз-в * 5 чел.
[579] *Гущин Н. Я.* Сибирская деревня на пути к социализму… С. 426.

помощь региону в проведении весенней сельскохозяйственной кампании[580]. Публичная критика местных функционеров вызвала массовый отток крестьян из колхозов. Процент коллективизации к лету 1930 г. снизился по Сибирскому краю до 20 %[581].

К лету 1930 г. в деревне не осталось не только «кулацких», но даже сколько-нибудь зажиточных хозяйств, прежний социально-экономический уклад сибирской деревни после первого натиска этатизации уже был невосстановим. Однако политика «ликвидации кулачества как класса» после недолгого «отката» вновь продолжилась. Репрессивному раскрестьяниванию и депортации подлежали все «бывшие» (в том числе бежавшие в город) или вновь выявленные «кулаки». К «кулакам» могли отнести и политически неблагонадежных с точки зрения властей крестьян.

Во второй половине 1930 г. и особенно в 1931 г. основой массовой депортации крестьянских семей исследователи называют уже не только и не столько карательную , сколько экономическую причину: контрольные цифры по высылке из деревни жестко увязывались с потребностями тех или иных наркоматов и ведомств в массовом и «дешевом» принудительном труде спецпереселенцев. Политические основания для репрессий в деревне отошли на второй план[582].

Таким образом, социально-демографические и экономические характеристики сельского социума Сибири накануне сплошной коллективизации создали сложный и противоречивый фон для ее проведения. С одной стороны, наличие «молодежного бугра», индоктринация молодежи, рост грамотности теоретически облегчали внедрение новых социалистических форм хозяйствования. Однако на практике эти же факторы, сочетаясь с традиционной солидарностью и экономической независимостью индивидуальных хозяйств, сформировали мощный барьер на пути радикальной этатизации основ жизнедеятельности деревни. Власть, осознавая это, была вынуждена не просто администрировать, а вести настоящую «войну» с деревней, используя ее внутренние социальные различия как рычаг для разрушения традиционных структур.

---

[580] Выступление секретаря ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича на заседании бюро Сибкрайкома // Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. С. 295–319; *Ильиных В. А.* Поездка Л. М. Кагановича в Сибирь в апреле 1930 г.: санация «головокружения» // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 52–56.

[581] *Гущин Н. Я.* Сибирская деревня на пути к социализму… С. 303.

[582] *Красильников С. А.* Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы… С. 16.

Таким образом, демографические и социальные характеристики сельского социума не просто влияли, а в значительной степени детерминировали жесткий насильственный характер государственного взаимодействия с ним в переломную эпоху конца 1920-х годов.

4.2. Повседневность и стратегии выживания сибирского крестьянства в условиях «Великого перелома»

На рубеже 1920–1930-х гг. советская деревня оказалась в состоянии глубокого социального, экономического и политического кризиса, связанного с началом масштабной политики коллективизации и усилением репрессивных мер со стороны государства. Стержнем аграрной политики большевиков стала инициатива по созданию коллективных хозяйств, призванных заменить индивидуальное крестьянское хозяйство в сельскохозяйственном производстве. Однако для большинства крестьян данная политика воспринималась как насильственное вмешательство, нарушающее традиционные формы землепользования и хозяйственной самостоятельности. Этатизация деревни началась с рубежа 1927/28 хоз. г., с переходом государства на преимущественно административные и внеэкономические меры во взаимоотношениях с крестьянством, принесшие лишь частичный и временный успех большевистскому руководству. Деревня разорялась, крестьяне прятали хлеб, максимально пытаясь избежать продажи его государству по заниженным ценам, но все же старалась сохранить автономность хозяйственной деятельности. Радикальное наступление на деревню, начавшееся в конце 1929 г., долженствовало сломить социальную структуру, изменить экономический уклад, культурную этику крестьян в кратчайшие сроки. Параллельно с этим усиливались репрессии против тех, кто сопротивлялся повороту в деревенской политике. В результате нарастал уровень социальной напряженности, обострялось противостояние, были распространены практики пассивного сопротивления (уклонение от вступления в колхозы, уничтожение собственного имущества перед вступлением в колхоз). В деревнях усилилась атмосфера страха, недоверия, ненависти, что значительным образом влияло на социальную структуру в плане разрушения сложившихся традиционных межгрупповых связей внутри крестьянской общности.

Линн Виола характеризует события в деревне «квазигражданской войной» между государством и крестьянством, оценивая этот процесс как конфликт культур, в котором политические власти стремились установить в кратчайшей и жесткой форме свое господство над деревней[583]. В данный период происходили не только внешние конфликты по линии «власть – крестьянский социум», но и внутренние процессы, разрушающие деревню изнутри. Традиционные формы хозяйствования и социальной организации подвергались дезорганизации или трансформации под давлением новых властных требований. В то же время крестьяне искали способы отстаивать свою хозяйственную автономию и культурную идентичность через уклонение от принудительной коллективизации, сохранение религиозных практик и народных обычаев.

Рассмотрим, какие стратегии адаптации были избраны сибирским крестьянством в условиях радикальной этатизации сельского социума. В первую очередь это отразилось на хозяйственных аспектах ведения крестьянского хозяйства. Еще до знаковых постановлений ЦК ВКП(б) января 1930 г. проявлялись следующие практики: сокрытие зерна и урожая от хлебозаготовок, сокращение посевных площадей, массовый забой скота перед вступлением в коллективные хозяйства, уход/бегство в города. Эти стратегии невооруженного сопротивления и рационального экономического поведения в условиях наступления государства на деревню существенным образом ослабляли потенциал сельского хозяйства и сокращали ресурсную базу для создания коллективных хозяйств.

Сокрытие зерна и урожая не было следствием «кулацкого саботажа», а являлось рациональной стратегией выживания. Крестьянин оставлял себе ресурс для пропитания, семенной фонд, корм для скота. Изъятие всего хлебного потенциала из индивидуальных крестьянских хозяйств вело к попыткам их скрыть от государства (что каралось спорной в правоприменительной практике ст. 107 УК РСФСР 1926 г., о чем было написано ранее). Сокращение посевных площадей также стало стратегией рациональной экономической адаптации. Изъятие «излишков», а чаще всего необходимого запаса, приводило к демотивации экономической деятельности

[583] *Viola L.* Peasant rebels under Stalin: collectivization and the culture of peasant resistance. New York: Oxford University Press, 1996. P. viii.

индивидуального хозяйства. Эта была превентивная мера для того, чтобы избежать обвинений в «кулацком саботаже».

Наиболее болезненной для большевиков была практика уничтожения крестьянами собственного скота (реже – продажа) либо перед вступлением в коллективные хозяйства, либо как форма самоликвидации своего хозяйства перед бегством из деревни. С точки зрения трудовой крестьянской этики – это акт отчаяния. Проблема «разбазаривания и убоя» находила свое отражение в делопроизводстве самого высокого уровня. 16 января 1930 г. выходит постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров «О мерах борьбы с хищническим убоем скота»[584], в котором вводилась уголовная ответственность за уничтожение скота, запрещался прием в коллективные хозяйства и исключались из коллективных хозяйств те, кто перед вступлением в коллективные хозяйства убил или продал свой скот. На территории Сибири эта проблема была также распространена. Особенно катастрофичны были потери мелкого скота (овец, свиней) – на 50–70 % меньше, чем за год (*Таблица 25*).

Таблица 25 – Динамика поголовья скота в Сибирском крае с мая 1929 г. по март 1930 г. (тыс. голов)

	Лошади	в %	КРС	в %	в т. ч. коровы	в %	Овцы	в %	Свиньи	в %
Май 1929 г.	4126,0	100	6303,1	100	2911,3	100	12406,8	100	2454,2	100
Октябрь 1929 г.	3890,8	94,2	4897,5	77,6	2422,27	83,1	7431,7	59,9	1921,6	78,2
Март 1930 г.	3078,0	74,6	3977,3	63,1	2174,7	74,6	7034,7	56,7	709,3	28,9

Источник: Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: Документально-монографическое издание / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. С. 463.
Примечание: КРС – крупный рогатый скот.

О масштабах проблемы с ликвидацией (уничтожением или продажей) скота крестьянами говорили на совещании секретарей окружкомов и обкомов ВКП(б) при Сибкрайкоме по вопросам подготовки к весенней сельскохозяйственной кампании и

[584] Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 г. Ч. 1. Отдел первый. М., 1930. С. 137–138.

коллективизации, которое состоялось 30–31 января 1930 г. «Свиней поели[585]», – вынес вердикт секретарь Новосибирского окружкома ВКП(б) М. В. Зайцев. Показательно, что практика уничтожения собственного имущества перед вступлением в коллектив была характерна не только для представителей зажиточной части деревни. «Разбазаривание сейчас происходит, происходит при вступлении в колхозы со стороны средняков и отчасти бедноты»[586], – утверждал секретарь Барабинского окружного комитета партии Горбунов. О тех же проблемах говорили секретари других округов Сибирского края, а также секретарь Сибкрайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе. Последний же призывал к применению карательных мер за ликвидацию скота крестьянами (хотя скот был имуществом не коллективных, а еще индивидуальных хозяйств): «Задача здесь такова: всеми путями, всеми возможностями добиваться, чтобы скот не резали, за злостный убой скота беспощадно карать, за истребление птицы – карать и т. д., но вместе с тем, добиваясь того, чтобы не резали скот, надо добиваться, чтобы выкачать уже зарезанное мясо из деревни»[587].

Председатель Кузнецкого окрисполкома Скрипкин отмечал такие «настроения» среди крестьянства: «Хозяйство распродает все имущество, в колхоз идет с таким настроением, что я в колхозе буду работать в качестве работника, мне будут выплачивать ежедневно 2 руб. зарплаты, и создается такое настроение, что он идет не как член колхоза, а *как рабочий* [курсив наш. – *Е. И.*], чтобы заработать там рубль. Такое настроение в некоторых районах у нас имеется среди довольно»[588]. Скрипкин, сетуя на такие «настроения», отметил глубинную (и очень быструю) трансформацию крестьянской этики – лишение земли, скота и сельскохозяйственного инвентаря лишало крестьянина его не только экономической, но *социальной сущности*, что и выражалось в отмеченной им трансформации идентичности – «в колхоз он идет как рабочий».

Другим способом вынужденной адаптации становилось бегство крестьян из деревни в город – стратегия «ухода». Индустриализация в этот момент требовала большого числа рабочих рук (в том числе неквалифицированных), казалось, что город

[585] Стенограмма совещания секретарей окружкомов и обкомов ВКП(б) при Сибкрайкоме по вопросам подготовки к весенней сельскохозяйственной кампании и коллективизации, г. Новосибирск 30–31 января 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни, январь–май 1930 г. С. 25
[586] Там же. С. 25.
[587] Там же. С. 178.
[588] Там же. С. 75.

станет местом, куда можно было сбежать от репрессивного раскрестьянивания, голода, бесправного положения в колхозе. Такие беглецы обеспечивали стремительный рост населения ключевых строек пятилетки (например, Кузбасс).

В 1930–1933 гг. около 2 млн крестьянских семей по СССР бросили землю и инвентарь и бежали из дома[589]. С. А. Нефедов отмечает, что массовое беженство из деревни началось не сразу. Механический прирост городского населения по СССР 1927 году составлял 832 тыс. чел., в 1928 году – 1145 тыс., в 1929 году – 1429 тыс. С началом коллективизации переселение в города резко ускорилось: в 1930 году оно составило 2279 тыс., а за 1931/32 хозяйственный год – 4,5 млн чел.[590]

Крестьяне оставляли на какой-то период шанс колхозной системе. Однако конец 1930 г. знаменовался новой волной беженства – колхозники получили оплату по трудодням, оказавшейся не соответствующей трудовым затратам. 1931 год еще был связан с ожиданиями нормализации, которой, впрочем, так и не случилось – оплата труда оказалась по-прежнему низкой. Пик беженства пришел на 1931/32 хоз. год. В декабре 1932 г. была введена паспортная система – механизм ограничения массового стихийного беженства (в мирное время) и прикрепления крестьян к коллективным хозяйствам. Масштабы дефицита человеческих ресурсов пришлось признавать и на публичном уровне. Так, в своем докладе на V пленуме Запсибкрайкома ВКП(б) 22 июня 1933 г. Эйхе требовал учитывать все трудовые ресурсы деревни, включая подростков и лиц старше 50 лет[591]. Паспорта выдавались тем, кто постоянно живет и работает в городе, крестьяне же оказались лишены возможности мобильности. Теперь *отчужден* был не только *продукт производства от производителя*, но *право распоряжения собственным трудом, отчуждена свобода передвижения*.

Все это является проявлением процесса самораскрестьянивания – потери крестьянской идентичности (социальной, экономической) в ходе радикальной этатизации сельского социума большевиками. Крестьяне превентивно, с целью защиты

[589] *Максудов С.* Некоторые проблемы оценки потерь населения в годы коллективизации. Демографическое обозрение. 2016. № 2 (3). С. 147.
[590] *Нефедов С. А*. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 48.
[591] *Эйхе Р. И.* За большевистскую организацию уборки и поставки зерна государству (доклад на V пленуме Запсибкрайкома ВКП(б) 22 июня 1933 г.). Новосибирск: Партиздат, 1933. С. 10.

от репрессий, фактически совершали своего рода социальный суицид, уничтожая основы крестьянской идентичности.

Обратимся к практикам повседневного сопротивления. В условиях отсутствия легальных механизмов для диалога власти и общества анонимный (в большей степени) пассивный протест становился единственно возможным способом коммуникации, неподконтрольным органам ОГПУ (по крайней мере на стадии создания сообщения). Это могли быть письма «во власть» (как в абстрактную, так и конкретные органы), письма конкретным лицам (местным партийным и государственным служащим, беспартийным активистам), анонимные воззвания «к обществу» («к гражданам», «братьям», «крестьяне и рабочие» и пр. – всем тем, кто не имел отношения к власти), слухи, фольклор.

«Письма во власть» – один из паттернов социального поведения крестьянства, сочетающего в себе и конформистские, и протестные характеристики. Здесь мы видим поведение человека при попытке установить «диалог» с высшими государственными и партийными чиновниками, его аргументы в дискуссии, упреки, наболевшие вопросы. Важно обращать внимание на самоидентификацию автора, негласный формуляр такого «письма», интенции содержания (критика – скрытая/открытая, жалоба, просьба, воззвание и пр.).

Такие письма начинались с собственного представления автором, причем идентификация происходила в первую очередь с позиции социального статуса: «чтобы Вы не подумали, что я кулак или какой либо противник Советской власти, то я перво опишу кто я такой: я крестьянин, в настоящее время бедняк»[592]; «Я, гражданин Коцобей И. Ф. поселка Ивановка, Знаменского р-на, бедняк»[593],;«Я, конечно, не враг»[594]. Такая характеристика, во-первых, оправдывала сам факт обращения – представитель потенциальной социальной базы советской власти наверняка рассчитывал на

[592] ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 148. Направлено письмо в редакцию «Крестьянской газеты», в Москву. Автор: «Гр-н пос. Успенка, Черно-Курьинского ра-она, Славгородского округа Сибкрая Борозенец Е. Д.». Обращение: «Прошу поместить мое письмо на страницах вашей газеты и сообщить ЦИК». С пометкой: «ждут ответа».
[593] Там же. Л. 149. В редакцию газеты «Колхозная правда» г. Славгород. С пометкой: «прошу дать мне ответ через газету». Обращение: «Добрый день, уважаемый товарищ Редактор!»
[594] Там же. Л. 45. Автор: неизвестен. Обращение: «Товарищи, наши руководители райкомовцы-партийцы».

увеличение шансов рассмотрения письма. Во-вторых, такой подход предполагал (по мнению автора) некоторый иммунитет от преследования карательной системой.

В текстах, направленных «в общество» (воззваниях, прокламациях, листовках), коллективизацию нередко сравнивали с крепостным правом, имея в виду несвободу распоряжения собственным трудом и даже жизнью. В таких текстах ярче звучат интенции ненависти, нетерпимости к реализуемой политике, очевидна тенденция (но не всегда реализация) к общекрестьянской консолидации перед лицом партийного государства. Важными являются следующие моменты: интенция идентичности (осознание себя как реальной силы, имеющей право на сопротивление), требование свободной экономической деятельности («вольный труд»). Первое – результат политической эмансипации крестьянства, прошедшего через 1917 г. и, что более важно, Гражданскую войну. Второе – демонстрация того самого нереалистического типа конфликта по Л. Козеру. Для крестьянства важен факт владения землей, орудиями труда, скотом, право распоряжения собственным трудом и его продуктами, что противоречило политике этатизации деревни.

Очевидна интенция безнадежности и отчаяния, крестьянин в «низовом» нарративе становится беззащитным перед властью, его жизнь – зависимой от чуждых ему доктрин, интересов большевиков, настроений местных чиновников: «попробуй крестьянин доказать свою правоту и невинность, попробуй протестовать против наглого обвинения»[595].

Народные авторы не только критиковали существующую действительность, но и искали ей альтернативу. Проблема заключалась в том, что последняя была представлена совершенно разными, нередко утопическими, а порой и взаимоисключающими вариантами. Например, имперский период приобретал привлекательность наличием экономической свободы, стабильности и относительного благополучия населения: «При царизме жили свободно, денег было полным-полно, а при Советской власти гадской распустым у всех пусто»[596]. Однако, вопреки большевистским представлениям

[595] Там же. Л. 253. Автор: анонимный крестьянин. Подпись: «Обижаться т. СТАЛИНУ на то, что письма поступают без подписи подавателей, что затрудняет выяснение причин, полагаю не следует». Обращение: «Тов. СТАЛИН! Население крестьянства великодушно благодарит тебя…».
[596] Там же. Л.283–284. Автор: неизвестен, но содержание послания указывает на крестьянское происхождение.

об отсталости и патриархальности сельского населения, значительная часть последнего факт революции оценивала как реальное достижение. Обращение к дореволюционному периоду происходит только по линии достатка и экономических реалий в целом. Также общественное сознание воскрешало образ Керенского, совместно с ним – Временное правительство. Но таких обращений, как упоминаний и о царе, оказывались единицы.

Зато популярна интенция «чистой советской власти», «истинно народной», «выборной». Значительная часть авторов выступает за «социалистический» (при сохранении элементов экономической самостоятельности) строй, а сталинский режим воспринимает как новое закрепощение. Примечательно, что часть таких посланий апеллирует к фигуре Ленина, имея в виду, по-видимому, его опыт НЭПа: «Потеряли вы черту Ленина. Если вы потеряли, то мы опять пойдем искать ее все равно»[597].

Желанное общественно-политическое устройство страны без коммунистов было неоднозначным для анонимных авторов, но общими оставались несколько критериев: сохранение частной/смешанной собственности и неотчуждаемость частной, прекращение насилия и репрессий, прекращение искусственной дифференциации населения. Настаивал «голос протеста» и на участии в общественно-политической жизни, представительстве в низовых органах управления.

Теперь обратим внимание на то, что предлагали анонимные послания. Следует сразу подчеркнуть – «рецепт» для исправления существующего положения мы находим не в каждом послании, а наоборот, в их меньшей части. В деревне популярным мотивом сопротивления становились призывы к игнорированию мероприятий власти («не идите в коммуны»). Нередко авторы не только описывали все «достоинства» колхозной жизни, но и добавляли угрозы от себя за проявление конформизма. Наиболее радикальным и в то же время утопическим стал призыв к активному сопротивлению. Несмотря на очевидную утопичность таких воззваний, отсутствие возможности их реализации, подобные лозунги анонимных авторов в оперативных донесениях ОГПУ трактовались как «террористические», «антисоветские», призывающие к «свержению советской власти».

[597] Там же. Л. 160. Автор: неизвестен, но содержание послания указывает на крестьянское происхождение.

В посланиях адресатами оказывались и конкретные люди – государственные и партийные функционеры на местах, беспартийные активисты. В их адрес авторы направляли угрозы. Во-первых, это являлось попыткой ограничить произвол функционеров. Во-вторых, консолидация протестного потенциала легче реализовывалась посредством не только противостояния абстрактным «грабителям/палачам», но конкретным лицам. Показательным примером здесь может служить послание одному из двадцатипятитысячников: «Ленинградские комсволочи! Оставьте в ближайшее время коммуну “Сибпартизан” … Вас ждет больше чем жестокая расправа, которую Вы применяете к кулакам… Мы не Вы!...»[598]. Здесь мы обнаруживаем не только упреки за репрессии против «кулачества», но и веский аргумент, демонстрирующий раскол по линии деревня/город: «Мы – не Вы!». Поступали угрозы и тем, кто выступал в поддержку приезжих, стремясь получить от этого сотрудничества свои выгоды.

Официальная кампания смычки города и деревни, характерная для середины 1920-х гг., была призвана преодолеть спровоцированное гражданской войной разобщение не только между руководством и всем остальным населением, но и между социальными группами в стране[599]. Однако крестьянская идентичность оказалась сильнее, а зависимость города от деревни придавала последней чувство самодостаточности. Поэтому мир служащих и пролетариев вызывал у крестьян отрицание, ведь они получали продовольствие, в то время как деревня становилась их донором. И. С. Кузнецов называл это «ревностью к городу»[600].

Большое распространение как формы пассивного протеста получили слухи. Отметим, что слухи – не только орудие из арсенала крестьянского сопротивления («оружие слабых» по Дж. Скотту[601]), но своеобразный способ альтернативной коммуникации, что было особенно актуально в условиях информационной монополии большевиков. Крестьяне распространяли провокационные слухи о восстаниях в других

[598] Там же. Л. 196. Автор: неизвестен, подпись: «штаб». Однако высокий уровень грамотности, содержание текста указывают на возможное происхождение из интеллигенции. Условия и место обнаружения: в селе Ужур [Ачинский округ] в замке квартиры ленинградских рабочих.
[599] *Великанова О. В*. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х годов. М.: РОССПЭН, 2017. С. 153. *
[600] *Кузнецов И. С*. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психоисторические очерки). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т. 2001. С. 46.
[601] *Скотт Дж.* Оружие слабых: повседневные формы крестьянского сопротивления. М.: Циолковский, 2025. 533 с.

районах, об уже прошедшем или грядущем свержении советской власти, о движении иностранных войск, о приходе руководителей белых армий, о скорой «резне» («Варфоломеевской ночи») – массовых убийствах всех «зажиточных и кулаков» в одном случае, коммунистов – в другом. Имело место и самостоятельное искаженное толкование решений партии. Так, было распространено убеждение об объединении не только собственности в колхозах, но и женщин: «у жен коллективистов из сундуков заберут все добро и жены будут общими, на каждого коллективиста будет накладываться тавро»[602]. Широко были так распространены слухи о грядущем конце света, пришествии Антихриста, о жизни при новом крепостном праве. Великанова отмечает архетипичную природу таких надежд, свойственную «миру» деревни[603].

Слухи о грядущей войне и падении советской власти идентифицировались с освобождением от «гнета коммунистов» и переделом земли. Такие слухи сотрудники ОГПУ типичным для них образом трактовали как «своевременную подготовку кулачества и антисоветского элемента к выступлению против Соввласти». Активно распространяли слухи и представители духовенства. Причем в этих слухах было очевидным деление по принципу верующий и неверующий. Отметим тесную связь эсхатологических мотивов и реалий исследуемого периода. Угроза войны, присутствующая в народном дискурсе с 1927 г., здесь выступает как очищение от неверующих грешников: «В божьем писании сказано, что перед последним концом поднимется Китай и все сметет, вот он и начинается»[604]. Угрозы, кстати, были направлены и в сторону обновленцев, в рядах которых подобные слухи «вызывали некоторый переполох».

Слухи выполняли функцию компенсации дефицита информации, позволяли выстраивать альтернативную картину мира (формировали «теневой информационный рынок»). В совокупности слухов присутствуют иные (отличные от большевистской доктрины) причины объяснения происходящих событий (причем рациональность этих объяснений непринципиальна), в них зафиксированы прогнозы действий власти. Слухи

[602] ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 49–53. Распространял «антисоветские» слухи член церковного совета, середняк, бывший торговец Дроздецкий Роман.
[603] *Великанова О. В*. Разочарованные мечтатели… С. 132. *
[604] ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 2а. Д. 12. Л. 217. Автор: «середняк, активный деятель общины верующих Воропаев», «говорил бедняку Хромову», Новосиб. округ.

позволяли мобилизовать сельский социум, координируя таким образом пассивное сопротивление деревни, они же способствовали сплочению группы (в рамках процесса разрушения социальной структуры деревни «сверху»). Во многом слухи способствовали десакрализации власти, свергая с пьедестала информационной монополии партийный нарратив («крепостное право большевиков» вместо «добровольного вступления в колхоз»).

Отдельно необходимо упомянуть о такой специфической форме пассивного протеста деревни, как фольклор. Устно передаваемые народный опыт и знания стали «зеркалом» эпохи. Фольклор обретал форму песен, стихотворений, частушек, специфическим образом отражающих современную авторам ситуацию (в отличие от более «текучих» слухов). Если слухи – это альтернативная картина мира, новости «подполья», то фольклор – это историческая память, запечатленная в моменте. Народное сознание вырывало из жизни самые неприглядные ее моменты либо высмеивая их, либо искренне жалуясь на них. Ирония, сарказм, обилие эпитетов и метафор – вот характерные черты таких источников.

Протест, обличенный в такую форму, получал наибольшее распространение, был наиболее откровенен в своих чаяниях. Фольклор отражает мир деревни и ее трагедию в первую очередь – именно здесь, в своеобразном «оазисе» свободомыслия, мы можем максимально приблизиться к тому, как видели современники «великие социалистические преобразования». Пассивный протест, облеченный в традиционные фольклорные формы, позволял крестьянству легитимизировать свой опыт и переживания современных событий. Как и у слухов, авторство здесь – коллективное творчество.

Наиболее распространенными фольклорными формами, зафиксированными в делопроизводстве ОГПУ, были следующие. Частушки – «острое» орудие народной рефлексии, где протест выражается через сарказм, высмеивание и десакрализацию власти: «Долго мужик крестился не впопад говорил и плакал / Не выдержал наконец и

заплакал / “Мотайте на веретешко мои кишки, но нет больше / Я все отдал на излишки!”»[605].

С другой стороны, это были поэмы/песни, более близкие к специфической форме эпической трагедии, где протест выражается уже не через сарказм, а через скорбь, отчаяние и глубокое смирение с происходящими событиями. Главной трагедии – «сплошной коллективизации» – посвящена значительная часть обнаруженных в сводках ОГПУ поэтических форм. Фольклор точно описывал повседневную жизнь крестьянина, сохраняя драматическую историю советской деревни для потомков: «Мороз и снег и ветер буйный / В дороге жалких застает / И этой тяжкой ночью лунной / Ребенка трупик застыет»[606]. Сложно найти в других источниках наиболее приближенное к жизни описание реалий «социалистической реорганизации» деревни. Последняя, впрочем, к восстанию или другим формам сопротивления здесь уже не призывает, почти смиренно принимая сложившееся к 1930 г. положение: «О люди вы прощайте все / Лишь бог он ведает один»[607].

В исследуемый период трансформировался и ключевой институт крестьянского социума – семья. Именно через разрушение крестьянской семьи как самостоятельной и автаркичной единицы существования крестьянского социума большевики стремились укрепить свои позиции в деревне. Крестьянская семья разрушалась и как экономическая единица (индивидуальное крестьянское хозяйство), и как социальная. В социальном аспекте крестьянская семья являлась институтом сохранения традиционных (небольшевистских) ценностей, оплотом частной жизни, сферы интимного и личного, находящегося вне сферы политики партии. Сохранение этого института не позволило бы большевикам этатизировать сельский социум. Разрушение этой социальной структуры предполагалось по следующим направлениям: конфликты отцов и детей (индоктринация молодежи, стигматизация старших представителей семьи как «лишенцев»), женщин и мужчин (форсирование равноправия, принудительная эмансипация), репрессивное раскрестьянивание (ссылка одного члена семьи или

[605] ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 142–143. Славгородский округ, Родинский район, с. Вознесенка. Конец февраля – начало марта 1930 г.
[606] Там же. Л. 157–160.
[607] Там же.

нескольких), угроза распространения стигмы «врагов народа» на других членов семьи (отречение друг от друга членов семьи).

Крестьянская семья была вынуждена адаптироваться. Стратегии были разными: демонстративная лояльность, вступление в колхоз, попытки сохранения элементов личного хозяйства, тайная передача религиозных устоев и пр. Однако большевикам все же удалось лишить крестьянскую семью прежней автономности и независимости.

Трансформировался и институт крестьянской общины – от низового органа самоуправления она превратилась в коллективное хозяйство, где ключевые руководящие должности не избирались крестьянским социумом, а назначались сверху. Колхоз не имел самостоятельности в смысле планирования хозяйственной деятельности, являлся лишь исполнителем спускаемых директив и планов. Из органа консолидации сельского социума община превратилась в орган разрушения традиционной сельской структуры. Как социальный организм община была сломлена, хотя частично ее формы влились в структуру колхоза.

Разнообразные стратегии выживания (адаптации) в реалиях радикальной этатизации сельского социума в то же время имели обратную сторону. Они не только позволяли выжить в условиях «Великого перелома», но вели к глубокой трансформации общественного сознания. В условиях социальной аномии и радикального наступления партийного государства на деревню конформизм стал доминирующей формой социального поведения, необходимой для физического выживания. Конформность – тот тип социального поведения, который удерживает баланс существования социальной структуры, это базовый фундаментальный тип поведения индивидов в социуме (существование которого вообще возможно благодаря конформности). Однако возможны ситуации, в которых конформность может иметь деструктивный характер как по отношению к социальной структуре в целом, так и по отношению к конкретному индивиду[608].

[608] Конформность – это изменение в поведении или мнении индивида под влиянием реального или воображаемого давления со стороны другого индивида или группы // Аронсон Э. Общественное животное: введение в социальную психологию. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. С. 41.

Конформность является ключевым условием для внедрения и, что главное, расширения политического насилия. Чтобы быть эффективным, политическое насилие должно быть адаптировано к обществу, в котором оно применяется, и получать по крайней мере его молчаливую поддержку. Поэтому так важна в этом процесс роль наблюдателей политического насилия – лиц, не затронутых им напрямую, но четко осознающих его наличие. Принятие насилия и отношение к нему в социуме являются ключом к пониманию глубинных социальных и культурных преобразований, порождаемых использованием политического насилия[609].

Исследователями выделяются различные типы реакций (подчинение, идентификация, интернализация) в рамках конформности[610]. Действие паттерна подчинения (как правило, кратковременного) отчетливо иллюстрирует ситуация в деревне весной 1930 г. После ослабления давления на деревню после катастрофы начала 1930 г. начался массовый выход из колхозов. Крестьяне пользовались появившейся легально возможностью избежать участи коллективного производства. Напомним о стремительном снижении процента коллективным хозяйств: если к началу марта средний процент коллективизации по Сибирскому краю составлял 50,3 %, то к 10 апреля 1930 г. он снизился до 34,2%, к 20 апреля – до 28,1 %, к 1 июня – до 19,8 %[611]. Подчинение – тип поведения человека, мотивацией которого является желание получить поощрение или избежать наказания. Типичным для подобного поведения является то, что оно продолжается только до тех пор, пока не иссякнет надежда на поощрение или будет сохраняться угроза наказания.

Примерами идентификации (индивиды начинают верить / делают вид, что верят в правильность мнений и ценностей) может служить публичное отречение детьми «лишенцев» от своих родителей (попытка снятия стигмы), декларирование крестьянами верности и лояльности советской власти при обращении в эти органы власти (написание «писем во власть») с жалобами и/или критикой.

Вершиной в иерархии типов конформного поведения является интернализация. Интернализация представляет собой самую устойчивую, наиболее глубоко

[609] Torres G. M. State violence // The Cambridge handbook of social problems. 2018. Vol. 2. P. 381–398.
[610] *Аронсон Э.* Общественное животное… С. 56.
[611] *Гущин Н. Я.* Сибирская деревня на пути к социализму… С. 299.

укорененную реакцию на социальное влияние. К такому типу конформного поведения и стремились большевики, монополизируя информационное пространство, используя конфронтационный дискурс в пропаганде, играя на противоречиях деревни. Процесс интернализации носил противоречивый характер. Степень глубины этого процесса отражалась, в том числе, и в общественном мнении, которое носило не просто рецептивный характер, пассивно воспринимая пропаганду, но представляло собой относительно самостоятельную и активную субстанцию[612].

Насколько слабо ценности большевиков были интернализированы по отношению к сельскому социуму, демонстрирует протестный ответ деревни (следующий параграф) на события радикальной этатизации. Отметим, что в процессе интернализации важным компонентом является кредит доверия – им должен обладать индивид или социальная группа, снабжающий информацией того, кто является объектом интернализации. О низком кредите доверия акторов интернализации в сельском социуме более предметно мы говорили главе 2.

Политическое насилие использует уже существующие культурные разломы[613]. Большевики грамотно использовали существующие в деревне противоречия, активно их стимулировали и развивали, награждали активистов и лояльных власти, вели мощную пропагандистскую подготовку, вводили репрессивные мероприятия против зажиточной части деревни, что во многом обусловило их успех.

Те или иные коллективы в СССР исследуемого периода имели *черты тотальности*. Для тотальных общностей характерна личностная вовлеченность индивидов в производственную деятельность. Социальные группы различных уровней в тотальной общности требуют полной самоотдачи своих членов, страшатся конфликтов и стараются их избежать, находясь поэтому под угрозой разрушительных взрывов. Так как этатизация социума захватывала все сферы жизни по всем уровням вертикали, а культурное и идеологическое сопровождение «преобразований» носило милитаристский характер, то такие тотальные общности становились частью

[612] *Великанова О. В.* Разочарованные мечтатели… С. 220–221. *
[613] *Torres G. M.* State violence… P. 381–398.

повседневности. В подобных группах иной (идущий в разрез с большинством) поведенческий паттерн расценивался как экзистенциональная угроза.

Еще один неочевидный фактор, влияющий на социальное поведение индивидов, – конформность, проистекающая из наблюдений за другими. Такая ситуация возможна тогда, когда физическая реальность становится все более неопределенной, люди начинают все больше полагаться на социальную реальность[614]. Иначе говоря, они стараются вести себя конформно по отношению к поведению других вовсе не потому, что боятся быть наказанными группой, а потому, что группа снабжает их ценной информацией относительно того, каких действий от них ожидают. Конформность, проистекающая из наблюдений за другими (с целью получения информации о «правильном» поведении), обычно имеет более серьезные последствия, нежели та, что вызвана стремлением быть принятым группой или избежать наказания. В то же время большое влияние на поведение индивидов оказывал страх – в первую очередь страх за свою жизнь и жизнь своих близких.

Деструктивность конформности заключается также и в том, что конформность может менять социально-психологические характеристики индивида. Исследователи политического насилия отмечают, что применение последнего формирует все уровни социального взаимодействия для всех членов общества. Такие социальные взаимодействия активно формируются страхами, которые материализуются в призраках двусмысленности и непостоянной частичной лояльности. Это отражается в межличностных отношениях и выражается в постоянной секретности и лжи (попытки создания скрытых идентичностей)[615].

Помимо указанного выше, социальные структуры деревни ломались через стимулирование паттерна активизма, через попытки расширения большевиками своей социальной базы. Особенное внимание большевиков в процессе формирования нового человека уделялось двум социальным группам – молодежи и женщинам. Первым – как наиболее динамичной и восприимчивой части общества, тем, кто имеет небольшой социальный опыт, а значит, легко подвержен влиянию извне. Вторым – как наименее

[614] *Аронсон Э.* Общественное животное… С. 49.
[615] *Torres G. M.* State violence… P. 381–398.

эмансипированной и в силу этого легко восприимчивой части общества. Была и иная цель включения женщин в потенциальную социальную базу власти – таким способом большевики пытались повлиять на мужское население в деревне. Такую неформальную властную монополию женщин в деревне приходилось брать в расчет при проведении «сплошной коллективизации». В своем выступлении на совещании в Крайкоме партии с участием Л. М. Кагановича 8 апреля 1930 г. заместитель заведующего организационно-инструкторским отделом Сибкрайкома ВКП(б) Курганов отмечал: «…совершенно напрасно не говорят здесь о таком явлении, как женщины. С мужчинами в деревне вы сейчас не будете говорить. А если будете, то он будет вам поддакивать: все так, все правильно. А женщина сейчас является главным активом на собраниях. Женщины в первых рядах, а мужики сзади, в кустах, от них прячутся»[616].

Молодежь составляла большинство населения доколхозной деревни, при этом она уже в значительной своей части являлась носителем иных, отличных от традиционных для сельской местности ценностей, ведь их социализация, начиная с образовательных учреждений, уже проходила под влиянием большевистской доктрины, бывшей детищем прежде всего городской культуры. В деревне молодежь была брошена на дело «социалистической реконструкции». В условиях форсированной и принявшей принудительный характер «коллективизации» партийному руководству явно не хватало агентов власти в деревне. Партия отводила комсомольцам роль ударной силы.

Активизм как инструмент этатизации деревни способствовал разрушению существующей социальной структуры. Поэтому на местах активизм вызывал негативную реакцию со стороны других индивидов. Так, сельские комсомольцы и несоюзные активисты, ставшие агентами власти по реализации планов «переустройства» деревни, оказывались в жестких конфликтных условиях. Им пришлось выступать против того мира, выходцами из которого они были сами. Отсюда проистекали конфликты «отцов и детей», когда последние отрекались от первых во имя карьеры (если родители имели «неправильное» происхождение), а первые проклинали последних (за активизм и сотрудничество с властью). Первый случай описывает механизм перехода молодого человека, принадлежащего к категории «чужого» с

[616] Стенограмма заседания бюро Сибкрайкома ВКП(б) 8 апреля 1930 г. // Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. С. 281–282.

идеологический точки зрения (сын «лишенца», например), в категорию «своего». Условием перехода становилась своего рода инициация, выраженная в форме отречения от своего прошлого. Так, молодому активисту необходимо было доказать факт разрыва с семьей и публичного отречения от родителей (а также их осуждения). В ином случае стигматизирующий признак передавался молодому человеку «по наследству» и перекрывал возможности восходящей социальной мобильности.

Проявлялась и другая сторона советского провластного активизма, переходящего в произвол и даже бандитизм. Активизм, в первую очередь для «батрацко-бедняцких масс», во многом являлся способом улучшения материального благополучия. В ходе этатизации деревни большевики ломали прежнюю социальную структуру, монополизировали социальные лифты и институты местного самоуправления, включая в их состав в первую очередь «батрацко-бедняцкие массы». Последние, таким образом, получали легальный доступ для перераспределения ресурсов деревни. Отсутствие контроля агентами власти над применением насилия в деревне, императив ближайшего интереса, разрыв между целями и средствами достижения целей – все это стимулировало социальную напряженность. Следует отметить, что автору удавалось найти, хотя и выборочные, данные о наказании представителей власти за эксцессы, в том числе и за «нарушения соцзаконности», однако статистики осуждений активистов за уголовные преступления в деревне в 1930 году выявить не удалось. Эта линия требует отдельного исследования. Однако если данная гипотеза (о ненаказании низовых активистов (не агентов власти, но ее проводников)) верна, то данное явление следует характеризовать как низовой социальный бандитизм (даже не политический, а социально-уголовный бандитизм).

В то же время отметим, что для большевиков активисты являлись лишь инструментом, возобновляющимся человеческим ресурсом, позволяющим усиливать влияние на местах, с одной стороны, реализовывать «генеральную линию», с другой. Для самих активистов такой тип социального поведения являлся способом улучшить свое положение в социальной структуре раннесоветского социума в условиях ограниченной социальной мобильности. Однако провластный активизм как форма социального поведения во многом была не менее опасна, чем протест по отношению к

мероприятиям этатизации деревни – активисты нередко становились объектами насилия со стороны местного населения за свою провластную позицию, что усиливало социальную напряженность в социуме и стимулировало радикализацию социальных отношений в целом.

Таким образом, повседневность сибирской деревни представляла собой сложный неоднородный спектр адаптационных действий крестьянства – от форм пассивного сопротивления и попыток сохранить автономию и идентичность до использования социально-политической конъюнктуры. Сочетание пассивного конформизма большинства и конъюнктурного активизма меньшинства усиливало позиции большевиков. Радикальная этатизация сельского социума, таким образом, находила опору и соучастников внутри этого социума, разрушая социальную структуру деревни для утверждения новой идентичности советского колхозника и новой системы отношений между партийным государством и деревней.

4.3. Формы и динамика открытого протеста в сибирской деревне в условиях «Великого перелома»

Данный параграф полностью посвящен организованным, коллективным и видимым акциям протеста. Это «действие» в его наиболее явной форме. Крестьянский протест в рассматриваемый период демонстрирует массу различных способов открытого и скрытого противодействия как агентам власти, так и сельским активистам в деле воплощения курса на «социалистическую реконструкции сельского хозяйства» – от анонимных писем/листовок/прокламаций, устных угроз и самовольных собраний до массовых «волынок», избиений и даже убийств тех, кто осуществлял конфискации и высылки из деревни. Радикальные способы взаимодействия с властью – специфика деревенского протеста. Переход же от пассивных к активным формам сопротивления (как и наоборот) зависел от жизненных условий различных слоев деревенского населения.

Ранее мы уже описывали состояние сельского мира как состояние аномии. Рельефно этот факт иллюстрирует закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г., в котором указано следующее: «Если бы не были тогда [март 1930 г.] немедленно приняты меры против искривлений партлинии, мы бы имели теперь волну

повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших “низовых” работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение»[617].

Ранее мы уже обращались к концепции предикторов коллективных действий в среде рабочих[618]: воспринимаемая несправедливость и связанные с ней эмоции, социальная идентичность и самоэффективность. Рассмотрим протестные действия крестьян с этой точки зрения. Протест как форма социального поведения предполагает отчуждение от господствующих целей и стандартов. Их начинают считать чисто произвольными; а произвольное – не то, что может требовать приверженности и обладать легитимностью[619]. В рамках этатизации деревни социальные конфликты между институтами власти и раннесоветским социумом разворачивались по типу нереалистических (по Л. Козеру) конфликтов. Такой тип взаимодействия предопределял деструктивные следствия для социальной структуры, усиливал социальную напряженность, радикализировал взаимодействия внутри социума.

В тотальной общности, которую представлял собой СССР, конфликты, несмотря на подавление, в той или иной форме прорываются[620]. Конфликты в таких условиях проявляются обычно крайне остро по причине тотальной личностной вовлеченности индивидов в производство и накопленной скрытой враждебности. Социальные группы различных уровней в тотальной общности требуют полной самоотдачи своих членов, страшатся конфликтов и стараются их избежать, находясь поэтому под угрозой разрушительных взрывов[621]. Протест в условиях такой тотальной общности опасен как для группы, к которой принадлежит носитель протестного потенциала, так и для актора этого действия. Ренегатство демонстрирует и символизирует отказ от тех ценностей и норм, которые считаются жизненно важными для благополучия группы, если не для

[617] Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии» от 2 апреля 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 г. / под ред. В. П. Данилова, Р. Мэннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. С. 365–370.

[618] *Тюрин А. О.* Предикторы рабочего протеста в СССР в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.: социальная идентичность и самоэффективность (на материалах Нижневолжского региона) // Современные исследования социальных проблем. 2022. Т. 14, № 1. С. 14–36.

[619] *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006. С. 275.

[620] *Чешков М. А*. Развивающийся мир и посттоталитарная Россия. М.: Наука, 1994. С. 121–122.

[621] *Козер Л.* Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 91–96.

самого ее существования. Перечисленные особенности во многом предопределили формы, методы и результаты протестного поведения в ответ на этатизацию деревни.

Большевики предвидели вероятное сопротивление на селе, в связи с чем срочно укомплектовывали состав местных ОГПУ вспомогательными чекистскими частями, а процесс «раскулачивания» определяли максимально краткими сроками: «Нам необходимо до марта–апреля расправиться с кулаком и раз навсегда сломать ему хребет»[622]. Однако роль ОГПУ в этой «квазигражданской» войне не исчерпывалась лишь репрессивной практикой. Это подразделение являлось ключевым информационным каналом, фиксирующим ситуацию на местах. Специальные и оперативные сводки полномочных представительств ОГПУ направлялись в центр, становились основой для принятия тех или иных внутриполитических решений. В этих документах значение имел не только эмпирический, но и аналитический материал. Именно в оценке причин, хода и следствий тех или иных событий проявлялась роль этого ведомства как одного из акторов радикализации политики большевиков, о чем шла речь в главе 2.

«Терактами» сотрудники ОГПУ называли различные формы активного протеста в деревне. Это были коллективные или индивидуальные нападения на местных активистов, государственных и партийных служащих. Физическое насилие и покушения на убийства – все это уже появляется в пик хлебозаготовительной кампании в октябре 1929 г. (*Таблица 26*), к концу осени «градус накала страстей» снижается, снова уступив пассивным формам протеста. Но Постановления ЦК ВКП(б) от 5 и 30 января, начало «сплошной коллективизации» и «ликвидации кулачества как класса», отправка двадцатипятитысячников в Сибирь и прочие мероприятия «социалистической реконструкции» деревни становятся причиной новой волны насилия в деревне.

Таблица 26 – Динамика крестьянского протеста в 1927–1929 гг. по СССР (эпизоды)

«Проявления контрреволюционной деятельности кулачества»	1927	1928	1929
Уничтожение материальной базы коллективных хозяйств и совхозов (поджоги)	78	307	1604
«Террористическая детальность кулачества в отношении	901	1153	9137

[622] Записка заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды руководящим работникам ОГПУ с предложением разработать репрессивно-административные меры в отношении кулачества от 11 января 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 103–104.

партийного и советского актива (убийства и ранения)»			
«Провоцирование на открытые антисоветские выступления» (а также эпизоды массового сопротивления мероприятиям советской власти)	32	709	1307

Источник: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. П. Данилова, Р. Мэннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. С. 702–709.

Формы и методы сопротивления деревни этатизации трансформировались как в количественном, так и в качественном отношении по мере усиления давления на деревню. Как мы видим из таблицы, составленной по данным справки ОГПУ о «противодействии кулачества политике коллективизации и его выселении в 1929–1930 гг.» от 17 ноября 1930 г.[623], к началу радикальной этатизации уже очевиден рост социальной напряженности и насилия в деревне. Терминология источника нами закавычена, оценочные характеристики, указанные в ней («контрреволюционный», «террористический»), по понятным причинам следует «опустить». В сущности, речь идет об основных способах крестьянского сопротивления – уничтожении имущества (в данном случае – поджоги), физическое насилие по отношению к агентам власти, массовые выступления.

В первые месяцы 1930 г. уровень насилия в деревне кратно возрос. По данным той же справки, эпизодов массовых выступлений, «спровоцированных и возглавлявшихся кулачеством» в январе – 401 с 109 846 участниками, в феврале – 1066 с 214 196 участниками, в марте – 6512 с 1 434 588 участниками. Отметим, что речь идет только об эпизодах «кулацкой» активности, однако эмпирический материал делопроизводства ПП ОГПУ по Сибирскому краю свидетельствует о том, что акторами протеста становились как середняцкая, так и беднейшая части деревни. Число эпизодов с применением физического насилия по отношению к представителям власти и местным активистам в январе зафиксировано 808, в феврале – 1368 (это больше, чем за весь 1928 г.!).

В деревне развернулась действительно ожесточенная борьба вокруг реализуемых мероприятий, но противников и сторонников данной кампании оказалось не так легко определить по классовому признаку. И часто столкновения происходили не между

[623] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 702–709.

крестьянами, а между всем деревенским населением и органами власти и партии. Также неприятным открытием для власти стала не только поддержка средним крестьянством «кулаков», но и коллективные выступления в защиту последних. «У нас кулаков нет!» – распространенная реакция сельского населения на насильственную дифференциацию деревни. Проблема заключалась в том, что официальный дискурс навязывал «миру деревни» образ «врага» – «кулака». Для крестьян «враг» имел другое значение – в деревне враждебные силы включали, скорее, не деревенских кулаков, а рабочих, большевиков и горожан вообще.

«Волынка» – в данном контексте это стихийный массовый протест в деревне. Для него характерны: отсутствие лидера (в большинстве случаев), отсутствие подготовки выступления, его длительность. «Волынка» – «язык источника», очередной конструкт сотрудников спецслужб. Стоит отметить, здесь речь идет не о затягивании какого-либо рода работ (что, казалось бы, очевидно из этимологии слова), а именно о стихийности и массовости протеста («волынки» пришли из сферы рабочих протестов, где обозначали выступления, не согласованные с администрацией).

Особенностью крестьянского сопротивления исследуемого периода является высокая роль женщин в нем. Именно они оказались в эпицентре «антисоветских выступлений». Факты неожиданно для местной власти резко проявившегося женского участия в деревенском социальном протесте нашли свое отражение в растерянных донесениях «наверх». В частности, в справке ОГПУ «о противодействии кулачества политике коллективизации и его выселении в 1929–1930 гг.» от 17 ноября 1930 г. под грифом «совершенно секретно» сообщалось, что «в массовых выступлениях до 75 % участников составляют женщины»[624]. Эта тенденция коррелирует и с общесоюзным контекстом. Так, в справке ИНФО ОГПУ об отрицательных моментах в настроении женской части населения города и деревни от 25 августа 1930 г.[625] следует, что уже в 1929 г. массовые выступления с участием женщин приобрели «уже более острый характер». Отмечены и причины роста протестной динамики: хлебозаготовки,

[624] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 703.
[625] Справка ИНФО ОГПУ об отрицательных моментах в настроении женской части населения города и деревни. 25 августа 1930 г. // Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 3. 1930–1934. Кн. 1. 1930–1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. П. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. С. 420–427.

«продзатрудения» (голод), религиозная политика большевиков. Отдельно сотрудники ОГПУ отмечают большой процент выступлений с участием женщин, возникавших в защиту репрессируемых крестьян и духовенства.

По неполным данным, за 1929 г. по Союзу было зарегистрировано 486 массовых выступлений с поголовным участием женщин и 67 выступлений с большинством женщин-участниц (в то время как всего за 1929 г. по Союзу было зарегистрировано 1307 выступлений). Рост протестной тенденции продолжился и кратно усилился в первой половине 1930 г. Так, всего массовых выступлений по Союзу за январь–июнь 1930 г. зафиксировано 8707, причем свыше 2800 выступлений по составу участников являлись почти исключительно женскими. В этом же документе отмечено, что «эта цифра не может быть ни в какой мере полной, так как по целому ряду наиболее пораженных районов сведения не уточнены».

В публичном политическом пространстве это находит подтверждение в выступлении на XVI съезде партии 28 июня 1930 г. члена Политбюро Л. М. Кагановича, отметившего, что «в связи с перегибами в колхозном движении женщины в деревне во многих случаях сыграли наиболее “передовую” роль в настроениях против колхозов <…> кулак использовал в своих интересах значительную часть женщин»[626].

В дискурсе власти женский протест маркировался как «бабий бунт». Крестьянка, выступающая против политики коллективизации, являлась «бабой» – недалекой, аполитичной, не осознающей текущей политической/экономической/социальной ситуации, руководствующейся сиюминутными эмоциями и «собственническими интересами». Мышление в таких категориях лишало возможности оценки действий женщин как самостоятельных акторов, а также отрицало наличие ценностно-целевой координаты их действий. С точки зрения власти женский протест являлся восстанием охваченных истерией женщин, а сопротивление деревни – продуктом ее отсталости[627].

Канадская исследовательница Л. Виола в монографии «Крестьянский бунт в эпоху Сталина» оценивает процесс коллективизации и роль женщин в нем совершенно

[626] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 2. С. 70.
[627] *Игнатьева Е. А.* Женский протест как феномен радикального ответа политике насильственной этатизации сибирской деревни в первой половине 1930 г. // Идеи и идеалы. 2021. № 1. С. 460.

иначе. «Бабьи бунты», являвшиеся жестокими и на первый взгляд безрассудными проявлениями женского гнева, несли признаки продуманности или по крайней мере определенных устоявшихся форм поведения, которые говорят о том, что это были не просто неудержимые истеричные порывы. В целом автор оценивает «бабий бунт» как наиболее успешный «разрешающий метод» крестьянских массовых выступлений в период коллективизации, одновременно служивший эффективным средством защиты для мужчин деревни, а значит и для всех ее жителей[628].

Обратимся к региональной статистике «антисоветских проявлений», собранной полпредством ОГПУ, что позволяет проанализировать открытые выступления с зафиксированным в них участием женщин за первую половину 1930 г. в Сибири (445 событий, выполнено по ГАНО Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7). В соответствии с составом участников нами были выделены три категории: «чистый» тип (участники – только женщины), преобладающий (участники – преимущественно женщины) и общий/массовый (участники – «толпа», а действие расценивается как «волынка» в соответствии с терминологией чекистов).

Январь и февраль 1930 г. являются месяцами фактической монополии женщин на открытое сопротивление (здесь имели место лишь «чистый тип» и «преобладающий»). Мартовское «отступление» власти позволило расширить базу открытых выступлений – так в деревне появляются «общие/массовые» выступления. С января по май наблюдался устойчивый рост протестных действий всех типов, причем в период с января по март количество последних возрастало в 3–3,5 раза по отношению к предыдущему месяцу (с 7 эпизодов в январе до 81 в марте). Пиком протестной активности является май месяц (165 эпизодов). Это объяснимо: с конца апреля начинается очередная волна «хозяйственно-политических кампаний», объектом которых становилась деревня (помимо удержания колхозов от распада, это налоговые, посевные и иные кампании, реализация которых уже не обходилась без принуждения, угроз и репрессий). Одновременно и в противовес этому дают о себе знать и обостряются «продовольственные затруднения» (голод), из ссылки возвращаются беглые «кулаки», в защиту которых выступало местное население. Таким образом, динамика протестной

[628] *Viola L.* Peasant rebels under Stalin: collectivization and the culture of peasant resistance. New York: Oxford University Press, 1996. P. 190.

активности *(Приложение № 4)* зависела от конкретных мероприятий власти, состояния крестьянского хозяйства и сезонности сельской работы.

Наиболее активными в сопротивлении кампаниям «социалистической реконструкции» деревни являлись сельские жители Славгородского, Омского и Новосибирского округов Сибирского края *(Приложение № 5).* Это объяснялось сельскохозяйственной нагрузкой на южные территории (для первых двух) и близостью к краевой власти (для последнего). Минимальны выступления в национальных окраинах (Ойротия, Хакасия и Бурят-Монголия), а также в Кузнецком округе. Ни Ойротская автономная область, ни Хакасия, ни Бурят-Монгольская АССР не относились к основным зернопроизводящим районам Сибири и не несли столь высокой нагрузки по выполнению планов хлебозаготовок, как южные сельскохозяйственные округа (Славгородский, Рубцовский и др.), что делало их менее приоритетными для осуществления «реконструкции» и, как следствие, минимизировало сопротивление.

По своей форме протестное действие могло быть ответом на мероприятия власти и, наоборот, вызовом, свидетельствующим о росте социальной напряженности в обществе. Возможен также вариант перерастания «протеста-ответа» в «протест-вызов». Отметим, как в «чистом» типе, так и во всей совокупности массовых протестных выступлений очевидно преобладание именно «вызовов» (в «чистом» типе их 62 %, в «преобладании» – 31 %, в «массовом» – 71 %). Под «протестом-вызовом» мы подразумеваем социальное действие, не являющееся ответной реакцией на конкретные, реализуемые в данный момент времени и в данном месте мероприятия власти. В рамках этой модели поведения *«бабий бунт» – действие отнюдь не аффективного характера*, поскольку чертами последнего выступают внезапность возникновения, кратковременность протекания события. Аффективное действие является реакцией на конкретные мероприятия власти, это «протест-ответ» («чистый» тип – 35 %, «преобладание» – 67 %, «массовый» – 27 %). И мы видим, что для «чистого» типа (классического «бабьего бунта») – этот аффективный аспект социального действия отнюдь не характерен.

Общими (для «чистого» и «преобладающего» типов) и наиболее распространенными методами протестного действия являлись: действие «толпой»,

организация «волынки», выдвижение требований/ультиматумов, угроза и/или применение физического насилия по отношению к представителям власти и местным активистам, срыв изъятия хлеба/других продовольственных запасов, самовольное изъятие ранее обобществленного имущества, срыв высылки/«раскулачивания».

Редкими для данных типов являются следующие способы действия: срыв собраний и созыв самовольных, несанкционированных собраний, отправка делегаций в районные органы власти, изгнание представителей власти из сельских поселений, защита/караул арестованных, грабеж, порча имущества, срыв вселения в «кулацкие» дома, открытая агитация и распространение слухов, массовая демонстрация. Отметим, что два первых пункта (срыв собраний и делегации) составляют скорее исключение для этих типов социального протеста, однако в «массовом» они получают бóльшее распространение.

Далее рассмотрим *мотивационную составляющую* «бабьих бунтов». Обратим внимание на различие в приоритетах двух групп. «Чистый» протест нацелен в первую очередь на защиту имущества и вопросы выживания, «преобладающий» же – на защиту репрессируемых односельчан. Отметим, что к аффективному социальному действию мы можем отнести лишь три эпизода с мотивацией мести (что составляет 1,2 % по отношению к общему числу «бабьих бунтов» – как «преобладающего», так «чистого» типа). «Бабий бунт» не оказывался бессмысленным, не был он и беспощадным – лишь в 19 % случаев женщины применяли физическое насилие («чистый» тип + «преобладание»). Но эти 19 % эпизодов являлись следствием нужды и озлобленности доведенных до отчаяния: «Мы сегодня будем бить и вешать коммунаров»[629], «Кулаков не дадим, разорвем вас, если вы еще придете»[630], «Нам все равно погибать»[631].

В отчетах агентов ОГПУ применялась четкая градация форм протеста по числу участников: одиночное выступление, выступление группой (до 20 чел.) и толпой (от 20–25 чел. и выше). В рамках нашего исследования зафиксировано лишь 7 эпизодов «чистого» типа (акторы – женщины) одиночного протеста. Гораздо более характерными для деревни были коллективные акции: доминирующими категориями стали выступления численностью от 20 до 50 чел. и от 100 до 500 участников. Особый

[629] ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 321.
[630] Там же. Л. 361.
[631] Там же. Л. 316.

интерес представляют два эпизода, где количественные показатели уступают место качественной характеристике масштаба – «все село» или «вся деревня», что указывает на высшую степень консолидации локального сообщества.

«Бабьи бунты» обладали достаточно высокой эффективностью: в 46 % случаев требования женщин удовлетворялись (временно), еще в 11 % протестов завершались компромиссом. Отрицательный исход зафиксирован в 38 % эпизодов. Однако за сухой статистикой скрывается важная особенность: донесения ОГПУ, фиксируя провал выступлений, часто ограничиваются дежурными формулировками о «принятых мерах», оставляя за скобками реальную динамику событий. Успех же достигался там, где женщинам удавалось решать конкретные, жизненно важные задачи: не допустить повторного ареста возвращенцев, защитить имущество «кулаков» от раскулачивания или вселения коммунаров, принудить власть к выдаче продовольствия и сохранению семенных фондов. В этой связи женские волнения предстают не столько борьбой за узкогрупповые интересы, сколько формой репрезентации голоса тех, кто был лишен права голоса, – мужского населения, «бывших» и «кулаков».

В делопроизводстве ПП ОГПУ мы обнаруживаем эпизоды, когда активный массовый протест приводил к временному безвластию. Это произошло в двух крупных сибирских селах (Комарье и Согорное) Индерского района Новосибирского округа, где в период с 27 января по 1 февраля (по некоторым данным, до 30 января[632]) 1930 г. местная власть в результате «волынки» потеряла контроль над ситуацией. Согласно чекистской информации, волнения в указанных селах были спровоцированы экспроприацией имущества у нескольких десятков «кулацких хозяйств». При этом в селе Комарье «особенно активно себя проявляли женщины… группами приходили в сельсовет и требовали возвращения имущества кулакам и восстановления их избирательных прав»[633]. В селе Согорное острота того же вопроса усугубилась также обсуждением возможного закрытия церкви, что повлекло за собой начало «волынки» в этом селе. В обоих селах представители районной власти, приехавшие «утихомирить» крестьян, вынуждены были бежать оттуда. По агентурным сведениям, среди шести

[632] Там же. Л. 56.
[633] Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1930 – весна 1931 г. / сост. С. А. Красильников, В. Л. Кузнецова, Т. Н. Осташко и др. Новосибирск: Наука, 1992. С. 124.

«инициаторов эксцесса» в с. Согорном были три женщины («кулачки»)[634]. В с. Комарье, по тем же сведениям, среди участников «волынки» преобладали и проявляли активность также женщины. Требования протестовавших в обоих селах имели схожий характер: помимо требований о прекращении экспроприации имущества «кулаков» и возвращении им избирательных прав, появился и достаточно радикальный призыв о выселении из сел «активистов», проводивших директивы власти.

При этом выехавшая в эти села группа из района, включавшая сотрудников милиции и ОГПУ, действовала в отношении «зачинщиков волынок» жестоко. В начале февраля 1930 г. были проведены массовые аресты «инициаторов» протеста, а из 44 арестованных жителей указанных сел «особой тройкой» полномочного представительства ОГПУ по Сибкраю 28 человек приговорены к расстрелу, семь человек (один середняк и шесть «кулаков») – к разным срокам заключения и ссылке, три «беднячки» – условно к разным срокам[635].

Еще один эпизод массового и упорного сопротивления с активным участием женщин исследован С. А. Папковым[636]. В с. Бураново Черепановского района Новосибирского округа весной развернулась борьба за жизнь сельского священника Герасима Михайловича Теодоровича. Сначала священник стал жертвой экономической стигматизации (зима 1929–1930 гг.), затем (15 апреля 1930 г.) по связи с «контрреволюционной группой». Попытки местного милиционера арестовать Теодоровича не увенчались успехом: женщины, принесшие пастырю в дом молоко, криками собрали порядка ста человек односельчан. Толпа окружила милиционера, последнему пришлось убраться из села. После инцидента предпринимались попытки убедить жителей села прекратить сопротивление специальной бригадой из райкома ВКП(б) в сопровождении начальника милиции и уполномоченного ГПУ, закончившиеся, однако, ничем.

---

634 Там же. С. 125.

635 Наша малая родина: хрестоматия по истории Новосибирской области, 1921–1991 / сост. В. И. Баяндин, В. А. Ильиных, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов и др. Новосибирск: ЭКОР, 1997. С. 36–37; ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 126.

636 *Папков С. А.* «Великий перелом» и крестьянское сопротивление. Эпизод из жизни одного поселка весной 1930 г. // 1929: «Великий перелом» и его последствия: материалы XII Международной научной конференции (Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г.). М.: РОССПЭН, 2020. С. 298–305.*

Приехавшая позже новая группа переговорщиков во главе с представителем Черепановского райисполкома Бумаем предприняла новую (и вновь неудачную) попытку «усмирить» село. Крестьяне перехватили инициативу – стали требовать обсуждения вопросов о справедливом землеустройстве, о восстановлении в правах всех «лишенцев» и возвращении им имущества, об оплате подвод при выселении «кулаков» из села. Третья попытка власти арестовать священника закончилась катастрофой: 7 мая в Бураново прибыл вооруженный отряд из десяти человек под руководством того же Бумая. С появлением группы в селе крестьяне стали окружать дом священника. Толпа «примерно до 300 чел. начала бесчинствовать, нападать на милиционеров и бить их». Численность протестующих росла, собралось «почти все село». Толпа вооружилась «градом камней и палок», наиболее активные женщины «набрали соли и золы с целью засыпать глаза милиционерам, производившим арест попа». Чекисты отмечали, что мужчины, следуя примеру женщин, также переходили к «активным действиям». Прибывшая группа вынуждена была бежать из села.

Бурановская «волынка» (как и ряд других инцидентов, аналогичных этому) стала следствием действия нескольких факторов: грубая политика и произвол местных активистов, заявления «центра» о недопущении «крайностей» и «перегибов» на селе, бегство из ссылки «кулаков» (за них, как и за священника, и заступалась толпа). В ближней перспективе бурановцы добились своего: священника не арестовали, захваченные «кулацкие» дома и уцелевшее имущество «лишенцев» были возвращены их прежним хозяевам, организована общественная охрана, часть партийцев и активистов покинула село.

В течение следующих трех недель в селе осуществлялась операция по «ликвидации кулацких группировок»: 28 мая арестованы священник и его жена, а также другие участники «массовой волынки и бесчинств», 14 чел. (Теодорович в том числе) были приговорены к «высшей мере» и расстреляны в ночь на 14 июня 1930 г., 35 чел. приговорены к заключению в концлагере на срок от трех до десяти лет (23 из них –

условно). Последнюю группу обвиняемых по «барановскому делу» осудили «тройкой» ПП ОГПУ в сентябре 1930 г.[637]

Обратим внимание на реакцию власти на описанные кейсы – жесткая и несоразмерная действиям протестовавших. В первом случае из 44 арестованных 28 оказались расстрелянными, т. е. более половины, по «барановским» событиям – расстреляно 14 чел. Мы не имеем полных цифр расстрелов конца зимы – начала весны 1930 г. по Сибири (естественно во внесудебном порядке спецорганами ОГПУ). Однако масштаб наказания свидетельствует о фактической растерянности власти перед первыми массовыми протестами, когда массовые же расстрелы являлись формой вымещения власти за потерю, пусть и временную, и частичную своей управляемости.

Отметим, что акторами протеста являлись не только представители или близкие к ним репрессированных категорий сельского населения, что подтверждает нерелевантность тезиса «классовой борьбы» в деревне. Так, в с. Серебрянка в конце апреля «собралась группа женщин в количестве 20 чел., исключительно беднячки, под руководством делегатки беднячки Савельевой, около Потребобщества». Женщины выкрикивали следующее: «Нужно разбить кооперацию, вытащить имеющийся там хлеб и разделить между собой. Терпеть больше невозможно. Нам все равно идти в тюрьму или сдыхать с голоду». Помимо «антисоветских» высказываний, женщины «всячески угрожали зав. лавкой Сергееву – члену ВКП(б)»[638]. Приводимый эпизод не был исключением в череде донесений сотрудников ОГПУ.

Таким образом, главными мотивами для женщин являлась борьба против изъятий жизненно необходимых ресурсов, что грозило голодом, защита выселяемых или бежавших из ссылки «кулаков» и их семей, а также защита имущества (как репрессируемых односельчан, так и своего). Месть как мотивация к действию (избиения, ранения, покушения на убийство сельских активистов) занимала незначительное место в «бабьих бунтах» (1,2 % эпизодов).

Если среди протестных форм актуальными для женщин становились срывы собраний и созыв самовольных несанкционированных сходок, распространение слухов,

[637] Там же. С. 305.
[638] ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 17в. Л. 50.

то в зафиксированных случаях криминального характера (грабеж, поджоги, порча колхозного и общественного имущества и т. д.) роль женщин практически не прослеживается[639]. Также мы не «слышим» женщин, высказывавшихся «антисоветски» в разговорах, зафиксированных сотрудниками ОГПУ. Мы не видим их в составе делегаций, направляемых с жалобами в Новосибирск. Женщины крайне редко пишут письма «во власть». Интент-анализ редких обнаруженных текстов свидетельствует о наличии следующих интенций в них: просьба, жалоба, обвинение, оскорбление, угроза. Рациональное «зерно» критики и обвинений сочетается с традиционным мировоззрением. С одной стороны, женщины обвиняют власть в неправомерности репрессий, развернувшемся экономическом кризисе, физической и/или имущественной ликвидации социальных слоев деревни, обманутых ожиданиях, неквалифицированности и бездарности представителей «новой» власти, пропагандистской лжи, в жестком социальном неравенстве, доведении до самоубийств и убийств, варварских методах колхозного движения, государственном «грабительстве», разжигании конфронтации в сельском социуме. С другой стороны, мы обнаруживаем в женских текстах и архаичные пласты традиционный культуры: ксенофобия, мышление в монархических категориях, религиозность с элементами фанатичности и др.

В источниках встречаются эпизоды отказа мужчин от вступления в колхозы/коммуны из-за несогласия с данным решением жены: «Я бы хотел вступить членом в коммуну “Юный строитель”, которая граничит с нами, но жена и дети заявили, что я должен с ними расстаться навсегда»[640]. Так, большевики попадали в своеобразную ловушку. С законодательной точки зрения они предоставили женщинам права и равенство с мужчинами. С точки зрения повседневной практики для представителей власти деревенские женщины оставались по-прежнему истеричными «бабами».

Население деревни активно использовало статус аполитичных «баб» по отношению к женщинам. Такой шаблон позволял мужчинам избежать наказаний,

[639] *Игнатьева Е. А., Красильников С. А.* «Бабьи бунты» как социальное протестное действие в Сибири (первая половина 1930 г.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Двенадцатые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: сборник научных статей. Барнаул: Азбука, 2019. С. 113.
[640] ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7. Л. 148.

диапазон которых в зависимости от пола и происхождения протестовавшего варьировался от «высшей меры социальной защиты» до нескольких лет в лагерях или ссылке. Это предопределило своеобразное «разделение труда» в крестьянском протесте: за мужской частью деревни оставались все возможные легальные институализированные способы сопротивления политике власти (коллективные решения, письменные обращения к власти, делегации и т. д.), за женской – массовые, стихийные, на первый взгляд «аффективные», «антисоветские» действия.

Коллективизация сельского хозяйства никоим образом не создала «новых людей» в сельской местности и не уничтожила глубокого социокультурного различия между деревней и городом[641]. Напротив, она привела к возникновению социальной[642] войны в деревне, где «бабы» сыграли свою роль, и в определенные моменты – ключевую. Женщины выражали не только и не столько свои интересы, но и интересы вынужденных молчать мужчин, а также лишенных возможности отстаивать свои права «бывших» и «кулаков». Подобное достаточно масштабное социальное действие в условиях отсутствия легальной возможности влияния деревенского мира на аграрную политику партии оказывалось вполне адекватным средством для определенной корректировки осуществлявшегося ею курса.

Женский протест как часть общекрестьянского принудил власть корректировать свою политику, отступать от крайнего радикализма, искать некоторые компромиссы во взаимоотношении с крестьянством. Важно отметить частоту проявлений такого феномена эпохи ранней коллективизации, как так называемые перегибы – ключевой термин политического новояза. Основой для таких действий зачастую становились *проявления избыточного и экстремально высокого насилия* со стороны институтов власти, направленного на посягательство на экзистенциальные ценности крестьянского мира – право на жизнь, свободу и распоряжение своим хозяйственным потенциалом. Эти действия вызвали массовое и разнообразное сопротивление деревни, в котором особенно активную роль сыграла женская часть населения[643]. Женщины оказались

[641] *Скотт Дж*. Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005. С. 320.
[642] *Viola L*. Peasant rebels under Stalin: collectivization and the culture of peasant resistance. New York: Oxford University Press, 1996. P. 204.
[643] *Игнатьева Е. А*. Женский протест как феномен радикального ответа… С. 471.

наиболее чувствительным индикатором реакции на государственное насилие, что вынудило большевиков маневрировать в условиях этой «незнаменитой» войны с крестьянством.

Масштаб и разнообразие крестьянского протеста демонстрировали слабость власти большевиков в деревне. Сказывалась катастрофическая нехватка агентов власти на местах. Деревенские активисты были мобильно активированы на деструктивные акции (отъем имущества, определение состава высылаемых хозяйств и т. д.), отнюдь не на консолидированные, конструктивные действия в осуществлении государственной программы реорганизации аграрной экономики страны. Оказывалось, что крестьянский мир ценностно консолидировался более в отстаивании своих интересов, нежели вокруг планов «форсированной коллективизации» и «ликвидации кулачества как класса». Вопрос о коллективизации в глазах крестьянского населения ставился весьма радикально – жизнь или смерть (причем для обеих сторон – как для крестьян, так и для местных функционеров). Именно это обусловило степень жестокости конфликта – потенциал коллективного насилия в деревне был существенное выше в сравнении с городом.

Протестный паттерн поведения с точки зрения структурного функционализма является девиантным. Высокая интенсивность девиантного поведения объясняется не тем, что люди, составляющие их, обладают какими-то особыми биологическими/классовыми/прочими предрасположенностями, а потому что они *нормально* реагируют на *экстремальную* социальную ситуацию, в которой они оказываются. В данном случае мы имеем «нормальную реакцию людей на ненормальные условия». Под «нормальной» имеется в виду психологически ожидаемая или даже одобряемая в культуре реакция на определенные социальные условия[644]. Это, конечно, не отрицает роли биологических и личностных различий в степени проявления девиантного поведения.

Масштабные трансформации в рамках радикальной этатизации производились насильственным и принудительным характером, приводили к депривации сельского населения, социальной эксклюзии и маргинализации его части (зажиточного

[644] *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура… С. 244.

крестьянства), росту фрустрации. Предрасположенность к агрессивному акту в состоянии фрустрации – это часть биологической природы человека. Чем сильнее воспринимаемая угроза жизни, тем сильнее будет насильственный ответ.

Возвращаясь к анализу предикторов коллективных действий, необходимо отметить, что эмпирические данные свидетельствуют о высоком уровне воспринимаемой несправедливости и связанных с ней эмоциональных реакций среди крестьян. В отличие от рабочих, у крестьян наблюдается значительный уровень социальной идентичности, что способствует формированию мотивации к коллективным действиям. В то же время уровень самоэффективности в реализации коллективных инициатив оставался низким, за исключением редких случаев.

Таким образом, структуры повседневности крестьянской жизни и их восприятие несправедливости формируют особую динамику протеста, где эмоциональные реакции и сильная социальная идентичность выступают важными предикторами коллективных действий. В то же время низкий уровень самоэффективности подчеркивает ограниченность возможностей крестьян самостоятельно влиять на ситуацию без внешней поддержки или изменений в институциональной среде. Действия институтов власти партийного государства несли в себе ценностно-рациональный характер классификации социального поведения по Веберу, где идеология и доктрина играли важную роль, но при этом проявлялись и целерациональные мотивы («откаты» радикализма в целях экономической стабилизации), тогда как действия крестьянства представляли собой более широкий диапазон веберовской классификации – от целерациональных до традиционных действий.

Обоюдное и усиливающееся насилие становилось ключевым стержнем взаимодействия между институтами власти и сельским социумом в условиях радикальной этатизации. Попытка власти «обезглавить» протест превентивными арестами привела к обратному результату: она спровоцировала ответную мобилизацию, где импульс, созданный воспринимаемой несправедливостью и сильной социальной идентичностью, наталкивался на катастрофически низкую самоэффективность и тотальное доминирование государства. Это противоречие между готовностью к действию и отсутствием реальных возможностей для успеха и предопределяло

трагическую обреченность крестьянского сопротивления, замыкая его в ловушку безальтернативного и заведомо проигранного противостояния.

Трансформации сибирской деревни во второй половине 1920-х и 1930-х годах отражает сложный и многогранный процесс так называемого социалистического (по терминологии В. А. Ильиных) раскрестьянивания, в ходе которого происходит не только количественное сокращение крестьянского населения в связи с миграционными потоками и демографическими изменениями, но и качественные преобразования в структуре и самосознании крестьянства. Раскрестьянивание – длительный и многомерный процесс, включающий в себя кардинальную трансформацию различных экономических, социальных, демографических и психологических характеристик крестьянства, определяющих его как класс[645]. В основе превращения крестьянства в новую страту общества – сельский пролетариат – лежит ликвидация единоличного (семейного) хозяйства, представляющего базовую единицу его социальной самоорганизации. Реализовывался этот процесс по нескольким направлениям: репрессии по отношению к «нежелательному контингенту» (физическая ликвидация или ссылка), принудительное включение в систему коллективного хозяйства (связанное с процессом самораскрестьянивания), массовое беженство из деревни.

Процессы так называемого социалистического раскрестьянивания в сибирской деревне во второй половине 1920-х годов – начале 1930-х гг. оказали глубокое влияние на социальную структуру и психологический облик крестьянства. Они привели к существенной трансформации традиционных форм хозяйствования и ценностных ориентиров. Эти изменения сопровождались утратой прежних органических связей с землей и результатами труда, с институтом семьи, что в свою очередь повлияло на морально-этические основы крестьянской общности. В результате происходящие процессы не только сокращали численность крестьянства и других традиционных слоев деревни, но и кардинально меняли его внутренний мир и место в советском социуме, что отражало процесс радикальной этатизации деревни. Отметим, впрочем, что крестьянство в ходе этатизации превратилось не в наемных, а в зависимых от государства крестьян (податное состояние, налогово-повинностное обременение,

[645] Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г. С. 3.

неэквивалентная оплата труда, невозможности/ограничения миграций и т. д.), что представляло собой полумаргинальное состояние, очевидно неравное городским рабочим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рубеж 1920–1930-х гг. стал кульминацией насильственной трансформации социума, когда противоречия между властными проектами и реальностью (включая сопротивление традиционных структур) достигли пика. Ключевым понятием, раскрывающим суть и масштаб изменений, выступает радикальная этатизация – стремление к огосударствлению всех сфер жизни социума. Этот процесс был органичным элементом общей логики перестраивания в жестко централизованную систему, где партийное государство являлось единственным источником власти, собственности, информации. Радикальное огосударствление означало подчинение общества интересам власти, редукцию его субъектности и превращение в преимущественно пассивный объект провозглашаемых преобразований и ресурс для укрепления власти.

Процесс этатизации реализовывался комплексно. В политической сфере это проявлялось через ликвидацию любой оппозиции и создание жестко централизованной иерархической структуры власти. Политическое пространство унифицировалось в вертикаль власти, не допускающую проявлений плюрализма на местах. В экономической сфере огосударствление реализовывалось через утверждение монополии государственной собственности, что ставило население в полную зависимость от государства, превращая экономику в инструмент унификации, подчинения и социальной инженерии (перераспределение ресурсов, иерархия по уровню лояльности). В социоструктурной сфере процесс огосударствления реализовывался через уничтожение (социальное или физическое) одних групп и насильственную трансформацию основ жизнедеятельности других (социальная инженерия), стимулирование социальной напряженности и атомизации в социуме. Социально-психологическая основа этатизации социума выражалась в манипулировании общественным сознанием. В социально-психологической сфере огосударствление реализовывалось через манипуляцию общественным сознанием, стимулирование атомизации общества путем разрушения горизонтальных связей и культивирование образа государства как единственного гаранта существования индивида.

Ключевым инструментом реализации этатизации выступал политический радикализм. Он являлся универсальным способом трансформации раннесоветской социальной системы в условиях кризиса во взаимоотношениях институтов власти с базовыми социальными общностями. Радикальные действия власти порождали ответную социальную напряженность и радикализацию действий «снизу», что вызывало новое, еще большее насилие «сверху». Государственное насилие являлось не «перегибом исполнителей», а сущностной чертой выбранного метода осуществлявшихся в стране преобразований.

Институты власти в процессе огосударствления социума также подвергались трансформации. Три «вертикали» (партийная, советская, охранительная) власти соперничали друг с другом, параллельно контролируя деятельность друг друга. Слабые позиции советских и партийных органов в сельской местности большевистское руководство рассчитывало компенсировать мобилизационными и репрессивными технологиями. Особая роль в осуществлении антикрестьянских репрессий отводилась органам ОГПУ. Функции и полномочия последних существенным образом расширились в исследуемый период. Трансформировалась правоприменительная система – судопроизводство ускорялось, становилось все более неравным, часть судопроизводства уходила во внесудебные структуры (ОГПУ). Отчетливо видна тенденция радикализации нормативной и правоприменительной практики по линии «контрреволюционных преступлений» и преступлений по линии ключевых хозяйственных кампаний.

В системе сформировавшихся новых центр-региональных отношений Сибирь рассматривалась в качестве одной из ключевых ресурсных баз для индустриальных и аграрных преобразований. Региональные агенты власти одновременно выступали исполнителями директив центра и объектами санкций за провалы политики. В большевистской системе власти центр перенаправлял последствия неизбежно возникавших собственных противоречий и просчетов на региональных и местных исполнителей. В этой управленческой иерархии обратная связь проявлялась в том, что региональное руководство стремилось выполнять директивы в сверхнапряженном (мобилизационном) режиме. Проверки исполнения, осуществлявшиеся центральными «эмиссарами» (приезды в регион с чрезвычайными полномочиями весной 1930 г. Л. М.

Кагановича и Н. В. Крыленко), неизбежно влекли за собой кадровые «чистки» вплоть до уголовных репрессий в отношении низовой номенклатуры. Особая роль в проведении партйиных директив на местах отводилась органам ОГПУ.

Поощрение достижения, как правило, чрезвычайных целей и чрезвычайными средствами толкало функционеров к девиантному поведению (так называемым перегибам). Массовый и жестокий произвол агентов власти на местах являлся не эксцессом исполнителей, а выражением эксцессивной природы и практики политического радикализма верхов. Стратегии поведения низовых агентов власти варьировались от активного и часто инициативного проведения политики с использованием широких рамок дозволенного насилия до попыток снизить радикализм директив, прежде всего из соображений самосохранения. По Р. Мертону, система, поощрявшая достижение целей любыми средствами при недостаточности институциональных способов их достижения, сама порождала состояние аномии и толкала своих функционеров на использование ненормативных способов достижения цели. Произвол становился обыденной практикой, если он вел к выполнению плана, что в итоге радикализировало политику на местах и способствовало дальнейшему укреплению репрессивного характера государства.

Институциональная система партийной и советской власти в период «социалистических» преобразований оказалась неготовой к чрезвычайной нагрузке, оказываемой на региональные и местные аппараты управления, столкнулась с кризисом легитимности на местах. Система работала по принципу латания кадровых «дыр», в то же время перманентно подвергая репрессиям низовой аппарат управления.

Процесс этатизации в городе реализовывался более постепенно, однако его начало приходится на нач. 1920-х годов – сразу после национализации промышленного сектора и монополизации партийных институтов в управлении. К концу 1920-х годов городское население было практически лишено возможности вести экономическую деятельность вне рамок партийного государства, что значительно ограничивало их самостоятельность и инициативу. В отношении рабочего класса, номинально провозглашенного гегемоном, применялась политика подчинения через сочетание преференций и жесткого контроля. Повседневность рабочих демонстрирует противоречие между транслируемым большевиками образом класса-гегемона/авангарда

общества и реалиями жизни социальной группы, разными способами отстраняемой от рычагов власти, полностью зависимой от партийной номенклатуры, являющейся лишь номинальным авангардом. Результатом стало формирование феномена «государственно-зависимого» пролетария, что входило в противоречие с декларируемыми целями воспитания «социалистического сознания». Представители средних городских слоев пытались сохранить автономию через стратегии ухода и минимального взаимодействия с властью, однако усиление тотальности контроля и включение всех горожан в общие производственные процессы делали такие паттерны поведения все менее реалистичными, вынуждая их к рациональному конформизму.

Репрессии коснулись жизни горожан, однако их масштаб был меньшим в сравнении с деревней, где репрессивные меры более жесткие и системные. Протестный потенциал города оказался значительно ниже, чем у сельского населения. Это объяснялось более длительным процессом этатизации, более мощной идеологической обработкой, монополизацией всех аспектов экономической и социальной жизни городов партийным государством. Таким образом, городская среда стала частью системы централизованного управления с меньшей степенью сопротивления со стороны населения по сравнению с деревней, что позволяло режиму более эффективно реализовывать свои планы по индустриализации и «социалистической» трансформации общества.

В деревне политика форсированного огосударствления проводилась методами прямого физического насилия и разрушения базовых социальных единиц – самостоятельных семейных хозяйств. Повседневность сибирской деревни представляла собой сложный неоднородный спектр адаптационных действий крестьянства – от форм пассивного сопротивления и попыток сохранить автономию и идентичность до использования социально-политической конъюнктуры. Сочетание пассивного конформизма большинства и конъюнктурного активизма меньшинства усиливало позиции большевиков. Радикальная этатизация сельского социума находила опору и соучастников внутри этого социума, разрушая социальную структуру деревни для утверждения новой идентичности советского колхозника и новой системы отношений между партийным государством и деревней.

Сущностной характеристикой изучаемых в исследовании процессов явилась инспирированная большевистским государством радикальная этатизация жизнедеятельности крестьянского социума, вызвавшая у последнего встречную протестную антигосударственную радикализацию в поведении и действиях, носившую волнообразный и неустойчивый характер и не имевшую позитивного целеполагания и исхода. Сибирский регион в 1929 г. и затем в 1930-м г. являлся для власти одним из наиболее протестных регионов страны. Сибирь входила в число пяти наиболее активно охваченных протестами крупных административных образований России. В условиях взаимной радикализации – протестной со стороны крестьянства и карательной со стороны власти – антикрестьянские репрессии носили очевидно избыточный характер, превышавший реальную угрозу власти со стороны крестьянства.

Массовая миграция из деревни, вызванная политикой радикальной этатизации, привела к глубокой дестабилизации городской жизни. Перенаселение, обострение жилищной проблемы, дефицит, высокая заболеваемость и смертность – все это стало следствием не объективных экономических законов, а сознательного политического выбора, направленного на форсированную перекачку ресурсов, в том числе человеческих, из аграрного сектора в индустриальный. Демографический потенциал региона, имевший шансы на восстановление после предыдущих катаклизмов, был осознанно принесен в жертву ради достижения политических и экономических целей режима.

В системе административной («социалистической») экономики происходило отчуждение продукта производства от производителя, касалось это и сельского, и городского населения. Лишение свободы экономической деятельности лишало свободы политической. Радикальная этатизация оказала деструктивное влияние на социальную структуру: конфликтность, высокий показатель социальной напряженности, возрастающая динамика конфликтов с применением физического насилия, физическая и/или социальная ликвидация (маргинализация) социальных групп населения, провоцирование конфликтов в социуме, искусственная и нередко насильственная дифференциация населения, жесткое и жестокое подавление протестного потенциала, перевод последнего в пассивные формы, оказывающие не менее травмирующее

повседневное влияние как на индивида, так и на социум в целом. Страх стал частью повседневности и оказывал существенное влияние на социальное поведение индивидов. Все это приводило к необратимым изменениям на социально-психологическом уровне индивидов и социальных групп.

Таким образом, начавшееся на рубеже 1920–1930-х гг. форсированное огосударствление являлось целенаправленным проектом, реализованным посредством политического радикализма. Радикализм как способ преобразования системы соответствовал фазе становления сталинской системы власти с присущими ей характеристиками (социальная мобилизация, охранительность, индоктринация, монополия на информационное пространство). Однако реализация этатистского проекта посредством политического радикализма привела не только к краткосрочным результатам, но и долговременным последствиям – к глубочайшей трансформации социальной структуры раннесоветского общества, демографическим потрясениям, формированию типа зависимого от государства индивида, драматическим перекосам в структуре национального хозяйства страны, к ощутимому ухудшению условий жизни населения, утверждению в стране режима личной власти, основанного на слиянии партийного и государственного аппарата, монополии на собственность и информацию, и держащегося на перманентной кадровой мобилизации и социальной инженерии, осуществляемых различными методами, включая и опыт политического радикализма.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВКП(б) – Всероссийская Коммунистическая партия (большевиков)

ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАТО – Государственный архив Томской области

Госплан – Государственный плановый комитет

ИТР – инженерно-технические работники

ИТС – Инженерно-техническая секция

КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога

КрайОНО – Краевой отдел народного образования

МБИТ – Межсекционное бюро инженеров и техников

МТС – машинно-тракторная станция

Наркомторг – Народный комиссариат торговли

НБ ГАРФ – Научная библиотека ГАРФ

НК РКИ – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции

НКТруд – Народный комиссариат труда

НКФин – Народный комиссариат финансов

НКЮ – Народный комиссариат юстиции

НЭП – новая экономическая политика

ОАО – Окружной административный отдел

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

ОДВА/ОКДВА – Особая Краснознаменная Дальневосточная армия

Окрисполком/ОИК – Окружной исполнительный комитет

Окрсуд – Окружной суд

ОМБИТ – Окружное межотраслевое бюро инженеров и техников

ООГПУ – Окружной отдел ОГПУ

ПП ОГПУ – Полномочное представительство ОГПУ

райЗО – Районное земельное отделение

райФО – Районное финансовое отделение

РАО – Районный административный отдел

РГБ – Российская государственная библиотека

Райисполком/РИК – Районный исполнительный комитет

РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция

Сибкрайздравотдел – Сибирский краевой отдел здравоохранения

Сибкрайколхозсоюз – Сибирский краевой колхозный союз

Сибкрайком – Сибирский краевой комитет ВКП(б)

Сибкрайисполком/СКИК – Сибирский краевой исполнительный комитет

СМБИТ – Сибирское межотраслевое бюро инженеров и техников

СНК – Совет народных комиссаров

УСМ – Урало-сибирский метод (хлебозаготовок)

ФЗУ – Фабрично-заводское училище

ЦДНИ ИО – Центр документации новейшей истории Иркутской области

ЦДНИ ТО – Центр документации новейшей истории Томской области

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЦКК – Центральная контрольная комиссия

ЦРК – Центральный рабочий коллектив

ЦСУ – Центральное статистическое управление

Список использованных источников и литературы
Источники

Архивные материалы

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО)

1. **Ф. П-2.** Сибирский краевой комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), г. Новосибирск.
2. **Ф. П-90**. Черепановский районный комитет Коммунистической партии Советского союза.
3. **Ф. Р-47**. Исполнительный комитет Западно-Сибирского краевого совета депутатов трудящихся, г. Новосибирск.
4. **Ф. Р-531.** Западносибирское краевое межсекционное бюро инженеров и техников при Западносибирском краевом совете профессиональных союзов, г. Новосибирск.
5. **Ф. Р-627.** Совет профессиональных союзов Западно-Сибирского края.
6. **Ф. Р-1027.** Новосибирский областной суд Министерства юстиции РСФСР.
7. **Ф. Р-1072.** Земельное управление исполнительного комитета Западно-Сибирского Краевого совета депутатов трудящихся, г. Новосибирск, декабря 1925 г. – сентябрь 1937 г.
8. **Ф. Р-1228.** Исполнительный комитет Новосибирского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Государственный архив Томской области (ГАТО)

9. **Ф. Р-195.** Томский окружной исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (окрисполком).
10. **Ф. Р-224.** Томский окружной суд.

Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО)

11. **Ф. 3790**. Первичная организация ВК(б) Томского лагерного пункта Сиблага НКВД СССР.
12. **Ф. 3791.** Первичная организация ВКП(б) Томского окружного отдела ОГПУ.

Центр документации новейшей истории Иркутской области (ЦДНИ ИО)

13. **Ф-123**. Восточно-Сибирский краевой комитет партии (Крайком). *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)*

14. **Ф. Р-1235.** Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

15. **Ф. Р-374.** Центральная контрольная комиссия ВКП(б) – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции СССР (ЦКК ВКП(б) – НК РКИ СССР).

Опубликованные материалы

Делопроизводственные материалы

16. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. М.; Л., 1926. 1029 с.

17. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930. VIII, 781 с.

18. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. 1925–1953. Изд. седьмое. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. 1953. 952 с.

19. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). Т. 5: 1929–1932 / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. М.: Изд-во политической литературы, 1984. 446 с.

Научные издания и публицистика

20. Бруцкус Б. Голод и коллективизация // Современные записки. № 1–2. 1933. Париж. С. 415–432.

21. Бруцкус Б. Советская Россия и социализм. Статьи. СПб.: АОЗТ «Журнал “Звезда”», 1995. 232 с.

22. Бруцкус Б. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. 1922. № 1–3. URL: https://archive.org/details/brutskus_1 (дата обращения: 01.06.2025).

23. Бухарин Н. И. Заметки экономиста: к началу нового хозяйственного года. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 55 с.

24. Бухарин Н. И. Путь к социализму. Избранные произведения. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 494 с.

25. Грядинский Ф. П. На социалистическом подъеме: сокращенная стенограмма доклада председателя Запсибкрайисполкома т. Ф. П. Грядинского на I Западно-сибирском краевом съезде советов. Новосибирск: ЗапСиботделение, 1931. 32 с.
26. История ВКП(б). Краткий курс. М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1946. 352 с.
27. Лаговиер Н. О. Советская прокуратура и ее значение для крестьянства. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. 32 с.
28. Ленин В. И. Государство и революция. М.: Госполитиздат, 1953. 120 с.
29. Молотов В. М. О колхозном движении: Настоящая брошюра представляет собой речь на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) с некоторыми сокращениями. М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. 32 с.
30. Рубен Р. За большевистские темпы. Гориздат РСФСР «Московский рабочий». 1930. 48 с.
31. Сибирская советская энциклопедия. Том второй: З-К / Азадовский М. К. (ред.). Новосибирск: Западно-сибирское отделение ОГИЗ, 1931. 1152 стб.
32. Сиротнин П. Н. Борьба за хлеб – борьба за социализм. Л.: Ленпартиздат, 1933. 32 с.
33. Сталин И. В. Год великого перелома: К двенадцатой годовщине Октября. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 32 с.
34. Сталин И. В. Головокружение от успехов // Советская Сибирь. № 52. 4 марта 1930 г. С. 1.
35. Сталин И. В. Ответ товарищам колхозникам // Правда. № 92. 8 апреля 1930 г.
36. Сталин И. В. Соч. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1948. Т. 8. 382 с.
37. Сталин И. В. Соч. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1949. Т. 11. 382 с.
38. Сталин И. В. Соч. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1949. Т. 12. 398 с.
39. Сталин И. В. Соч. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1951. Т. 13. 424 с.
40. Троцкий Л. Д. Преданная революция. М.: АСТ, 2024. 350 с.
41. Троцкий Л. Д. Сталин: в 2 т. / под ред. Ю. Г. Фельштинского. Т. 1. М.: Терра; Политиздат, 1990. 323 с.
42. Троцкий Л. Д. Сталин: в 2 т. / под ред. Ю. Г. Фельштинского. Т. 2. М.: Терра; Политиздат, 1990. 285 с.

43. Хатаевич М. М. Вперед к новым победам: Доклад т. Хатаевича на собрании Самарского партактива о решениях ЦК ВКП(б). М.: Гос. изд-во, 1931. 61 с.

44. Эйхе Р. И. За большевистскую организацию уборки и поставки зерна государству (доклад на V пленуме Запсибкрайкома ВКП(б) 22 июня 1933 г.). Новосибирск: Партиздат, 1933. 65 с.

Периодические издания

45. Советская Сибирь. Новосибирск, 1929–1931.

46. Социалистический вестник. Берлин, 1929–1930.

Сборники документов и материалов

47. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. док. в 10 т. Т. 8 в 2 ч. 1930 г. Ч. 2 / отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров, Г. Н. Севостьянов. М., 2008. 884 с.

48. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: Документально-монографическое издание / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011. 608 с.

49. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. Том 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. / ред. коллегия тома: В. П. Данилов, О. В. Хлевнюк (отв. ред.), Н. В. Муравьева, Н. А. Сидоров. М.: МФД, 2000. 495 с.

50. Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5 т. Том 2. Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. Ред. коллегия тома: В. П. Данилов, О. В. Хлевнюк, А. Ю. Ватлин (отв. ред.), Е. Е. Кириллова, Л. Н. Малашенко. М.: МФД, 2000. 719 с.

51. Коллективизация сибирской деревни. Январь–май 1930 г.: сборник документов / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. 488 с.

52. На аграрном фронте Сибири. Кампания 1932–1933 гг.: документально-монографическое издание / отв. ред. В. А. Ильиных. Новосибирск: Сибпринт, 2016. 224 с.

53. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог: в 3 т. Т. I. 1919–1929 / редкол. Г. М. Адибеков. (отв. ред.) и др. М.: РОССПЭН, 2000. С. 676–678.

54. Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов: сборник / сост. И. В. Курилов и др. М.: Политиздат, 1991. 462 с.

55. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 г. Ч. 1. Отдел первый. М., 1930. 575 с.

56. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 1. 1918–1922 гг. / под ред. А. Береловича, В. П. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. 861 с.

57. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 2. 1923–1929 гг. / под ред. А. Береловича, В. П. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. 1168 с.

58. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 3: 1930–1934 гг. Кн. 1 / под ред. А. Береловича, В. П. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. 860 с.

59. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 1: май 1927 – ноябрь 1929 / под ред. В. П. Данилова, Р. Мэннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН 1999. 880 с.

60. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. П. Данилова, Р. Мэннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. 925 с.

Справочные и статистические материалы

61. Административно-территориальное деление Сибири. Справочник. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1966. 220 с.

62. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М., 1927–1929. 10 т. Вып. 3: Население СССР. 1927. 63 с.

63. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М., 1927–1929. 10 т. Вып. 10: Население Союза ССР по положению в занятии и отраслям народного хозяйства. 1929. 250 с.

64. Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929. 179 с. (ЦСУ. СССР. Сектор социал. статистики. Отд. статист. социал. состава и движения населения. Т. 1. Вып. 2).

65. Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973: стат. сборник. М., 1975. 208 с.

66. Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. 804 с.

67. Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926–1927. Таблицы смертности. М.–Л.: Планхозгиз, 1930. 139 с.

Источники личного происхождения

68. Попов И. Я. «Свои дневники я рассматриваю как оценку рядового гражданина плененной России…». URL: https://corpus.prozhito.org/person/54 (дата обращения: 02.06.2025).

Литература

69. 1929: «Великий перелом» и его последствия: материалы XII Международной научной конференции (Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г.). М.: РОССПЭН, 2020. С. 298–305.

70. Авторханов А. Технология власти. Frankfurt: Посев, 1976. 809 с.

71. Агамбен Д. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М., 2011. 146 с.

72. Алексеев В. В. Электрификация Сибири: Наука. Сиб. отд-ние, Ч. 1: 1885–1950 гг., 1973; Ч. 2: 1951–1970 гг. Ч. 2. 1976. 272 с.

73. Алексеев В. В., Исупов В. А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. 232 с.;

74. Аллен Р. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013. 391 с.

75. Арнаутов Н. Б. Образ врага народа в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект (декабрь 1934 – ноябрь 1938 г.) Новосибирск: НГУ, 2012. 251 с.

76. Аронсон Э. Общественное животное: введение в социальную психологию. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. 416 с.

77. Баландина Л. Г., Пыстина Л. И. Высшая техническая школа Сибири в годы социалистического строительства // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск: Изд-во Наука, 1980. С. 268–301.

78. Бордюгов Г. А. Политика чрезвычайных мер в решениях Политбюро ЦК ВКП(б) между «революцией сверху» и большим террором. 1930–1936 гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2011. № 2. С. 62–72.

79. Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. 352 с.

80. Валуев Д. В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.): На материалах Западного региона РСФСР: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Брянск, 2003. 273 с.

81. Васеха М. В. «Крестьянка грамотная»: ликбез в Западной Сибири и конструирование нового паттерна женского поведения в 1920-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 5. С. 150–160.

82. Вахитов Р. Р. Советская идеология. Опыт методологического марксизма [Электронный ресурс] // Красная Евразия: издание современных левых евразийцев. URL: http://redeurasia.narod.ru/biblioteka/vahitov11.html (дата обращения: 22.05.2019).

83. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

84. Великанова О. В. Разочарованные мечтатели: советское общество 1920-х годов. М.: РОССПЭН, 2017. 295 с.

85. Витковская М. И. Методические принципы изучения социальной напряженности (обоснование подбора методик) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2010. № 3. С. 41–52.

86. Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 429 с.

87. Воронина Н. Д. Социальная напряженность: концептуальная схема // Социологические методы в современной исследовательской практике: сборник статей, посвященный памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А. О.

Крыштановского [Электронный ресурс]. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. С. 22–28.

88. Восленский М. С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М.: Октябрь: Советская Россия, 1991. 624 с.

89. Галкин А. А. Общественный прогресс и мобилизационная модель развития // Коммунист. 1990. № 18. С. 22–33.

90. Геллер М. Я. Машина и винтики: история формирования советского человека. Overseas publications interchange ltd. London, 1985. 337 с.

91. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти = Utopiia u vlasti: История Совет. Союза с 1917 г. до наших дней. London: Overseas Publications, 1982. Vol. 1. 382 с.

92. Голиков Ю. И. Генеральная «чистка» советского аппарата Сибири в конце 20-х – начале 30-х гг. // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.). Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1994. С. 181–210.

93. Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. 4-е изд. М.: Политиздат, 1986. Кн. 1. 332 с.

94. Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. 4-е изд. М.: Политиздат, 1986. Кн. 2. 396 с.

95. Голубев А. В. Тоталитаризм как феномен российской истории XX века // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20–40-е гг.) М., 1999. С. 7–33.

96. Гончаров Д. В. Политическая мобилизация // ПОЛИС. 1995. № 6. С. 129–137.

97. Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002. 405 с.

98. Грациози А. Новые архивные документы советской эпохи: источниковедческая критика // Отечественные записки. 2008. № 5. С. 204–224.

99. Гудков Л. Идеологема врага. «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 7–79.[646]

100. Гусев Н. Н. Радикализм в социологическом измерении // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 17–21.

[646] Л. Д. Гудков 14.02.2025 г. внесен в реестр иноагентов.

101. Гущин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск: ЭКОР, 1996. 160 с.
102. Гущин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. 517 с.
103. Данилов В. П. К проблеме альтернатив 20-х годов // Этот противоречивый XX век: К 80-летию со дня рождения акад. Ю. А. Полякова / РАН, Отделение истории, Ин-т рос. истории / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М.: РОССПЭН, 2001. С. 217–239.
104. Данилов В. П. Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках: сб. ст. М.: Госполитиздат, 1963. 560 с.
105. Данилов В. П. Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. (Шестой) междунар. симпоз. (15–16 января 1999 г.). М.: Логос, 1999. С. 11–27.
106. Данилов В. П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М.: АН СССР, 1957. 451 с.
107. Демчик Е. В. Нэпманы: социально-профессиональные характеристики (на материалах Сибири) // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. 2014. № 41. С. 197–206.
108. Демчик Е. В. Частный капитал и государственная власть в Сибири на исходе НЭПа // Историко-экономические исследования. 2006. Т. 7, № 2. С. 110–123.
109. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. 553 с.
110. Добросердова И. И., Помаскин В. С. Вопросы рационализации питания горнорабочих калийных шахт // Гигиена и санитария. 1979. № 2. С. 80–81.
111. Дудник С. И. Сталинская модернизация как исторический опыт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 3. С. 394–405.
112. Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М.: НЛО, 2020. 456 с.
113. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.

114. Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии. М.: Худож. журн., 1999. 234 с.
115. Жиромская В. Б. После революционных бурь: Население России в середине 1920-х годов. М.: Наука, 1996. 158 с.
116. Заславская Т. И. «Новосибирский манифест» (1983 г.): О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии // Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. С. 17–40.
117. Заславский В. Л. Россия на пути к рынку: государственно-зависимые работники и популизм // Полис. 1991. № 5. С. 65–80.
118. Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» в свете новейших публикаций и документов // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. Вып. 4. С. 150–170.
119. Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. Ин-т рос. истории РАН / отв. ред. А. С. Сенявский. М.: Наука, 2006. 315 с.
120. Зубков К. И. Феномен мобилизационной экономики: историко-социологический анализ // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов Всероссийской научной конференции (Челябинск, 28–29 ноября 2009 г.) / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2009. С. 64–71.
121. Ивницкий Н. А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. (1929–1932 гг.). М.: Наука, 1972. 360 с.
122. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). М.: Интерпракс, 1994. 267 с.
123. Игнатьева Е. А. Женский протест как феномен радикального ответа политике насильственной этатизации сибирской деревни в первой половине 1930 г.// Идеи и идеалы. 2021. № 1. С. 457–475.
124. Игнатьева Е. А. Перевыборы Советов в 1928/1929 годах в оценке партийными органами Сибири // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 92–118. URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-06.pdf

125. Игнатьева Е. А. Трансформация деятельности полпредства ОГПУ по Сибири в первой половине 1930 гг. // Серовские чтения: взгляд молодых: материалы Всероссийской научной студенческой конференции, посвященной памяти выдающегося ученого Дмитрия Олеговича Серова (1963–2019 гг.) / отв. редакторы М. В. Кричевцев, М. С. Саламатова, Ю. И. Узбекова. Новосибирск, 2021. С. 182–190.

126. Игнатьева Е. А., Красильников С. А. «Бабьи бунты» как социальное протестное действие в Сибири (первая половина 1930 г.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Двенадцатые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: сборник научных статей / под ред. В. А. Скубневского, Д. С. Боброва. Барнаул: Азбука, 2019. С. 110–116.

127. Игнатьева Е. А., Шматов М. Ю. Образы социально-политических преобразований в СССР в зарубежной эмигрантской прессе (1929 – конец 1930-х гг.) // Интеллигенция и мир. 2021. № 1. С. 103–122.

128. Иконникова И. П., Угроватов А. П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 68–82.

129. Ильиных В. А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х гг.): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 47–58.

130. Ильиных В. А. Поездка Л. М. Кагановича в Сибирь в апреле 1930 г.: санация «головокружения» // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 52–56.

131. Ильиных В. А. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. 2012. № 1. С. 130–141.

132. Ильиных В. А. Урало-сибирский метод хлебозаготовок: поиски оптимального варианта // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2. С. 20–26.

133. Ильиных В. А. Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М.: РОССПЭН, 2010. 343 с.

134. Исаев В. И. Процессы модернизации в сфере быта рабочих Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937 годы) // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 47–55. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-04.pdf

135. Историческая энциклопедия Сибири. В 3-х т. Институт истории СО РАН. Издательство Историческое наследие Сибири / гл. ред. В. А. Ламин, редкол. С. С. Букин и др. Новосибирск, 2009. Т. 1. 715 с.

136. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В. А. Ламин; редкол. С. С. Букин и др.; Институт истории СО РАН. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2. 807 с.

137. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968–1969. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма / авт. И. М. Разгон, В. С. Познанский, Д. М. Зольников и др. 1968. 501 с.

138. Исупов В. А. Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 291 с.

139. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.

140. Исупов В. А. Социальные и природные факторы демографической катастрофы в Западной Сибири (начало 1930-х гг.) // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 138–150. URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-11.pdf

141. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация от начала до Великой Победы. М.: Эксмо: Алгоритм, 2004. 637 с.

142. Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М.: РОССПЭН, 2009. 327 с.

143. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 205 с.

144. Колодникова Л. П. Советское общество 20-х годов XX в. По документам ВЧК–ОГПУ. М.: Наука, 2009. 478 с.

145. Кондрашин В. В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. М.: Политическая энциклопедия, 2024. 663 с.

146. Кордонский С. Г. Ресурсное государство: сборник статей. М.: REGNUM, 2007. 108 с.

147. Кордонский С. Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006. 240 с.

148. Косцова Л. В. Динамика состава сибирского студенчества в 1920-е годы // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск: Наука, 1980. С. 219–248.

149. Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930 – начало 1950-х гг.). Новосибирск: Сова, 2008. 392 с.

150. Красильников С. А. Кризисы власти и трудовые конфликты в период нэпа // ЭКО. 2021. № 4 (562). С. 45–70.

151. Красильников С. А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе. 1917 – конец 1930-х гг.: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1998. 90 с.

152. Красильников С. А. Серп и Молох: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. 285 с.

153. Красильников С. А. Социальная напряженность и конфликтная динамика в раннесоветском обществе // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: материалы X Международной научной конференции (Москва, 5–7 декабря 2017 г.). М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2018. С. 782–796.

154. Красильников С. А. Сталинская модель социальной мобилизации: некоторые проблемы изучения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, № 10. С. 40–46.

155. Красильников С. А. Сфера труда Сибири в освещении ОГПУ: пролог «чрезвычайщины» (первая половина 1930 года) // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 56–68. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-05.pdf

156. Кузнецов И. С. На пути к «Великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психоисторические очерки). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. 233 с.

157. Кузнецов И. С. Сибирские «кондратьевцы» в годы «Великого перелома» // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.). Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1994. С. 150–181.

158. Лейбович О. Л. Социальные напряженности в позднюю сталинскую эпоху // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: материалы VII Междунар. науч. конф. (Тверь, 4–6 декабря 2014 г.). М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 25–35.

159. Лельчук В. С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии / АН СССР; Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1975. 312 с.

160. Максудов С. Некоторые проблемы оценки потерь населения в годы коллективизации // Демографическое обозрение. 2016. № 2 (3). С. 142–153.

161. Малышева М. П. Голод на юге Сибири в 1930 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 84–88.

162. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 456 с.

163. Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М.: Прогресс, 1990. 484 с.

164. Медушевский А. Н. Сталинизм как модель социального конструирования // Российская история. 2010. № 6. С. 3–29.

165. Мертон Р. К. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.

166. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.

167. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура М.: АСТ: Хранитель, 2006. 873 с.

168. Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993. 230 с.

169. Морозова Т. И. Бюро Сибирского краевого комитета РКП(Б)–ВКП(Б): компетенция, состав, формы и методы деятельности (май 1924 – август 1930 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 45–48.

170. Морозова Т. И. Сибирский краевой комитет РКП(б)–ВКП(б): численность и кадровый состав // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 1: История. С. 103–108.

171. Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984. 167 с.

172. Население Советского Союза 1922–1991 / под. ред. А. Г. Волкова. М.: Наука, 1993. 143 с.

173. Наша малая родина: хрестоматия по истории Новосибирской области, 1921–1991 / сост. В. И. Баяндин, В. А. Ильиных, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов и др. Новосибирск: ЭКОР, 1997. 768 с.

174. Некрылов С. А., Фоминых С. Ф., Шандала Д. Е. Студенты медицинского факультета Томского государственного университета (1920–1930-е гг.) // Сибирский медицинский журнал. 2014. Т. 29, № 2. С. 91–98.

175. Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. 283 с.

176. Нилов В. З., Терюшков Г. А. Университетское образование в Сибири (1917–1941 гг.) // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск: Изд-во Наука, 1980. С. 249–267.

177. Ниточкин Ф. В. Проблема легитимности в политико-правовых учениях и избирательное право // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2 (28). С. 29–37.

178. Новикова И. И., Михеев В. Н., Мингазов И. Ф. и др. Из истории создания и развития санитарно-эпидемиологической службы Новосибирской области // Здоровье населения и среда обитания – ЗНиСО. 2022. Т. 30, № 7. С. 80–83.

179. Ноув А. Экономическая стратегия коммунизма. Рост и возможности Советского союза. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 116 с.

180. Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 459 с.

181. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.

182. Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 1997. 273 с.

183. Папков С. А. Тройки ОГПУ–НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. статей. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 128–154.

184. Политическая наука: Словарь-справочник / сост. И. И. Санжаревский. 2010. URL: http://niv.ru/doc/dictionary/political-science/fc/slovar-200-1.htm#zag-899 (дата обращения: 01.06.2025).

185. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 232 с.

186. Потапова Н. А. Характер безработицы в СССР в 1920-е годы: идеологическая доктрина и экономическая реальность // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 134–141. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ ISTKURIER-2021-6-11.pdf

187. Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975. 281 с.

188. Рынков В. М., Арсентьев Н. М., Красильников С. А. и др. Круглый стол «Опыт индустриализации в СССР: замыслы, особенности проведения, итоги» // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 4. С. 5–16.

189. Савин Н. Ю. Легитимность власти в России в условиях социетальной инволюции // Бизнес. Общество. Власть. 2012. № 12. С. 45–64.

190. Саламатова М. С. Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х – 1936 гг.: На материалах Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2002. 292 с.

191. Сенявский А. С. Советская мобилизационная модель развития как инструмент индустриальной модернизации и экономического роста: институциональный аспект // Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург, 2019. С. 90–93.

192. Сенявский А. С. Социальная динамика России в XX веке // Этот противоречивый XX век: К 80-летию со дня рождения акад. Ю. А. Полякова / отв. ред. Г. Н. Севостьянов; РАН, Отделение истории, Ин-т рос. истории. М.: РОССПЭН, 2001. С. 283–297.

193. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М.: Мир истории, 2003. 296 с.

194. Скотт Дж. Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005. 566 с.

195. Скотт Дж. Оружие слабых: повседневные формы крестьянского сопротивления. М.: Циолковский, 2025. 533 с.

196. Сметанина В. В. Культура повседневности сибирского рабочего: 1920-1930-е гг.: автореф. дис. … канд. культурологии: 24.00.01. Кемерово, 2006. URL:

https://www.dissercat.com/content/kultura-povsednevnosti-sibirskogo-rabochego-1920-1930-e-gg (дата обращения: 01.03.2025).

197. Смешанное общество: Российский вариант / отв. ред. Л. В. Никифоров. М.: Наука, 1999. 326 с.

198. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): коллективная монография / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013. 419 с.

199. Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1930 – весна 1931 г. / сост. С. А. Красильников, В. Л. Кузнецова, Т. Н. Осташко и др. Новосибирск: Наука, 1992. 283 с.

200. Степичев И. С. Победа ленинского кооперативного плана в восточносибирской деревне. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 742 с.

201. Степнов А. О., Некрылов С. А. «Пролетаризация» в раннесоветской высшей школе: опыт Томского университета // Уральский исторический вестник. 2023. № 1. С. 65–73.

202. Тепляков А. Г. «Отработанный материал»: массовая ликвидация секретной агентуры советских спецслужб в 1920–1930-е годы // Российская история. 2013. № 4. С. 101–115.

203. Тепляков А. Г. Органы ОГПУ-НКВД-НКГБ в Сибири: структура и кадры (1929–1941 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2011. 27 с.

204. Тепляков А. Г. Инфернальная карнавализация: «черный юмор» партизан и чекистов 1920–1930-х гг. // Идеи и идеалы. 2013. Т. 1, № 3 (17). С. 105–116.

205. Тепляков А. Г. Деятельность органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты. Новосибирск.: НГУЭУ, 2018. 434 с.

206. Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ – НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый хронограф, 2008. 608 с.

207. Тимофеева А. А. Проблемы становления и развития российской государственности. М.: Флинта: МПСИ, 2009. 182 с.

208. Троценко Н. Д. Двадцатипятитысячники в Сибири (1929–1933 гг.) // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): коллективная

монография / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013. С. 109–177.

209. Тощенко Ж. Т. Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 844 с.

210. Тюрин А. О. Предикторы рабочего протеста в СССР в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.: социальная идентичность и самоэффективность (на материалах Нижневолжского региона) // Современные исследования социальных проблем. 2022. Т. 14, № 1. С. 14–36.

211. Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2009. 242 с.

212. Федосов Е. А. Советская визуальная пропаганда и геополитическая идентичность населения СССР в условиях холодной войны, 1946–1964 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2018. 24 с.

213. Фельдман М. А. Могла ли экономика нэпа стать основой Индустриального проекта // ЭКО. 2021. № 3 (561). С. 59–80.

214. Фельдман М. А. Власть, ученые, хозяйственники, рабочие СССР в годы Первой пятилетки: проблема взаимоотношений. Екатеринбург: Уральский ин-т управления, 2022. 314 с.

215. Фельдман М. А. Феномен ударничества в промышленности СССР как составная часть «Великого перелома» // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 87–98. DOI: 10.15372/HSS20230410.

216. Фоминых С. Ф., Шандала Д. Е. «Чистка» студентов в Томском государственном университете в конце 1920-х гг. как элемент пролетаризации высшей школы // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 177–182.

217. Фонотов А. Г. Россия от мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993. 271 с.

218. Фромм Э. Бегство от свободы. Минск: Попурри, 1998. 672 с.

219. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.

220. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Изд-во АСТ, 2012. 317 с.

221. Хлевнюк О. В. Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 295 с.

222. Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: АСТ: Corpus, сор. 2015. 464 с.

223. Холквист П. «Осведомление – это Альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистка: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С. 45–93.

224. Чернышева Н. В., Ажигулова А. И. Смертность населения Советской России в 1920–1930-е годы: основные исследовательские проблемы, факторы и тенденции // Исторический курьер. 2024. № 3 (35). С. 41–53. URL: http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-3-03.pdf

225. Чешков М. А. Развивающийся мир и посттоталитарная Россия. М.: Наука, 1994. 171 с.

226. Шильникова И. В. Забастовки в советской промышленности в годы первой пятилетки (по материалам информационных обзоров и сводок ОГПУ) // Экономическая история. 2016. № 4 (35). С. 80–89.

227. Шихардин Н. В. Концепция этатизации: А. Лефевр и Л. Альтюссер // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2008. Т. 6, № 3. С. 166–171.

228. Шишкин В. И. Поездка И. В. Сталина в Сибирь // Проблемы истории аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI в.: материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. В.А. Ильиных. Новосибирск, 2009. С. 41–46.

229. Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 526 с.

230. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. 326 с.

231. Шульц В. Л., Любимова Т. М. «Деревянный язык» как зеркало революции // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 136–145.

232. Arendt H. The Origins of Totalitarianism. New York: Schocken, 1951. 477 p.

233. Brandenberger D. Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination and Terror Under Stalin, 1928–1941. New Haven: Yale University Press, 2011. 357 p.

234. Conquest R. The Great Terror: Stalin’s Purge of the Thirties. New York: Macmillan. 1968. XIV, 633 p.

235. Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 236 p.

236. Filtzer D. Stalinism and the Working Class in the 1930s // Politics, Society and Stalinism / ed. Channon. P. 163–184.

237. Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York: Oxford University Press, 1994. 386 p.

238. Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism: ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s. New York: Oxford University Press, 1999. 288 p.

239. Friedrich C. J., Brzezinski Z. K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956. XIV, 346 p.

240. Kenez P. The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929, Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 308 p.

241. Malthaner S. Radicalization The Evolution of an Analytical Paradigm in: European journal of sociology // European Journal of Sociology. 2017. Vol. 58, No. 3. P. 369–401.

242. Merl S. Collectivization and socialist agriculture (1917–1992): Revised comparison of the Soviet and East-European experience. Part I. Soviet collectivization under Stalin (1925–1953) // The Russian Peasant Studies. 2025. Vol. 10, № 2. P. 6–36.

243. Rolf M. Soviet mass festivals, 1917–1991. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2013. 324 p.

244. Schmid A. P. “Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review” // The International Centre for Counter-Terrorism – The Hague 4. 2013. No. 2. DOI: http://dx.doi.org/10.19165/2013.1.02

245. Thelen K., Steinmo S. Historical Institutionalism in Comparative Politics // Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis / ed. by S. Steinmo, K. Thelen, F. Longstreth. Cambridge, 1992. P. 1–32.

246. Torres G. M. State violence // The Cambridge handbook of social problems. 2018. Vol. 2. P. 381–398.

Приложения

Приложение № 1

Процесс радикализации по Шмиду

Состояние покоя	
Режимный актор (государство)	**Нережимный (негосударственный) актор**
Политика убеждения	
Верховенство закона (правление, узаконенное традицией, обычаями, конституционными процедурами, политика взаимных уступок)	Конституционная оппозиционная политика (формирование оппозиционной прессы и партий, митинги, предвыборная борьба, судебные разбирательства)
Политика давления	
Угнетение / манипулирование конкурентным избирательным процессом, цензура, слежка, преследование, дискриминация, злоупотребление чрезвычайным законодательством	Внепарламентские действия (вкл. ненасильственные действия, такие как социальный протест для политического убеждения правителей и масс; демонстрации, чтобы показать силу общественной поддержки; забастовки, бойкоты, отказ от сотрудничества, гражданское неповиновение и другие формы политики давления, кроме насилия)
Насильственная политика	
Насильственные репрессии для (поддержания) контроля над государственной властью. Политическое судопроизводство, массовые аресты, запреты, депортации, заказные/политические убийства (а также покушения). Государственный терроризм (пытки, «эскадроны смерти», похищения, концентрационные лагеря), массовые убийства, борьба с повстанцами	Применение насилия для оспаривания государственной власти. Уничтожение имущества, саботаж, поджоги, убийства (индив. политическое убийство), терроризм (деиндивидуализированное политическое убийство), неизбирательные массовые убийства, мятежи
Состояние гражданской войны	

Составлено по: Schmid A. P. “Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review”, The International Centre for Counter-Terrorism – The Hague 4, no. 2 (2013). DOI: http://dx.doi.org/10.19165/2013.1.02

Примечание: рассматривать процесс радикализации нужно сверху вниз.

Приложение № 2

Доля городского населения в административно-территориальных единицах Сибирского края на 1 января 1930 г.

Названия округов	**Численность городского населения в тыс. чел. (%)**	**Общая численность населения (в тыс. чел. (%))**
Юго-Западная Сибирь		
Омский	222,7 (18,1)	1228,4 (100)
Барабинский	38,5 (6)	636,5 (100)
Славгородский	24 (4,9)	488 (100)
Каменский	27,2 (5,9)	459 (100)
Новосибирский	178,3 (19,6)	909,4 (100)
Барнаульский	96,8 (12,5)	771,7 (100)
Рубцовский	33 (7)	469,5 (100)
Бийский	53,1 (6,5)	814,5 (100)
Ойротская автономная область	8 (7,2)	111 (100)
Итог	682 (11,6)	5888 (100)
Северо-Восточная Сибирь		
Томский	187,8 (22,1)	848,3 (100)
Ачинский	40 (8,6)	465,2 (100)
Красноярский	113,7 (17,7)	424,1 (100)
Кузнецкий	156,7 (27,7)	564 (100)
Хакасский	20,5 (18,3)	112,3 (100)
Минусинский	30,5 (8,5)	357,8 (100)
Канский	45,2 (9,3)	487,8 (100)
Иркутский	186,7 (27)	694,7 (100)
Киренский	7,7 (13,4)	57,5 (100)
Итог	791 (20)	4035,7 (100)

Составлено по: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 2–3.

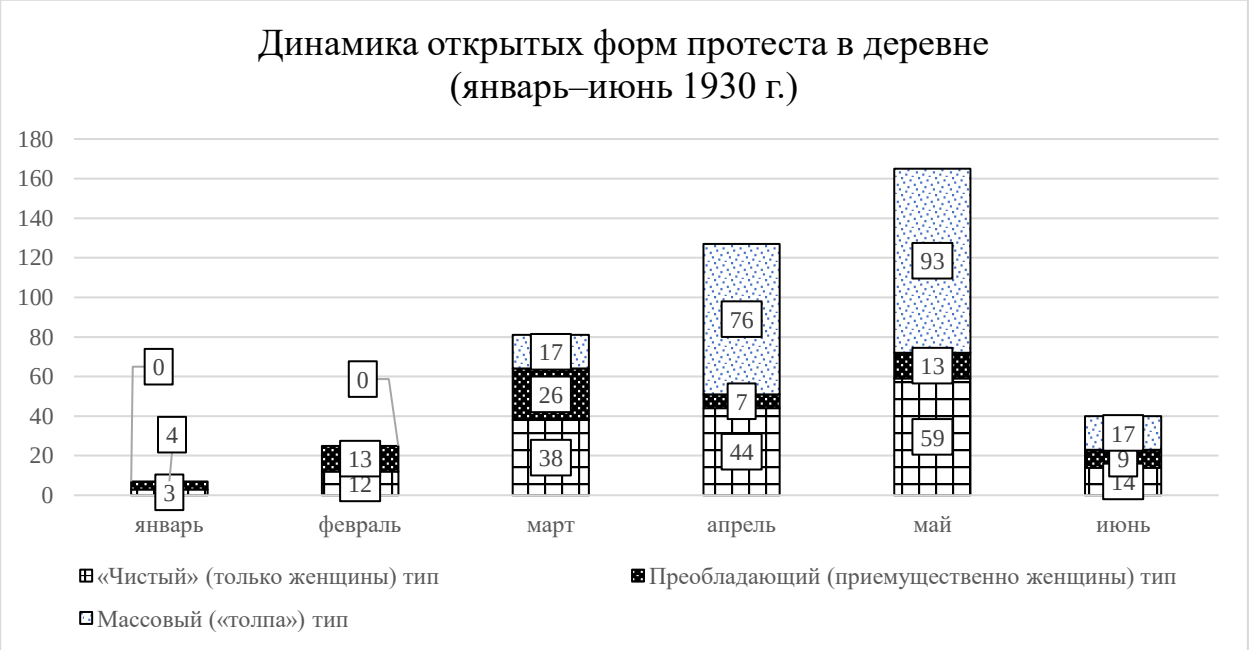
Приложение № 3

Движение заразных заболеваний по городам Сибирского края за 1924 –1928 гг.

Годы	Тифы		Малярия	Оспа натурал.	Корь	Скарлатина	Дифтерия	Грипп	Дизентерия	Трахома	Туберкулез легких	Сифилис		Гонорея	Цинга	Всего
	Брюшной	Сыпной										Первичный	Вторичный			
1924	**2161**	1675	76451	474	**9647**	2989	**1211**	**49203**	6392	**12277**	**21272**	1540	9471	**7889**	**463**	**213192**
1925	**1569**	722	77761	273	**8848**	5738	**1233**	**45914**	4192	**14758**	**25967**	12525		**11372**	**312**	**220367**
1926	**2277**	416	46285	479	**5883**	5954	**1058**	**87503**	4783	**18199**	**24167**	1400	8538	**11378**	**396**	**238798**
1927	**1842**	303	37047	127	**9364**	5043	**1085**	**74972**	4339	**14327**	**19213**	1409	4923	**11149**	**429**	**199306**
1928	**3188**	199	29856	142	**11207**	5325	**1760**	**89834**	2641	**17554**	**22079**	1232	4588	**12413**	**539**	**216329**

Составлено по: Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск: Статсектор Крайплана, 1930. С. 786–789.

Приложение № 4



Составлено по: ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7.

Приложение № 5

Составлено по: ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 7.